

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

ЧЕРНЯВСКИЙ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ

**КОНЦЕПЦИЯ РЕФОРМИРОВАНИЯ ИЗЪЯТИЯ
ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ГОРНОЙ РЕНТЫ В
НЕФТЕДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РОССИИ.**

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

08.00.10. – Финансы, денежное обращение и кредит

**Диссертации на соискание ученой степени
доктора экономических наук**

МОСКВА – 2013

ПЛАН

Введение.....	4
1 Сущность ренты и место рентных доходов в структуре цены в добывающей промышленности.....	14
1.1 Воззрения на сущность ренты классиков политической экономии.....	14
1.2 Современная трактовка сущности ренты.....	41
1.3 Структура цены и место рентных доходов в ней (расчет падения рентабельности от добычи нефти до ее продажи).....	85
Выводы.....	105
2. Причины образования дифференциальной горной ренты и методики расчета ее размеров.....	108
2.1 Причины образования дифференциальной горной ренты и виды квазиренты.....	108
2.2 Методики определения размеров природно-ресурсной ренты	130
Выводы.....	153
3. Инструменты изъятия распределения и перераспределения рентных доходов.....	156
3.1 Инструменты изъятия рентных доходов (фиксированные (рентные) платежи, существующие системы налогообложения нефтедобычи в России и за рубежом).....	156
3.2 Инструменты распределения и перераспределения дифференциальной горной ренты (расчетные цены; полярные платежи; соглашения о разделе продукции).....	211
Выводы.....	234
4. Рента на макроуровне и построение механизма ее изъятия в бюджет.....	236
4.1 Доказательство возможности расчета горной ренты на макроуровне и разработка условий использования полученных результатов для оптимизации	

налоговой нагрузки на соответствующем уровне.....	236
4.2 Построение механизма изъятия в федеральный бюджет горной ренты.....	246
4.3 Сравнение изъятия горной ренты при использовании НДС и с помощью предлагаемого механизма ее изъятия	268
4.4 Институциональные основы организации расчетного центра в механизме изъятия в бюджет горной ренты.....	280
Выводы.....	295
Заключение.....	302
Список использованной литературы.....	314
Приложения.....	342

ВВЕДЕНИЕ

В современных условиях преобладающая часть доходов федерального бюджета России формируется за счет налогов и платежей нефтегазового комплекса (см. приложение 1) и других сырьевых отраслей. При этом основными инструментами, с помощью которых производится изъятие рентных доходов указанных отраслей в бюджет государства, являются налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и вывозная таможенная пошлина, которой облагаются только экспортируемые сырьевые ресурсы.

Вывозная таможенная пошлина превосходит НДПИ по величине (см. приложение 1 и 2) и значительно лучше справляется с изъятием рентных доходов, складывающихся под воздействием различий между ценами мирового рынка и внутренними ценами. Однако это ставит наполняемость бюджета в прямую зависимость от конъюнктурных факторов мировых рынков сырья, соотношения валютных курсов и т.д.

Налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ), в свою очередь, призван изымать у недропользователей дифференциальную природно-ресурсную (горную) ренту, которая достаточно постоянна по размерам, принадлежит собственнику недр – государству и способна обеспечить стабильность поступления денежных ресурсов в федеральный бюджет. Но так как плоская шкала НДПИ совершенно не учитывает конкретные природные условия добычи полезных ископаемых, то налог на добычу полезных ископаемых в том виде, в котором он используется сейчас, не может обеспечить полноты сбора горной ренты в собственность государства.

Следует отметить, что в таком виде НДПИ больше приспособлен к изъятию абсолютной ренты – ренты редкости, которая может образовываться на всех месторождениях, в том числе – на замыкающих.

При этом данное положение серьезно обостряется в связи с тем, что интересы государства и нефтяных компаний по поводу горной ренты кардинально различаются. Использование трансфертного ценообразования, занижение налогооблагаемой базы и т.д., приводит к положению, при

котором значительная часть горной ренты уводится от налогообложения и остается в составе ресурсов указанных компаний, хотя собственником недр, как уже отмечалось, является государство. В этой связи основным принципом распределения доходов в нефтедобыче должно стать: рента – государству, прибыль – нефтяным компаниям (за минусом налога на прибыль).

Цель и задачи исследования.

Целью диссертационного исследования является реформирование изъятия дифференциальной горной ренты в нефтедобывающей промышленности России.

Следует отметить, что каждая из добывающих отраслей сырьевого сектора имеет значительные отличия в конкретных причинах образования горной ренты. В то же время остальные рентные отношения, складывающиеся в процессе изъятия (распределения) и использования данного рентного дохода, являются общими для всех добывающих отраслей. В связи с этим, все, что говорится о государственном регулировании рентных отношений в нефтедобывающей промышленности, может быть распространено и на все прочие отрасли сырьевого сектора экономики.

Реформирование изъятия дифференциальной горной ренты (цель диссертационного исследования) определила его основные задачи:

- рассмотреть классические и современные воззрения на сущность горной ренты, с целью выявления того из них, который в наибольшей мере соответствует ее экономическому содержанию;
- определить причины образования горной ренты в добывающей промышленности (нефтедобыче);
- выявить структуру цены в нефтедобыче и определить место рентных доходов в ней;
- рассмотреть существующие методики расчета горной ренты, выявить их достоинства и недостатки;

– рассмотреть основные инструменты изъятия, распределения и перераспределения дифференциальной горной ренты и определить возможности их использования в современных условиях;

– предложить методические основы определения сумм горной ренты, основанные на учете конкретных природных условий добычи полезных ископаемых (его качества), или показателей, их отражающих;

– разработать механизм, обеспечивающий максимально полное и своевременное поступление горной ренты в бюджет страны и его институциональную организацию;

– разработать методические основы определения размеров и принципы распределения квазиренды в нефтедобывающей промышленности;

– определить правомерность передачи права собственности на нефть недропользователям после ее добычи;

– разработать направления применения горной ренты для обеспечения финансирования геологического изучения недр (восполнение МСБ) и инвестиционного развития в нефтедобывающей промышленности России.

Объект исследования – совокупность рентных отношений в нефтедобывающей промышленности России.

Предмет исследования – механизм изъятия горной ренты в федеральный бюджет на примере нефтедобывающей промышленности России.

Степень разработанности проблемы. Изучение природной ренты началось с анализа сущности земельной ренты. Теория земельной ренты получила свое развитие в трудах представителей классиков политической экономии, таких как У. Пети, Дж. Андерсон, А. Смит, Д. Риккардо, К. Маркс и др.

Значительный вклад в развитие теории рентообразования внесли неоклассики и маржиналисты – такие как А. Маршалл, Дж. С. Милль, Дж.Б. Кларк и др. Именно благодаря им, теория рентообразования значительно расширилась за счет других видов рентных доходов. Так,

А. Маршалл рассматривал земельную ренту как «...разновидность длинного ряда явлений» [143, Т. II. С.102].

Их исследования нашли свое продолжение в трудах советских ученых-экономистов, таких как Л.В. Канторович, С. Г. Струмилин, В.С. Немчинов, Н.В. Володомонов, В.К. Шкатов и другие.

Значителен вклад представителей современной отечественной экономической науки, изучающих всю совокупность рентных отношений в сырьевом секторе экономики. Так Д.С. Львов, С.Ю. Глазьев и ряд других ученых занимались изучением рентных отношений на отраслевом уровне и на уровне экономики в целом. С.А. Андриюшин, В.А. Волконский, А.А. Голуб, В.И. Данилов-Данильян, С.А. Кимельман, В.А. Крюков, А.И. Кузовкин, Б.Н. Кузык, А.В. Ложникова, Е.В. Моргунов, А.Ф. Мудрецов, О.А. Николайчук, А.К. Пителин, Ю.В. Разовский, Л.Г. Хазанов и др. исследовали различные проблемы в области горной ренты – от определения сущности ренты, ее оценки, механизмов изъятия и распределения до разработки непосредственно институтов, и прежде всего правовых актов, определяющих государственное регулирование рентные отношения в недропользовании.

Несмотря на длительную историю исследований в области теории горной ренты, не все вопросы в данной области имеют однозначное теоретическое и практическое решение. Так, отсутствуют научно обоснованные классификации факторов образования горной ренты; методики определения ее размеров, эффективные механизмы изъятия в бюджет государства горной ренты и концепции их реформирования и пр.

Информационной базой исследования послужили статистические и прочие данные, необходимые для проведения анализа и обоснования разработанных предложений, отечественные и зарубежные справочные и специализированные периодические издания, материалы научных исследований отраслевых, учебных институтов и институтов Российской академии наук и российских нефтяных компаний – таких как: Институт

проблем рынка РАН, Институт научного прогнозирования РАН, компания ЛУКОЙЛ, и др.

Научная новизна работы

Научная новизна диссертационного исследования заключается в разработке концепции реформирования изъятия дифференциальной горной ренты. Указанная концепция включает в себя ряд основных положений, решение которых обеспечит обоснованную разработку конечного и главного ее элемента, являющуюся и целью всей данной работы - разработка механизма изъятия дифференциальной горной ренты в федеральный бюджет и необходимых инструментов, обеспечивающих его эффективное функционирование, а именно: обоснование сущности дифференциальной горной ренты; разработка методики определения расчетных цен; разработка предлагаемого механизма изъятия дифференциальной горной ренты в федеральный бюджет; разработка механизма деятельности расчетных центров, как институциональной основы функционирования предлагаемого механизма; обоснование неправомерности передачи права собственности на нефть недропользователям, и оставление ее в собственности государства; обоснование экономической целесообразности введения государственной монополии на внешнюю и внутреннюю торговлю нефтью.

Научные результаты, полученные лично автором

1. Обосновано, что поскольку в основе образования горной ренты лежит дифференциация природных условий добычи полезных ископаемых и (или) различия в качестве полезного ископаемого, величина горной ренты представляет собой функцию от этих различий. Исчисление горной ренты как разности между получаемой и нормальной прибылью не может решить задачи их учета.

2. Сформулированы принципы построения цены в нефтедобыче, основанной на суммировании замыкающих (худших) затрат и нормальной прибыли и рассмотрена ее структура (представлено место всех рентных

доходов и прочих компонентов в структуре рыночных цен в нефтедобывающей промышленности РФ).

3. Приведены расчеты падения рентабельности нефти от момента ее добычи до реализации нефти потребителю (по данным компании «ЛУКОЙЛ»). Проведенный расчет показал, что самое значительное падение рентабельности нефти на этапе реализации ее потребителю, на котором не может быть никаких значимых затрат, это может быть объяснено лишь тем, что с целью присвоения горной ренты, компании применяют специальные схемы налоговой оптимизации, трансфертные ценообразование и прочие методы, позволяющие компаниям уходить от налогообложения;

4. Доказана принципиальная возможность расчета дифференциальной горной ренты на макроуровне с целью определения возможностей ее максимального изъятия. По полученной формуле проведены расчеты суммарных размеров горной ренты в крупной нефтяной компании «ЛУКОЙЛ», исходя из замыкающих (фактических) и средних удельных затрат на добычу нефти.

Однако проведенный расчет не позволяет сделать вывод о том, как соотносятся горная рента по группе «ЛУКОЙЛ» с величиной налогов, призванных изымать ее (НДПИ) и возможно ли увеличение налоговой нагрузки по рассматриваемой группе за счет дополнительного изъятия горной ренты. Это связано с тем, что цены на нефть строятся не на базе замыкающих затрат, а по какому то иному принципу. Если мы сравним данные о затратах на добычу углеводородов и суммы выплаченного налога на добычу полезных ископаемых, то увидим, что затраты на добычу углеводородов по группе «ЛУКОЙЛ» в несколько раз меньше сумм выплаченного налога на добычу полезных ископаемых. Это показывает, что установленная ставка НДПИ не имеет никакого отношения к реальным размерам горной ренты и значительно повышает цены на сырую нефть и нефтепродукты.

5. В диссертационном исследовании разработан основной элемент концепции реформирования - механизм изъятия в бюджет дифференциальной горной ренты, в основе которого лежат принципы организации функционирования расчетных цен. При этом определение уровня расчетной цены, по которой будет выкупаться нефть, может вестись как по каждому отдельному месторождению или по их группам. Размер расчетной цены будет рассчитываться на базе эксплуатационных и прочих нормативных затрат, соответствующих технологии, применяемой на данном месторождении, или их группе. При этом предполагается, что близкие по значениям нормативные затраты на добычу соответствуют сходным природным условиям добычи месторождений одной группы. В связи с этим, для всех месторождений данной группы предлагается устанавливать единую цену на нефть на базе среднегрупповых нормативных затрат на добычу. Если месторождение, в силу особенностей природных условий добычи, нельзя включить в какую-нибудь группу, то для него будет устанавливаться индивидуальная расчетная цена, установленная на базе нормативных затрат, соответствующих используемой технологии добычи.

6. Для организации деятельности предлагаемого механизма, следует создать специальный расчетный центр (систему расчетных центров), который будет расплачиваться с отдельными месторождениями и с месторождениями соответствующей группы по установленной расчетной цене, а продавать ее потребителям по рыночной (единой или зональной) цене. Механизм деятельности расчетного центра или их системы также явится важным элементом концепции реформирования изъятия горной ренты. В этих условиях можно разделить функции, связанные с оплатой добычи нефти и ее продажей и установлением соответствующих расчетных цен между расчетным центром, который будет заниматься операциями с нефтью и их документальным оформлением и налоговыми органами, которые будут устанавливать уровень соответствующих расчетных цен. При этом, разница между ценой, построенной на базе замыкающих затрат и

соответствующей расчетной ценой будет представлять собой ставку рентного платежа данного месторождения (размер дифференциальной горной ренты для тонны нефти, добытой на нем). Общая же сумма горной ренты данного месторождения будет рассчитываться как разница между стоимостью добытой на нем нефти в ценах, построенных на базе замыкающих затрат и в индивидуальных (среднегрупповых) расчетных ценах и будет перечисляться в федеральный бюджет. Таким образом, будет обеспечено неналоговое изъятие в бюджет горной ренты. При этом расчеты, проводимые в рамках действия предложенного механизма, позволяют также определить сумму квазиренты данного месторождения, которую целесообразно полностью или частично оставить в распоряжении недропользователя, с целью стимулирования его деятельности, направленной на повышение технологического уровня производства.

7. Предлагается оставлять право собственности на нефть в руках государства и не передавать ее нефтяным компаниям. Ведь, по сути дела, расчетная цена, которую предлагается устанавливать данному месторождению, фактически представляет собой цену добычи нефти на нем. Почему же, если оплачиваются, с соответствующей прибылью, только затраты на добычу, право собственности на нефть должно переходить к нефтяной компании? Тогда отпадает необходимость учета качества добытой нефти, так как природная рента, полученная за счет этого фактора, будет входить в рыночную цену на данный вид нефти, а осуществлять ее продажу будет государственный расчетный центр. Ренту по местоположению предлагается учитывать путем усредненной дифференциации региональных особенностей по этому фактору за счет установления зональных цен на нефть. Указанное предложение также явится важным элементом концепции реформирования изъятия горной ренты.

8. Еще одним элементом разработанной концепции является предложенное в диссертационном исследовании введение государственной монополии на внешнеторговые операции с нефтью, что станет серьезным

препятствием на пути вывоза из страны капиталов. Кроме этого, введение монополии внешней торговли на нефть компенсирует часть потерь федерального бюджета от ликвидации НДС.

9. Предложенный в диссертационном исследовании механизм, в основе которого лежат принципы организации функционирования расчетных цен, исправляет недостатки использования налога на добычу полезных ископаемых, связанные с применением его плоской шкалы. Расчет цен, по которым будет производиться оплата добычи нефти месторождений или их групп со сходными природными условиями добычи на базе нормативных, соответствующих применяемой технологии, затрат будет соответствовать дифференциации ставок НДС в соответствии с конкретными природными условиями добычи.

10. Предлагается часть горной ренты, которая будет аккумулироваться в расчетном центре (расчетных центрах) для передачи ее в федеральный бюджет, использовать для организации специальных фондов, предназначенных для решения задач, особенно остро стоящих перед нефтедобывающей промышленностью и которые она не может решить за счет средств, остающихся в ее распоряжении. Так, предложено создать при указанных центрах специализированные фонды с целью воспроизводства МСБ и инновационного развития отрасли.

Апробация полученных результатов

Важнейшие научные и практические результаты диссертационного исследования докладывались на научных конференциях и семинарах в Государственном университете управления и Институте проблем рынка РАН: Fourth Russian Chinese International Conference on Management – 1996; «Актуальные проблемы управления – 2001», «Актуальные проблемы управления – 2002» и «Актуальные проблемы управления – 2007»; научных конференциях «Львовские чтения – 2009г.» и «Львовские чтения – 2010г.»;

международной конференции «Институциональная экономика: развитие, преподавание, приложения – 2011.»; 1-м международном форуме «Региональные преобразования экономики: международное сотрудничество и межрегиональная интеграция» 25-26 сент. 2012.;

Научное и практическое значение.

Научные результаты диссертационного исследования, уточняют и дополняют экономические воззрения на проблемы рентообразования и совершенствование государственного регулирования рентных отношений в отношении горной ренты.

Практические результаты диссертационного исследования могут использоваться соответствующими органами управления при подготовке предложений по совершенствованию государственного регулирования рентных отношений в стране.

Научная новизна диссертационного исследования относится к следующим пунктам паспорта специальности: 1.9. Финансовое обеспечение потребностей расширенного воспроизводства; 1.10. Финансовое стимулирование эффективного использования всех видов экономических ресурсов; 2.9. Концептуальные основы, приоритеты налоговой политики и основные направления реформирования современной российской налоговой системы.

1. Сущность ренты и место рентных доходов в структуре цены в добывающей промышленности

1.1 Воззрения на сущность ренты классиков политической экономии

Выявление сущности горной ренты весьма важно с той точки зрения, что без решения данного вопроса невозможно установление прав собственности на нее и принципов, которыми необходимо руководствоваться при определении размеров горной ренты. В связи с этим, выявление сущности горной ренты, во многом, является теоретическим и начальным элементом концепции реформирования ее изъятия.

Исторически рента местоположения возникла раньше других видов рент, но земельная рента, явилась первой из известных экономических рент, с изучения которой началось осмысление проблем рентообразования. Земельная рента, по всей видимости, возникла одновременно с частной собственностью на землю. Некоторые экономисты находят упоминание о земельной ренте уже в Библии. Так, Малышев Б.С. отмечает, что у древних евреев земля «...принадлежала еврейскому племени (общинная собственность на землю – авт.), и передавалась мужчине (главе семьи) в пожизненное пользование. С его смертью земля у семьи забиралась. Отсюда возникло известное еврейское нравственное правило – после смерти главы семьи на вдове обязан был жениться неженатый брат умершего. Это правило сугубо экономическое, семье без главы семьи (мужчины) не выжить, нет земли» [141].

Другие находят ее присутствие в Римском праве. Так, Фадлалла А.Р. отмечает: «Рента, как юридическое явление существовала еще в римском праве. Первоначально признание этого института римским правом диктовалось стремлением превратить необработанные громадные участки земли в обработанные сельскохозяйственные фонды» [237, С. 32].

Теоретические воззрения на ренту, рентные доходы и рентиобразование как на экономическую категорию прошли весьма значительную эволюцию за развитием мирового хозяйства и общества: от (природной) земельной ренты до квазиренты. Одновременно с этим процесс изучения ренты и рентиобразования шел по пути изучения возможностей ее проявления в различных видах человеческой деятельности, и в первую очередь, напрямую не связанных с земледелием и использованием природных ресурсов. Исходя из этого, любой доход или его форма (например, арендная плата, прибыль и т.д.), в понимании современных ученых-экономистов может быть признан рентным, если его относительная величина значительно превышает, соответственно, нормальный или средний его уровень. Даже дополнительная прибыль, которую предприниматели получают, выигрывая концессионные конкурсы в отраслях естественных монополий, как считают отдельные экономисты, приобретает, в современных условиях, форму монопольной ренты или ренты победителя [144]. В свою очередь Разовский Ю. В. в своих книгах «Горная рента» и «Сверхприбыль недр» предлагал все более и более расширенную классификацию ренты на основе анализа условий ее возникновения. В следующей книге «Новые виды ренты», написанной еще коллективом авторов (Булат С., Савельева Е., Хадарцев В., Макаркин Ю. и др. под руководством Ю. В. Разовского) представлена еще более расширенная классификация ренты классификацию ренты, в ней, в частности, предлагаются следующие виды ренты (не полностью, при этом виды ренты классифицируются по типу, классу, виду и разновидности): кучновыщелачиваемая; рассольнохимическая; океаническая; озерная: соберательская грибная, ягодная, травная и др.; лунная; марсианская; метеоритная; орбитальная; биотопливная; термальная; приливная; ветровая; частотная; коммуникационная; телевизионная и т.д.[192] В 2011 году Ю. Разовский, Ю. Макаркин и А. Икаев предложили новый вид ренты – космическую [195]. Кстати, по этому поводу Ложникова А.В. совершенно справедливо пишет, что в современной отечественной

научной литературе: «...выделяют еще очень широкий круг самых разнообразных видов ренты и рентообразующих ресурсов, весьма далеких по своему экономическому содержанию от факторов производства. ... Таким образом, в новых классификациях ренты первичный характер производства ренты оказался практически утраченным»[132, С. 13-14].

Становление теории ренты не имело характера прямого и поступательного развития. Например, Н.П. Маслова и Э.Ю. Щипанов указывают на изолированность развития различных направлений исследования в данной области: «Так, многими известными теориями ренты незаслуженно игнорируется вопрос использования пространства и размещения производства, неразрывно связанный с рентной проблематикой. Хотя еще в начале XIX в. И.Г. Тюнен предложил способы стирания различий в экономических условиях использования земель с помощью ренты по местоположению, а также методы оптимизации размещения сельскохозяйственных предприятий на основе предельных издержек. Дальнейшее развитие это направление получило лишь в работах немецкой школы и у отечественных исследователей. Пренебрежение указанными теориями, отмеченное еще А. Маршаллом, поразило М. Блауга, охарактеризовавшего подобное положение вещей как следствие «консерватизма и зашоренности мышления». По этой причине становление теории ренты представляет загадку для историков экономической науки: авторство многих ее положений, принятых и сегодня или же отвергнутых в прошлом, хотя и периодически реанимируемых в настоящем, по сей день остается спорным. Так, И.К. Родбертус считал себя исключительным автором теории абсолютной ренты, которая традиционно ассоциируется с именем К.Маркса. А многие элементы рентной теории Дж. Андерсона в качестве «репродукции» появились в работах «профессионального плагиатора» Т. Мальтуса и через его посредство дошли до Д. Рикардо, который, по мнению ряда ученых, к теории ренты Дж. Андерсона добавил не очень много, вследствие чего решение проблемы земельной ренты

«представляет одну из наименее самостоятельных частей его доктрины»»[145, С. 18].

Как далее указывают Н.П. Маслова и Э.Ю. Щипанов: «Именно поэтому практически для любой «новаторской» идеи в области изучения земельной ренты предпосылки при глубоком исследовании могут быть обнаружены в анналах экономической мысли. Это позволило в свое время К.Марксу утверждать, что всякая новая попытка объяснить земельную ренту «по-новому» всегда заключается в том, что возвращаются обратно к точке зрения, которая уже давно была преодолена»[145, С. 20].

Рассмотрим, как начиналось изучение рентной проблематики и как оно продолжается в сегодняшние дни.

Одним из самых ранних классических экономистов, начавших, изучение феномена ренты стал У. Петти (1623 - 1687гг). В своей основной работе «Трактат о налогах и сборах» опубликованной в 1662г. У. Петти писал: «Прежде чем распространяться о ренте, мы должны объяснить таинственную природу как денежной ренты, называемой процентом (*usury*), так и ренты с земель и домов»[186, Т. I. С. 31].

То есть, как видно из данной цитаты У. Петти считал рентным доходом и плату за землепользование, и аренду за пользование строениями и банковский процент за полученный кредит. То есть рента, по своей сути, это доход, полученный за аренду земли, машин и зданий. В свою очередь банки ссужают на оговоренное время капитал, и получают за пользование им процент. Таким образом, банковский процент, по мнению У. Петти, есть тоже рентный доход.

У. Петти предлагал также и метод определения размеров земельной ренты. «Допустим, что кто-нибудь может собственными руками возделывать, окопать, вспахать, взборонить, засеять, сжать определенную поверхность земли и, как это требует земледелие, сvezти, вымолотить, вывезть хлеб, на ней выросший, и допустим, что он располагает достаточным запасом семян, чтобы засеять поле. Если он из жатвы вычтет зерно, употребленное им для

обсеменения, а равно и все то, что он употребил и отдал другим в обмен на платье и для удовлетворения своих естественных и других потребностей, то остаток хлеба составляет естественную и истинную земельную ренту этого года; и среднее из семи лет или, вернее, из того ряда лет, в течение которого недороды чередуются с урожаем, дает в виде зернового хлеба обычную ренту» [186, Т. I. С. 33].

Таким образом, в соответствии с данной цитатой У. Петти, земельная рента представляет собой остаток продукта, произведенного землей после возмещения прочих израсходованных элементов производства, таких как труд и капитал (т.е. расходы на семена и расходы на воспроизводство рабочей силы). Однако определяя, таким образом, величину земельной ренты, Петти получал сумму ренты и прибыли.

Кроме этого У. Петти отмечает и земельную ренту по местоположению. «Поблизости от населенных мест, для пропитания которых нужны большие районы, земли не только приносят на этом основании более высокую ренту, но и стоят большей суммы годовых рент, чем земли совершенно такого же качества, но находящиеся в более отдаленных местностях» [186, Т. I. С. 37].

Следует отметить, что Н.П. Маслова и Э.Ю. Щипанов отмечают, что «...в работе У. Петти, хотя бы кратко и вскользь, содержится понятие о дифференциальной ренте» [145, С. 19].

Адам Смит, рассматривал земельную ренту, как продукт собственности на землю. Так, А. Смит в своей главной работе, которая вышла в свет в 1776г. «Исследование о природе и причинах богатства народов» писал: «Рента, рассматриваемая как плата за пользование землей, естественно, предоставляет наивысшую сумму, какую в состоянии уплачивать арендатор при данном качестве земли. Устанавливая условия договора, землевладелец стремится оставить арендатору лишь такую долю продукта, которая достаточна для возмещения капитала, затрачиваемого им на семена, на оплату труда, покупку и содержание скота, а также остального

сельскохозяйственного инвентаря, и для получения обычной в данной местности прибыли на вложенный в сельское хозяйство капитал. Это, очевидно, наименьшая доля, которою может удовлетвориться арендатор, не оставаясь в убытке, а землевладелец редко имеет в виду оставить ему больше. Всю ту часть продукта, или, что то же самое, всю ту часть его цены, которая остается сверх этой доли, землевладелец, естественно, стремится удержать для себя в качестве земельной ренты, которая, очевидно, будет представлять собою наивысшую сумму, какую только арендатор может платить при данном качестве земли» [223, С. 120]. Земли, как полагал А. Смит разнятся как по степени плодородия, так и по их расположению, и эти различия и определяют возникновение ренты. Рента, в этих условиях выступает как превышение над заработной платой рабочих, возмещения затрачиваемого капитала и прибылью арендатора. «Но земля почти при всех условиях производит большее количество пищи, чем это необходимо для содержания всего того количества труда, которое затрачивается на доставление этой пищи на рынок; хотя бы этот труд содержался самым щедрым образом. При этом получающийся излишек всегда более чем достаточен для возмещения капитала, затрачиваемого на применение этого труда, и для получения прибыли на него. Поэтому всегда некоторый излишек остается на долю ренты землевладельца» [223, С. 122]. В другом месте он отмечал: «Излишек цены, остающийся после покрытия всех издержек по улучшению земли и обработке ее, в этом случае — и только в этом — может обыкновенно не стоять ни в каком соответствии с подобным излишком, получающимся от хлебных полей и лугов, но может превышать его почти в любых размерах. При этом значительнейшая часть этого излишка, естественно, приходится на ренту землевладельца» [223, С. 128].

Смит рассматривал так же и соотношение цены и ренты: «...рента входит в состав цены продукта иным образом, чем заработная плата и прибыль. Высокая или низкая заработная плата и прибыль на капитал являются причиною высокой или низкой цены продукта; больший или

меньший размер ренты является результатом последней» [223, С. 121]. Как далее отмечает А. Смит: «Но цена продукта дает высокую или низкую ренту или не дает никакой ренты в зависимости от того, высока эта цена или низка, превышает ли она намного, незначительно или совсем не превышает сумму достаточную для покрытия заработной платы и прибыли»[223, С. 121]. Хлопцов Д.М. по этому поводу пишет: «Если цена повышается – возрастает рента, но не наоборот... рента входит в стоимость произведенного продукта»[241, С. 307].

То есть, Адам Смит придерживался мнения, что земельная рента зависит от цены продукта. При этом, как далее указывал А. Смит, сама цена и присутствующая в ней рента зависит от спроса: «Сельскохозяйственные продукты могут, как правило, поступать на рынок только в таком количестве, чтобы обычная цена их была достаточна для возмещения капитала, необходимого для доставки их туда, и для оплаты обычной прибыли. Если обычная цена превышает эту норму, излишек ее, естественно, приходится на долю земельной ренты; если она не превышает эту норму, то, хотя товар и может доставляться на рынок, он не приносит никакой ренты землевладельцу. От спроса зависит, превышает ли цена этот уровень или нет»[223, С. 121]. Кстати, именно эту цитату имели в виду Н.П. Маслова и Э.Ю. Щипанов, когда писали: «Что же касается абсолютной ренты, то А.Смит задолго до И.К. Родбертуса и К. Маркса, допуская возможность отсутствия земельной ренты вследствие неблагоприятной ценовой конъюнктуры на рынке сельскохозяйственных продуктов» [145, С. 19]. То есть А. Смит предполагал существование абсолютной ренты, хотя и не выделял ее в отдельный вид рентного дохода.

Таким образом, по мнению А. Смита - земельная рента – это, по сути дела, превышение стоимости, оставшейся за минусом доли произведенной продукции, «...которая достаточна для возмещения капитала, затрачиваемого им на семена, на оплату труда, покупку и содержание скота, а также остального сельскохозяйственного инвентаря, и для получения обычной в

данной местности прибыли на вложенный в сельское хозяйство капитал» [223, С. 120]. Таким образом, в данном вопросе мнение А. Смита, в целом, совпадало с позицией У. Петти, который указывал, что если земледелец из выращенной «...жатвы вычтет зерно, употребленное им для обсеменения, а равно и все то, что он употребил и отдал другим в обмен на платье и для удовлетворения своих естественных и других потребностей, то остаток хлеба составляет естественную и истинную земельную ренту этого года»[186, Т. I. С. 33], однако А. Смит считал необходимым вычесть из нее, обычную для данных мест, прибыль на вложенный в сельскохозяйственное производство капитал.

Как уже отмечалось, наряду с классической земельной рентой А. Смит выделял и ренту по местоположению: «Пригородная земля дает большую ренту, чем столь же плодородная земля в отдаленной части страны»[223, С. 122]. В другой части работы он отмечает: «Земельная рента изменяется не только в зависимости от плодородия земли, каков бы ни был продукт, получаемый с нее, но и в зависимости от расположения ее, каково бы ни было ее плодородие»[223, С. 122].

Адам Смит первый заметил, что не одна разница в плодородии земель может стать источником земельной ренты. Он, в частности писал: «Таким образом, пища является не только первоначальным источником ренты, но и все другие продукты земли»[223, С. 135]. То есть ренту могут приносить различные месторождения, рудники, водопады, леса, и так далее. Поэтому все указанные виды рент в последующем были объединены под названием природной ренты. Отдельно А. Смит описывал ренту с рудников: «Так, например, получение ренты с каменноугольной копи зависит отчасти от обилия в ней угля, отчасти от ее местоположения»[223, С. 135].

«Рудник какого бы то ни было рода может быть признан богатым или бедным в зависимости от того, будет ли количество минералов, которое может быть извлечено из него при затрате определенного количества труда, больше или меньше количества, которое может быть добыто при равной

затрате труда из большей части других рудников того же рода. Некоторые каменноугольные копи, выгодно расположенные, не могут подвергаться разработке ввиду своей скудости. Получаемый продукт не оплачивает издержек. Они не могут давать ни прибыли, ни ренты»[223, С. 135].

Далее А. Смит пишет: «Существуют такие копи, продукт которых может покрывать лишь оплату труда и возмещение капитала, затрачиваемого при их разработке, вместе с обычной прибылью на него. Они приносят некоторую прибыль предпринимателю работ, но не дают ренты землевладельцу. Они могут разрабатываться с выгодой исключительно только землевладельцем»[223, С. 135].

Однако «...рента, которую может давать своему владельцу тот или иной рудник, зависит не от его абсолютного, а, так сказать, от относительного богатства или избытка его добычи сравнительно с другими рудниками такого же рода»[223, С. 135]. Следует отметить, что, в данном случае, А. Смит имеет в виду дифференциальную ренту I рода, но впервые этот термин появится в «Капитале» Карла Маркса.

И завершая обзор воззрений Адама Смита на рентообразование, остановимся на последнем вопросе, который нам оставил Адам Смит: что является источником образования земельной ренты: труд, земля или капитал?

С одной стороны, по этому вопросу трудно не согласиться с А.В. Ложниковой, которая считает, что можно отказаться «...от некоторых утративших актуальность теоретических постулатов, например, о том, кто или что создает земельную ренту – труд, капитал или земля?»[131, С. 197].

Но с другой стороны, мне кажется, что такая постановка вопроса в современных условиях некорректна, любую ренту «создают» не факторы производства, более уместен другой вопрос: что порождает дифференциацию доходов? Естественно, различия в качестве используемых ресурсов или убывающая отдача от вложений, но опять-таки не земля как таковая, не труд и не капитал. Как отмечает Никольский А.Ф.: «Приложение капитала и труда не увеличивает полезность (стоимость), изначально содержащуюся в

природном сырье, а лишь переводит в форму, пригодную к употреблению: переводит из потенциальной формы в реальную»[170, С.2].

Но на этот вопрос возможен ответ и с других позиций. В частности, Н.П. Маслова и Э.Ю. Щипанов пишут: «Так, если классическая теория земельной ренты выводится из трудовой теории стоимости, при этом источником земельной ренты считается труд, то согласно мнению представителей неоклассической школы, источником ренты является земля, как один из факторов производства» [145, С. 20-21].

Следует отметить, что С.В. Рыбаченко считает: «Согласно теории Маркса, земельная рента – это превращенная форма добавочной стоимости. Добавочной стоимостью называется превышение индивидуальной цены производства товара над его общей ценой, то есть ценой производства, определяемой из значения средней прибыли. Проблема, благодаря которой «открывается» сущность земельной ренты, заключается в противоречии между положением теории трудовой стоимости, согласно которой стоимость имеет лишь произведенный товар, и определением земельной ренты, трактуемой как стоимость земли. Следовательно, превращенность земельной ренты сводится в таком ее понимании к тому, что земля является источником стоимости[207, С. 44].

Однако хотелось бы вернуться к рассматриваемому вопросу несколько с другой точки зрения: о роли труда, капитала и земли в процессе формирования ренты. Как указывает С. Кимельман: «Сами по себе участки земли или участки недр, пока они не вовлечены в хозяйственный оборот, представляют собой «неживые» природные объекты. Однако трудом человека эти природные объекты начинают «оживать». Труд человека овеществляется в виде продуктов, будь то урожай пшеницы, добытые (поднятые на-гора) полезные ископаемые и т. п.»[92]. С нашей точки зрения, земля (недра) хранят (а не создают) в себе потенциальную земельную или горную ренту, причем величина ренты есть определенная величина только при данных, конкретных условиях. Труд превращает потенциальную ренту в

реальные денежные капиталы (произведенную ренту). При этом, как уже отмечалось, величина указанной ренты определяется конкретными условиями производства и хозяйствования в данной сфере.

Давид Рикардо (1772-1823гг.) как и Адам Смит занимался анализом и изучением земельной ренты. При этом, как считает Моргунов Е.В., разработанная Д. Риккардо теория земельной ренты в его основной работе «Начала политической экономии и налогового обложения» основывалась на 3 положениях:

1) земли могут иметь различия, как по месторасположению, так и по плодородию;

2) земельные участки, лучшие с позиций месторасположения и плодородия ограничены по размерам;

3) земли принадлежат частным собственникам [158, С. 13].

Как отмечает Д.М. Хлопцов, «Рикардо указывает уже на две причины возникновения земельной ренты: сначала переход сельскохозяйственных угодий в собственность, а затем последующее использование земельных участков для целей производства»[241, С. 307].

Как считал Д. Рикардо в сельскохозяйственное производство приходится привлекать земли все более худшего качества, что неизбежно сказывается на росте затрат на производство, в связи с чем обществу приходится доплачивать за хлеб, без которого ему не обойтись. На лучших землях сельхозпроизводители, кроме нормальной прибыли, получают дополнительную прибыль, которую изымает земельный собственник, считая, что производителю достаточно только средней прибыли[225]. «При первом заселении страны, - отмечает Д. Рикардо, - где имеется в изобилии богатая и плодородная земля, лишь незначительную долю которой нужно обрабатывать для снабжения пищей наличного населения или же можно на деле обработать при капитале, которым располагает это население, ренты не существует. Ведь никто не станет платить за пользование землей, раз налицо масса еще не обращенной в собственность земли, которую поэтому может

располагать всякий, кто захочет обрабатывать ее»[225]. Чуть далее Д. Рикардо писал: «С каждым приростом населения, который заставляет страну прибегать к земле худшего качества, чтобы иметь возможность увеличить свой запас пищи, будет подниматься рента всех плодородных земель»[225]. То есть, при избыточном предложении лучших категорий земель земельной ренты нет. Она появляется с вовлечением в оборот худших, по плодородию, земель при этом затраты на указанных землях определяют цену продукта, которая базируются на производственных затратах плюс средняя (нормальная) прибыль. Землевладелец же, считая, что арендатор, как правило, получает среднюю (нормальную) прибыль, а все прочие доходы (рента) могут быть изъяты в его пользу без нарушения каких либо основ сельскохозяйственного производства.

Как отмечает Д.М. Хлопцов: «Рикардо прежде всего известен тем, что объяснил само существование земельной ренты исходя из различного плодородия земли»[241, С. 308]. Однако далее Д.М. Хлопцов указывает, что «...у Рикардо было два объяснения сущности земельной ренты. Первое – что земельная рента является остатком, который возникает после оплаты всех других производственных факторов, цены которых образуются на конкурентных рынках. Второе сводилось к тому, что земельная рента определяется так же, как и все другие факторы производства – предложением ресурса и условиями его продуктивности»[241, С. 308].

Сегодня большинство экономистов согласны с тем положением, при котором: «...существуют общие естественные условия образования земельной ренты, связанные как с ограниченностью земельных ресурсов, так и с различным их плодородием и местоположением»[128, С. 11]. Однако при этом делается вывод о том, что «...источником образования ренты является труд наемных работников» [128, С. 11]. Роль труда в образовании земельной ренты О. А. Николайчук объясняет следующим образом: «Источником образования дифференциальной ренты является более производительный труд на относительно лучших по качеству землях. Не могут быть

источником дифференциальной ренты сами естественные условия. ...С утверждением, что труд, приложенный к относительно лучшим по качеству землям, в единицу рабочего времени создает больше стоимости, согласиться нельзя. При рассмотрении вопросов об образовании дифференциальной ренты следует исходить из того, что одинаковое количество труда на различных по плодородию землях создает одинаковую стоимость, несмотря на то что на этих землях в расчете на единицу затрат производится разное количество продукции. Единица потребительной стоимости в этих условиях содержит неравное количество стоимости (затрат труда). На лучших по качеству землях труд более производительен, чем на средних и худших. В связи с этим одинаковая стоимость распадается на неодинаковое количество потребительских стоимостей. Поэтому на относительно лучших по качеству землях производство единицы продукции обходится дешевле, чем на наихудших»[169, С. 40]. Чуть далее он пишет: «Рента в общем виде представляет собой избыточный доход, получаемый от использования земли и природных ресурсов. Но сила природы — не источник добавочной прибыли, а лишь естественный базис. По нашему убеждению, источником ее является труд земледельцев, нефтяников, лесопользователей и т. д., который переносит на продукт исключительные свойства земли и, в конечном счете, оплачивается потребителем. Потому и называют ренту незаработанным доходом, а необходимым условием возникновения дифференциальной ренты является не наличие дифференциальных различий, а их фиксация» [169, С. 40].

Разные экономисты по разному оценивали вклад Д. Риккардо в развитие теории ренты. Так Д.М. Хлопцов считает: «Очевиден также тот факт, что земля в торгово-деловом центре большого города многократно ценнее удаленных на многие километры городских окраин, и эта ценность не является следствием различной плодородности почвы. Различие в данном случае объясняется разной выручкой, доходностью, предельной производительностью ресурса. Различное плодородие почвы – это не что

иное, как один из факторов производительности, другим фактором являются, к примеру, неодинаковые транспортные издержки. Однако Рикардо не смог выразить этого достаточно полно и точно. Очевидно, что недостаточно одного лишь различия в плодородии почвы на разных земельных участках для того, чтобы объяснить возникновение земельной ренты, главным образом необходимо, чтобы спрос превысил доступное предложение земли»[241, С. 308].

Д. Риккардо касался в своей работе и вопроса о соотношении и взаимовлиянии цены и ренты. Так, в частности он указывал: «Если бы высокая цена хлеба была следствием, а не причиной ренты, то цена его изменялась бы пропорционально повышению или понижению ренты и рента была бы составной частью цены. Но так как регулятором цены хлеба является хлеб, производящийся при наибольшей затрате труда, то и рента не входит и не может ни в малейшей степени входить в качестве составной части в его цену»[225]. И далее: «Стоимость хлеба регулируется количеством труда, затраченного на производство его на земле того качества или с той долей капитала, при которых не платят ренты. Не потому хлеб дорог, что платится рента, а рента платится потому, что хлеб дорог»[225].

Таким образом, Д. Рикардо считал, что земельная рента не входит, и не может входить в состав цены продукта, а цена, в свою очередь, определяет размеры ренты.

О данной проблеме писал и Й. Шумпетер. По его мнению земельная или горная рента есть дополнение к средней прибыли и которая возникает вследствие экономии на издержках (затратах) из за высокой производительности сельскохозяйственного труда на лучших землях или более удобного местоположения земельных участков[249].

При этом без частного владения землей невозможно возникновение земельной ренты. Но частная собственность на землю не подразумевает наличие земельной ренты. Пусть в достатке имеется плодородная земля одинакового качества, обеспечивающая весь спрос на сельскохозяйственную

продукцию (эластичный спрос). Тогда цена товара будет определяться затратами на производство и нормальной прибылью. Никакой земельной ренты (кроме ренты местоположения) здесь присутствовать просто не может.

Итак, цена товара определяется затратами на худших, по плодородию, участках земли плюс нормальная, в данной отрасли, прибыль. Рента (дифференциальная) может быть выделена в цене только в том случае, если для определения цены берутся затраты на относительно худших землях (при этом рента выступает разницей между затратами на производство на худших и данном участках земли), а затем структура цены пересчитывается на затраты конкретного (не худшего) участка. Естественно к этой сумме затрат и ренты (что в сумме дает затраты на худших землях – замыкающие затраты) добавляется нормальная прибыль.

«Некоторые ученые (например, Кэри и Бастиа) в своих работах опровергали теорию ренты Рикардо. Но так как теория ренты имела наглядное подтверждение, которое выражалось в росте стоимости земельных участков в крупных городах, противники Рикардо имели не слишком много сторонников. Наоборот, целый ряд экономистов старались углублять и расширять ее. Они постепенно открывали новые виды доходов рентного характера, подобных земельной ренте. Доход рентного характера, ранее рассматриваемый как аномальное явление в виде земельной ренты, стал рассматриваться как вид целого, весьма распространенного, явления, ставшего впоследствии называться как природно-ресурсная рента» [158, С. 13-14].

Следует отметить, что Д. Рикардо явился автором одной из самых ранних формулировок теории дифференциальной ренты. Но в своих работах он не пользовался указанным понятием. «Когда с развитием общества поступает в обработку земля второго разряда по плодородию, на земле первого разряда тотчас возникает рента, и величина этой ренты будет зависеть от различия в качестве этих двух участков. Когда поступает в обработку земля третьего разряда по качеству, тотчас начинает давать ренту

земля второго разряда. Как и раньше, рента регулируется различием в их производительной силе. В то же время поднимается рента с земли первого разряда, потому что она всегда должна быть выше ренты с земли второго разряда на величину разницы в продукте, который они дают при данном количестве капитала и труда»[225]. Как видно из данной цитаты, Д. Рикардо в этой части работы писал о том, что позднее Карл Маркс охарактеризует как дифференциальную ренту I. Кроме этого Д. Рикардо рассматривал образование рентных доходов не только в отношении к природным ресурсам, но и отношении производственного капитала: «Если прибавочный продукт, который земля дает в форме ренты, есть преимущество, то желательно, чтобы с каждым годом вновь сооруженные машины были менее производительны, чем старые. Ведь это, несомненно, сообщило бы большую меновую стоимость товарам, фабрикуемым не только с помощью этих машин, но и всех других машин в стране, и всем владельцам более производительных машин платилась бы рента»[225]. Следует отметить, что в данной фразе Д. Рикардо содержится определенное, противоречившее логике, утверждение. Конечно, владельцы более производительных машин должны получать больше доходов, имеющих рентный характер. Но почему вновь сооружаемые машины должны быть менее производительны, чем старые? Что бы владельцы старых машин не ставились в худшее положение? Но ведь прогресс и состоит в том, что новые машины совершеннее и производительнее заменяемых старых, а стремление получать указанные дополнительные доходы и есть движитель прогресса.

Кроме этого, все основные положения, которые Д. Рикардо рассматривал в отношении земли, земледелия и земельной ренты (в последующем дифференциальной земельной ренты I) легко перенести на недра и горную ренту. При этом следует отметить, что Д. Рикардо был в числе первых экономистов, занявшихся проблемами горной ренты. В частности, Д. Рикардо посвятил проблемам образования горной ренты целую главу своего основного труда «Начала политической экономии и налогового

обложения», дав ей название «О ренте с рудников». Как указывает Д. Рикардо «Рудники, как и земля, обыкновенно дают их владельцу ренту, и эта рента, подобно земельной ренте, есть следствие, а никак не причина высокой стоимости их продукта. Если бы имелись в изобилии одинаково богатые рудники, которыми каждый мог завладеть, они не могли бы давать никакой ренты: стоимость их продукта зависела бы от количества труда, необходимого для извлечения металла из земли и доставки его на рынок. Но рудники бывают разного качества, и затрата на их разработку одинакового количества труда дает весьма неодинаковые результаты. ...Доход, доставляемый беднейшим рудником, не платящим никакой ренты, будет регулировать ренту всех других более производительных рудников. Предполагается, что этот рудник дает обычную прибыль на капитал. Все, что другие рудники дают сверх нее, будет, разумеется, уплачиваться их владельцам в качестве ренты» [225].

Вслед за Д. Рикардо понятие «рентных доходов» стало распространяться не только на доходы от владения землей, но и на все прочие виды доходов и даже на заработную плату, если их размер превышал среднюю, в данной сфере, величину. Так, например, как указывает Латков А.В.: «...любой доход в части его превышения над удерживающим доходом является экономической рентой» [128, С. 7].

В частности: «И.Г. Буш еще до выхода в свет «Начал политической экономии и налогового обложения» Д. Рикардо заметил, что талант и ловкость обладают достоинством аналогичным земле, тем самым став первым экономистом, обнаружившим рентную составляющую в оплате труда» [145, С. 19]. По мнению И.Г. Буша: «Если бы оказалось нужным быть особенно точным в данном случае, то можно было бы оспаривать, правильно ли определяется прибыль с заработной платы, так как ее можно рассматривать, по крайней мере отчасти, как ренту за одну лишь ловкость в труде: хотя эта рента и очень незначительна, однако неспособные работники не могли бы ее получать» [27]. Следует отметить, что это был первый, но

совсем не последний случай, когда рентную составляющую обнаружили в средствах на оплату труда [199, С.6].

Вскоре вслед за И. Г. Бушем для обозначения рентной составляющей в оплате труда А.К. Шторх, работавший в то время в России ввел в экономическую практику термин ренты таланта, как результат «дара щедрости природы». Так, в своем труде «Курс политической экономии, или изложение начал, обуславливающих народное благоденствие» опубликованном в 1815 году, он писал: «Как скоро способности человека превышают обыкновенную меру, труд получает долю совершенства, которой обыкновенно он не имеет. Это обстоятельство прибавляет к заработной плате доход, который не должен быть с нею смешиваем, потому что существенно от нее отличается. Тот, кто получает его, не сделал больших расходов на приспособление себя к ремеслу, чем другие работники того же ремесла: преимущество это есть дар щедрости природы. Аналогия с поземельной рентой заставляет меня назвать и этот доход рентою» [27]. Впоследствии Н.У. Сениор считал рентой «вознаграждение» за обладание «чрезвычайными силами тела и духа». Маслова Н.П. и Щипанов. Э.Ю. отмечали, что с этим был согласен и Дж.Ст. Милль, считая, что дополнительные доходы, которые производитель выручает с помощью «высших коммерческих талантов» и с помощью «лучшей организации своего предприятия», понимал указанные доходы как рентные, обусловленные «различием способностей»[145, С. 19].

Как мы показали выше, о ренте упоминали в Библии и в римском праве, о ней писали такие титаны экономической мысли как А. Смит, У. Петти, Д. Риккардо и т.д. Но именно Дж. Андерсона в XIX веке назвали первым создателем теории ренты. Так, У. Петти и А. Смит описывали, в первую очередь, что такое рента. Но только Дж. Андерсон попытался выявить причины ее возникновения. Это первым сделал Дж. Андерсон настолько полно, что затем его идеи дополняли и развивали Д. Рикардо, Дж. Ст. Милль, А.Маршалл, К. Маркс и т.д. Так, К. Маркс писал о нем: «Джемс Андерсон, подлинный создатель современной теории ренты и в то же

время фермер-практик и видный для своей эпохи агроном» [142, 25, Ч. II. С. 216]. Как отмечает Жибинова К.В: «...Андерсон поднял огромный статистический материал, проанализировав цены на хлеб в Англии за столетие с 1700 по 1800 годы... Это обстоятельство позволило Андерсону сделать ряд оригинальных выводов. Главный из них – что нет абсолютного закона убывающего плодородия почвы»[70].

Основной труд Дж. Андерсона «Исследование природы хлебных законов», был опубликован в 1777 году (кстати, именно из-за этого названия труды Дж. Андерсона не получили столь широкого распространения и известности, так как они предназначались не для политэкономов, а для сельскохозяйственных специалистов). В этой работе отмечает две сравнимые по важности причины образования ренты. Одна, в соответствии с мнением Андерсона, причина образования ренты заключается в том, что различные почвы характеризуются различным плодородием и в связи с этим они вовлекается в сельскохозяйственный оборот в порядке его убывания. (Позже она получит название дифференциальная рента I). Другая причина связана с расширением производства на участке земли с помощью последовательного приложения труда и капитала. Этот вид ренты в дальнейшем получит название дифференциальной ренты II.

По мнению Фадлаллы А.Р., Дж. Андерсен доказал, что «...рента существует потому, что почва имеет различные степени плодородности, и потому, что нельзя до бесконечности прилагать капитал к почве данного качества без уменьшения дохода с этого капитала»[237, С. 13]. И далее: «Но если хлеб, собираемый с этих лучших земель, недостаточен для снабжения рынка, то цена на хлеб естественно поднимется на столько, что вознаградит за издержки тех, которые примутся за обработку худших земель» [237, С. 13].

Таким образом, как отмечает Жибинова К.В.: «Андерсон впервые в экономической науке обратил внимание на различия в плодородии почв и образующейся на этой основе дифференциальной ренте»[70].

Главная работа Дж.Ст. Милля (1806-1873 гг.) «Принципы политической экономии и некоторые их приложения к социальной философии» была опубликована в 1848 г.

Постараемся остановиться на основных положениях, на которых строилась его теория ренты. Первым и главным из этих положений являлось то, что причиной образования земельной ренты являются различия в плодородии земель. «Рента, которую принесет любой участок земли, есть положительная разница между полученным с этого участка продуктом и тем доходом, который принес бы тот же самый капитал, будь он использован на возделывание самой худшей из обрабатываемых земель» [152, II. С. 155]

Что можно отметить в данной цитате? Раз, в данном случае упоминается лишь худшая из земель, то имеется в виду дифференциальная рента I. Следует отметить, что у Милля отсутствует понятие дифференциальная рента, но он имел в виду именно ее.

Милль считал изъятие ренты в свою пользу владельцами земли обоснованным. Он «...видит в присвоении ренты землевладельцами прямое следствие монопольного владения участками земли» [133, С. 15]. «Рента есть следствие монополии; это естественная монополия; ее можно регулировать, на нее можно смотреть даже как на опору общественного строя, но ее существование нельзя предотвратить. Землевладельцы могут требовать ренту за свои земли потому, что земля является товаром, в котором нуждаются многие, но который никто не может заполучить у кого-либо, кроме землевладельцев. Если бы вся земля принадлежала одному человеку, он мог бы установить ренту по своему желанию» [152, II. С. 150].

Далее Дж. Ст. Милль рассматривал различные аспекты монополии на землю: подлинная монополия на землю (всей землей владеет один человек); монополия на землю с учетом спроса на нее; эластичный спрос на землю и т.д. Все это позволяло ему определить условия возникновения и присвоения различных видов земельной ренты (то, что впоследствии назовут дифференциальной рентой I и II).

В «Принципах политической экономии и некоторых их приложениях к социальной философии» Дж.Ст. Милль опровергал мнение противников Д. Рикардо, ставивших под сомнение существование сельскохозяйственных земель без ренты, (то есть, земель с замыкающими затратами). По Миллю, замыкающие земельные участки есть «...самые плохие (в смысле плодородия и расположения) земли из тех, что уже возделываются, не приносящие никакой ренты»[152, II. С. 153]. В соответствии с современными воззрениями, худшая земля (земля с замыкающими затратами) дает сельскохозяйственные продукты, возмещающие затраты труда и капитала, а так же нормальную прибыль на вложенный капитал. Замыкающие затраты на указанных участках – «...мерило, позволяющее оценивать величину ренты, которую принесут все прочие земли. Любой участок земли приносит настолько больше обычной прибыли на капитал, насколько этот участок дает больше, чем самый скверный из возделываемых участков. Этот избыток и составляет то, что фермер в состоянии уплатить владельцу занимаемой им земли в виде ренты»[152, II. С. 153].

Огромным достижением Дж.Ст. Милля явилось осмысление сущности абсолютной ренты. Так, он первый высказал мысль о том, что если бы в стране вся земля использовалась бы в сельскохозяйственном производстве, она вся приносила бы ренту, в том числе и земли худшего качества, без учета различий в их плодородии.

Хазанов Л.Г. так оценивает вклад Милля в развитие теории ренты: дальнейшим этапом в исследовании природной ренты стали исследования Д. Милля, по мнению которого рента может возникнуть даже на худшем участке земли или руднике так как «продукт в действительности имеет ценность редкости» образующаяся из-за превышения спроса над предложением[240, С. 335]. Исходя из этого, понятна причина и источник образования абсолютной ренты - превышение спроса над предложением. Сегодняшние экономисты над этим не задумываются: «Под абсолютной рентой понимается доход, получаемый владельцем от худших участков

земли или месторождений, находящихся в эксплуатации. Если величина ренты падает ниже абсолютной, то владелец месторождения перестает его эксплуатировать»[189]. Но в таком случае, откуда и из чего она берется? И в соответствии с этими взглядами, абсолютная рента, по всей видимости, образуется раньше дифференциальной ренты.

При всем при этом Милль отмечал, что рента – это не изъятие из дохода фермера. «Всякий, кто платит ренту, получает за нее полную стоимость в виде дополнительных преимуществ и уплачиваемая им рента не ставит его в положение худшее, чем положение его собратьев по производству, которые не платят ренту, но располагают орудием меньшей эффективности; рента всего лишь уравнивает их положение» [152, II. С. 167].

Дж. Ст. Милль является первым из всех выше рассмотренных авторов, который ввел понятие ренты машин (производственного капитала). Как отмечают Маслова Н.П. и Щипанов. Э.Ю.: «Дж.С. Милль, не акцентируя на этом внимания, признавал существование ренты производственного капитала, которую впоследствии А. Маршалл назовет квазирентой» [145, С. 19]. «Первым из всех классиков политэкономии Милль выводит явление ренты из экономии на издержках, которую приносят лучшие машины и земли»[133, С. 16], - отмечала Ложникова А.В.

Интересно, что в «Принципах политической экономии и некоторые их приложениях к социальной философии» Дж. Ст. Милль наряду с собственными взглядами на рентообразование дает свое мнение о вкладе различных ученых в изучение земельной ренты: «Такова теория ренты, которая была выдвинута в конце прошлого века Андерсоном и которая осталась тогда не замеченной; 20 лет спустя она была почти одновременно открыта заново Эдуардом Вестом, Мальтусом и Риккардо» [152, II. С. 155].

Алан Маршалл (1842 – 1924 г.г.) явился первым экономистом, который вместо привычной «политической экономии» ввел понятие «экономическая теория» (economics). «Принципы экономической науки» А. Маршалла были

опубликованы в 1890 г. Как показано выше, Д. Рикардо рассматривал земельную ренту в условиях убывающей отдачи элементов производства в следующих принципиально различных случаях: при расширении сельскохозяйственного производства путем вовлечения в него новых, не столь плодородных (или неудачно расположенных земель), при пропорциональном росте вложений капитала и труда, т.е. при постоянной интенсивности землепользования; и при расширении производства сельхозпродукции путем дополнительных вливаний труда и капитала на уже обрабатываемой земле в условиях интенсификации землепользования.

А. Маршалл пошел значительно дальше в изучении проблемы убывающей предельной отдачи земли. Он, в частности, показывал, что предельная отдача бывает и убывающей, и возрастающей, а потому пришел к такому мнению: «При всех обстоятельствах отдача от дополнительного вложения капитала и труда рано или поздно уменьшается» и далее «...в каждом случае он работает до тех пор, пока дополнительная отдача, получаемая от дополнительного вложения капитала и труда, не сократилась настолько, что она уже больше не вознаграждает его за их приложение» [143, II. С. 219].

Рассматривая далее отдачу на последующие «дозы» вложения капитала, А. Маршалл указывал: «...все, что он получает сверх этого, образует избыточный продукт земли. Этот избыток достается земледельцу, если он сам является собственником земли» [143, II. С. 219].

Таким образом, данный избыточный (или чистый) продукт земли, по мнению А. Маршалла, и есть земельная рента.

Но А. Маршалл рассматривал земельные участки не только с точки зрения возможности использования их в сельскохозяйственных целях. Как отмечает Хлопцов Д.М.: «Альфред Маршалл был одним из первых известных авторов, которые уделили особое внимание стоимости городской земли и проблемам исследования земельной ренты на территории населенных пунктов» [240, С. 308].

Маршалл обращался и к изучению ренты полезных ископаемых и изучал уже имеющийся в данной области опыт. К тому времени в практике имелось уже достаточно примеров измерения размеров ренты полезных ископаемых и механизмов ее изъятия и перераспределения. Так, А. Маршалл не считал роялти рентой. По его мнению: «Плата за право разработки недр (royalty) – это не рента, хотя ее часто так называют. Дело в том, что, за исключением тех случаев, когда рудники, каменоломни и т.д. практически неисчерпаемы, превышение дохода от них над затратами следует рассматривать, по крайней мере частично, как цену, получаемую от продажи накопленных благ – накопленных, разумеется природой, но теперь считающейся частной собственностью; поэтому предельная цена предложения полезных ископаемых включает, кроме предельных издержек на разработку рудника, также и плату за право его разработки. Конечно, владелец желает получить эту плату без особых издержек, а контракт между ним и арендатором нередко предусматривает отчасти по этой причине выплату, как ренты, так и платы за право разработки» [143, I. С. 132].

Именно А. Маршалл впервые использовал категорию квазиренты, хотя до него о ренте машин писали и Д. Рикардо и Дж.Ст. Милль. «Если какое либо имущество, - например, дом, фортепьяно или швейную машину, на время одалживают, плату за его использование часто называют рентой. Экономисты могут без ущерба для себя применять этот термин в тех случаях, когда рассматривается доход с позиции индивидуального предпринимателя. Однако, как следует из дальнейшего, как только рассмотрение хозяйственной деятельности переносится с позиции индивидуума на общество в целом, преимущество оказывается на стороне применения термина «рента» по отношению к доходу, извлекаемому из даров природы. Вот почему термин квазирента будет в настоящем труде употребляться по отношению к доходу, извлекаемому из созданных человеком машин и других орудий производства. Иными словами, всякая машина может давать доход, носящий характер ренты и иногда называемый «рентой», хотя, в общем, представляется более

правильным называть его «квазирентой», [143, I. С. 114], - отмечал А. Маршалл.

Маршалл не считал земельную ренту исключением, а рассматривал ее лишь как первую в ряду подобных явлений. «Земельная рента видится нами не как изолированная категория, а как основная разновидность длинного ряда явлений, хотя она, разумеется, обладает своими специфическими особенностями, имеющими первостепенное и практическое значение» [143, II. С. 102]. Для конкретного определения рассматриваемого вида ренты А. Маршалл, наряду с земельной, использовал еще целый ряд рент: «в целях фиксации вида ренты («разновидности» у А. Маршалла) следует применять уточняющие (определяющие) атрибуты: земельная, природная, нефтяная, капитальная, трудовая, политическая и т.д., почти до бесконечности» [133, С. 17].

«По выражению Маршалла, прибыль является «составной» рентой, т.е. составленной из множества различных рентных доходов» [158, С. 14], - отмечает Моргунов Е.В., но при этом он считает, что объединение в одну группу два разнокачественных по типу рентных дохода – природную ренту (имеет постоянно действующий, стабильный характер) а так же квазиренту (имеет нестабильный, временный характер) является необоснованным [158, С. 15-16].

Рассматривая земельную ренту, А. Маршалл не видел принципиальных различий между абсолютной и дифференциальной рентой. «Различие между дифференциальной рентой и рентой, обусловленной редкостью не является коренным. В известном смысле все виды ренты являются рентами, обусловленными редкостью, и все виды ренты являются дифференциальными. Но в одних случаях удобнее оценивать ренту отдельного фактора путем сравнения отдачи от него с отдачей от худшего (может быть предельного) фактора, когда они аналогичным образом используются с применением соответствующих орудий. В других случаях лучше обратиться к коренным отношениям между спросом и редкостью или

избытком средств производства тех товаров, в изготовлении которых участвует данный фактор производства» [143, II. С. 114], - отмечает А. Маршалл.

Заканчивая описание вклада А.Маршалла в развитие теории ренты, следует отметить, что «...считается, что именно А. Маршалл представил наилучшую аргументацию классической теории ренты» [145, С. 21].

Земельную ренту рассматривал и Карл Маркс. При этом указанное рассмотрение он начинал с утверждения, что в связи с тем, что в землю не вложен труд, «...земля, поэтому в действительности ничего не стоит»[142, Т. 25, Ч. II. С. 216]. Этой же позиции придерживаются некоторые экономисты и сегодня: «Земля как таковая не есть продукт процесса труда. Наоборот, она является предметом труда в сельском хозяйстве, но отнюдь не продуктом труда, следовательно, не имеет стоимости»[245].

Карл Маркс рассматривал в «Капитале» дифференциальную ренту I и II и абсолютную ренту. Так, как отмечал К. Маркс «Мы рассмотрим сначала неодинаковые результаты одинаковых количеств капитала, примененных на различных земельных участках одинаковой величины, или на земельных участках неодинаковой величины, результаты, исчисленные по отношению к одинаковой земельной площади. Две независимые от капитала общие причины этой неодинаковости результатов суть: 1)Плодородие...2) Местоположение земельных участков»[142, Т. 25, Ч. II. - С. 216]. При этом: «Цена производства на наихудшей земле, не приносящей ренты, всегда является регулирующей рыночной ценой»[142, Т. 25, Ч. II. С. 210]. Образование же дифференциальной ренты II К. Маркс объяснял следующим образом: «...при равных затратах капитала земля обнаруживает различное плодородие, но только в данном случае одна и та же земля при последовательных затратах различных по величине частей капитала дает такие же результаты, какие при дифференциальной ренте I дают различные категории почвы при затрате одинаковой величины частей общественного капитала»[142, Т. 25, Ч. II. С. 230].

Несмотря на указанные различия в образовании дифференциальной ренты I и II К. Маркс отмечает тождественность указанных дифференциальных рент: «...ясно, что дифференциальная рента II является лишь другим выражением дифференциальной ренты I, а по существу совпадает с ней»[142, Т. 25, Ч. II. С. 216]. Эту, отмеченную у Маркса схожесть дифференциальных рент I и II отмечали многие экономисты[158, С. 16].

Сущность абсолютной ренты Маркс пояснял следующим образом: «Если строение капитала в известной сфере производства ниже, чем строение среднего общественного капитала, то есть если отношение его переменной составной части, затраченной на заработную плату, к его постоянной составной части, затраченной на вещественные условия труда, выше, чем для общественного среднего капитала, то стоимость его продукта должна стоять выше его цены производства. То есть такой капитал, применяя относительно больше живого труда, производит при одинаковой эксплуатации труда больше прибавочной стоимости, а потому больше прибыли, чем равновеликая соответственная часть среднего общественного капитала. Поэтому стоимость его продукта будет выше цены его производства, так как эта цена производства равна издержкам капитала плюс средняя прибыль, а средняя прибыль ниже, чем прибыль, произведенная в этом товаре. Прибавочная стоимость, производимая средним общественным капиталом, меньше капитала, производимой капиталом этого низкого строения» [142, Т. 25, Ч. II. С. 318].

Это высказывание К. Маркса можно прокомментировать следующим образом. По его мнению, абсолютная рента образуется из-за отсталости в сельскохозяйственном производстве, где доля переменного капитала, как следствие указанной отсталости, выше, чем в промышленности, из-за чего в сельскохозяйственном производстве создается больше чем в промышленности прибавочной стоимости. Таким образом, в сельскохозяйственном производстве абсолютная рента образуется из-за

низкого строения капитала и как следствие – создания большего объема прибавочной стоимости. Однако как же тогда объяснить образование абсолютной ренты в добывающей промышленности, где наблюдается обычное строение капитала?

На этом мы остановимся и перейдем от рассмотрения классических воззрений на природную ренту к современным толкованиям ренты (конечно, остается еще много достойных упоминания исследователей ренты, таких, как Дж. Б. Кларк, Л. Вальрас, Ф. Уокер и др.). Но представленного материала вполне достаточно для выбора обоснованного подхода к определению размеров горной ренты в добывающей промышленности (нефтедобыче).

1.2 Современная трактовка сущности ренты

Экономическая наука в СССР сначала отрицала рентные отношения и рентные доходы и в конце концов пришла к исследованию проблем природной ренты в условиях социализма. Российская экономическая наука продолжает изучение сущности ренты и рентных отношений в современных условиях.

На заре Советской власти социалистическое государство провозгласило, что в условиях социализма предпосылки образования, а, следовательно, и рента исчезают, так как все виды природных ресурсов не могут выступать объектами купли-продажи, так как являются собственностью государства. И не смотря на то, что инвентаризация природных ресурсов в то время все же проводилась, в нее не были включены задачи стоимостной оценки природных ресурсов с целью их налогообложения.

Новый этап изучения вопросов рентообразования начался с появлением работ по данной проблематике Л. Канторовича, С. Черемушкина и С. Струмилина, которые отметили, что взгляд на природные ресурсы, как на объекты, не имеющие стоимости, приводит к значительным потерям в

масштабах всего народного хозяйства. Так Галина Титова отмечала, что указанные экономисты считали особенно важным, что бы в государственные органы включили в область своих функций и задач проблему экономической оценки природных и прочих сырьевых ресурсов, что послужило бы стимулом их наилучшего и эффективного использования [229].

Например, по мнению академика Канторовича, включение ренты в хозяйственный расчет и систему экономических показателей будет обеспечивать самое правильное и эффективное, в общественных масштабах, решение экономических задач, обеспечивающих эффективное применение природных ресурсов [86, С. 122]. В то же время Канторович Л.В. указывал, что расчеты и учет ренты позволяют более эффективно использовать сырье и природные ресурсы, в то же время учет ренты выравнивает условия хозяйствования, доводя их до рентабельного уровня, а кроме этого: «...создает относительно более высокую оценку видов продукции, использующих недостаточные более благоприятные природные источники, стимулируя наиболее эффективное использование такой продукции» [86, С. 121]. Говоря о дифференциальной ренте Л.В. Канторович отмечал, что она выступает как экономия затрат труда, которую обеспечивает применение этих ресурсов в оптимальном плане [86, С. 121].

«Вопросам природы дифференциальной ренты большое внимание уделял академик В.С. Немчинов. В работе «Общественная стоимость и плановая цена» он отмечал, что производительность труда в немалой степени зависит от условий приложения труда, и в частности от природных условий. Естественные условия труда, созданные природой, не могут быть воспроизведены человеком. По его мнению, общественная оценка благоприятных и неблагоприятных условий труда выражается в разнице между максимально допустимым и достигнутым уровнем себестоимости. Под рентой В.С. Немчинов понимал часть стоимости прибавочного продукта, образуемой разностью между рыночной зональной и индивидуальной стоимостью продукта. Рента не участвует в процессе создания стоимости, а

лишь обособляется и аккумулируется в дальнейшем как часть стоимости прибавочного продукта»[248, С. 13-14].

Сами же результаты проводившихся в те годы исследований нашли практическое применение в зональной дифференциации закупочных цен на полезные ископаемые.

Другим направлением исследований явилась стоимостная оценка природных ресурсов и земель для выявления ущерба, наносимого им различными видами хозяйственной деятельности. Оно, в частности, было нацелено на борьбу, в первую очередь, с необоснованным выводом из сельскохозяйственного оборота земель указанного назначения для строительства новых поселков и размещения промышленных производств. Другим направлением в этой области стало определение эффективности капложений в сырьевые отрасли промышленности. Основным базовым показателем в этой области была признана капитализированная рента[229].

Если же вернуться конкретно к проблемам горной ренты, то в конце 1980 г.г. в экономической науке, как отмечает Хазанов Л.Г., развернулась дискуссия по ее проблематике. При этом на первом месте стояли вопросы определения размеров платы за конкретные виды сырья.

По сути дела все, участвующие в дискуссии соглашались с необходимостью использования в практике хозяйствования термина «дифференциальная горная рента» и введения платы за пользование недрами. Однако, немало вопросов вызывал выбор конкретной методики ее расчета (следует признать справедливость мнения, что: «...одной из самых сложных и дискуссионных проблем в экономической науке является проблема достоверной оценки рентных доходов на разных хозяйственных уровнях»)[128, С. 12] и варианта перераспределения или изъятия – с одной стороны это могли быть полярные рентные платежи (при условии установления цен на топливо или сырье, построенных на базе средней по отрасли или региональной себестоимости, из-за установления оптовых цен на конкретные виды сырья по их теплотворному соотношению с применяемым

в те годы для построения союзного топливно-энергетического баланса условным топливом). В том случае, если цены на сырье строились по замыкающим затратам могли использоваться уже используемые в те годы в практике хозяйствования фиксированные (рентные) платежи. Кстати, многие экономисты о построении цен на среднеотраслевом уровне совершенно справедливо отмечают: «Из концепции цен по среднему неизбежно вытекает, что около половины предприятий (точнее, около половины продукции) данной отрасли будут работать нерентабельно и должны погашать свой плановый убыток за счет высокорентабельных предприятий. В идеальном случае алгебраическая сумма дифференциального дохода должна быть равна нулю. Тогда каким же образом оценить новое месторождение для принятия решения о возможности или невозможности его эксплуатации?»[172]

Таким образом, в случае построения цен на сырьевую продукцию добывающих отраслей на основании замыкающих затрат считалось, что полученный рентный доход, необходимо изымать в государственный бюджет страны в форме фиксированных (рентных) платежей. В случае же установления цен на ресурсы на основе среднеотраслевой себестоимости, предлагалось использовать полярные платежи или расчетные цены, которые, выступали только как механизм перераспределения прибыли, для обеспечения всем предприятиям рентабельной работы. При этом, установление цен на основе среднеотраслевой себестоимости объяснялось следующим образом «...цены надо устанавливать на базе среднеотраслевых затрат, так как в противном случае последует большое повышение цен на сырье»[188].

Вопросы организации и функционирования рентных отношений в добывающих отраслях широко рассматривались в те годы в научных экономических кругах. И хотя Г. Титова отмечает: «В 1967-1969 гг. журнал "Вопросы экономики" подытожил результаты дискуссий по данной проблеме (стоимостной оценке природных ресурсов – авт.), после чего окончательно возобладали рентные подходы и единым критерием экономической оценки

природных ресурсов была признана дифференциальная рента»[229] приведенная в данной работе дискуссия конца 1960-х – середины 1980-х г.г. по проблемам использования инструментов изъятия и перераспределения доходов рентного характера показала, что единого мнения достигнуто так и не было. Изучение данных вопросов продолжается и в наши дни, но и сегодня, в условиях рыночной экономики среди отечественных ученых-экономистов нет единодушия по проблемам сущности природно-ресурсной (горной) ренты и правильного использования инструментов ее изъятия.

Так, многие современные экономисты обращаются к вопросам теоретического осмысления и практического использования ренты и рентных отношений в практике хозяйствования. Например, Е.В. Моргунов, соглашаясь с необходимостью определения размеров горной ренты, отмечает, что «в большинстве случаев, особенно на макроуровне, дифференцирование горной ренты и прибыли по факторам, зависящим и независящим от экономической деятельности хозяйствующих субъектов, обуславливает сложность количественной ее оценки. Многовариантность решения этой задачи не позволяет составить экономико-математическую модель расчета горной ренты, адекватную реальным условиям разработки месторождений. Решение этой задачи для конкретного месторождения автором видится в нахождении компромисса между собственником недр и недропользователем при помощи конкурса (аукциона)»[158, С. 9-10]. Конечно, определение размеров горной ренты – весьма сложная задача, требующая решения многих теоретических и практических вопросов. Но решить ее, без всякого сомнения, можно. Как отмечает Мясоедов С.А.: «Разработки отечественных учёных в сфере горных наук, как в советские времена, так и в настоящее время позволяют определять большую часть дифференциальной ренты у недропользователей. Разработка налоговых механизмов изъятия доходов, полученных от разработки месторождений с лучшими горно-геологическими и географо-экономическими характеристиками, при существующем развитии горной науки

представляется решаемой»[161]. В частности, в данной работе будут предложены методические основы расчета размеров горной ренты, основанные на основе использования нормативных затрат, соответствующих технологии добычи, применяемой на данном месторождении. При наличии методики расчета размеров горной ренты отпадет необходимость компромисса между собственником недр и недропользователем. Е.В. Моргунов допускает распределение горной ренты между недропользователем и собственником недр – государством. Однако в условиях государственной собственности на недра вся сумма ренты должна поступать в доход государства. Следует отметить, что такой позиции придерживается не только Моргунов Е.В. Есть мнение, что «...рента не обязательно должна изыматься в бюджет. Большая часть этих средств обычно остается в распоряжении компаний или направляется во внебюджетный или автономный бюджетный стабилизационный фонд»[120, С.126]. В.А. Язев, отмечая, что «...альтернативой существующей ныне в России налоговой системы может стать трехступенчатая система налогообложения НК, включающая лицензионные выплаты, подоходный налог на компании и специальный налог на нефтяную деятельность».[265, С. 147] При этом, далее, В.А. Язев указывает, что второй уровень предлагаемой налоговой системы – это «изъятие государством посредством роялти разумно обоснованной части природной ренты»[265, С. 148]. В этом с ним полностью согласны В.Я. Афанасьев и Ю.Н. Линник[15, С. 292].

Как справедливо отмечает Н.Я. Петраков, экономические отношения между собственником недр - государством и недропользователем «...должны предусматривать обеспечение в добывающих отраслях нормальной прибыли на капитал, то есть прибыли, рассчитываемой по норме аналогичной с обрабатывающими отраслями, и изъятие природной ренты в бюджет различных уровней»[181].

Так же нельзя не согласиться с А.А. Зарнадзе, который считает: «Государственное управление целостным народнохозяйственным

комплексом подразумевает, что оно несет полную ответственность за его функционирование и развитие. Однако такая ответственность реально может быть обеспечена только тогда, когда государственное управление превалирует в отношении жизнеобеспечивающих подсистем: ТЭК, транспорта, связи, информационной, финансово-кредитной системы, природных ресурсов. Абсурдной является ситуация, когда жизнеобеспечивающие ресурсы народного хозяйства находятся вне рамок государственной собственности. Такая экономическая система нежизнеспособна по определению»[74, С. 117].

Но, не смотря на это, превалирует мнение, что «...образовавшийся механизм присвоения ренты позволяет нефтяным компаниям присваивать часть ренты. Тем самым, в неявной форме государство наделяет их и правом собственности на недра, т.е. то право разделено между государством и частными компаниями»[199, С. 19].

Здесь, безусловно, следует согласиться с А. Казанниковым, который считает, что земля и недра «...являются стратегическим государственным ресурсом. От степени эффективности его использования в процессе хозяйственной деятельности экономическими субъектами зависит социально-экономическое и экологическое положение в стране...»[85, С. 165].

Однако при этом следует отметить, что в экономической литературе существует и такое мнение, что при организации механизма изъятия горной ренты в нефтедобыче следует предусмотреть «вычитание из налогооблагаемой базы тех средств, которые вкладываются в развитие производства, разработку месторождений или экологических мероприятий»[52, С. 30], что заставит «нефтеразработчиков по хозяйски вести нефтедобычу и серьезнее относиться к экологическим мероприятиям» [52, С. 31]. По нашему мнению, указанные геологоразведочные и экологические мероприятия можно (и возможно более целесообразно и эффективно) проводить специальными централизованными службами.

Проведение же текущих геологических и экологических работ, без которых невозможно нормальное проведение нефтедобычи, следует просто учитываться в сумме затрат на производство.

Это же относится и к мнению В.С. Селина и В.А. Цукермана по поводу погашения повышенных затрат добывающих предприятий, работающих в условиях тяжелых природно-климатических условий: «В Российской Федерации собственником ресурсов выступает государство, то есть, по существу, ему принадлежит исключительное право присваивать ренту. Однако тогда у хозяйствующих субъектов исчезает источник покрытия дополнительных затрат, связанных с особыми условиями хозяйствования. Значит, собственник ресурсов в той или иной форме вынужден передавать часть ренты для компенсации неблагоприятных факторов»[217, С. 110].

Данную точку зрения нельзя признать правильной. Повышенные затраты любого вида (геологические, климатические или затраты местоположения) учитываются и образуют затраты добычи данного месторождения. Цены, построенные на базе обоснованных наивысших (замыкающих) затрат являются предельными и за их счет должны покрываться любые, опять же обоснованные повышенные затраты всех месторождений.

Но все равно, в экономической литературе появляются высказывания, в соответствии с которыми распределение земельной ренты между собственником ресурса и производителем возводится, чуть ли не в принцип или элемент существующих социально-экономических отношений. Так, Щипанов Э.Ю. отмечает: «Традиционно к числу субъектов присвоения земельной ренты относят земельных собственников, государство и возделывающих земельные ресурсы сельскохозяйственных производителей, каждый из которых в соответствии с принципами существующей социально-экономической системы реализует свое право на участие в распределении ренты в соответствующей форме рентного дохода»[257, С. 254]. Итак, земельная рента распределяется между земельными собственниками,

государством и сельскохозяйственными производителями. Во-первых, государство является таким же земельным собственником, как и все прочие. Во-вторых, земельная рента распределяется между земельными собственниками и сельскохозяйственными производителями из-за несовершенства существующей системы рентных отношений. Ведь земельные собственники, в отличие от сельскохозяйственных производителей, имеют право на безусловное изъятие всей земельной ренты. Тогда принципами, какой существующей социально-экономической системы предусматривается такое распределение?

В то же время Виноградова А.В., рассматривая природную ренту в нефтегазовом комплексе, отметила «проникновение природной ренты в различные экономические составляющие ресурсосберегающих компаний и слияния с ними в процессе производства, распределения, обмена и потребления»[37, С. 7], при этом указанное проникновение происходит в форме «...растекания ренты в различные доходы и даже расходы нефтегазодобывающих компаний»[37, С. 14].

Таким образом, справедливо мнение Мясоедова С.А., что используемая в настоящее время в России система налогообложения недропользователей, не может решить задачу изъятия горной ренты и обеспечить справедливое налогообложение добывающих предприятий, потому что нормы ресурсных платежей, и в первую очередь НДС, устанавливаются по плоской шкале, не учитывающей природных условий полезных ископаемых на каждом конкретном месторождении, при этом использование единых ставок становится особенно недопустимым в связи с тем, что: «...изменение характеристик месторождения происходит на протяжении всего периода его разработки»[161]. Мясоедов С.А. так же отмечает, что действующая система недропользования не может эффективно функционировать, если она не обеспечивает максимального учета первоочередных интересов государства, построения эффективного механизма и инструментов обеспечения

устойчивого развития отрасли, весьма важным элементом, которого является действующая система налогообложения[161].

Кимельман С. и Пителин А. дают определение горной ренты, основанное на наличии в определенном месте поверхности Земли тех или иных полезных ископаемых. Свою точку зрения они иллюстрируют следующим образом: пусть, в определенном месте производится закладка скважин и прокладка труб с одними и теми же параметрами (глубина, диаметр и т.д.). Но первая скважина предназначается для добычи нефти, а вторая – для добычи простой питьевой воды. Естественно, цены добываемых сырьевых ресурсов будут значительно различаться, хотя затраты на бурение и добычу ресурсов будут, по сути дела одни и те же. По мнению авторов, все становится ясным при появлении в цене на нефть добавочного элемента, показывающего, что потребители готовы заплатить за нефть значительно больше той суммы, чем суммарные затраты на ее добычу. Это связано с тем, что месторождений нефти гораздо меньше, чем источников питьевой воды и они гораздо менее доступны для потребителей[93, С. 97].

Таким образом, Кимельман С.А. и Пителин А.К., подменяют горную ренту разницей между ценами на нефть и пресную воду. Действительно, ни дифференциальная, ни абсолютная рента к данному случаю не подходят. Так, дифференциальная горная рента есть разность между затратами на добычу данного месторождения исчисленную исходя из условий замыкающего месторождения и затратами на добычу определенного полезного ископаемого на данном месторождении. Абсолютная же горная рента возникает тогда, когда все имеющиеся месторождения определенного полезного ископаемого уже находятся в эксплуатации, но данного полезного ископаемого все равно не хватает и цены на него начинают расти, что бы уравнять спрос и предложение.

Исходя из этого, ясна и еще одна методологическая ошибка Кимельмана С.А. и Пителина А.К. – ими вводится такой элемент в цене производителя как рентный фактор. Как отмечают авторы, существует

«необходимость учета рентного фактора в составе цене производителя прямо вытекает из сложившейся практики ценообразования»[93, С. 96], при этом «общую оценку ренты как вклада в цену производимого продукта мы будем называть рентным потенциалом, а ее взимаемую часть – рентными платежами»[93, С. 97].

При этом цена производителя, состоит из индивидуальной себестоимости добычи или производства плюс нормальная прибыль. Рыночная цена, в свою очередь, состоит из замыкающих затрат плюс опять же нормальная прибыль. Присутствие горной ренты в рассмотренных ценах простоя совершенно невозможно, хотя рыночную цену, конечно, можно представить как сумму индивидуальной себестоимости, горной ренты и нормальной прибыли, однако, сумма двух первых слагаемых будет представлять собой замыкающие затраты. Таким образом, следует согласиться с Д. Рикардо, что рента не входит, и не может входить в состав цены продукта.

Некоторые экономисты рассматривают природную ренту как часть прибыли. Так, В.И. Данилов-Данильян пишет: «...природная (природно-ресурсная) рента – часть прибыли, обусловленная использованием природного ресурса в процессе производства (вместо обусловленная использованием говорят возникающая в результате использования, а также порождаемая использованием и т.д.)»[65]. К этой позиции весьма близка точка зрения Г.А. Моткина, который считает, что природно-ресурсная рента, выступает как определенная доля прибыли, которую обеспечивает использование соответствующего природного ресурса [159, С. 17]. Но в первую очередь, природно-ресурсная рента это ни в коем случае не часть прибыли, а во вторую очередь, не обусловленная применением природного ресурса. Как указывают Н.П. Маслова и Э.Ю. Щипанов, рента выступает «...как доход владельцев одного из факторов производства...»[145, С. 15].

Близкую позицию занимает Некипелов А.Д., который считает, что природно-ресурсная рента представляет собой плату за пользование

соответствующими ресурсами. При этом далее он указывает: «Источником ренты является добавочный доход, возникающий при производстве, требующем применения дефицитного природного фактора производства»[166, С.166]. Таким образом, по его мнению, рента, это не часть прибыли, а добавочный доход, возникающий при производстве, требующем применения дефицитного природного фактора, а не при его добыче.

Кстати, Г.А. Моткин - отнюдь не единственный экономист, рассматривающий ренту, как часть прибыли. В.А. Язев отмечает, что природная рента – это часть «...прибыли, полученной субъектами предпринимательской деятельности за счет природного фактора»[265, С.148]. Так, и И. Суслов считает, что земельная рента – дополнительная прибыль, полученная сверх средней прибыли нормально работающих предприятий [201, С. 57]. При этом: «Она сложна по своей структуре и состоит из абсолютной и дифференциальной ренты I и II. Абсолютная рента порождена монопольным правом на землю как объект собственности» [201, С. 57]. С такой трактовкой сущности абсолютной ренты согласен и А.В. Сорокин. По его мнению: «...абсолютная рента – экономическая реализация частной собственности на землю»[224, С.124]. При этом по мнению А.В. Сорокина: «Абсолютная рента выплачивается на худших, средних и лучших участках» [224, С.124]. Абсолютная рента действительно образуется на всех землях, но только в определенных условиях. В обычных условиях на худших участках, не образуется ни дифференциальная, ни абсолютная рента. Но, по мнению А.В. Сорокина: «Земельная собственность служит барьером, который не допускает затраты капитала, если не выплачивается «пошлина», т.е. не взимается рента (по всей видимости – аренда – авт.)» [224, С.124]. При этом «источник абсолютной ренты – прибавочная стоимость, которая создается в отраслях с низким органическим строением капитала и не участвует в процессе образования общей нормы прибыли» [224, С.124]. То есть это следует понимать так, что абсолютная рента, в форме аренды,

увеличивает цену на сельхозпродукцию. Тогда, в других отраслях, где наблюдается нормальное органическое строение капитала (например, в добывающей промышленности), абсолютная рента, в виде аренды за использование участков недр, выплачиваться не должна?

Если же вернуться к мнению авторов, что рента представляет собой часть прибыли, то прибыль, как известно, создается в промышленном или сельскохозяйственном производстве. Кроме этого, данное определение, без сомнения, нуждается в соответствующей корректировке. Так, природная рента, как известно, образуется не природным ресурсом при его использовании. Природная рента формируется при реализации продукции сельского хозяйства и добывающих отраслей, если они находятся в относительно лучших, по сравнению с замыкающими землями и месторождениями.

Авторы учебника «Экономическая теория: экспресс-курс», подробно рассматривают процесс образования земельной ренты. Так, в частности, на стр. 218 они отмечают, что «...экономическая прибыль, получаемая на всех участках, по качеству земли превосходящих предельные, называется инфрамаржинальной (дифференциальной) рентой» [260, С.218]. Или «...если лучший участок № 1 будет давать экономические прибыли, то худший участок № 2 обеспечит лишь безубыточное производство» [260, С.216]. На самом деле, на худшем участке цена не только должна обеспечивать погашение затрат (безубыточное производство), но и нормальную прибыль. Далее авторы учебника противоречат сами себе: «...даже на худших землях арендаторские хозяйства должны иметь возможность покрывать свои издержки и получать доход, достаточный для расчетов по арендной плате, внесения налоговых платежей в бюджет, расширения производства и получения нормальной прибыли. Эта проблема решается с помощью чистой (по всей видимости, абсолютной – авт.) ренты, получаемой собственниками со всех земель без исключения, в том числе с худших» [260, С.219]. Таким образом, на худшем участке образуется двойная нормальная прибыль. Ведь

расчеты по арендной плате, внесение налоговых платежей в бюджет, расширение производства и составляет нормальную прибыль, которую приносит любое нормальное производство, а не чистая рента. Хотя о том, что такое чистая рента, можно только догадываться.

Авторы другого учебника указывают: «...размер земельной ренты мы определили остаточным методом, когда из общей величины созданного продукта вычли совокупную величину заработной платы» [125, С.301]. То есть прибыль в сельскохозяйственном производстве не образуется, а все издержки производства состоят из одной заработной платы.

Белякова О.О. и Филатов С.А. считают, что «Горная или природная рента представляет собой добавочный доход, получаемый сверх определенной прибыли на затраченные труд и капитал. Образование ренты обусловлено более благоприятными условиями, например, за счет выявления, разведки и добычи полезных ископаемых с лучшими горно-геологическими характеристиками, более высокой продуктивности пластов, местоположения природных ресурсов, лучших климатических условий и т. д. Часть горной ренты поступает в доход государства, часть остается у предпринимателей, осуществляющих добычу полезных ископаемых»[24]. Причины образования горной ренты указаны верно. Но почему же природно-ресурсная рента представляет собой «...добавочный доход, получаемый сверх определенной прибыли на затраченные труд и капитал?»[24]. Природная рента в добывающем производстве формируется при реализации сырьевых ресурсов месторождений с лучшими природными условиями указанного производства, которые обеспечивают снижение затрат добычи сырья по сравнению с месторождениями, находящимися в худших природных условиях (замыкающие месторождения). И почему часть ренты поступает в доход государства, а часть остается предпринимателям? Ведь собственник недр – государство, а рента, как доход от собственности на недра полностью принадлежит ему.

В свою очередь Волынская Н.А. и Ежов С.С. считают, что рента «...при добыче минерального сырья – разность между стоимостью сырья и полными затратами на его добычу, включая нормальную для этой деятельности прибыль на вложенный капитал (ресурсная рента)»[40, С.59]. Однако, встает вопрос: что должна собой представлять стоимость сырья, что бы разность между ней и полными затратами на его добычу, включая нормальную для этой деятельности прибыль на вложенный капитал давала разность между замыкающими затратами и конкретными затратами на добычу сырья?

Т.В. Павлушкевич пишет о минеральной ренте: «Ввиду того, что природным базисом этой части ренты служит изначально присущая различным видам полезных ископаемых потребительская ценность, очевидно, что величина платы должна находиться в соответствии с ней»[178, С.63]. То есть рента определяется не разницей между замыкающими и затратами на добычу данного добывающего предприятия, а присущей различным видам полезных ископаемых потребительской ценностью.

Кстати, в современных условиях рента местоположения, которая зачастую трактуется, как территориальная рента дополняется еще и новым видом ренты – пространственной. При этом их различие состоит в том, «...что территориальная рента связана с наиболее выгодным местоположением субъекта на объективно существующей географической или (и) экономической территории. Пространственная рента генетически связана с территорией, но принципиально отличается тем, что пространство субъективно и дискретно»[77, С.202]. При этом: «Причина возникновения пространственной ренты в эндогенной асимметрии, неоднородности пространства как национального, так и мирового. Экономические пространства привлекают производство и людей по-разному, и этими различиями определяются географические диспропорции в доходах. Процесс развития в отдельных районах, странах и во всём мире

носит волнообразный характер, а сформировавшийся в результате этого экономический ландшафт оказывается неровным: в одних районах – процветание, в других – бедность»[77, С. 204]. Как будет показано далее, выявление причин образования и определение размеров рентных доходов имеет значение только с точки зрения совершенствования системы налогообложения. Конечно, одинаковые затраты капитала и прочих ресурсов принесут неодинаковую отдачу, например, в маленьких и крупных городах, в одинаковых по численности городах, но находящихся в разных по промышленному, техническому и пр. развитию территориальных образованиях, или в разных странах. Однако если указанные различия принять за соответствующий рентный доход, не понятно, что с чем сравнивать, что бы определить его размеры и кто должен являться собственником этого дохода?

И.В. Жукова считает, что «Для упрощения понимания ренты, не подразделяя ее на составные части (горную, экономическую и др.), можно ограничиться лишь общим определением этой категории доходов – незаработанная часть прибыли (сверхприбыль), возникающая при разработке лучших по качеству и условиям залегания месторождений полезных ископаемых. Поскольку ее величина определяется как разность между расчетной и заработанной прибылью предприятия, то она поглощает и прибыль из-за разницы между внутренними и внешними ценами на продукцию»[71, С. 21]. (Кстати, по поводу «незаработанной части прибыли» Фрезен И.И. и Рейник Н.А. считают, что «нет даровых источников благ ни в природе, ни в других элементах производственного потенциала страны» [238, С. 242]). Но, если рента возникает «...при разработке лучших по качеству и условиям залегания месторождений полезных ископаемых»[71, С. 21], то почему ее величина определяется как разность между расчетной и заработанной прибылью предприятия и что подразумевается под расчетной прибылью предприятия? И как эта разница, «...возникающая при разработке лучших по качеству и условиям залегания месторождений полезных

ископаемых»[71, С. 21] поглощает прибыль из-за разницы между внутренними и внешними ценами на продукцию, которая, как следует из приведенной цитаты, рентным доходом не считается. Как далее отмечает автор: «Рента изымается и сегодня, но преимущественно через сложную налоговую систему»[71, С. 21]. Так вот в представленной в тексте статьи таблице №1 «Распределение ресурсных платежей между федеральным и региональными бюджетами» вывозная (таможенная) пошлина вообще отсутствует.

Вообще относительно определений абсолютной и дифференциальной горной ренты (а так же и самой горной ренты) в современной экономической литературе существует весьма широкий спектр воззрений. В частности, Ю.В. Разовский и Е.Ю. Савельева считают: «...рента подразделяется на сельскохозяйственную и несельскохозяйственную. Земельная рента может быть абсолютной и дифференциальной. Абсолютная сельскохозяйственная рента – приходящаяся на одного жителя страны площадь (как в натуральном, так и в денежном выражении) худшего по плодородию, месторасположению и другим характеристикам земельного участка, пригодного для сельскохозяйственного производства. Дифференциальная сельскохозяйственная рента – разница в цене единицы сельскохозяйственных земель, обусловленная различным плодородием почв, месторасположением и другими характеристиками» [197]. Абсолютная сельскохозяйственная рента, или рента редкости, это не микроскопический кусочек площади худшей земли, приходящийся на одного жителя страны, а приращение цены на сельхозпродукцию, когда в сельскохозяйственный оборот вовлечены все земли и цена регулируется соотношением спроса и предложения. Что же касается дифференциальной земельной ренты (не сельскохозяйственной, но классики политической экономии под земельной понимали именно ее) то это разница в количестве сельскохозяйственной продукции на данном и замыкающим по плодородию участком земли, а не разница в цене единицы площади сельскохозяйственных участков, вызванная различиями в

плодородии, месторасположении и др. В то же время, по мнению указанных авторов: «Дифференциальная горная рента возникает вследствие возрастающих потребностей общества в продукции горнодобывающих предприятий, ограниченности высокоэффективных запасов полезных ископаемых, различий в горно-геологических, экономико-географических и других условиях разработки месторождений. Дифференциальная горная рента – это дополнительная (незаработанная) часть прибыли (сверхприбыль) горнодобывающего предприятия, получаемая сверх уровня прибыли, объективно определяемого по методике, основанной на учете господствующего в экономике (среднего) банковского процента, за счет эксплуатации более эффективных месторождений. Поскольку лучшие природные условия не могут быть исключительной привилегией частного лица или группы лиц дифференциальная горная рента подлежит частичному акцизу (изъятию) в пользу общества и государства»[197]. С одной стороны, из-за возросших потребностей в продукции горнодобывающих предприятий может возникать не только дифференциальная, но и абсолютная горная рента, которая зависит только от уровня возросших потребностей и соотношения спроса и предложения. С другой стороны дифференциальная горная рента, не является незаработанной частью прибыли или сверхприбылью сверх среднего банковского процента, а выступает как разница между замыкающими затратами, пересчитанными на добычу данного месторождения и его затратами. Кроме этого, горная рента подлежит полному изъятию в пользу государства – владельца недр. Как будет показано ниже, позиции И.В. Жуковой и Ю.В. Разовского с Е.Ю. Савельевой основываются на «сверхприбыльной концепции», несовместимой с категорией природно-ресурсной ренты.

Л.Г. Хазанов считает: «Цена любого минерального ресурса включает в себя некоторую сумму сверх минимальной цены, по которой этот ресурс будет продан; эта минимальная цена включает в себя производственные издержки плюс уровень прибыли, достаточный, чтобы сделать инвестиции

привлекательными. Дополнительная стоимость ресурса сверх этой минимальной цены известна как экономическая, или горная, рента. Она может рассматриваться как стоимость самого ресурса, которая целиком принадлежит обществу»[240, С. 335]. Попробуем разобраться в том, что понимается под минимальной ценой минерального ресурса и дополнительной стоимостью ресурса превышающего указанную минимальную цену, известной как экономическая, или же горная, рента.

Если минимальной цена минерального ресурса включает в себя только затраты на добычу плюс прибыль, достаточную, для того чтобы инвестиции стали привлекательными, то логично предположить, что это есть цена минерального ресурса у недропользователя, построенная на базе затрат и прибыли худшего (замыкающего) месторождения. Тогда дополнительная стоимость ресурса, превышающая указанную минимальную цену, известной как экономическая рента должна представлять собой разность между замыкающими затратами т затратами лучшего месторождения. В результате мы получим цену, построенную на базе замыкающих затрат и по данной цене указанный ресурс и будет продан. При любом другом толковании компонентов указанной цены, истинные размеры ренты мы определить не сможем.

Следующая цитата Л.Г. Хазанова: «...абсолютная горная рента есть минимальный доход, определяемый как разность между объемами продаж продукции горнодобывающих предприятий и затратами на добычу и первичную переработку полезных ископаемых» [240, С. 341]. Однако в эту разность обязательно войдет прибыль добывающего предприятия (для любого предприятия) плюс дифференциальная рента I (для относительно лучших предприятий). Но абсолютная рента редкости может сюда и не попасть, так как она возникает отнюдь не всегда, а только в определенных условиях. Но это не все. Далее, по Л.Г. Хазанову: «Дифференциальная горная рента – это величина дохода, превышающего значение абсолютной ренты»[240, С. 342]. Странно, но первична дифференциальная рента,

определяемая природными условиями добычи сырьевых ресурсов. Рента редкости возникает позже, когда полезных ископаемых со всех месторождений начинает не хватать и тогда на худших месторождениях тоже начинает образовываться рента, но уже абсолютная (начинает работать механизм учета спроса и предложения). Кстати, в экономической литературе абсолютная рента может определяться и следующим образом: «Так, если эксплуатация даже самых бедных из разрабатываемых месторождений, какого то полезного ископаемого оказывается достаточно прибыльной, то определенная арендная плата может взиматься со всех без исключения месторождений этого ископаемого; это и будет абсолютная рента»[93, С. 101]. Но, как справедливо отмечает Э.Ю. Щипанов: «...однако арендная плата не является в чистом виде рентным доходом, несмотря на широко распространенное представление об идентичности этих понятий. Следует отметить, что уже А. Смит при уточнении понятия ренты как цены за пользование землей разделяет собственно ренту и арендную плату, считая последнюю самой важной формой проявления ренты. Вслед за ним Д. Рикардо, определив ренту как экономическую категорию, сразу указывает на недопустимость смешивания ренты с арендной платой и выводит ренту из категорий обыденной жизни в категории экономической теории» [257, С. 257]. Кроме этого Кимельман С.А. и Пителин А.К. предлагают проводить определение размеров абсолютной ренты с целью ее изъятия просто волевым решением без всякого обоснования. «В идеале абсолютная рента должна устанавливаться так, что бы ее изъятие не оказалось чрезмерно обременительным для всех тех действующих и проектируемых добывающих предприятий, которые вписываются в намеченную программу экономического роста. По нашим представлениям, абсолютная рента, как правило, должна характеризоваться величиной порядка нескольких процентов от стоимости добытых полезных ископаемых» [93, С. 102]. Зачем устанавливать несколько процентов без всякого обоснования, когда абсолютная рента определяется достаточно просто: из цены, установленной

на основе учета спроса и предложения вычитается цена, установленная на базе замыкающих затрат худшего месторождения. Поэтому мы согласны со следующим механизмом образования абсолютной ренты: «Механизмом, который понуждает фермера или распахать целину, или вкладывать инвестиции в существующий земельный участок, является механизм спроса и предложения. Именно повышение цены на продовольствие предшествует вовлечению в обработку новых участков земли. Не максимальная затрата труда, не максимальный размер издержек регулируют цену хлеба. Скорее цена хлеба регулирует тот максимальный размер издержек, который может окупиться на рынке. Рента платится не потому, что хлеб дорог для производителя, а потому, прежде всего, что хлеб дорог на рынке. Следовательно, те, кто присваивает ренту, получают прямую дотацию от общества»[228].

В связи с этим нельзя признать справедливой так же позицию Фрезен И.И. и Рейник Н.А. относительно абсолютной ренты: «Правительство России, выполняя функцию распорядителя общенародных природных ресурсов, предоставляет право пользования этими ресурсами за плату, которая есть экономическая форма реализации монополии общества на природные ресурсы. В экономической теории эта плата представляет собой сверхприбыль, которую называют абсолютной рентой» [238, С. 242]. Действительно, многие экономисты трактуют абсолютную ренту именно так, объясняя ее редкостью ресурса. Но, исходя из классического определения сущности дифференциальной и абсолютной ренты, сказанное, скорее относится к дифференциальной ренте I. Абсолютная же рента появляется тогда, когда природного ресурса, полученного со всех источников, или земель начинает не хватать и рента начинает образовываться и на худших землях и месторождениях. То есть абсолютная рента, как и дифференциальная рента II бывают не всегда. Абсолютная рента появляется при росте спроса на данный продукт выше определенного уровня, в то время как плата за пользование ресурсами должна выплачиваться всегда и

логичнее предположить, что указанная плата является не рентой, а частью затрат производителя. Естественно, в этом случае она выплачивается и на худших землях и месторождениях, хотя на них рента не образуется.

Весьма схожей точки зрения придерживаются Ю.В. Разовский и Е.Ю. Савельева: «Абсолютная горная рента обусловлена правом общества и каждого гражданина на недра и долю добытого полезного ископаемого. Абсолютная горная рента выступает в форме платы за использование недр для создания подземного пространства и платы за извлечение из недр природных ресурсов. Абсолютная горная рента подразделяется на горную «объемную» (зависит от объема горного отвода) и горную «потонную» (зависит от количества извлекаемого из недр полезного ископаемого). По экономической природе абсолютная горная рента схожа с абсолютной земельной рентой, но более сложна и многовариантна по источнику возникновения»[197].

Рассматривая основные предпосылки образования абсолютной ренты М.И. Беляев, отмечает следующие причины (предпосылки):

- «- Отсутствие производства для собственных целей (полное подчинение сельскохозяйственного производства условиям рынка).
- Производство основного продукта питания (например, Россия специализируется на ржи, Китай на производстве риса и т.п.)
- Все земли арендуются (сдаются внаем) при условиях совершенной конкуренции.
- Качество земельных участков не принимается во внимание»[208].

Следует отметить, что бесспорной является только третья предпосылка (все земли арендуются или сдаются внаем). По всей видимости можно принять первую (доминирование рынка над сельскохозяйственным производством) и последнюю предпосылку – в случае, если качество земель не учитывается, хотя трудно себе представить, что такое возможно. Но вторая предпосылка едва ли может иметь отношение к образованию абсолютной ренты.

Однако вернемся к воззрениям Л.Г. Хазанова на горную ренту. И здесь совсем непонятно его утверждение, что горная рента это «...незаработанный доход от эксплуатации запасов полезных ископаемых» [240, С. 242]. Как отмечалось выше, указанный вид рентных доходов возникает в процессе реализации недропользователем добытых полезных ископаемых, а не при их эксплуатации.

В то же время, по мнению Виноградовой А.В. природная рента в НГК РФ состоит из естественной ренты, технологическая ренты, институциональной ренты, валютной и ценовой видов ренты [37, С. 13]. Под естественной рентой, по всей видимости, понимается дифференциальная горная рента, а под технологической рентой – квазирента. То есть Виноградова А.В. считает, что природная рента в НГК включает в себе различные рентные доходы, принадлежащие разным собственникам. Дифференциальная горная рента принадлежит государству, а квазирента – недропользователю, при этом, по мнению ряда экономистов, валютный и ценовой рентные доходы в современных условиях являются составными частями квазиренты [222, С. 46; 128, С. 14].

Раков А.В. считает, что «Одной из особенностей России по сравнению с другими странами являются ее огромные территориальные размеры. Разнообразие природно-климатических и экономико-географических характеристик субъектов Российской Федерации является одним из важнейших факторов образования природной ренты» [199, С. 3].

Кстати, тот же Раков А.В. В качестве первого пункта научной новизны своего диссертационного исследования указывает следующее: «Предложена классификация рентных доходов: природная рента, избыточная прибавочная стоимость, статусная рента» [199, С. 6]. При этом статусная рента это «дополнительный доход, связанный с использованием властного ресурса» [199, С. 9]. И это все. Ни ценовой ренты и квазиренты, зато есть избыточная прибавочная стоимость, но под это определение попадает любой вид рентного дохода. В качестве второго пункта научной новизны Раков А.В.

представляет следующее: «Выделена рентная составляющая в заработной плате работников рентообразующих отраслей, рассчитан ее размер»[199, С. 6]. Совсем непонятно. Еще «И.Г. Буш ...заметил, что талант и ловкость обладают достоинством аналогичным земле, тем самым став первым экономистом, обнаружившим рентную составляющую в оплате труда, для обозначения которой чуть позже А.К. Шторх по аналогии с земельной рентой ввел понятие ренты таланта, как «дара щедрости природы»[145, С. 19]. Но здесь рентная составляющая в оплате труда выводится из таланта и ловкости, которые обладают достоинством, аналогичным земле. Как отмечалось выше, это явление получило название ренты таланта, как «дара щедрости природы»[145, С. 19]. В обычном случае, на нефтедобывающих месторождениях заработная плата – это обычный элемент затрат. Тогда как в указанный элемент затрат, в обычном случае, при отсутствии особого умения или мастерства попадает рентная составляющая? Величина рентной составляющей в заработной плате по Ракову А.В. определяется просто. Из средней заработной платы, например, в нефтедобыче, вычитается средняя заработная плата по промышленности. Разница и есть рентная составляющая в заработной плате. Но тогда рентную составляющую можно найти у работников всех отраслей или регионов, имеющих высокую заработную плату: у машинистов поездов метро, пилотов коммерческих авиалиний и т.д., хотя они и не являются работниками рентообразующих отраслей. Кстати, следует отметить, что такой подход (все, что выше среднего или нормального уровня, это рента или рентный доход) напрямую связан со «сверхприбыльной концепцией» в рентообразовании.

Похожей позиции придерживается и А.В. Латков: «Рентная составляющая может быть выделена не только в общем объеме прибыли, но и в других доходах экономических агентов, например, в оплате труда. В данном случае рентный доход, по мнению диссертанта, может трактоваться как разность между заработной платой, которую работник мог бы получать от разных работодателей или в разных регионах. Поиск такой ренты является

важной причиной трудовых миграционных потоков между странами и их регионами»[128, С. 12].

«Сверхприбыльная концепция» природной ренты получила в современной экономической науке весьма широкое распространение. Так, еще Д.А. Ворчестер, отмечал, что в отношении ренты, в экономической науке существуют следующие определения:

1. Платежи предпринимателя за определенные факторы производства.
2. Часть предпринимательских платежей, выплачиваемая определенным факторам производства.
3. Доход, получаемый владельцами определенных производственных ресурсов.
4. Часть дохода, получаемого владельцами определенных производственных ресурсов»[46].

Далее, Д.А. Ворчестер пишет о том, что хотя существуют и другие определения ренты, однако именно данный перечень позволяет определить основное различие в понимании сущности ренты. Так, пункты 1 и 3 относятся к классическим взглядам на ренту, а согласно пунктам 2 и 4 рента рассматривается как сверхприбыль (излишек). Как пишет Д.А. Ворчестер: «...существенной характерной чертой ренты является приносимый ею избыточный доход». Кроме того, он пишет о том, что имеется множество черт «...сходства между избыточным доходом в виде чистой прибыли и избыточным доходом (рентой – авт.) определенных факторов производства»[46].

Ворчестер Д.А. не пользовался термином сверхприбыль, он говорил о ренте, как об избыточном доходе. Сегодня многие экономисты рассматривают ренту и сверхприбыль, как идентичные понятия. Так, Л.М. Капица считает, что: «Природная рента – это сверхприбыль, получаемая при использовании ограниченных разнокачественных природных ресурсов и присваиваемая собственниками этих ресурсов»[87]. Ковалев Н.Р. и Юшкевич Е.Е. считают, что «Д. Рикардо исходил из предположения об

ограниченности плодородных земель, но не земель вообще. Вот почему рента по Д. Рикардо – это именно дифференциальная рента, доход, превышающий среднюю прибыль»[103, С. 16]. Но из того положения, что ограниченность касается только плодородных земель, никак не следует вывод о том, что рента по Д. Рикардо – это именно дифференциальная рента, доход, превышающий среднюю прибыль, ведь Д. Рикардо образование дифференциальной ренты (данного термина он не использовал) связывал с различием в плодородии земель.

Однако, по мнению Ложниковой А.В. «...в западных хозяйственных практиках произошло замещение термина «рента» термином «сверхприбыль»»[131, С. 5] и поэтому «...отдавая предпочтение универсальной и применимой для всех отраслей экономики «концепции сверхприбыли» в отличие от «концепции природно-земельной ренты» [131, С. 197], следует отказаться от использования «традиционной классификации форм земельной ренты (абсолютная, монополярная, дифференциальная рента I рода и II рода) и ее дальнейшего развития (дифференциальная рента III рода и т.д.). В качестве основы для такого отказа могут быть предложены следующие причины фундаментального характера» [131, С. 197]. Первая причина, о которой говорит Ложникова А.В., связана с абсолютной рентой: «Феномен «абсолютной ренты», получение которой обеспечивают даже худшие земельные участки, в теории ренты увязывается с институтом частной собственности на землю. В этой связи можно говорить об отсутствии абсолютной ренты во всех случаях, когда объекты рентных отношений, например, полезные ископаемые в недрах, принадлежат государству. Так и было в СССР – уплата рентных платежей в экономике без института частной собственности теоретически обосновывалась как взимание дифференциальной ренты в отсутствие ренты абсолютной. Вопрос об абсолютной ренте автоматически не решается и сегодня в РФ, в рыночных условиях, когда полезные ископаемые в недрах, согласно одноименному федеральному закону, принадлежат российскому государству, а

извлеченными из недр полезными ископаемыми, начиная с четко не определенного в законодательстве момента, практически без контроля со стороны собственника распоряжаются недропользователи» [131, С. 197].

Как нам кажется, здесь Ложникова А.В. не совсем права. Абсолютная рента возникает тогда, когда в сельскохозяйственный оборот или добычу полезных ископаемых вовлечена уже вся (в том числе и худшие участки) земля или все месторождения, а хлеба или полезных ископаемых все равно не хватает. В этом случае начинает работать механизм, уравнивающий спрос и предложение с помощью роста цен. Эта прибавка к цене и будет представлять собой абсолютную ренту для всех участков (и лучших и худших). При этом сумма дифференциальной ренты I и абсолютной ренты будет составлять совокупную ренту, которую и будет присваивать землевладелец или недровладелец. При этом отсутствие института частной собственности в СССР не отменяло института государственной собственности, а государство в этом случае и было землевладельцем. Что касается сегодняшнего положения с полезными ископаемыми, которыми начиная с четко не определенного в законодательстве момента, практически без контроля со стороны собственника распоряжаются недропользователи, то в отношении абсолютной ренты здесь налицо явная ошибка. Абсолютная рента в отношении нефти и газа проявляется, в основном, при их экспорте за рубеж. Внутренняя потребность в нефти и газе удовлетворяется полностью и по более низким ценам. При этом некоторые экономисты считают, что установление государством низких внутренних цен на газ является одним из самых крупных направлений потери ренты государством. «Потери ренты выявляются при сопоставлении внутренней цены с равновесной (при свободном, рыночном формировании цен). Последняя, согласно общепринятому методу, определяется как цена экспорта за вычетом дополнительных затрат на транспортировку газа до границы. По нашим расчетам, в среднем за рассматриваемый период фактические цены внутреннего рынка (с учетом, как производственных потребителей, так и

населения) составляли лишь 1/4 равновесных. Для населения разрыв еще сильнее: цены приобретения в среднем были в семь раз ниже равновесных цен» [62, С. 18].

Таким образом, абсолютная рента в недропользовании, в современных условиях, проявляется только во внешней торговле. Внутренние цены не могут обеспечить ее образование. Сказать о том, что во внешней торговле нефтью и газом, практически без контроля со стороны собственника (государства), распоряжаются недропользователи может только человек, не знакомый с используемой системой налогообложения недропользователей. Экспортные пошлины и НДС, конкретный уровень ставки, которого определяется именно с учетом мировых цен и курса доллара решает вопрос с рентой редкости без постоянного вмешательства государства. Как считают М.А. Моисеева, И.Е. Войшвилло и Н.С. Милоголов: «В подавляющем большинстве стран мира таможенные пошлины не играют значимой для государственной казны фискальной роли. Их главная задача — защитить внутренний рынок от внешних конкурентов. В России же экспортные пошлины стали одним из главных инструментов, перекачивающих значительную часть выручки нефтегазовых компаний в государственную казну. Так, по оценкам экспертов, вывозные таможенные пошлины на нефть принесли в бюджет 2010 г. порядка \$60 млрд» [155, С. 95]. И как они указывают далее «...каждый дополнительный доллар прироста цены нефти свыше уровня \$25/барр. приносит самим нефтедобывающим компаниям лишь 13 центов. Остальное изымается государством в виде налогов, прежде всего экспортной пошлины» [155, С. 97].

Такой позиции придерживаются многие экономисты. Как считает Николайчук О.А.: «...возникновение и присвоение ренты при добыче энергоресурсов в стране предполагают непосредственное сопоставление мировых цен со среднемировыми затратами. Если эта разница положительная, то такой сверхдоход определенно можно называть рентным» [168, С. 67]. Однако здесь следует отметить, что рента образуется все же на

национальном уровне, поэтому сопоставление мировых цен следует проводить не со среднемировыми затратами, а с национальными внутренними рыночными ценами.

Вторая причина, выдвигаемая Ложниковой А.В., также связана с собственностью, вернее с цикличностью «изменений отношений собственности в современной экономике. Последний мировой финансовый кризис 2008 г. особенно ярко продемонстрировал то, что в этот «маятниковый» процесс периодической формы собственности «государственная – частная» вовлечены в том числе самые крупные транснациональные корпорации (ТНК), например, General Motors. Поскольку финансово-экономическая ситуация претерпевает значительные изменения во времени, то и судьба экономической категории «абсолютная рента» становится в этих условиях очень зависимой и нестабильной»[131, С. 197]. На наш взгляд, последнее утверждение А.В. Ложниковой не выдерживает никакой критики. Основная работа У. Петти «Трактат о налогах и сборах» была опубликована в 1662г. и именно это время можно назвать началом изучения категории ренты. С тех пор произошло много изменений в экономике и политике: происходили мировые кризисы и войны, менялись собственники и доля государственного участия в крупнейших транснациональных корпорациях, но никто не ставил на этом основании под сомнение существование ренты и ее форм - абсолютной и дифференциальной ренты I и II. Кстати сверхприбыль, на которую предлагается заменить природно-земельную ренту, вовсе не однородна по природе, имеет различные причины образования и разных собственников и уже одно это заставит делить ее на различные части и едва ли позволит заменить все налоги и платежи, направленные на регулирование рентных отношений на один налог на сверхприбыль.

Кстати, Ложникова А.В. отнюдь не единственная, кто считает, что классическая классификация устарела. Так, вместе с ней некоторые авторы считают, что в современных условиях классическое определение горной

ренды и ее деление на абсолютную и дифференциальную не соответствует современным представлениям науки, развитием экономики и общества и предлагают расширенную классификацию горной ренты, включающую горнохимическую, скважинную и нефтегазовую ренты[192].

Похожей позиции придерживается Щемелинин С.А.: «В зависимости от вида используемых ресурсов различают земельную ренту, ренту на строительные участки, монопольную ренту, ренту на человеческий капитал. Марксистская политическая экономия, кроме названных выше, выделяет абсолютную и дифференциальную ренту»[256, С. 97]. Хотелось бы только отметить, что автор выделяет весьма мало видов рентообразующих ресурсов, так, среди приведенного списка отсутствует даже горная рента. И дифференциальная и абсолютная рента не могут дополнять список ресурсных рент, так как эти ренты скорее функциональные, и каждая ресурсная рента может быть и абсолютной и дифференциальной.

Однако вернемся к «концепции сверхприбыли», поддерживаемой А.В. Ложниковой и рядом других экономистов. С одной стороны, концепции сверхприбыли гораздо шире и не ограничивается только областью рентных отношений, а выходит далеко за ее пределы. Как справедливо отмечает Фадлалла А. Р., что «...концепция сверхдохода выводит теорию ренты далеко за пределы отношений землевладения и землепользования»[236, С. 5]. Это же отмечает и Куликов А.П.: «Таким образом, в «сверхприбыльной концепции» природной ренты, к которой склоняется большинство современных российских исследователей, понятие природной ренты эквивалентно понятию «сверхприбыль», определение которого неоднозначно. Подход с точки зрения «сверхприбыли» в принципе может быть реализован, но тогда природа изъятия будет другой. В то же время величина природной ренты должна определяться в первую очередь природными факторами» [122, С. 403].

Среди экономистов, поддерживающих «сверхприбыльную концепцию» встречаются и такие точки зрения, что в цене на нефть прибыль отсутствует

вовсе, а все что выше издержек – природная и ценовая рента. Так, С. Меньшиков считает: «Одним из ярких примеров сверхприбыльной ниши является эксплуатация такого рентонесущего ресурса, как нефть. Здесь сверхприбыль (или рента) складывается из комбинации двух факторов: сравнительно низких удельных издержек добычи и весьма высоких мировых цен. Разница между издержками (например, 2-4 долл. за барр. плюс транспортировка) и внутренней ценой (например, 8 долл. за барр.) дает собственно природную ренту, а разрыв между внутренней и внешней ценой (20-25 долл. за барр.) - экспортную ренту»[148].

При этом следует отметить, что некоторые экономисты, поддерживающие концепцию ренты как сверхприбыли, не всегда правильно отражают соотношение категорий прибыли и ренты. Так, позиция Фрезен И.И. и Рейник Н.А. заключается в следующем: «Ренту целесообразно понимать как сверхприбыль (экономическая прибыль) в области природопользования. Ибо есть еще нормальная (средняя) прибыль, являющаяся доходом необходимым для расширенного воспроизводства предприятия в пределах спроса на продукт. Сверхприбыль такую роль не выполняет. Если бы все предприятия получали бы только величину прибыли, достаточную для поддержания конкурентоспособности своей продукции, то большая прибыль означает избыточную прибыль, без которой предприятия могут обойтись» [238, С. 249]. Далее авторы отмечают, что «сверхприбыль – патологический симптом» [238, С. 240]. Еще далее соотношение прибыли и ренты Фрезен И.И. и Рейник Н.А. представляют следующим образом: «Если природный ресурс, обладающий повышенным естественным качеством и лучшим местоположением, будет использоваться менее производительно, чем ресурсы с относительно низким качеством, то у собственника первого ресурса исчезнет DR-I (дифференциальная рента I - автор), вследствие повышения его издержек производства» [238, С. 241]. Но это совершенно неверно. Повышения его издержек производства сверх обоснованного уровня не приведет к исчезновению ренты, а просто уменьшит прибыль

собственника ресурса. Собственно, на практике, так и происходит. Искусственно увеличиваются затраты, рентабельность и налогооблагаемая прибыль уменьшаются, соответственно уменьшается и налог на прибыль. НДС, как будет показано выше, от затрат не зависит. Трудно объяснить и позицию Фрезен И.И. и Рейник Н.А. относительно дифференциальной ренты II: «Велики ли возможности государства, пополнить доходную часть бюджета за счет DR-II? Если исходить из потребности правительства в кратчайшем периоде сохранить хотя бы основную часть учреждений непроизводственной сферы и обеспечить достаточную обороноспособность страны и т.д., тогда государство будет изымать часть или большую часть DR-II» [238, С. 241]. Спрашивают и сами себе отвечают они. Но это не так. Если в случае с дифференциальной рентой I, государство, как собственник недр может претендовать на всю ее сумму, тем более что, по их мнению, дифференциальная рента I представляет собой - «...избыточную прибыль, без которой предприятия могут обойтись». В случае с дифференциальной рентой - II все иначе. Она принадлежит владельцу предприятия, осуществившему высокоэффективные инвестиции, и будет облагаться по ставке налога на прибыль. Не совсем понятно и следующее высказывание указанных авторов: «Рентный налог, включенный в цены продукции природопользователей, приведет к последующему росту цен на промежуточный продукт» [238, С. 242]. С помощью рентного налога должна изыматься дифференциальная рента I, которая выступает в виде разности между замыкающими затратами и конкретными затратами добычи на данном месторождении, при этом цены формируются на базе замыкающими затрат. В этих условиях налог в виде этой разницы никак не может влиять на уровень цены.

Сверхприбыльная концепция природной ренты зачастую приводит к упрощенному взгляду на рентообразование и установление границ между различными рентными доходами. Так, Икаев И.Р., указывает, что в его работе: «Впервые дифференциальная рента 1,2,3,4 рода типизирована исходя

из уровней сверхрентабельности использования минерально-сырьевого капитала. Типизация уровней формирования нефтегазовой ренты, на основе единого критерия – усредненной ставки рефинансирования и ставок коммерческих банков позволяет научно упорядочить представления о закономерностях формирования ренты и прибыли, заложить основу для составления экономико-математической модели ее оценки» [82, С. 118]. Далее, представленной убыток в диапазоне от 1 до 21% и более интерпретируется как отрицательная рента, уровень превышения затрат над результатами от 1 до 10% обеспечивает частичное воспроизводство ресурсов за счет амортизации, приводит к снижению запасов полезного ископаемого; в диапазоне от 1 до 10% формируется абсолютная рента (минимальная прибыль); рентабельность 1 – 10% обеспечивает простое воспроизводство запасов месторождения в денежном выражении, и производственных ресурсов за счет амортизационных отчислений; в диапазоне рентабельности 11 – 30% формируется минимальная и нормальная прибыль. И только в диапазоне рентабельности 31 – 40% за счет масштаба минерально-сырьевого капитала и относительно больших запасов месторождения полезных ископаемых формируется сверхприбыль - дифференциальная рента 1 рода; в диапазоне рентабельности 41 – 50% формируется дифференциальная рента 2 рода; в диапазоне рентабельности 51 – 60% формируется дифференциальная рента 3 рода и т.д. [82, С. 118-119]. Таким образом, прибыль и рента не различаются и не разделяются. Абсолютная рента образуется раньше, чем дифференциальная. Но при этом: «Рента имеет различную природу образования. Но разделение на дифференциальную ренту 1,2,3,4 рода достаточно условно»[82, С. 118].

Таким образом, «универсальная и применимая для всех отраслей экономики «концепции сверхприбыли»»[131, С. 197] противоречит принципам образования природно-ресурсной ренты и исчисление горной ренты как разности между получаемой и нормальной прибылью не может решить задачи учета природных параметров.

Нельзя не согласиться с Куликовым А.П., что «Вычисленная с помощью «сверхприбыльной концепции» рента не является по своей сути природной, так как зависит не от природных характеристик месторождений, а от финансовых и экономических показателей предприятий» [122, С. 402]. Это же признает и сама Ложникова А.В.: «Таким образом, в новых классификациях ренты первичный характер производства ренты оказался практически утраченным. В то же время именно фаза производства ренты является приоритетной с точки зрения государственного регулирования и во многом определяет экономическое содержание последующих процессных фаз ренты» [132, С. 17]. Кроме этого, дифференциальная горная рента, выступающая в виде разницы между затратами на замыкающем и данном месторождении, хоть и входит в цену продукции, но не влияет на ее величину (как и дифференциальная рента-II и квазирента). В свою очередь сверхприбыль прямо влияет на уровень цены и с этой точки зрения она имеет признаки сходства только с абсолютной рентой. Другим важным вопросом является нижняя граница сверхприбыли (у абсолютной ренты с этим вопросом ясно, нижняя граница - это цена, построенная на базе замыкающих затрат). Некоторые экономисты считают, что нижней границей сверхприбыли должна выступать уровень «среднего» или «нормального» дохода [120]. При этом границу между прибылью и рентой можно установить по разному. Так, как указывает Разовский Ю.В.: «Поскольку практически невозможно отделить заработанную прибыль от ренты учетом многочисленных и, как правило, разнонаправленных факторов, влияющих на рентабельность горнодобывающей, лесопромышленной, сельскохозяйственной, торговой и другой деятельности, необходимо для этих целей использовать объективный макроэкономический показатель: средний уровень процентной ставки, сложившийся в хозяйстве страны, характеризующий среднюю эффективность всякой деятельности, которая, в свою очередь, определяет границу между заработанной прибылью и рентой. Прибыль любого предприятия, независимо от видов деятельности и

источника получения, существенно превышающая средний уровень процентной ставки, объективно является рентой»[194, С. 115]. В другой работе Разовский Ю.В. предлагает определять границу между прибылью и рентой «на базе банковской процентной ставки, которая определяется по ...методике и экономико-математической модели как средняя величина ставок по кредитам прямым заемщикам ведущих коммерческих банков страны и ставки рефинансирования Центрального банка РФ»[196, С. 115].

Следует отметить, что на основе указанных расчетов, просто невозможно получить ренту, определяемую как разность между замыкающими и фактическими затратами и образующуюся из за различий в природных условиях добычи.

В свою очередь Латков А.В. считает: «любой доход в части его превышения над удерживающим доходом является экономической рентой» [128, С. 7]. В другом месте он указывает, что природно-ресурсная рента, как и экономическая квазирента «...являются доходами сверх нормальной прибыли»[128, С. 14-15]. Так же считают Разовский Ю.В. и Булат С.А. В соответствии с этим они пишут: «Что бы не разорить бизнес, следует научно обосновывать оптимальную границу между прибылью и сверхприбылью (рентой)»[193, С. 11]. Но чем определяется уровень нормальной прибыли? Прибыль средняя по отрасли, по народному хозяйству? Моргунов Е.В. предлагает величину нормальной прибыли рассчитывать на базе следующих показателей: ставка рефинансирования ЦБ РФ; 3-5% (рисковая премия) реальной рентабельности продукции или услуг (фактическая рентабельность – индекс инфляции = 3-5%); ставка по коммерческим кредитам + рисковая премия (3-5% годовых); средняя рентабельность отраслей народного хозяйства России и т.д. [157, С. 79].

Следствием данных нерешенных проблем явится: «...безрезультатность изъятия ренты как сверхприбыли»[122, С. 401]. Кроме этого, «введение «нормальной» прибыли приведет к тому, что предприятия будут занижать природную ренту. Это можно сделать через увеличение

«Базы». Иными словами, чем выше, допустим, основные фонды (или затраты) предприятия, тем больше его расчетная «нормальная» прибыль (тем больше, следовательно, остается денежных средств в его распоряжении), и тем меньше «сверхприбыль». Таким образом, изымаемая природная рента будет стремиться к нулю, а основные фонды предприятий (или затраты) необоснованно увеличиваться» [122, С. 401].

Следует также отметить, что концепции сверхприбыли упростит применение трансфертного ценообразования. ««Сверхприбыльная концепция» природной ренты не дает решение проблемы, которая возникла в российском ТЭК в последнее время – трансфертные цены. Очевидно, что манипулирование ценами договоров в вертикально-интегрированных нефтегазовых компаниях дает им возможность по своему усмотрению регулировать прибыль добывающих предприятий. В результате недропользователи будут уходить от выплаты природной ренты легче, чем в настоящее время»[122, С. 402].

Таким образом, в отношении дифференциальной ренты – I и II, а так же и квазиrentы следует признать, что эти экономические категории несовместимы с «концепцией сверхприбыли» и потому распространение указанной концепции на природно-ресурсную ренту никак не обоснованно. По всей видимости, именно с этим связано стремление многих сторонников «концепции сверхприбыли» отказаться от классической классификации природно-ресурсной ренты, о которой говорилось выше.

Однако современные воззрения на природно-ресурсную ренту связаны не только с ее классической трактовкой и концепцией сверхприбыли. Так, Фадлалла А.Р. считает, что «...кроме понятия «рента» используется также и понятие «экономическая рента» - это цена, уплачиваемая за использование земли и других природных ресурсов, количество (запасы) которых строго ограничено» [237, С. 12]. Вводить еще одну экономическую категорию, особенностью которой является только то, что она связана с использованием природных ресурсов и земли, запасы которых являются строго

ограниченными, считаем нецелесообразным.

Рюмина Е.В. считает, что «природная рента – это компенсация природоохранных затрат и экономического ущерба, наносимого при добыче, переработке и потреблении природных ресурсов» [209, С. 12] и в связи с этим ее прямым назначением должно стать финансирование мероприятий по снижению и компенсации негативного воздействия на окружающую среду (в частности, загрязнения) и затрат на восстановление (воспроизводство) самого природного ресурса» [209, С. 12]. Конечно, нельзя не согласиться с тем, что определенная часть природной ренты должна расходоваться на финансирование природоохранных мероприятий (собственно, так сейчас и происходит: основную часть указанных мероприятий выполняют недропользователи, что увеличивает их затраты и уменьшает размеры природной ренты, но использование всей природной ренты, как собственности и дохода государства, на экологические мероприятия никак не обоснованно и в результате сократит доходы бюджета страны).

Как утверждают Ковалев Н.Р. и Юшкевич Е.Е.: «...появление дифференциальной ренты неразрывно связано с эффективностью используемого капитала, а, следовательно, и с эффективностью производства» [103, С. 17].

Заслуживает внимания и их следующее высказывание: «Мы полагаем, что на современном этапе объем понятия ренты нельзя ограничить только ...аспектами формирования абсолютной, дифференциальной ренты и квазиренты. На наш взгляд, рентные отношения адекватные трансформационному периоду развития российской экономики можно структурировать с позиций кластерного подхода, предполагающего наличие спектра видов ренты, который в дальнейшем по мере усиления развитости рыночных отношений будет дополняться» [103, С. 17]. Как и почему спектр видов рент будет дополняться по мере усиления развитости рыночных отношений и именно с позиций кластерного подхода? Развитие рыночных отношений не сопровождается обязательным появлением новых

видов рентообразующих ресурсов. Конечно, оно будет сопровождаться технологическим и инновационным развитием, которое может сопровождаться привлечением в производство новых видов ресурсов, в том числе и рентообразующих, но с развитием рыночных отношений это напрямую не связано никак.

В свою очередь М. И. Бородина считает: «Главным источником сверхприбыли является энергорента – сверхприбыль, получаемая за счет всех источников при удовлетворении потребностей общества в энергии. Эта сверхприбыль складывается из разницы между издержками производства и нормальной прибылью на всех ступенях производства, реализации и потребления энергоресурсов – от исходной (разведка, добыча и первичная переработка); промежуточной (при транспортировке энергоресурсов и продуктов их переработки, научно-технологическом, банковском, кадровом и информационном обслуживании энергосектора, производство оборудования для всех этих звеньев, инвестиций и строительства в этом секторе и т.д.) и до конечной»[31, С. 65].

Таким образом, рента, образующаяся на этапе добычи энергоресурсов (а не всех этапов, перечисленных выше) равна «разнице между издержками производства и нормальной прибылью». Что означает в экономическом плане указанная разница между издержками производства и нормальной прибылью объяснить достаточно трудно. Но если автор хочет получить сумму сверхприбыли, то ее следует исчислять, как разницу между фактической и нормальной прибылью, или разницу между рыночной ценой и издержками производства с нормальной прибылью.

Латков А.В., рассматривая различия между природно-ресурсной рентой и квазирентой, пишет: «Несмотря на очевидные различия, экономическая квазирента и природно-ресурсная рента имеют целый ряд общих характеристик»[128, С. 14]. Так, отмечает А.В. Латков «...они являются доходами сверх нормальной прибыли (опять «сверхприбыльная концепция – авт.). Цены на продукцию, произведенную при помощи природных ресурсов,

устанавливаются на таком уровне, что становится экономически выгодным ее производство при помощи худших ресурсов. Избыточная прибыль, получаемая при использовании лучших и средних по качеству ресурсов, образует дифференциальную ренту, которую получает собственник ресурса» [128, С. 15].

Следует отметить, что «...цены на продукцию, произведенную при помощи природных ресурсов» [128, С. 15], рассчитываются на базе цены на данный природный ресурс, построенной на основе замыкающих затрат. Это и позволяет добывать (а не использовать) «худший природный ресурс». И далее: «Дифференциальная рента возникает в случае использования любого рода ресурсов, не являющихся полностью однородными в каждом их классе и различающимися предельной производительностью» [128, С. 15]. То положение, что дифференциальная рента возникает в случае использования ресурсов, не являющихся полностью однородными, бесспорно. Но почему они должны различаться предельной производительностью, достаточно просто различий в природных условиях добычи. В то же время непонятно, что понимает Латков А.В. под «худшими ресурсами», ресурсы, добытые на замыкающих месторождениях или худшие по качеству?

Затем автор делает следующий вывод: «...общие характеристики природно-ресурсной ренты и экономической квазиренты позволили автору объединить эти категории единым понятием «экономическая рента»» [128, С. 15].

В связи с этим, Латков А.В. отмечает, что «экономическая рента может возникать как под воздействием природных условий, так и в результате целенаправленных действий» [128, С. 15]. Однако из-за воздействия природных условий возникает дифференциальная природно-ресурсная рента, а в результате целенаправленных действий – квазирента. Кроме этого, указанные рентные доходы имеют разных собственников, что делает весьма сомнительным возможность их объединения под единым понятием.

Трудно согласиться и с таким утверждением: «продуктивное рентоориентированное поведение способствует повышению уровня инновационной активности, что имеет важное значение для динамичного развития производительных сил в современной рыночной экономике»[128, С. 16].

Рентоориентированное поведение не может способствовать повышению уровня инновационной активности, так как его целью является максимизация размеров ренты, остающейся в распоряжении производителя.

Не является бесспорным еще один момент, который отмечает А.В. Латков: «В связи с резким ростом роли экологического фактора в научный обиход был введен термин «антирента» (экологическая рента), которая извлекается за счет хищнического использования природных ресурсов, невыполнения необходимых мероприятий по охране окружающей среды и сверхнормативного ее загрязнения. Такое определение «антиренты», по мнению автора, является спорным. Этимологически «антирента» означает «антидоход». Т.е. это не хищнический сверхдоход, а вычет из национального дохода, тогда как природно-ресурсная рента и многие разновидности квазиренты являются составными частями национального дохода»[128, С. 16].

По нашему мнению, термин «антирента» не означает «антидоход», а в данном случае указанный термин действительно подчеркивает хищнический характер получаемого таким образом дохода, размеры которого становятся в современных условиях угрожающими. Так, в условиях использования плоской шкалы НДС по сути дела вся нефтедобыча в России стала хищнической, когда добыча ведется только из лучших скважин, а низкорентабельные скважины консервируются. При этом значительные объемы нефти попадают в разряд неизвлекаемых, а коэффициент извлечения нефти падает. Этой же точки зрения придерживаются С. Кимельман и С. Андрюшин: «Действующая сегодня в России ставка налога на добычу ...завышена не менее чем в два раза, что явилось причиной консервации

низкодебитовых скважин и приостановке работ на низкорентабельных месторождениях. Так, по данной причине в нефтяной промышленности России возросла доля неработающих скважин, ...что, в свою очередь, приводит к выборочной (порой хищнической) отработке более продуктивных залежей» [92, С. 31].

Если же рассматривать экологическую антиренту с общих позиций, то следует согласиться с В.И. Смагиной, которая по этому поводу пишет: «Экологическая рента – это сверхприбыль, возникающая в природохозяйственной и природоэксплуатирующей сферах в результате применения более эффективных (по сравнению с преобладающими) техники и технологии, способов организации производства и т. п.

Экологическая антирента – сравнительно молодая экономическая категория, значимость которой возрастает в условиях обострения экологических проблем. Экологическая антирента – нерациональное ускоренное потребление энергоресурсов и ущерба, наносимого окружающей среде в результате выбросов CO₂ и других парниковых газов, затопления земель под водохранилища ГЭС, загрязнения земель и водных источников отходами добычи, переработки и транспортировки топлива, радиоактивных загрязнений.

Стоимостное содержание антиренты – сверхприбыль, полученная за счет двух возможных источников:

1) хищнической эксплуатации используемых природных ресурсов – выборочной обработки лучших, наиболее продуктивных участков месторождений нефти или рудных месторождений (что ведет к падению нефтеотдачи пластов и сверхнормативным потерям руд черных и цветных металлов и т. п.), вырубке лучших лесных массивов без их восстановления и т. п. (экологическая антирента I рода). Эта сверхприбыль должна полностью (а может быть, и с превышением) изыматься государством, чтобы хищническая эксплуатация природных ресурсов была невыгодной предпринимателям;

2) невыполнения установленных нормативов по уровню загрязнения окружающей среды, вредным выбросам в атмосферу, водные источники, радиоактивным загрязнениям и т. п. (экологическая антирента II рода). С помощью платежей за вредные выбросы с учетом экологического ущерба эта сверхприбыль также должна изыматься у предпринимателей и направляться на осуществление экологических программ и проектов, на реализацию экологических инноваций»[222, С. 45].

Нельзя так же согласиться с мнением А.В. Латкова, согласно которому «...субъектами присвоения природно-ресурсной ренты и экономической квазиренты являются экономические агенты (фирмы и домохозяйства)»[128, С. 18]. Но где же главный и по закону единственный субъект присвоения природно-ресурсной ренты, владелец недр – государство?

Латковым А.В. так же предложена классификация рентных доходов по критерию рентных ресурсов[128, С. 16]. При этом, рентных доходов всего два: экономическая рента и неэкономическая рента, первый из которых делится на природно-ресурсную ренту (она – на земельную и горную ренту) и экономическую квазиренту (интеллектуальная; информационная; технологическая (инновационная); ценовая; финансовая и управленческо-организационная квазирента, с таким делением, исключив ценовой вид квазиренты, можно согласиться), а второй перетекает в неэкономическую квазиренту. Земельная рента, в свою очередь, включает в себя сельскохозяйственную; лесную; водную; туристскую и ренту по местоположению. Горная - на нефтяную; газовую и минеральную. Возможно. Но и А. Смит и Д. Рикардо, когда писали о ренте с рудников, выделяли и ренту по местоположению. Неэкономическая рента, она же неэкономическая квазирента подразделяется на статусно-административную и политическую квазиренты. Вряд ли имеет право на существование термин неэкономическая квазирента, а вот неэкономических рент, по типу ресурсов, должно быть значительно больше.

Другая, также весьма часто допускаемая методологическая неточность связана с тем, что многие экономисты не разделяют суммарный объем рентных доходов, на квазиренту, природную (горную) ренту и прочие составляющие части. С неправомерностью такого объединения согласны многие экономисты[158, С. 20]. Это связано с тем, что разные рентные доходы имеют различные причины образования и могут иметь различных собственников. Так, в частности, Д.С. Львов считал, что рента представляет собой доходы от возделывания земель, использования природных ресурсов, транспортных средств и связи, трубопроводного транспорта, территории страны, монополии производителей особо важной продукции, пользующейся повышенным спросом на товарных рынках и т.д.[137].

В то же время, рассмотрение представленных в современной экономической литературе методик расчетов величин природной (земельной, горной) ренты позволяет сделать вывод о том, что многие из них достаточно часто содержат ошибки и различные методические неточности.

Для примера рассмотрим предложенный Моргуновым Е.В. расчет размера горной ренты (потенциального дохода общества) в масштабе страны от нефтедобычи за 2001 год. За основу расчета взята нефть марки Urals[156, С. 101-102].

Методика, которая взята для расчетов Е.В. Моргуновым такова[157, С. 11]:

$$C - Z = P + \Pi,$$

Где: C – стоимость нефти, вычисленная на базе рыночной цены (\$),

Z – фактические издержки недропользователя на добычу нефти (\$),

P – дифференциальная горная рента (\$),

Π – прибыль недропользователя (\$).

С целью расчета величины горной ренты от нефтедобычи автор преобразовал ее следующим образом:

$$P = C - Z - \Pi,$$

А затем расписал полученную формулу более подробно:

$$P = C * O - I_{\max} * O - ПН,$$

Где: P – горная рента в \$,

C – рыночная цена нефти, \$/барр,

O – извлекаемые запасы в барр,

I_{\max} – максимальные затраты добычи нефти, \$/барр,

ПН – прибыль от добычи нефти в \$.

Однако, следует отметить, что если рыночные цены на нефть построены на базе замыкающих затрат, то результат расчетов будет равен 0, так как $C * O$ и будет равно $I_{\max} * O + ПН$. То есть, включив в расчет максимальные издержки на добычу нефти, автор исключил из расчетов искомую сумму дифференциальной горной ренты, так как при максимальных издержках на месторождениях, находящихся в худших условиях добычи горная рента не образуется. Это отметила Виноградова А.В., указав, что расчеты, проведенные таким образом, всегда будут отрицательными [37, С. 17]. Здесь с ней следует не согласиться: они будут равны 0.

В данном расчете, чтобы получить сумму дифференциальной горной ренты в нефтедобыче показатели, принятые для расчетов должны были быть иными.

Так, если бы для расчетов вместо максимальных издержек на добычу были приняты сумма произведений средневзвешенных по месторождениям затрат на добычу нефти и объема добычи на данном месторождении, полученный результат значительно в большей степени соответствовал бы искомой сумме горной ренты по нефтедобыче.

И наконец, о замыкающих месторождениях и замыкающих затратах, как о базе для построения цены на полезные ископаемые. По мнению В.И. Данилова-Данильяна «...разница между замыкающими затратами и издержками на некотором конкретном предприятии характеризуют природную ренту, образующуюся на этом предприятии (в расчете на единицу продукции). На замыкающих предприятиях, то есть тех, где индивидуальные затраты равны замыкающим, разница равна нулю. Это обстоятельство можно

интерпретировать как отсутствие на предприятии прибыли сверх маргинально низкого уровня, природная рента (пусть неявно) включена в состав издержек, а капитал дает минимально приемлемую отдачу (совпадающую с банковским процентом). Другая интерпретация объясняет, что в данном случае природной ренты вовсе нет (природный ресурс не обуславливает какой-либо значимой части прибыли)» [65]. Но имеет право на существование только одна интерпретация - природная рента равна 0. Далее В.И. Данилов-Данильян указывает: «...для корректности использования замыкающих затрат при исчислении горной ренты необходима если не массовость, то, хотя бы, множественность предприятий, добывающих конкретный вид минерального сырья. В случае одного или совсем немногих предприятий (случай, типичный для цветной металлургии и добычи некоторых видов химического сырья) применение замыкающих затрат для решения задач по определению ренты, очевидно, в принципе утрачивает экономический смысл» [65]. Если предприятие, добывающее конкретный вид минерального сырья всего одно, дифференциальную горную ренту посчитать действительно, по всей видимости, невозможно. Но это добывающее предприятие может объявить практически любую цену за добываемое сырье (если достаточный спрос на него имеется, а конкурентов нет) и получать значительную абсолютную горную ренту. В том случае, если предприятий, добывающих данное сырье совсем немного, то одно из них будет замыкающим, на основе издержек которого будет строиться цена на конкретный вид минерального сырья, а все остальные будут получать дифференциальную ренту - I.

1.3 Структура цены и место рентных доходов в ней (расчет падения рентабельности от добычи нефти до ее продажи)

Проблема структуры цен в добывающей промышленности имеет весьма важное значение, так как: «Проблема природной ренты и ее места в

цене продукта была бы, возможно, не столь остра, если бы экономика нашей страны опиралась в основном на развитые обрабатывающие производства. Но пока что это не так. И, по-видимому, Россия еще довольно долго будет оставаться страной с ресурсной ориентацией экономики» [93, С. 99].

Кроме этого, вопрос о структуре цены на продукцию добывающих отраслей имеет не только теоретическое, но и весьма важное практическое значение. «Попытки определить величину ренты в нефтяной промышленности наталкиваются на необходимость выявить основу и процесс формирования стоимости и ценообразования, структуру цены, без чего невозможно понять, где создается рента и кем присваивается» [107, С. 121].

Уже в классической политэкономии не было единой точки зрения по вопросу о соотношении природной (земельной или горной) ренты и цены на сельскохозяйственную продукцию и продукцию добывающих отраслей. Так А. Смит придерживался мнения, что размер ренты определяется ценой ресурса. Так, по мнению А. Смита: «Случайные и временные колебания рыночной цены товара приходятся главным образом на те части ее, которые сводятся к заработной плате и прибыли, и меньше отражаются на той части, которая приходится на ренту» [223, С. 59]. В другом месте он пишет: «...рента входит в состав цены продукта иным образом, чем заработная плата и прибыль. Высокая или низкая заработная плата и прибыль на капитал являются причиной высокой или низкой цены продукта; больший или меньший размер ренты является результатом последней» [223, С. 121]. То есть А. Смит считал, что размер ренты определяется ценой и рента входит в ее состав.

Д. Рикардо соглашался с тем, что размер ренты определяется ценой продукта, но не считал ренту составной частью цены. Как указывал Д. Рикардо: «Если бы высокая цена хлеба была следствием, а не причиной ренты, то цена его изменялась бы пропорционально повышению или понижению ренты и рента была бы составной частью цены. Но так как

регулятором цены хлеба является хлеб, производящийся при наибольшей затрате труда, то и рента не входит и не может ни в малейшей степени входить в качестве составной части в его цену. Стоимость хлеба регулируется производительностью той доли капитала, которая, будучи приложена к земле последней, не платит никакой ренты. Поэтому рента не есть составная часть цены товаров»[225].

Д.А. Ворчестер следующим образом трактовал позицию А. Маршалла о ренте и цене: «...если производители не смогут выплачивать ренту, достаточно высокую для сохранения за собой определенной земли, цена продукта вырастет, поскольку теперь труд и капитал будут использоваться на менее плодородной земле. Таким образом, хотя цены растут, рента никак не входит в растущие затраты производства предельных единиц продукта»[46]. Таким образом, по мнению Д.А. Ворчестера, А. Маршалл, так же, не считал ренту частью или элементом цены.

Вопросы ренты и цен рассматривал и Канторович Л.В.: «Учет ренты ...должен играть важную роль в вопросах ценообразования» [86, С. 121].

В современной экономической науке так же нет единого мнения по вопросу о соотношении ренты и цены. Например, Ложникова А.В. считает, «...что рента в российской экономике определяет цену» [132, С. 23]. Но все же большинство экономистов считает, что уровень цены определяет размер ренты.

Вместе с этим существует мнение, что: «...рента это прибыль полученная без материальных и трудовых затрат» и что рента выступает «...как незаработанная часть прибыли (сверхприбыль)» [194, С. 115]. В связи с этим «... практически невозможно отделить заработанную прибыль от ренты» [194, С. 115]. Из этой цитаты следует, что разделить заработанную прибыль и ренту (незаработанная часть прибыли) на самостоятельные части невозможно. В связи с этим, в цене они могут выступать только в виде единого блока – общей суммы прибыли или дохода. Это же отмечает и Картовенко И.В. [90, С. 10].

Такое объединение заработанной прибыли и ренты, на наш взгляд, весьма затрудняет определение роли ренты в ценообразовании и места горной ренты и ее элементов, а так же других видов рентных доходов в цене продукции добывающих отраслей.

Между тем, вопрос о соотношении цены и ренты имеет весьма важное практическое значение еще и в связи с тем, что: «Проблема перспективных цен природных ресурсов занимает в макроэкономических исследованиях исключительно мало места. ...Между тем оценка природных ресурсов представляет практический интерес, особенно в экономиках сырьевой направленности, при построении социально-экономических стратегий на средне- и долгосрочную перспективу. Правильное определение перспективных цен природных ресурсов позволяет компаниям объективно оценивать свое положение в условиях конкурентного рынка и формировать реальные стратегии развития своего бизнеса, а государству оценивать с более высокой степенью достоверности доходы и расходы при разработке долгосрочных программ социально-экономических преобразований» [218, С. 96].

Именно с этим связано положение, при котором «...в последние годы вопросы природной ренты как компонента цены широко дебатировались в России» [218, С. 96].

Что бы определить место природно-ресурсной (горной) ренты в цене и роли горной ренты в ценообразовании, остановимся на ее определении. В отдельных отраслях причины формирования природной ренты имеют значительные различия. Например, в сельском хозяйстве такой фактор всего один – различия в плодородии отдельных категорий земель (сейчас мы не будем рассматривать разницу в местоположении), причем на всех землях, кроме замыкающих (на этих землях может образовываться абсолютная природная рента, рента редкости), будет образовываться дифференциальная земельная рента. В добывающих производствах – это различия в горно-геологических (природных) условиях добычи полезных ископаемых или

различия в качестве сырья. При этом, в сырьевом секторе ценообразование должно строиться на основе замыкающих затрат в худших условиях добычи. Как отмечал Петраков Н.Я., если производство «...определенных видов продукции не может быть выполнено без привлечения предприятий, функционирующих в относительно худших технических или природных условиях, то цена должна обеспечить, по крайней мере, безубыточную работу этих предприятий» [179, С. 61]. И как далее отмечает Петраков Н.Я.: «Таким образом, группа замыкающих предприятий играет существенную роль в формировании цен»[179, С. 61].

Непосредственно дифференциальная горная рента - это доход, не зависящий от хозяйственной деятельности добывающих предприятий, образующийся при продаже сырьевых ресурсов. Размеры горной ренты для данного месторождения зависят только от природных условий добычи сырьевых ресурсов на месторождении и выступают как разность между себестоимостью добычи сырьевых ресурсов данного месторождения, рассчитанной исходя из замыкающих затрат и затрат конкретного месторождения. Таким образом, на всех прочих месторождениях, работающих в относительно лучших условиях, будет образовываться дифференциальная горная рента. При различии в качестве полезного ископаемого величина горной ренты будет определяться в виде разности между ценой полезного ископаемого данного качества и ценой полезного ископаемого худшего качества. Однако, преобладающая часть дифференциальной горной ренты образуется из-за различий в условиях добычи, поэтому мы будем рассматривать именно этот случай.

Некоторые экономисты считают классические воззрения на рентные доходы искусственно суженными. Так, Латков считает следующим образом: «Классический подход исходит из суженной трактовки рентных доходов и нацелен на анализ природной ренты («ренты редкости»)[128, С. 10]. Такой подход нельзя признать правомочным. Действительно, классики политической экономии рассматривали, в первую очередь природно-

ресурсную ренту. Но они рассматривали ренту, основанную на разнице в плодородии земли или ее местоположении – то есть дифференциальную ренту. Сама же рента редкости (абсолютная рента) это отнюдь не вся природно-ресурсная рента, а лишь ее часть, описанная впервые Дж. Ст. Миллем, которая возникает лишь при определенных условиях.

Поэтому мы будем исходить из классических воззрений на природно-ресурсную ренту и ее основную часть - дифференциальную ренту-I.

В этих условиях положение горной ренты в цене продукции можно будет представить следующей формулой:

$$Ц = З + П + Р,$$

Где: Ц – цена, построенная на базе замыкающих затрат;

З – индивидуальные затраты на добычу на относительно лучшем месторождении;

П – нормальная прибыль на данном месторождении;

Р – дифференциальная горная рента данного месторождения.

Преобразовав, соответствующим образом, данную формулу, можно будет рассчитывать размеры горной ренты:

$$Р = Ц - З - П,$$

Однако если мы хотим представить в цене место прочих рентных доходов (в частности – квазиренты), нам понадобятся дополнительные данные и преобразования.

Таким образом, дифференциальная рента (а как мы покажем далее - и квазирента) являются элементами рыночной цены, не влияющими на ее конечный уровень. На конечный уровень рыночной цены может повлиять только абсолютная рента (рента редкости). В то же время в экономической литературе встречаются высказывания о том, что необходимо «...отражение в ценах на реализуемые сырье, материалы и полупродукты части экономической ренты» [116, С. 103]. Следует отметить, что это невозможно, так как цены на продукцию добывающих отраслей должны строиться на базе замыкающих затрат.

В то же время, следует помнить, что по вопросу о сущности квазиренты среди экономистов нет единого мнения. Так, Цветков В.Я. отмечает, что: «Арендная плата за пользование зданиями или землей, качество которой улучшено, например, с помощью дренирования, часто называется квазирентой (quasirent), так как это одновременно и рента, и плата за капитал, вложенный в здания или мелиорацию»[244]. В то же время: «Рентные платежи сродни квазиренте (quasirent): после длительного периода использования оборудование будет заменено в случае полного износа, только, если рентные платежи окажутся достаточными, чтобы покрыть и амортизацию и получить выгоду»[244]. По мнению Моргунова Е.В.: «Квазирента - это независимой от экономической деятельности хозяйствующих субъектов доход от собственности на пользующиеся повышенным спросом воспроизводимые ресурсы или продукты, создаваемые вторичным и третичным секторами народного хозяйства»[156, С. 95]. Кимельман С. и Андриюшин С. считают, что «...квазирента в основном связана с хаотическими колебаниями внутренних цен на сырую нефть в условиях небиржевого (неорганизованного) национального рынка» [92, С. 34].

По мнению В.И. Смагиной: «Квазирента – это результат использования тех или иных ограниченных неприродных ресурсов для извлечения и присвоения сверхприбыли» [222, С. 46].

А.В. Латков считает, что: «Квазирента представляет собой сверхприбыль, которую присваивают собственники вследствие монопольного обладания каким-либо неприродным производственным ресурсом...По сфере действия различают локальную (в пределах местного рынка), региональную, национальную и мировую квазиренту. Существует дифференциальная форма квазиренты, получаемая владельцами более эффективного ресурса, и монопольная ее форма, обусловленная монопольным использованием ограниченного ресурса» [128, С. 13-14].

Л.М. Капица считает: «Квазирента, или дифференциальная рента II-го рода, возникает в результате использования более эффективных технологий, позволяющих повышать плодородие земельных участков, отдачу нефтеносных пластов, степень извлечения полезных ископаемых при их добыче и т. п.»[87]. Понятие квазирента, введенное А. Маршаллом всегда существовало самостоятельно и не смешивалось с категорией дифференциальной ренты II-го рода, которая возникает вследствие последовательных вложений капитала в сходные по плодородию участки земли. Однако в современных условиях из общей суммы рентных доходов можно выделить дифференциальную ренту I-го рода, связанную с различиями в природных условиях добычи полезных ископаемых и абсолютную ренту, которая сегодня, в основном связана с разницей между мировыми и внутренними ценами данного ресурса. Но разделить полученный остаток на самостоятельные части, полученные, с одной стороны, за счет вложений капитала и, с другой стороны, за счет применения более эффективных технологий практически невозможно, тем более, что указанный капитал, в значительной мере, расходуется именно на приобретение более эффективных технологий, машин и оборудование.

В связи с этим, при определении места в цене квазиренты, как одного из видов рентных доходов, мы исходили из классического понимания квазиренты. Поэтому: «А. Маршалл, который и ввел понятие квазиренты, определил ее как доход, приносимый всяким производительным капитальным благом, в частности машинами и другими средствами производства»[7, С. 328]. Поэтому «...сходство между рентой и квазирентой заключается в том, что все средства производства невозможно производить быстро, поэтому в коротком периоде они тоже имеют фиксированное количество. Для этих периодов извлекаемые доходы находятся в таком же отношении к стоимости созданной с их помощью продукции, как и настоящая рента. Однако главным отличием ренты является то, что квазирента – это доход, который обусловлен более или менее

продолжительной ограниченностью предложения какого-либо фактора производства. Он определяется как разница между доходом на вложенный капитал и расходами на поддержание и возмещение инвестиций в основной капитал, незаменимый в коротком периоде» [7, С. 328]. При этом мы согласны с мнением тех ученых, которые считают, что в современных условиях квазиренденту следует понимать более широко, чем только рента машин. Так, например, внедрение современных методов и систем управления и т.д., несомненно, также будет приводить к образованию квазиренденты.

Потому, следует согласиться с мнением Яковца Ю.В., что под квазирендентой следует понимать «...сверхприбыли, полученные ТНК, странами и цивилизациями, которые первыми освоили новые, более эффективные изобретения и инновации, поколения техники и технологии (технологическая квазирендента), способы ведения хозяйства и формы предпринимательства (организационно-хозяйственная квазирендента), финансовые и валютные механизмы (финансово-валютная квазирендента) и т.п.» [266, С. 41]. Конечно, под ТНК, странами и цивилизациями, на наш взгляд, правильнее понимать под ними просто производителей.

К позиции Яковца Ю.В. весьма близка позиция Смагиной В.И., которая подразделяет квазиренденту на следующие виды:

- технологическая - инновационная сверхприбыль, получаемая предприятиями, монополиями, ТНК, странами, которые первыми осуществили эффективную базисную или улучшающую инновацию и получают вследствие этого в течение определенного времени дополнительный доход;
- организационно-управленческая – сверхприбыль от первоначального применения высокоэффективных методов и форм организации производства и управления;
- интеллектуальная – сверхприбыль, получаемая в результате использования и реализации интеллектуальной собственности;
- финансово-кредитная и денежная - ...и т. п. [222, С. 46].

Латков А.В. добавляет к перечисленным видам квазиаренды ее следующие виды: ценовая и информационная [128, С. 14]. По нашему мнению (как будет показано далее, с ним согласны многие экономисты), за счет разниц в ценах образуется отдельный вид рентных доходов – ценовая рента.

Считаем, что, в основном с данной классификацией можно согласиться.

Проблему места квазиаренды, в цене на полезные ископаемые, совершенно верно, на наш взгляд, трактует Фадлалла А. Р.: «Как и рента с лучших участков земли, квазиаренда определяется ценой, но не определяет цену» [236, С. 15].

Справедливости ради можно отметить, что такие дискуссии возникают и по другим видам рентных доходов и их месте в цене полезного ископаемого. Так, Ложникова А.В. указывает, что «абсолютная рента возникает из превышения цены над предельными издержками» [131, С. 37]. Толстых Т.Н. и Чернышова О.Н. отмечают: «Абсолютная рента представляет собой единственный рентный компонент, допускающий возможность его нормирования и преискурантного выражения в границах территории, используемой данной отраслью, в отличие от непрерывно изменяющихся значений дифференциальной и монополярной ренты при переходе от одного участка к другому... В современных условиях минимальный ценностный уровень, соответствующий абсолютной ренте, устанавливается и закрепляется законодательно для каждого региона и вида отраслевого использования земли» [231, С.80]. По мнению А.Р. Ордуханова абсолютная рента «...входит в затраты на худших землях, которые, как известно, являются регулируемыми» [176, С.63]. А.П. Куликов считает, что, «...абсолютная равна ренте на худших по своим свойствам используемых недрах. Она возникает в силу конкуренции данного природного ресурса с другими ресурсами» [122, С.399]. Л.М. Капица пишет об абсолютной ренте, что: «Таковую ренту выплачивают пользователи всех ресурсов, включая худшие» [87]. Действительно, абсолютную ренту

получают все недропользователи, включая тех, которые разрабатывают замыкающие месторождения, и она может изыматься владельцем недр без ущерба для производства, так как она образуется как прирост рыночной цены при превышении спроса над предложением.

По мнению С.А. Щемелинина: «Абсолютная земельная рента, причиной существования которой служит монополия частной собственности на землю, образуется на всех земельных участках - худших, средних и лучших по плодородию или местоположению. Абсолютная земельная рента равна разности между общественной стоимостью продукции и ее индивидуальной стоимостью на землях различного качества» [256, С.96-97].

Однако абсолютная рента возникает из превышения рыночной цены над ценой, построенной на базе предельных издержек, когда вся земля уже используется и спрос начинает регулироваться предложением, что приводит к увеличению рыночной цены.

Некоторые экономисты считают: «Под абсолютной рентой понимается доход, получаемый владельцем от худших участков земли или месторождений, находящихся в эксплуатации. Если величина ренты падает ниже абсолютной, то владелец месторождения перестает его эксплуатировать»[189]. Однако далее авторы пишут: «Налог на добычу полезных ископаемых надо понимать как изъятие абсолютной ренты. Он должен иметь единые налоговые ставки, дифференцируемые только по видам добываемых полезных ископаемых»[189]. Итак, абсолютная рента это доход, образующийся на худших землях или месторождениях. Получение этого дохода владельцу земли или месторождения гарантировано - именно поэтому он может изыматься с помощью НДС с едиными ставками. Дифференциальная рента на худших землях и месторождениях не образуется. Каким образом, в этих условиях рента может упасть ниже гарантированного уровня (абсолютной ренты)?

Место всех видов рентных доходов в рыночной цене сырьевого ресурса и их границы отражены на рис. 1. Структура рыночная цена на нефть, построенной на базе замыкающих затрат, как следует из данных рис. 1, выступает как сумма фактических затрат, нормальной прибыли добывающего предприятия, дифференциальной горной ренты I и квазиренты. Замыкающие же затраты, в свою очередь, будут выступать как сумма указанных фактических затрат, дифференциальной горной ренты I и квазиренты. Но если мы хотим рассчитать величину квазиренты, которая выступает как доход, который превышает среднюю прибыль, нам следует рассчитать размеры искомой средней прибыли. С этой целью произведем группировку месторождений с подобными природными условиями добычи и рассчитаем для выделенных групп среднегрупповые затраты на добычу. Разница между среднегрупповыми и фактическими затратами данного месторождения и составит сумму квазиренты данного месторождения. Естественно, при расчетах, среднегрупповые затраты необходимо пересчитать на объем добычи месторождения. Рыночная цена при превышении спроса над предложением будет равняться рыночной цене на нефть, построенной на базе замыкающих затрат плюс абсолютная рента.

В то же время, в современных экономических условиях: «Учет ренты в практике государственных решений во многих отраслях добывающей промышленности, в сельском хозяйстве, капитальном строительстве становится актуальной проблемой современного хозяйственного механизма. Способность тех или иных теоретических подходов (с позиции, как теории трудовой стоимости, так и маржинализма) реализовываться в практических расчетах ренты в разных отраслях экономики становится важнейшей составляющей современного анализа рентных отношений»[150, С. 91]. С рентой же связываются надежды на инновационное развитие и отход от сырьевой ориентации экономики России.

В российской экономической литературе встречаются весьма разные данные об уровнях рентабельности в нефтедобыче. Так, О. Глудунов

отмечает: «По расчетам аналитиков ИЭП, при стоимости нефти в 100 долларов за баррель, налоги и пошлины составляют 63 % от общей выручки нефтяных компаний. Кроме этих издержек у нефтяников еще существуют затраты на добычу, переработку, транспортировку нефти, отчисления на амортизацию, и в итоге их прибыль составляет не более 10-15 % от общей выручки» [50]. И.В. Картовенко считает, что: «По уровню изъятий государством доходов нефтяной отрасли (за счёт налогов, экспортных пошлин и прочих платежей) Россия занимает одно из первых мест в мире» [90, С. 21]. Юмаев М.М. указывает, что в «...сфере нефтедобычи имеет место чрезмерное налогообложение, изъятие у предприятий, имеющих высокий уровень удельных затрат на добычу и не экспортирующих нефтяное сырье, не только сверхприбыли, но и нормальной прибыли» [263, С. 31]. С этим мнением согласен и Разовский Ю.В.: «Нерешенность ряда актуальных проблем теории рентных отношений и горной ренты приводит к тому, что отечественные горнодобывающие предприятия, имеющие существенные особенности в технологии, экономике производства, поставлены действующей налоговой системой и действующим законодательством в худшие экономические и правовые условия, в сравнении с перерабатывающими, машиностроительными и другими предприятиями» [194, С. 115]. Разманова С.В. и Шульц Е.В. считают, что «увеличение базовых ставок НДС (налога на добычу полезных ископаемых) после 2004 г., даже на фоне высоких нефтяных цен, привело к тому, что компаниям, работающим в отрасли, приходилось отдавать в бюджет больше, чем они зарабатывали на сверхвысоких экспортных ценах» [191]. По мнению Л.С. Гринкевич и И.В. Шарф: «Специфичными и наиболее затратными для нефтедобывающих предприятий являются НДС и экспортная пошлина на нефть, что приводит к повышенной налоговой нагрузке по сравнению с другими отраслями. Так, например, по данным ФНС России, налоговая нагрузка по виду экономической деятельности добыча топливно-энергетических ископаемых составляла в 2007 г. 60,2%,

производство машин и оборудования – 17,2%, строительство – 15,9%, гостиницы и рестораны – 16,3%»[59, С. 135].

Но авторы данной статьи противоречат сами себе. Они приводят далее налоговую нагрузку, % по ряду Российских компаний. Так, нефтегазовая компания «Интера» - 0,26%; Sibir Energy – 19,2%; ТНК-ВР холдинг – 22,4%; АНК «Башнефть» - 25%; Лукойл – 26,9%; Роснефть – 27,7%; Газпром – 28,8%; Сургутнефтегаз – 29,5%; Татнефть – 30,8%; Славнефть – 36,3%; Нефтяная компания «Альянс» - 50% [59, С. 136].

Таким образом, самая высокая налоговая нагрузка по Российским нефтяным компаниям в нефтяной компании «Альянс» ниже заявленной по отрасли более чем на 10%. По всем остальным компаниям она значительно ниже.

В то же время Фадлалла А.Р. отмечает, что «...по данным Merrill Linch, которые подтверждаются другими независимыми экспертами и аудиторами, эффективная ставка налогообложения, реальная собираемость налогов у большинства российских нефтяных компаний не превышает 14%...»[237, С. 62].

Весьма интересными представляются приведенные в статье Гринкевич Л.С. и Шарф И.В. данные о рентабельности малых нефтедобывающих предприятий Томской области: ПРС – 0,2%; Нижневартовск -1%; Сиам мастер – 3%; Арчинское -7%; Восточная транснациональная компания -19%; Томск-Петролеум-Унд-Газ -38%; Томскнефть – 52%; Норд империял – 217% [59, С. 136].

Рассмотрев данные о рентабельности малых нефтедобывающих предприятий, находящихся, как известно, в особо тяжелом финансовом положении по сравнению с крупными компаниями в условиях действия плоской шкалы НДС странно узнать, что «...индийскими инвесторами был куплен контрольный пакет акций Томской компании «Норд империял», продолжают работать компании, спонсируемые китайской стороной» [59, С. 137]. Хотя, возможно, именно этот пример не так показателен, так как

рентабельность данной компании – 217%. Но при этом продолжают работать компании с рентабельностью 0,2%, 1%, 3%, и 7%. То есть и при столь низких уровнях рентабельности работа этих компаний и в этих компаниях является привлекательной как для владельцев и администраций компаний, так и для их работников.

Таким образом, ближе к истине экономисты, которые имеют совершенно другое мнение. Так, Ложникова А.В. отмечает: «...российская норма рентабельности добычи нефти в 3–5 раз превышает прибыльность нефтяного бизнеса ведущих транснациональных корпораций» [131, С. 70].

Некоторые экономисты справедливо отмечают «...что если в качестве показателя рентабельности принимается отношение доходов до уплаты налогов к сумме текущих затрат на производство (включая добычу) и транспортировку за год, то в среднем по народному хозяйству в 2000-2003 гг. он оказывался равным 37; 31; 28 и 32. Аналогичный показатель для нефтяного комплекса за те же годы – 227; 175; 169 и 174%, для газового комплекса – 273; 180; 153 и 177. Так же высока рентабельность, определяемая отношением доходов к основным фондам. При таких выразительных соотношениях рентабельности всякие попытки доказать, что рента в нефтегазовом комплексе невелика, – очевидное лукавство» [39, С. 57].

Но существует мнение, что горная рента здесь почти не причем, а «...повышенные доходы экспортно-ориентированных отраслей связаны, главным образом, с недооценкой рубля по отношению к доллару США, а не с присваиваемой природной рентой. На этот фактор приходится более 70% добавленной стоимости в нефтедобывающей промышленности и около половины – в газовой» [23, С. 39].

Но при этом большинство экономистов признают влияние горной ренты на столь высокие доходы в нефтегазовом комплексе за счет незначительной доли ее изъятия. Так, А.Голуб, А. Маркандия и Е. Струкова считают: «Оценивая существующий в настоящее время потенциал налоговой

системы, приходится констатировать, что максимально возможный уровень поступлений доходов от эксплуатации природных ресурсов, обеспечиваемый налоговой системой в целом (включая прямые и косвенные налоги), вряд ли превышает 20%. Ясно, что доля доходов от эксплуатации минерально-сырьевого сектора в приходной части бюджета должна быть увеличена»[55].

Это отмечает и Крюков В.А: «В условиях высоких цен на нефть и газ на внешних рынках резко выросла доходность их добычи, что позволило новым собственникам получить приток значительных финансовых ресурсов. В ряде случаев, достижение повышенной рентабельности операций в нефтегазовом секторе было обеспечено не только и не столько за счет применения технологических новшеств, сколько за счет широкого использования различных схем налоговой оптимизации, а так же получения доходов квазирентного характера, обусловленных недооценкой основных активов, приобретенных в процессе приватизации»[113, С.89]. По указанным причинам в нефтегазовом секторе «остаются возможности получения повышенных доходов и достижения высоких показателей рентабельности нефтегазовых операций»[113, С.90].

Наши расчеты подтверждают эти данные. В «Анализе руководством Компании («ЛУКОЙЛ» - авт.) финансового состояния и результатов деятельности» приводятся данные о том, что средняя цена продаж нефти на внутреннем рынке в 2011 году составила 49,99 дол./барр. [11]. При пересчете в тонны и рубли это составит 10979,61 руб./т. Удельные затраты на добычу барреля нефти в том же документе ставили 4,7 дол./барр.[11], что в пересчете на рубли и тонны это составило 1033,53 руб./т. Значение налога на добычу полезных ископаемых (скорректированного), по тому же документу составило 4090,91 руб./т.[11]. Исходя из этого, общая сумма прибыли составит в одной тонне нефти 5855,15 руб./т., где налог на прибыль – 878,27 руб./т. (ставка налога – 15%, рассчитано по данным того же документа), а чистая прибыль – 5855,15 руб./т. – 45% в цене (суммой НДС можно пренебречь – см. табл. 1).

С другой стороны, высказывается мнение, что рента это не доходы, и учитываться земельная рента должна в затратах. Так например, как считает Щипанов Э.Ю. «...недоучет рентной составляющей в структуре затрат аграрного сектора приводит к неэффективному использованию сельскохозяйственного сырья в других секторах экономики»[257, С.254].

Но если вернуться к проблеме высокой доходности нефтедобычи, то наши расчеты, проведенные на основе бухгалтерской отчетности крупнейшей Российской нефтегазодобывающей компании «ЛУКОЙЛ» подтверждают данные о повышенной рентабельности нефтедобычи по сравнению с другими отраслями промышленности.

Рассчитаем изменение уровня рентабельности от этапа добычи нефти до ее продажи по компании «ЛУКОЙЛ». Данные для расчета взяты с сайта «ЛУКОЙЛ» из таблицы «Результаты деятельности по добыче нефти и газа» [172]. Расчеты проведем по результатам деятельности по добыче нефти по компании «ЛУКОЙЛ» 2010 года и 2011 года в 2010/2011 году: затраты на добычу (прямые) – 3241/3540 млн. \$ США в 2010/2011 году; амортизация – 2810/2835 млн. \$ США; геологоразведочные работы – 336/532 млн. \$ США, общая выручка от реализации нефти – 34160/41869 млн. \$ США; финансовый результат от добычи нефти (прибыль после налогообложения) – 7517/8337 млн. \$ США. Общая сумма налогов - 20256/26625 млн. \$ США (налог на прибыль – 2127/2348 млн. \$ США и прочие налоги – 18129/24277 млн. \$ США. Следовательно, совокупные затраты, включая налоги, составят 26643/33532 млн. \$ США.

Рассчитаем рентабельность добычи по данным из указанного источника (результат деятельности по добыче нефти: суммарные затраты x 100%), и получим такие уровни рентабельности:

$$P_{10} = 7517 / 26643 \times 100\% = 28,21\% \text{ (2010г.)},$$

$$P_{11} = 8337 / 33532 \times 100\% = 24,86\% \text{ (2011г.)},$$

Следует отметить, что рассчитанные уровни рентабельности значительно (на 10 - 15%) превышают рентабельность прочих отраслей

Доходы от добычи нефти

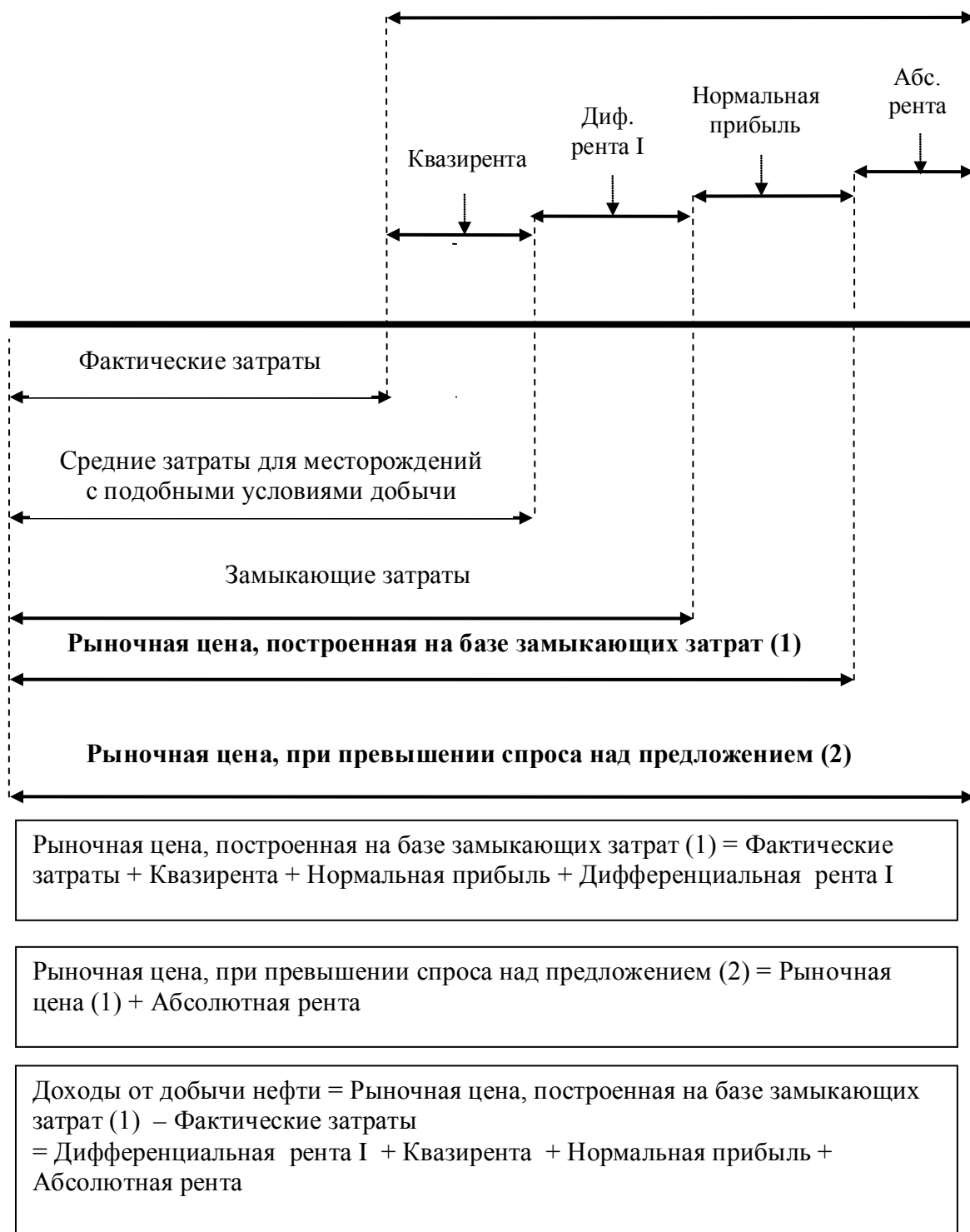

Рисунок 1. Структура рыночной цены на нефть.

промышленности РФ.

Следует отметить, что рассчитанные уровни рентабельности значительно (на 10 - 15%) превышают рентабельность прочих отраслей промышленности РФ.

Расходы на транспортировку, взятые из таблицы «Операционные расходы»[172] отчета компании весьма невелики (1048/1060 млн.\$ США) и незначительно снизят уровни рентабельности добычи. Однако, рассчитывая указанные уровни рентабельности, к затратам на добычу нефти следует добавить затраты на ее транспортировку.

На этом этапе мы получим следующие цифры:

$$П10 = 7517 - 1048 = 6469 \text{ млн. долларов,}$$

$$П11 = 8337 - 1060 = 7277 \text{ млн. долларов,}$$

$$P10 = 6469 / (26643 + 1048) \times 100 = 23,36\%,$$

$$P11 = 7277 / (33532 + 1060) \times 100\% = 21,04\%,$$

Таким образом, после транспортировки нефти рентабельность еще весьма высока и значительно превышает уровень, средний по промышленности.

Однако, на последнем этапе товаропроводящей цепи – реализации нефти уровень рентабельности значительно снизился.

Если мы возьмем официальные данные компании[172] из раздела «Консолидированные отчеты о прибылях и убытках» то получим следующие уровни рентабельности:

$$С10 = 104956 - 9006 = 95950 \text{ млн. \$ США,}$$

$$С11 = 113650 - 10357 = 103293 \text{ млн. \$ США,}$$

$$P10 = 9006 / 95950 \times 100\% = 9,39\%,$$

$$P11 = 10357 / 103293 \times 100\% = 10,03\%,$$

То есть при продаже нефти происходит значительное падение рентабельности – 14,89% в 2010 году и 11,67% - в 2011 году. Таким образом, на этом этапе теряется более половины исходного уровня рентабельности и объемов прибыли.

Следует отметить, что на данном этапе нет и не может быть значительных затрат, ведь совершается только сделка купли-продажи нефти; затратными являются предшествующие этапы (добыча и транспортировка). Из этого следует, что в рассматриваемом случае используются схемы налоговой оптимизации, трансфертного ценообразования и пр. которые позволяют нефтедобывающим компаниям скрывать от налогообложения значительную, часть доходов, которая и остается в их распоряжении.

Следует отметить, что такая информация становится все более и более закрытой и такие расчеты можно провести отнюдь не по всем нефтяным компаниям. Так, в годовом отчете за 2008 год Группы ТНК-ВР ХОЛДИНГ в таблице «Дополнительная информация по деятельности по разведке и добыче нефти и газа (не подтверждено аудиторами)» еще присутствовали такие показатели как выручка (из которой, правда, необходимо было вычесть экспортные пошлины и транспортные расходы сведенные вместе, что не давало определить снижение рентабельности на этапе транспортировки), производственные расходы, затраты на геологоразведочные работы и пр. [Url: [http://ir.tnk-bp.ru/~media/Files/T/Tnk-BP-IR/documents/annual_reports/russian/ar-tbh-2008-rus.pdf./](http://ir.tnk-bp.ru/~media/Files/T/Tnk-BP-IR/documents/annual_reports/russian/ar-tbh-2008-rus.pdf/), дата обращения: 06.12.13., С. 92)]. Однако в годовом отчете данной компании за 2011 год присутствует уже такой показатель, как «Реализация и передача добытой нефти и газа в переработку за вычетом затрат на добычу, что делает подобные расчеты просто невозможными», кроме этого, в той же таблице присутствует такой малопонятный показатель, как «Чистые изменения в ценах и затратах на добычу, включая налоги на добычу». Эти показатели присутствуют к расшифровочной таблице «Основные факторы изменений стандартизированной оценки дисконтированных будущих чистых денежных потоков», хотя в основной таблице «Дополнительная информация по деятельности по разведке и добыче нефти и газа (не подтверждено аудиторами)» вместо выручки присутствует «Будущий приток денежных средств», «Будущие затраты на разработку и добычу», «Будущие расходы по

налогу на прибыль». Вместо производственных и прочих расходов – «Будущие чистые денежные потоки» и «Дисконт на оценку сроков денежных потоков (10% годовых)». То есть вместо реальных показателей приводятся прогнозные, но совсем не соответствующие им, что делает расчеты снижения рентабельности, проведенные ранее, в дальнейшем, невозможными, как по ТНК-ВР ХОЛДИНГ.[Url: http://ir.tnk-bp.ru/~media/Files/T/Tnk-BP-IR/documents/annual_reports/russian/ar-tbh-2011-rus.pdf/] (дата обращения: 06.12.13., С. 142)], так и по компании «ЛУКОЙЛ», в годовом отчете которой в 2012 году в таблице «Показатели бизнес-сегмента «Геологоразведка и добыча» (стр. 11), присутствуют лишь следующие показатели по добыче: выручка, EBITDA, чистая прибыль и капитальные затраты[172].

Как отмечает С. Кимельман: «...в России широко используются механизмы трансфертного ценообразования и действуют посредники – перекупщики. При этом нефть покупается у добывающих предприятий по себестоимости с небольшой надбавкой, после чего пропускается через несколько юридических лиц»[97]. Это отмечают и многие другие экономисты: «Широко применяются схемы по использованию внутрикорпоративных цен, возможности фирм-«однодневок» и др.»[9, С. 32].

Выводы

1. Важным элементом концепции реформирования изъятия дифференциальной горной ренты является определение сущности данной экономической категории, так как они, в совокупности с данными о структуре рыночной цены в нефтедобыче, позволяют ответить на вопрос о том, что влияет на образование дифференциальной горной ренты и кто является ее собственником. Проведенный автором анализ экономической научной литературы показал, что на деле существуют два подхода, по-разному трактующих сущность дифференциальной горной ренты.

Первый подход основывается на том положении, что непосредственно дифференциальная горная рента – это доход, не зависящий от хозяйственной деятельности добывающих предприятий, образующийся при продаже добытых сырьевых ресурсов. Размеры горной ренты для данного месторождения зависят только от различий в природных условиях добычи сырьевых ресурсов на месторождении и выступают как разность между замыкающими (т.е. самыми высокими) затратами, пересчитанными на объем добычи конкретного месторождения и его собственными затратами на добычу (при различиях в качестве сырьевых ресурсов размеры горной ренты определяются разницей в ценах на сырье различного качества, умноженной на объем добычи данного месторождения).

Получившая в последнее время широкое распространение «сверхприбыльная концепция» в рентообразовании несовместима с категорией дифференциальной горной ренты, так как указанная концепция основывается на сравнении экономических показателей, а не природных условий добычи на отдельных месторождениях и различий в качестве сырья.

В работе доказано, что поскольку в основе образования горной ренты лежит дифференциация природных условий добычи полезных ископаемых и (или) различия в качестве полезного ископаемого, величина горной ренты представляет собой функцию от этих различий. Исчисление горной ренты как разности между получаемой и нормальной прибылью не может решить задачи их учета. Таким образом, для определения размеров, принципов изъятия горной ренты необходимо основываться на классических воззрениях на сущность данной экономической категории.

Кроме этого, в диссертационном исследовании показано, что в современной экономической науке достаточно часто встречаются такие взгляды на дифференциальную горную ренту, которые допускают ее распределение между собственником недр – государством и недропользователем, хотя дифференциальная горная рента по Конституции страны должна изыматься в пользу государства - собственника недр. В связи

с этим, в диссертационном исследовании определены права собственности на доходы в нефтедобыче, которые должны делиться следующим образом: прибыль и квазирента - недропользователю, дифференциальная горная рента - владельцу недр - государству.

Так же весьма часто встречается неправомерное рассмотрение факторного дохода - дифференциальной горной ренты, как части прибыли, образующейся в процессе добычи или использования природного ресурса.

2. В работе сформулированы принципы построения цен в нефтедобыче на основе суммы замыкающих затрат и нормальной прибыли и определены соотношения между компонентами рыночной цены, в том числе и доходами рентного характера. Так, рыночная цена, построенная на базе замыкающих затрат (1) = фактические затраты + квазирента + нормальная прибыль + дифференциальная рента I; рыночная цена, при превышении спроса над предложением (2) = рыночная цена (1) + абсолютная рента; доходы от добычи нефти = рыночная цена, построенная на базе замыкающих затрат (1) – фактические затраты = дифференциальная рента I + квазирента + нормальная прибыль + абсолютная рента.

3. В диссертационном исследовании проведены расчеты падения рентабельности нефти от момента ее добычи до реализации нефти потребителю (по данным компании «ЛУКОЙЛ»). Проведенный расчет показал, что самое значительное падение рентабельности нефти происходит на этапе ее реализации потребителю, на котором не может быть никаких значимых затрат, а это может быть объяснено лишь тем, что с целью присвоения горной ренты, компании применяют специальные схемы налоговой оптимизации, трансфертное ценообразование и прочие методы, позволяющие компаниям уходить от налогообложения;

2. Причины образования дифференциальной горной ренты и методики расчета ее размеров

2.1 Причины образования дифференциальной горной ренты и виды квазиренты

Анализ причин (факторов) образования дифференциальной природной (земельной и горной) ренты показал, что они имеют специфические отличия и особенности. В земледелии таких факторов, по сути дела два, это различия в местоположении и уровнях плодородия различных участков земли.

В добывающей промышленности это различия в местоположении, условиях добычи полезных ископаемых и качестве добываемого сырья. При этом с точки зрения горно-геологических условий добычи на процесс рентообразования влияет весьма значительное количество факторов.

По свидетельству Л.Г. Хазанова, в СССР «...пионером исследований в области горной ренты выступил Н.В. Володомонов» [240, С.337] и он определил причины образования затрат при добыче сырья, определяющие величину образующейся горной ренты.

Указанные причины Н.В. Володомонов свел в три группы.

«Первая группа – экономико-географическая – включает в себя не только первичные природные факторы, но и условия, созданные деятельностью человека, изменившего природу. К ней Н.В. Володомонов отнес физико-географические особенности, обжитость и удаленность района месторождения, расстояние от месторождения до транспортной магистрали и условия доставки грузов, водные ресурсы, имеющие «значение с точки зрения снабжения как бытовой, так и технической водой, наличие энергетических ресурсов, а также ресурсов «крепежных и строительных материалов».

Во вторую группу факторов – горнотехническую входят рельеф поверхности, глубина залегания, угол падения и мощность рудного тела,

крепость руды, устойчивость вмещающих пород и обводненность месторождения. Третья группа представлена факторами вещественного состава: содержание полезного компонента, минералогический состав рудного тела, текстура и структура руды, содержание вредных примесей» [240, С.338].

По нашему мнению лишь факторы второй и третьей группы в классификации Н.В. Володомонова могут быть отнесены к причинам образования горной ренты. Факторы первой группы, в основном, являются причинами образования доходов иного характера.

И сегодня, достаточно часто, предлагаются классификации, объединяющие природные условия добычи и качество ресурса, и прочие факторы, не оказывающие влияния на образование горной ренты. К ним, в частности, относится классификация, предложенная С. Кимельманом и С. Андрюшиным, которые относят к основным факторам «...образования горной ренты на лучших месторождениях:

1. Количество нефти, добываемое в единицу времени. Для углеводородного сырья оно измеряется среднесуточным дебитом нефтяных скважин. В настоящее время нормальная прибыль в России обеспечивается на месторождениях с дебитами 2 - 7 т в сутки. Ясно, что при более высоких дебитах возникает дополнительный доход в виде горной ренты, дарованной природой. Например, в нашей стране существуют скважины, начальные дебиты которых достигают 1000 и более тонн нефти в сутки. Так, на морском Приразломном месторождении начальные дебиты составляют свыше 1500 т нефти в сутки.

2. Качество добываемого минерального сырья. С точки зрения реализации продукции качество нефти оказывает заметное воздействие на показатели эффективности деятельности недропользователя. Так, количество баррелей в 1 т нефти колеблется от 6,8 до 8,0. В нефтепроводе тяжелые и легкие фракции нефти смешиваются, цена реализации соответствует цене смеси в трубе. В мировой практике принято создавать банк качества нефти, в

результате одни организации получают надбавки к цене на выходе нефти из трубы, а другие, наоборот, - убытки из-за падения цены на нефть.

3. Стадия жизненного цикла разработки месторождения. Известна закономерность (кривая Хаббарда) разработки нефтяных месторождений, согласно которой в первые 10 - 15 лет после начала эксплуатации рентабельность добычи возрастает, затем держится на пике в течение 5-10 лет, после чего начинает снижаться по мере истощения запасов месторождения. В соответствии с этой закономерностью через 20 - 25 лет после начала эксплуатации месторождения в суточных дебитах извлекаемой жидкости начинают преобладать дебиты воды»[92, С.32-33]. Что касается стадий цикла разработки месторождения, то они прямо не влияют на образование горной ренты, в связи с тем, что указанные стадии определяют изменение условий добычи и качества сырья, которые и влияют на процесс рентообразования, при этом, уровень указанных изменений характерен для каждого месторождения.

«4. Экономико-географические условия. К ним относятся: наличие социальной (железные дороги, линии электропередач, населенные пункты и пр.), производственной и промысловой инфраструктуры (близость магистральных нефтепроводов, донажимных и насосных станций и т.д.); труднодоступность; климатические факторы; показатели буримости пород и др. Естественно, экономико-географические условия определяют капитальные и текущие (эксплуатационные) затраты, технологию разработки, а в конечном счете нормативные затраты на разработку и обоснование критериев "нормального" месторождения»[92, С.33].

При этом С. Кимельман и С. Андрюшин считают, что важнейшим фактором формирования всех видов горной ренты является среднесуточный дебит скважин на месторождении, который влияет на величину образования горной ренты так же, как и площадь земельного участка. Конечно, на 5 гектарах плодородной земли образуется в пять раз больше земельной ренты,

чем на 1 гектаре такой же земли, но к причинам образования земельной ренты площадь участка никто не относит.

Что же касается стадии жизненного цикла разработки месторождения, то ее едва ли можно отнести к факторам образования дифференциальной горной ренты. Естественно, стадия жизненного цикла месторождения влияет на добычу нефти в единицу времени, на соответствующем этапе разработки месторождения. Так, на завершающих стадиях, когда в суточных дебитах месторождения начинают расти и становятся преобладающими дебиты воды, это влияет на качество добываемого сырья. Таким образом, как отмечает Тоскунина В.Е.: «Рента не является неизменной величиной: по мере отработки запасов и ухудшения горно-геологических условий добычи ее размер уменьшается. В этом случае говорят о «естественной» динамике экономической ренты (природно-ресурсной составляющей), поскольку она во многом обусловлена природными свойствами разрабатываемых геологических объектов. На начальном этапе поиска и разведки создаются условия для получения дополнительного дохода. Наибольший приток дополнительного чистого дохода, обусловленного рентной составляющей, формируется на стадии зрелости нефтегазовой провинции (этап стабильной добычи). Фактор ухудшения горно-геологических условий добычи негативно влияет на динамику экономической ренты. По мере отработки крупных высокоэффективных месторождений и перехода к освоению более мелких и сложных объектов растут издержки на освоение и разработку месторождений, что приводит к снижению прибыльности операций, уменьшению и исчезновению дополнительного дохода, обусловленного наличием рентной составляющей» [233, С.11]. Но при этом, прямой зависимости между размером горной ренты и стадией цикла разработки месторождения не существует.

Что же касается четвертой, экономико-географической группы факторов, то, как и у Н.В. Володомонова, (кроме показателей буримости пород) данные факторы не могут быть отнесены к причинам образования

горной ренты. За счет этих факторов образуются другие доходы. Кстати, указанные причины оказывают определенное воздействие на формирование себестоимости продукции во всей промышленности, а не только в добывающих отраслях, однако это никого не наводит на мысль, что за счет этого образуется специфическая промышленная рента и никто не пытается изъять ее в бюджет.

Кроме этого, как уже отмечалось, С. Кимельман и С. Андрюшин выделяя причины образования горной ренты, ставят на первое место добычу нефти в единицу времени, которая определяется суточным дебитом нефтяных скважин. В свое время Володомонов Н.В. придерживался мнения, что рента «...может быть реализована во времени различным образом, в зависимости от годовой производительности рудника, построенного на данном месторождении. Продолжительность реализации горной ренты находится в обратном отношении к годовой производительности рудника» [240, С.338].

Далее С. Кимельман и С. Андрюшин даже приводят собственную методику расчета горной ренты, но в основу расчета ставится следующее обстоятельство: «...важнейшим фактором формирования горной ренты (абсолютной, дифференциальной I и II рода) является тот, который определяет количество добываемого минерального сырья в единицу времени. Для нефти - это среднесуточный дебит скважин на месторождении. Действительно, при прочих равных условиях (стоимость строительства скважин, себестоимость добычи, затраты на создание производственной инфраструктуры, социально-экономическое положение в регионе, где находится месторождение) от дебита скважин прямо зависит объем добываемой нефти, а следовательно, и сумма выручки. Соответственно чем больше дебит, тем выше, например, общая масса дифференциальной горной ренты I рода, обусловленная исключительно социально-экономическими и горнотехническими факторами разработки месторождения»[92, С.35].

Таким образом, по мнению авторов, величину горной ренты, определяют, в первую очередь, объемы добытой нефти, определяющие массу рентных доходов (исходя из приведенных факторов образования горной ренты, в ее состав попадут и другие виды рентных доходов).

Уже отмечалось, что при значительной величине площади не самого лучшего участка земли на нем можно было получить большую массу земельной ренты, чем на участке лучшего качества, но меньшей площади. Но при этом общая величина участков земли лучшего, среднего и худшего качества есть величина данная, данной величиной будет и величина горной ренты, определяемая качеством различных категорий земель. Также и в недропользовании, суммарная величина горной ренты будет величиной данной (для определенного момента времени, вовлеченных в добычу месторождений и т.д.). Будет меняться только скорость ее получения. То есть данную сумму горной ренты, при соответствующих запасах нефти, можно получить за различные периоды времени. Именно это имели в виду Н.А. Волынская и С.С. Ежов, когда писали, что рента «...является интегральной характеристикой, определяется за весь период разработки, а не за какой-нибудь отдельный год» [40, С.60].

В другой работе С. Кимельман отмечает, что горную ренту определяют: «наличие существенных различий месторождений полезных ископаемых по геологическим, горнотехническим, географо-территориальным, социально-экономическим и экологическим условиям их эксплуатации»[91].

Разовский Ю.В. считает, что: «Дифференциальная горная рента возникает вследствие ...различий в горно-геологических, экономико-географических и других условиях разработки месторождений» [194, С.115]. К его мнению близко мнение Виноградовой А.В.: «...в нефтегазовом секторе факторами образования природной ренты являются: горногеологические, экономико-географические, макроэкономические и институциональные» [37, С.11].

В современных условиях можно привести множество сходных точек зрения: «...круг факторов образования рентных доходов в современной экономике существенно расширился. Среди них: природные, технологические, информационные, институциональные, обусловленные использованием человеческого капитала и т.д.» [214, С.117].

Моргунов Е.В. к числу факторов образования горной ренты и прибыли в НГК России относил:

1. Горно-геологические:
 - Вид углеводорода (нефть, газ или газовый конденсат);
 - Масштаб месторождения (объем запасов, редкость);
 - Содержание полезных и вредных компонентов (насыщенность);
 - Характер залегания углеводородов (угол падения, мощность, нарушенность);
 - Гидрогеологические характеристики месторождения (обводненность и пр.);
 - Физико-механические характеристики углеводородов и вмещающих пород (вязкость, пластовое давление, температура и толщина пласта, содержание серы, плотность и пр.);
 - Степень истощения месторождения.
2. Экономико-географические:
 - Климатические условия;
 - Тип местности (суша или шельф моря), рельеф местности, высота над уровнем моря, характер растительной среды в районе залегания месторождения;
 - Транспортные условия: удаленность от промышленных центров (рынков сбыта), вид транспортировки (трубопровод, морской путь и т.д.), удаленность от транспортных магистралей;
 - Удаленность от источников энергоснабжения;
 - Наличие квалифицированных трудовых ресурсов.
3. Институционально-экономические:

- Конъюнктура на рынке энергоносителей (соотношение спроса и предложения, емкость рынка);
- Уровень цен на материалы, машины и оборудование, энергию, используемые при добыче и первичной переработке углеводородов;
- Эффект масштаба (объемы добычи, транспортировки, первичной переработки);
- Институциональная структура фирмы;
- Уровень инфляции, показатель финансовой квазиренды, операции с капиталом;
- НТП, ценовые факторы;
- Эффект консолидации бюджета фирмы, сроки налогообложения горной ренты;
- Степень риска: политический, правовой, экономический и пр.[156, С.112].

Следует отметить, что Моргунов Е.В. в данную классификацию включает не только факторы образования дифференциальной горной ренты и прибыли, но и факторы образования квазиренды (научно-технический прогресс) и прочих рентных доходов (вид транспортировки, удаленность от промышленных центров, климатические условия и пр.).

Куликов А.П. предлагает среди разнообразных характеристик природной ренты выбрать следующие основные факторы ее образования:

«Экономико-географические условия:

- климатические условия; расстояние участка недр от населенного пункта с численностью населения более 10 тыс. чел.; расстояние от территориальных дорог общего пользования; относительные превышения на участке недр; заболоченность участка.

Степень геологической изученности территории:

- геологическая изученность; прогнозные ресурсы на данный вид полезного ископаемого; группа сложности месторождения данного

полезного ископаемого; горно-геологические и инженерно-геологические условия; гидрогеологические условия.

Качество полезных ископаемых:

- данные о количестве, качестве, категорийности, вещественном составе разведанных, утвержденных и оперативно учтенных запасов основных и совместно с ними залегающих полезных ископаемых, а при открытой разработке – также и вскрышных пород; сведения по выявленным проявлениям полезных ископаемых; проектный уровень добычи; возраст резервуаров.

Размер участка недр:

- размеры горного отвода; проектное обоснование границ горного отвода, включающее вопросы рационального и комплексного использования нефти, газа при их добыче.

Для шельфа:

- глубина шельфа; расстояние от берега.

Общие сведения о территории над горным отводом:

- величина площади; характер сельскохозяйственных и лесных угодий; застроенность; текущее использование.

Экологические сведения:

- проектные выводы по оценке воздействия ведения горных работ на окружающую среду; вопросы охраны недр и окружающей среды.

Продолжительность работ.

Степень риска»[122, С.410-411].

Икаев А.Р. отмечает, что «Анализ теории горной ренты и факторов, влияющих на формирование нефтегазовой ренты показал, что существенно воздействуют не только природные факторы (горно-геологические – качество полезного ископаемого, масштаб месторождения и др., экономико-географические – место расположения месторождения, климат и др.), но и макроэкономические (спрос на энергоносители, уровень цен на углеводороды на мировом рынке, цена кредита финансовых ресурсов, курс

валют и др.), а также и отраслевые (уровень конкуренции производителей углеводородов, цены и спрос на углеводороды на национальном и региональном рынке, стоимость материалов, машин и оборудования, сервисных услуг для нефтегазовых компаний, др.)» [82, С.119]. Следует сказать, что Икаев А.Р. объединяет факторы образования горной ренты абсолютной и дифференциальной, ценовой ренты и просто элементы себестоимости продукции.

Отметим, что существует и такая точка зрения, в соответствии с которой: «...в России дифференциальная рента образуется и в результате большой разницы между внутренней и мировой ценой при экспорте сырья за рубеж. Эту ренту правильнее называть не природной, а экспортной» [89, С.32].

А.В. Прокопенко считает, что «ключевыми факторами, влияющими на оценку ренты, являются:

1. Степень извлекаемости существующих промышленных запасов нефти и газа; способность будущих технологий способствовать открытию новых запасов.

2. Применяемые технологии и менеджмент, а также их возможность снижения издержек, связанных с разведкой, добычей, переработкой и транспортировкой;

3. Объем нетрадиционных видов нефтей (синтетическая нефть, нефтяные сланцы, битумные пески), их динамика формирования в части нефти в мире;

4. Тенденции налогообложения и политические тенденции, войны и вооруженные конфликты.

5. Структура промышленности, влияющая на инвестиции и формирование предложения.

6. Экология регионов добычи и условия инфраструктуры, определяющие транспортировку, и связанные с этим ограничения по поставке» [190, С. 20].

Предлагаются и такие факторы образования горной ренты в газодобывающей промышленности, которые должны быть положены в основу дифференциации налогообложения:

«— глубина залегания продуктивных пластов;

— стадия разработки (растущая, стабильная, падающая или затухающая добыча);

— дебиты скважин;

— качественные характеристики и состав добываемой продукции;

— применение новых или нетрадиционных технологических методов добычи (например, поддержание пластового давления с целью повышения степени извлечения запасов)»[22, С.81]. Следует отметить, что если первые четыре фактора отражают горно-геологические условия добычи газа, то последний фактор скорее относится к причинам образования квазиренты.

П.М. Ходырев отмечает: «Параметры, характеризующие месторождение в аспекте рентообразования, должны отражать все свойства месторождения, существенные для получения прибыли при его эксплуатации. К таким свойствам относятся: вид, сорт (марка) и качественные параметры ресурса, объем запасов (вектор тем большей размерности, чем выше разнообразие ресурсов), геометрические параметры (форма и положение рудного тела, угольных пластов, нефтеносных или газоносных структур), твердость и иные механические характеристики, химический состав и прочие свойства вскрышных и вмещающих пород, местоположение (с учетом инфраструктуры, обеспеченности трудовыми и прочими ресурсами, климата) и т.д. и т.п.» [242, С. 166]. То есть П.М. Ходырев в число факторов образования горной ренты месторождения внес все факторы, влияющее на образование горной ренты и других рентных доходов (местоположение и климатические условия; обеспеченность ресурсами), а вместе с ними и прибыли.

Есть экономисты, придерживающиеся точки зрения, что горная рента включает в себя лишь нефтяную, газовую и минеральную ренту[199, С. 9;

128, С, 16]. Из этого надо сделать вывод, что минеральная рента образуется при добыче и торфа и угля и урановой руды. Тогда логичнее считать, что горная рента включает углеводородную и минеральную ренты.

При этом, при добыче различных полезных ископаемых различны и природные условия, оказывающие влияние на себестоимость добычи. Так, к числу основных природных факторов, определяющих уровень горной ренты в газовой промышленности, по мнению некоторых экономистов, можно отнести:

« (1) различия в глубине залегания запасов и ресурсов газа по месторождениям;

(2) климатические условия;

(3) различия в составе горных пород по месторождениям;

(4) различия в термобарических условиях залегания газоносных пластов по месторождениям;

(5) различия в химическом составе газа и конденсата по месторождениям;

(6) особенности географического расположения месторождений.

Основные антропогенные факторы, влияющие на уровень дифференциальной ренты в газовой промышленности:

(1) различия в технологическом уровне эксплуатации газовых месторождений;

(2) различия в технологическом уровне очистки и подготовки газа к транспорту;

(3) региональные различия в емкости технологических систем и средств, основанных на использовании газа;

(4) организационно-экономические условия, влияющие на возможность использования конкретных технологических систем (ограничения на использование импортного оборудования, соотношение курсов национальных валют и др.);

(5) различия в стадиях разработки»[22, С.82].

Все рассмотренные выше классификации причин образования горной ренты, в качестве горной ренты рассматривают всю совокупность рентных и прочих доходов получаемую горнодобывающим предприятием в процессе добычи полезных ископаемых и частично, в процессе их транспортировки. Это методически не правильно и указанные классификации не могут использоваться в качестве основы для построения методики расчета величины горной ренты.

Однако существуют, и другие классификации причины образования горной ренты, рассматривающие в качестве указанных причин горно-геологические условия добычи и показатели, характеризующие качество добываемого сырья. Так, по мнению Н.М. Кондратенко и В.С. Шавлака: «Различия природных условий нефтяного производства характеризуются следующими показателями: объем запасов нефти, степень их извлечения из недр, глубина пластов, обводненность нефти, содержание серы и других вредных примесей и т.д.»[107, С. 121].

При этом различия природных параметров нефтедобычи оказывают весьма значительное влияние на рост как капитальных, так и прямых затрат на добычу нефти: «В 1977 году средняя глубина законченных бурением скважин по отдельным объединениям МНП колебалась от 823 до 3831 метров, то есть в 4,7 раза, а затраты на строительство 1 скважины и на добычу 1 т нефти растут почти пропорционально росту глубины залегания пластов, причем «...с увеличением глубины бурения стоимость метра проходки возрастает в степенной зависимости» Точно так же влияет на стоимость добычи нефти и степень ее обводненности. В 1977 году обводненность нефти по МНП колебалась от 1,1 до 89%, а при увеличении обводненности только с 50 до 75% себестоимость добычи нефти возрастает в 2 раза»[107, С.121].

Есть экономисты, которые вообще ставят под сомнение возможность классификации факторов образования горной ренты, считая их набор специфическим для каждого конкретного месторождения в силу его

уникальности. «Уже этого достаточно, - считает В.И. Данилов-Данильян, - чтобы усомниться в возможности построения достоверного статистического описания ансамбля месторождений какого-либо природного сырья: похоже, что разнообразие объектов, характеризуемое разбросом их параметров, слишком велико в сопоставлении с количеством самих объектов. Действительно, существенные трудности возникают уже при попытках сформировать набор параметров, характеризующих месторождение в аспекте рентообразования. Эти параметры должны отражать все свойства месторождения, существенные для получения прибыли при его эксплуатации» [65]. К указанным свойствам месторождений В.И. Данилов-Данильян относит «...вид, сорт (марка) и качественные параметры ресурса, объем запасов (вектор тем большей размерности, чем выше разнообразие ресурсов), геометрические параметры (форма и положение рудного тела, угольных пластов, нефтеносных или газоносных структур), твердость и иные механические характеристики, химический состав и прочие свойства вскрышных и вмещающих пород, местоположение (с учетом инфраструктуры, обеспеченности трудовыми и прочими ресурсами, климата) и т.д. и т.п.»[65]. В то же время, часть указанных параметров, по его мнению, трудно поддается измерению или имеет качественный характер, что затрудняет установление зависимости между уровнем данного параметра и величиной получаемых доходов. «При этом, - отмечает далее В.И. Данилов-Данильян, - для каждого параметра месторождения существуют присущие этому параметру и не воспроизводящиеся для остальных связи с характеристиками технологий (то есть основных фондов), трудовых ресурсов, менеджмента (иначе не было бы необходимости вводить в рассмотрение все эти параметры)»[65]. Из этого автор делает следующий вывод: «...ни для одного из полезных ископаемых ...не удастся построить статистически значимые модели, которые позволили бы элиминировать действие всех факторов, кроме интересующего нас природного (обобщенного, поскольку он должен аккумулировать все параметры

месторождения), и оценить его вклад в получение прибыли от эксплуатации месторождения»[65].

Данилова-Данильяна В.И. в этом вопросе полностью поддерживает Фадлалла А.Р., который считает, что для каждого месторождения, в силу его уникальных свойств, существуют присущие только данному месторождению набор параметров, причем каждый из этих параметров имеет специфические взаимосвязи с характеристиками используемых технологических процессов и пр. и оценить влияние каждого из параметров на получение прибыли от эксплуатации данного месторождения по сути дела - невозможно[237, С.51].

В ответ на мнения Данилова-Данильяна В.И. и Фадлаллы А. Р. Хотелось бы отметить, что во времена плановой экономики наблюдались удачные попытки выбрать наиболее значимые факторы образования горной ренты и построить экономико-математические и геологические модели функционирования всех крупных месторождений углеводородного сырья. Однако их применение в современных условиях весьма ограничено, если вообще возможно. «Пересчет ранее существовавших моделей (во времена плановой экономики) или фактических значений текущих и капитальных затрат в доллары по текущему курсу рубля неприемлем. Курс рубля отражает инфляцию в очень усредненном виде, поскольку рост цен на различные товары и услуги неравномерен и неодинаковы структуры расходов в различных отраслях производства и даже на различных предприятиях, ошибки при пересчете затрат в долларовый эквивалент могут быть существенными»[114]. Но если модели, основанные на определенном наборе показателей, существовали ранее, значит, существуют возможности их построения применительно и к сегодняшним условиям.

Определение факторов влияющих на образование горной ренты имеет значение лишь с точки зрения определения размеров самой ренты. При этом главная цель определения ренты состоит в создании теоретической основы для совершенствования налоговой системы, которое позволило бы

государству получать или контролировать доход, который принадлежит ему как собственнику недр и полезных ископаемых[53]. С этой позиции на определение размеров ренты не могло не повлиять мнение, что: «Среди экономистов не был выработан единый критерий понятия уровня худших природных условий. Этот критерий не может быть однозначным»[107, С. 122]. Это связано с тем, что «само понятие «худшие природные условия» очень относительно. Что нужно и можно понимать под худшими природными условиями? Условия худшего месторождения или природные условия, в которых хозяйствует добывающее предприятие?»[107, С. 122]. Кроме этого, худшее месторождение может считаться таковым не столько из за геологических условий добычи, сколько из за применяемой технологии. Поэтому, что бы установить худшее (замыкающее) месторождение необходимо определиться с каким-то из параметров, например с технологией. Тогда можно считать, что замыкающим месторождением признается то, доходы «...которого позволяют с учетом действующей системы налогообложения, включая налог на добычу нефти как абсолютную ренту, обеспечить недропользователю нормальную прибыль (до 17% на вложенный капитал, затраты) при условии, что его капитальные и эксплуатационные затраты на добычу и транспортировку нефти не превышают нормативные затраты, соответствующие принятой среднеотраслевой технологии и технике добычи нефти» [92, С. 36].

Однако в другой работе Кимельман С.А. пишет: «Технологию добычи полезных ископаемых практически трудно изменить, порою это просто невозможно осуществить. Технология добычи — весьма инерционный, практически неизменяемый и всегда долговременный процесс» [95, С.174]. Таким образом, при определении суммарных затрат на добычу нефти для данного или замыкающего месторождения необходимо использовать нормативные затраты принятой в конкретном случае технологии добычи нефти. Исходя из этого мы сможем определить соответствующие затраты на добычу и выявить худшее (замыкающее) месторождение.

Кстати, в сегодняшней отечественной экономической науке существует и такая точка зрения, согласно которой: «В современной России положения теории ренты преломляются совершенно в ином качестве. В виде ренты в краткосрочном периоде производится и присваивается для дальнейшего непроизводительного потребления собственниками и пользователями (это тоже отечественная специфика!) факторов производства не только и не столько чистый продукт или доля добавленной стоимости. Более 20 лет рыночных преобразований имеет место хроническое и масштабное недовозмещение и отсутствие стабильного расширенного воспроизводства факторов производства – основного и человеческого капитала – в условиях существующей системы ценообразования (либеральной и доведшей многие позиции до уровня выше мировых цен!) в российской монополюльно-олигополистической экономике. В связи с этим, а также основываясь на классической трактовке ограниченного круга универсальных факторов производства, сформулируем в форме концепции базовые условия производства ренты» [131, С.37]. При этом, указывает Ложникова А.В., наблюдается подмена: «...классического понимания экономической природы базовых условий производства ренты конъюнктурной и весьма размытой трактовкой так называемых рентных (или рентообразующих) ресурсов» [131, С. 35]. Хотелось бы возразить, что именно трактовка рентообразующих ресурсов, а не базовые условия производства ренты, является классической.

Но вернемся к базовым условиям производства ренты. Так, «Базовым условием 1 производства ренты предлагаем считать систематическое масштабное недовозмещение и отсутствие расширенного воспроизводства основного капитала на фоне относительно высоких мировых и внутренних цен на продукты, услуги в условиях монополистических, олигополистических рынков (в РФ, других современных экономиках мира)» [131, С.38].

И затем: «Базовым условием 2 производства ренты предлагаем считать систематическое масштабное недовозмещение и отсутствие расширенного

воспроизводства человеческого капитала на фоне относительно высоких мировых и внутренних цен на продукты, услуги в условиях монополистических, олигополистических рынков (в РФ, других современных экономиках мира)» [131, С.44].

И наконец, последним: «Базовым условием 3 производства ренты предлагаем считать искусственное завышение стоимости привлечения краткосрочного капитала на основе включения в издержки финансовых организаций не только явных издержек в полном объеме, но и альтернативных издержек на основе искусственно завышенной оценки рисков и упущенных возможностей на коротких горизонтах планирования (в РФ, других современных экономиках мира)» [131, С.53].

Исходя из этого «...концепция базовых условий производства ренты опровергает распространенную сегодня трактовку природы ренты как фиктивной стоимости и описывает процесс ее производства и присвоения собственниками факторов производства – государственными и частными хозяйствующими субъектами-недропользователями, акторами вне природно-ресурсного сектора – прежде всего в форме действительной (а вовсе не фиктивной!) стоимости на основе хронического недовозмещения используемых на стадии производства факторов основного и человеческого капитала» [131, С.64].

С мнением Ложниковой А.В. о том, что все вышеуказанные отрицательные моменты имеют место в сегодняшней Российской экономике, нельзя не согласиться. Но почему эти причины, приводящие к сиюминутному росту прибыли (затем, естественно, объемы прибыли и уровни рентабельности резко упадут) называются базовыми условиями производства ренты? Да, все это имело место ранее и имеет место сейчас, и в отечественной и в других экономиках. Если взять низкий уровень оплаты труда работников, то это было всегда и не только в России. Но причем здесь рента?

Возвращаясь к причинам образования горной ренты, хотелось отметить, что в экономической литературе есть и такое мнение о причинах, определяющих ее размеры в современных условиях: «...главным фактором, определяющим величину образующейся в экономике природной ренты, является уменьшение объемов запасов природных ресурсов на фоне научно-технического прогресса, увеличивающего спрос на эти ресурсы; влияние же таких факторов, как качество и местоположение природных ресурсов, постепенно снижается»[236, С. 9].

С тем положением, что научно-технический прогресс влияет на рентообразование, признают многие экономисты: «Технический прогресс существенно влияет на эффективность использования природных ресурсов (а, следовательно, и на образование горной ренты – авт.). Под его влиянием меняется ценность и качество используемого ресурса»[228]. Далее автор рассматривает пример использования железных руд. Так, первая половина прошлого века характеризовалась использованием для производства железа руд, с его содержанием 53% и более. Затем, широкое распространение получили бедные руды, содержание железа в которых составляло 25—40% (магнетитовые кварциты). «При этом затраты на получение металла (чугуна, стали) – отмечается в публикации, - оказались меньше, чем при использовании богатых руд большинства месторождений. Бурное развитие обогащения магнетитовых кварцитов обусловлено, с одной стороны, растущей потребностью в железорудном сырье, с другой — большими технико-экономическими преимуществами использования в черной металлургии железорудных концентратов по сравнению с природно-богатыми рудами. Основное преимущество первых заключается в высоком содержании железа (62—70%) и низком кремнезема. Чем выше содержание железа в подготовленной к плавке руде, тем больше выход чугуна из 1 т руды. Кроме того, увеличение содержания в шихте на 1% снижает расход кокса на 1,5% и повышает производительность доменных печей на 2,2%. Часть бедных магнетитовых кварцитов, благодаря получению из них после

глубокого обогащения богатых по содержанию железа (69—70%) концентратов, можно использовать для бескоксовой металлургии»[228]. Так как научно-технический прогресс влияет, с одной стороны на эффективность использования природных ресурсов (дифференциальная рента II и квазиренте), а с другой стороны, на качество используемого ресурса (дифференциальной ренте I).

Таким образом, рассмотрение предлагаемых классификаций факторов образования горной ренты позволяет сделать вывод о том, что указанные классификации, в основном, следует разделить на две подгруппы. В первую из них можно отнести классификации, где собраны все факторы образования различных видов образования рентных доходов в горном производстве. Во вторую следует отнести классификации, действительно отражающие факторы образования горной ренты (природно-геологические условия добычи, качество полезного компонента и наличие вредных примесей). Конечно, при этом, приведенные классификации отличаются полнотой охвата указанных факторов.

При этом если за базу для расчета принять классификации первую группу факторов, то расчеты становятся весьма сложными и трудноосуществимыми. Это связано с тем, что почти невозможно определить, в стоимостном выражении, влияние степени политического, правового, экономического и пр. рисков; институциональной структуры фирмы: вертикальной интеграции или специализации; вывоза капитала; научно-технического прогресса и т.д. на образование доходов добывающего предприятия. Следует отметить, что одни из указанных факторов будут влиять на увеличение размеров доходов, другие – на их уменьшение, а факторы, влияющие на уменьшение доходов нельзя причислять к числу факторов их образования.

В связи с этим, по мнению автора, за основу расчета горной ренты следует принимать классификации второй группы, учитывающие природно-геологические условия добычи полезного ископаемого и его качество.

Итак, в нефтедобыче образуются следующие виды рентных доходов: дифференциальная горная рента – I, абсолютная рента редкости, дифференциальная горная рента – II и квазирента. Как уже отмечалось, в современных условиях дифференциальная горная рента – II неотделима и фактически смыкается с квазирентой, полученной за счет технологических и инновационных причин. Некоторые экономисты называют эти причины технико-экономическими причинами ее образования [151, С.130; 219, С. 58 и др.].

В целом же, как отмечалось выше, квазирента подразделяется на следующие виды: технологическая, организационно-хозяйственная, интеллектуальная, финансово-валютная квазирента. [266, С.41]. Латков А.В. считает, что существуют так же ценовая и информационная виды квазиренты [128, С. 14].

При этом, в нефтедобыче и других добывающих отраслях, при внедрении и использовании предлагаемого нами механизма изъятия горной ренты, как будет показано далее, общая величина квазиренты данного месторождения, будет определяться общей суммой, без деления на отдельные ее виды. Однако разделить квазиренту на части, полученные за счет различных причин весьма сложно, а скорее всего – просто невозможно.

В соответствии с представленным выше мнением Латкова А.В. на величину квазиренты могут оказывать ценностные факторы ее образования.

Однако, по нашему мнению, в современных условиях за счет ценностных факторов образуется не квазирента, а отдельный вид рентных доходов – ценовая рента. С этим мнением согласны многие экономисты. Так, как указывает Ложникова А.В.: «Точка зрения о разрыве между экспортными мировыми и внутренними ценами как об основном рентообразующем факторе является авторитетной и господствующей в современной отечественной научной литературе» [131, С. 36]. Николайчук О.А. в свою очередь считает: «...возникновение и присвоение ренты при добыче энергоресурсов в стране предполагают непосредственное сопоставление

мировых цен со среднемировыми затратами. Если эта разница положительная, то такой сверхдоход определенно можно называть рентным» [168, С. 67]. Однако рента должна рассматриваться и образовываться на национальном уровне, иначе непонятно, кто же ее собственник. Поэтому, чтобы получить ценовую ренту сравнивать надо, все же мировые и внутренние цены. Сравнение мировых цен со среднемировыми затратами не имеет под собой реального экономического смысла и значения. Кимельман С.А. считает, что «...ценовая рента в свою очередь, тоже делится на два вида: экспортная ценовая рента и региональная (внутрироссийская) ценовая рента» [91] которая образуется из-за региональных различий в уровнях цен.

Таким образом, в современных условиях, рента, образуемая за счет ценовых факторов, выделяется в отдельный вид ренты – ценовую. Как отмечает Кимельман С.А.: «Ценовая рента возникает при участии страны в мирохозяйственных связях на мировых товарно-сырьевых рынках; она обуславливается разностью внутренних и мировых цен на минеральное сырье и продукты его передела»[95, С. 174]. Картовенко И.В. считает: «Ценовая рента есть некоторый остаточный доход, превышающий горную ренту за счёт разницы между мировыми ценами на нефть и ценами на внутреннем рынке при поставке нефти на независимые нефтеперерабатывающие заводы, а также наличия различных экспортных льгот, в частности, нулевой ставки НДС»[90, С. 9].

Таким образом, правильнее будет считать, что за счет разницы в ценах, складывающейся на мировом рынке возникает специфическая ценовая рента, а не квазирента. Хотя, с другой стороны, ценовая рента, это, возможно, всего лишь рента редкости или абсолютная рента, то есть рентный доход, возникший из-за повышенного спроса? Кстати, этого же мнения придерживаются и другие экономисты: «Наиболее важной частью абсолютной нефтяной ренты (и ее общей суммы) в России служит превышение экспортной ценой сырой нефти ее внутренней цены и величины затрат как средних, так и предельных»[39, С. 57]. Превышение экспортной

(мировой) ценой сырой нефти ее внутренней цены действительно покажет всю сумму абсолютной (ценовой) ренты. Сравнение же мировой цены с предельными (замыкающими) затратами даст сумму абсолютной и прибыли в нефтедобывающей промышленности. Сравнение же мировой цены со средними затратами не имеет реального экономического смысла. Кстати ценовая рента не может быть видом квазиренты, так как они имеют разных собственников (государство и недропользователь).

В связи с этим, квазиренту, как рентный доход, полученный в результате деятельности, целью которых является максимизация прибыли, снижение себестоимости добычи и повышение его эффективности предлагается оставлять предприятию полностью или изымать в бюджет по пониженному нормативу налогообложения прибыли. Необходимость определения размеров квазиренты еще раз указывают на то, что определение величины дифференциальной горной ренты не может проводиться на основе «сверхприбыльной концепции», так как в результате таких расчетов мы можем получить только общую сумму рентных и прочих доходов недропользователя, превышающие их среднюю или нормальную величину без ее деления на отдельные компоненты.

2.2 Методики определения размеров природно-ресурсной ренты

Определение размеров рентных доходов и, в частности природной (горной) ренты, наряду с теоретическим, имеет важное прикладное значение. Это связано с тем, что, главная цель определения ренты состоит в создании теоретической основы для совершенствования налоговой системы, которое позволило бы государству получать или контролировать доход, который принадлежит ему как собственнику недр. Этой позиции придерживаются многие экономисты. Так, по мнению А.Н. Голоскокова: «Справедливое отделение ренты от затрат и «нормальной» прибыли (и изъятие рентного

дохода в пользу государства как собственника недр) является фундаментальным вопросом налогообложения добывающих отраслей»[54].

Попытки определить размеры природной (земельной) ренты можно найти еще в классической политэкономии.

Так, В. Петти предлагал следующим образом определить размеры земельной ренты. «Если он (земледелец – авт.) из жатвы вычтет зерно, употребленное им для обсеменения, а равно и все то, что он употребил и отдал другим в обмен на платье и для удовлетворения своих естественных и других потребностей, то остаток хлеба составляет естественную и истинную земельную ренту этого года...»[186, С. 33].

В свою очередь А. Смит считал, что рента – это излишек над долей стоимости продукта «которая достаточна для возмещения капитала, затрачиваемого им на семена, на оплату труда, покупку и содержание скота, а также остального сельскохозяйственного инвентаря, и для получения обычной в данной местности прибыли на вложенный в сельское хозяйство капитал»[223, С. 120].

Дж.Ст. Миль указывал, что конечные затраты на худшей из земель – «мерило, позволяющее оценивать величину ренты, которую принесут все прочие земли. Любой участок земли приносит настолько больше обычной прибыли на капитал, насколько этот участок дает больше, чем самый скверный из возделываемых участков» [152, Т. II. С. 153].

К. Маркс считал, что величина дифференциальной земельной ренты выступает как «...добавочная прибыль, если она создается нормально, а не благодаря случайным обстоятельствам процесса обращения, всегда производится как разность между продуктом двух одинаковых количеств капитала и труда, и эта добавочная прибыль превращается в земельную ренту, если одинаковые количества капитала и труда заняты на одинаковых по величине земельных участках и дают неодинаковые результаты»[142, Т. 25. ч. II. С. 200].

Затем, попытки определения размеров природной ренты (земельной, горной) предпринимались уже в прошлом веке для обоснования величины изъятия рентных доходов в бюджет. При этом следует отметить, что в экономической литературе существует и такое мнение, что рассчитать достоверные размеры природной, а в особенности горной ренты, не представляется возможным. Уже приводилось мнение В. И. Данилова-Данильяна: «Часто повторяется утверждение, что двух одинаковых месторождений не бывает. Уже этого достаточно, чтобы усомниться в возможности построения достоверного статистического описания ансамбля месторождений какого-либо природного сырья: похоже, что разнообразие объектов, характеризуемое разбросом их параметров, слишком велико в сопоставлении с количеством самих объектов»[65]. В этом вопросе его полностью поддерживает Моргунов Е.В., который считает, что «...дифференцирование горной ренты и прибыли по факторам, зависящим и независимым от экономической деятельности хозяйствующих субъектов, обуславливает сложность количественной ее оценки. Многовариантность решения этой задачи не позволяет составить экономико-математическую модель расчета горной ренты, адекватную реальным условиям разработки месторождений» [158, С. 20].

Мнение Фадлаллы А. Р. идет в разрез с мнением В. И. Данилова-Данильяна о практической трудности и даже невозможности определить размеры горной ренты. Так, Фадлалла А. Р. считает, что «...осуществить изъятие природной ренты (в налоговой или неналоговой формах) можно с меньшими затратами, поскольку ее налогооблагаемый потенциал оценить легче, чем выявить прибыль или зарплату, которые без особого труда скрываются или искажаются»[236, С. 15 - 16].

Однако в экономической науке постоянно предпринимаются попытки разработать методику расчета размеров и определить величину горной ренты на разных уровнях. Что бы рассмотреть методические и практические

подходы в этой области обратимся к работе Л.Г. Хазанова «Эволюция теории горной ренты».

Как отмечает Л.Г. Хазанов, одним из первых, в СССР приступил к изучению теоретических и практических проблем горной ренты Н.В. Володомонов, разработавший в середине прошлого века категорию единой бортовой себестоимости. Единая бортовая себестоимость выступала как предельная себестоимость добычи тонны металла. Н.В. Володомонов предложил и понятие «...наихудшего разрабатываемого блока, соответствующее единой по каждому полезному ископаемому бортовой себестоимости продукта, в частности металла»[240, С. 337]. Учитывая это, Н.В. Володомонов предложил потенциальную величину горной ренты определять по каждому отдельному эксплуатационному блоку.

При этом указанная величина горной ренты выступала «...в качестве разницы между единой бортовой себестоимостью и себестоимостью продукта, умноженной на величину извлекаемых из этого блока запасов, а по всему месторождению – как разница между единой бортовой и средней по месторождению себестоимостью производства продукта, умноженная на величину извлекаемых запасов месторождения»[240, С. 337]. Таким образом, по мнению Н.В. Володомонова: «...наихудшие разрабатываемые блоки месторождения полезного ископаемого должны явиться базой для исчисления горной ренты по этому ископаемому»[240, С. 337].

Оценивая разработки Н.В. Володомонова, Л.Г. Хазанов отметил: «...идея Н.В. Володомонова интересна, но ее уязвимое место – методика определения наихудшего разрабатываемого блока, ведь выяснить, какой из блоков на месторождении является таковым, можно только после завершения его эксплуатации»[240, С. 337]. На самом деле самым уязвимым местом методики Н.В. Володомонова являлось то, что в ее основе лежало сравнение единой бортовой и средней по месторождению себестоимостью производства продукта, пересчитанной на объем извлекаемых запасов месторождения. Таким образом, основой указанной

методики являлось сравнение усредненных экономических показателей, которые не могут отражать конкретные природные условия добычи отдельных добывающих предприятий.

Л.Г. Хазанов остановился еще на нескольких предложениях по расчету величины горной ренты.

Как считал Шкатов В.К.: «...основное влияние на уровень цен в отрасли (при единой цене по стране) будут иметь участки, на которых производятся преобладающие объемы продукции данного типа. Соответственно, если общественная (единая, оптовая или зональная) цена и индивидуальные приведенные затраты будут равны, то и дифференциальная рента будет равна нулю. Если же общественная цена превысит индивидуальные приведенные затраты, то дифференциальная рента будет равна этому превышению, являясь положительной величиной» [240, С. 339]. Таким образом, В.К. Шкатов ставил величину дифференциальной ренты в зависимость от цен, зависящих от условий участков, «производящих преобладающие объемы продукции данного типа» [240, С. 339]. Однако, в этом, случае дифференциальная рента будет определяться как разница между общественной ценой и индивидуальными приведенными затратами, а не между замыкающими и индивидуальными затратами.

По мнению В.Н. Богачева месторождения разнятся природными условиями добычи полезных ископаемых, которые не определяют производительности добывающего предприятия, определяемой технической оснащенностью месторождения и мощностью применяемого оборудования. Богачев В.Н. считал, что горная рента и сроки ее получения во многом определяются производственной мощностью горнодобывающего предприятия, а, следовательно, и величиной его капитальных вложений [240, С. 339].

Несомненно, с данной позицией нельзя не согласиться. Но указанные факторы определяют величину дифференциальной горной ренты – Π и

квазиренды, которые и определяет техническая оснащенность и производственная мощность горнодобывающего предприятия, которые прямо влияют на величину фактических затрат добычи. Но не учитывать горно-геологические условия добычи и качество добываемого сырья, которые, кстати, во многом и определяют выбор техники и технологии добычи, при определении величины дифференциальной горной ренты – нельзя.

Наиболее прогрессивным из рассмотренных методов, по мнению Л.Г. Хазанова являлся методика Игнатъевой М.Н. и Пахомова В.П., рассчитывающая ренту как разность между ценами на продукцию, построенными на базе замыкающих или среднеотраслевых затрат и индивидуальной себестоимостью вместе с нормальной прибылью, обеспечивающей нормальную работу добывающего предприятия. Однако, по мнению Л.Г. Хазанова основным недостатком данного метода являлось то, что «...ими не был показан механизм обоснованного определения нормативной прибыли, что является наиболее сложной задачей в теории горной ренты»[240, С. 339]. Но, в случае, если цены строятся на базе среднеотраслевых затрат, то половина добывающих предприятий, а вернее, половина продукции отрасли будет убыточной, а рента, в этом случае, будет равна 0.

Указанную проблему определения нормальной или нормативной прибыли пытался решить Ю.В. Разовский в разработанной уже в наше время методике определения размеров дифференциальной горной ренты, который была основана на принципе «разделения дохода горного предприятия на нормальную прибыль и дифференциальную горную ренту на базе банковской процентной ставки, которая определяется по ...методике и экономико-математической модели как средняя величина ставок по кредитам прямым заемщикам ведущих коммерческих банков страны и ставки рефинансирования Центрального банка РФ»[196, С. 157].

При этом, величину дифференциальной горной ренты Ю.В. Разовский предлагал определять по следующей формуле:

$$\text{ДГР} = \text{ПГг.п.} - \text{ПГн.г.},$$

Где:

ДГР - дифференциальная горная рента – незаработанная часть прибыли (сверхприбыль) предприятия – недропользователя, (млн. руб.);

ПГг.п. – прибыль горного производства от реализации добытых ресурсов недр, (млн. руб.);

ПГн.г. – нормальная прибыль горного производства, (млн. руб.) [196, С. 154].

Как видно из данной формулы, величину дифференциальной горной ренты предлагается определять как разницу между прибылью горного производства от реализации добытых ресурсов недр и нормальной прибылью горного производства. При этом нормальная прибыль горного производства предлагается определять по формуле:

$$\text{ПГн.г.} = \text{Кн.г.} \times \text{Фг.},$$

Где:

Кн.г. – коэффициент нормальной эффективности горного производства (безразмерная величина);

Фг. – стоимость имущества предприятия, обеспечивающего функционирование горного производства (формирование горной ренты), (млн. руб.) [196, С. 154].

Однако, при таком способе расчета дифференциальной горной ренты сравнение затрат, основанное на учете различий в горно-геологических условиях добычи или качестве сырья подменяется сравнением фактической и нормальной прибыли добывающего предприятия, что вовсе не равнозначно.

Кроме этого рассматриваемый метод определения размеров природной ренты, при котором «...ренту предлагается определять как разницу между заработанной чистой прибылью и «нормальной» прибылью» [122, С. 400], по мнению ряда экономистов «может привести к следующим последствиям:

1. Безрезультатность изъятия ренты как сверхприбыли. Введение «нормальной» прибыли приведет к тому, что предприятия будут занижать природную ренту. Это можно сделать через увеличение «Базы». Иными словами, чем выше, допустим, основные фонды (или затраты) предприятия, тем больше его расчетная «нормальная» прибыль (тем больше, следовательно, остается денежных средств в его распоряжении), и тем меньше «сверхприбыль». Таким образом, изымаемая природная рента будет стремиться к нулю, а основные фонды предприятий (или затраты) необоснованно увеличиваться.

2. Дестимулирование повышения эффективности недропользования. В силу того, что прибыль, остающаяся в распоряжении предприятия, почти не зависит от эффективности работы самого предприятия, то внедрение «сверхприбыльной концепции» природной ренты не способствует улучшению его хозяйственной деятельности. С учетом того, что повышая затраты, можно оставить в своем распоряжении больше средств, нежели снижая их, предлагаемая «сверхприбыльная концепция» дестимулирует предприятия на максимизацию прибыли, минимизацию издержек и осуществление производственных инноваций»[122, С. 401]. Таким образом «сверхприбыльная концепция» делает более привлекательным для добывающего предприятия рентоориентированное поведение и препятствует смене его на прибылеориентированное.

«3. Дилемма отрицательной природной ренты. Неясным остается вопрос, что делать, если заработанная прибыль ниже, чем «нормальная». Стоит ли возмещать предприятию эту разницу? Следует ли учитывать такие «недостачи» в будущих расчетах с предприятием?

4. Спад производства в перспективе. Отсутствие инноваций и перманентного улучшения хозяйственной деятельности предприятий может привести к спаду производства в отдаленной перспективе, так как природные ресурсы могут оказаться недосыгаемы (в то время как доступные недра будут

уже выработаны) из-за отсутствия у недропользователей новых способов добычи.

5. Нерешенность проблемы трансфертных цен. «Сверхприбыльная концепция» природной ренты не дает решение проблемы, которая возникла в российском ТЭК в последнее время – трансфертные цены. Очевидно, что манипулирование ценами договоров в вертикально-интегрированных нефтегазовых компаниях дает им возможность по своему усмотрению регулировать прибыль добывающих предприятий. В результате недропользователи будут уходить от выплаты природной ренты легче, чем в настоящее время.

6. Потеря сущности природной ренты – одно из самых главных возражений. Вычисленная с помощью «сверхприбыльной концепции» рента не является по своей сути природной, так как зависит не от природных характеристик месторождений, а от финансовых и экономических показателей предприятий» [122, С. 401-402]. Исходя из вышесказанного, методы расчета природной (горной) ренты, основанные на сравнении фактической и нормальной прибыли обладают серьезными теоретическими и практическим недостатками и не могут быть использованы в экономических расчетах. Исходя из этого, автор цитируемой выше работы предлагает рассчитывать величину природной (горной) ренты основываясь на сравнении фактических и замыкающих затрат на добычу полезного ископаемого и объемов его добычи. Так, как указывает А.П. Куликов: «Потребитель, приобретающий топливо в данном регионе, платит за него вне зависимости от того, из какого месторождения оно было добыто и какие при этом были понесены расходы, поэтому цена продажи любого добытого топлива в регионе будет определяться замыкающими затратами. Следовательно, рента на единицу топлива для определенного месторождения, которую можно изъять без ущерба для уровня добычи и производственных показателей предприятий, представляет собой разницу

между замыкающими затратами и затратами добычи для этого месторождения»[123, С. 265].

Рассуждая таким образом А.П. Куликов приходит к выводу, что природная (горная) рента «...в простейшем случае рассчитывается как интеграл от нуля до уровня потребности в топливе в регионе функции разности между ценой (замыкающими затратами) и затратами на добычу и поставку топлива в регион»[123, С. 266].

Термин уровня потребности в топливе появляется в приведенной цитате в связи с тем, что замыкающие затраты являются таковыми лишь при определенной потребности в топливе. При росте потребности в топливе в число действующих придется вовлекать дополнительные месторождения с еще более худшими природными условиями добычи, что, соответственно, приведет к росту замыкающих затрат и изменению (росту) рыночных цен.

Но при этом, если вернуться к методам определения размеров ренты, разработанных в СССР, в условиях плановой экономики сам Л.Г. Хазанов справедливо указал на основной недостаток данных методов определения: «...ни один из предлагаемых методов не позволял правильно исчислять и взимать горную ренту, поскольку в существовавшей системе директивных цен на конечную продукцию и плановых объемов производства искажались величины себестоимости добычи полезных ископаемых и получаемой прибыли»[240, С. 340].

Моргунов Е.В., рассматривая данные и другие известные методики посчитал возможным разнести их в четыре группы, но затем решил, что вполне достаточно деление указанных методик лишь на две группы[158, С. 19]. С этим мнением полностью согласен Хазанов Л.Г.[240, С. 340].

Первая группа: методы, основанные на расчете разности между ценами, основой которых выступают замыкающие затраты и конкретной индивидуальной себестоимостью (полная дифференциальная горная рента). В другую группу входили методики, базой которых являлась разница между оптовыми ценами, построенными на основе среднеотраслевых затратах и

индивидуальной себестоимостью (усеченная горная рента или система полярных платежей)[158, С. 19-20]. Но здесь следует отметить определенную методологическую неточность допускаемую как Моргуновым Е.В. так и Хазановым Л.Г. Разность между оптовыми ценами, формируемыми на основе среднеотраслевых или замыкающих затрат и индивидуальной себестоимостью продукции содержит не только ренту, но и заложенную в цену прибыль. А величина прибыли, заложенная в цены, при различных уровнях затрат будет не совпадать, искажая размеры горной ренты. Для точного определения суммы ренты необходимо находить разность между замыкающими затратами и индивидуальной себестоимостью на выпускаемую конечную продукцию. Но следует отметить, что погрешность в расчетах будет незначительной, и на практике ею можно пренебречь. При использовании в расчетах среднеотраслевых затрат, сумма ренты будет для половины продукции отрицательной (полярные платежи).

Такая же ошибка присутствует в работе, посвященной изучению институциональных особенностей модернизации топливно-энергетического комплекса России, проведенной сотрудниками Института Проблем Рынка РАН. По их мнению: «Само определение природной ренты не представит особых затруднений, но его необходимо будет вести по каждому конкретному месторождению или его отдельному участку, на котором ведет добычу данное конкретное предприятие. Поскольку сумма природной ренты в расчете на тонну добываемого сырья представляет собой разность между рыночной ценой и ценой производства в данных конкретных условиях, то последнюю и необходимо будет исчислять»[83, С. 47]. Следует отметить, что разница в размерах прибыли должна быть достаточно небольшой, и на практике этой незначительной суммой можно пренебречь.

В тоже время следует отметить, что в экономической науке разрабатывались методики расчета горной ренты, которые не вписывались в классификацию, предложенную Моргуновым Е.В. и Хазановым Л.Г. Так, С. Кимельман и С. Андрюшин предложили методику расчета горной ренты,

основанную на «использовании количественной зависимости горной ренты от среднесуточных дебитов скважин»[92, С. 35].

Сумму дифференциальной горной ренты предлагается определять по формуле:

$$ГР = \sum_{i=1}^N (PK_i) \times (Нф_i) \times Ц$$

где: ГР - дифференциальная горная рента I, в млн. долл.; i - номер интервала изменения дебитов скважин месторождения; N – число указанных интервалов ; Нф_i – объем добычи нефти на i – м интервале дебита, в млн. т; Ц – средняя цена реализации 1 т нефти за вычетом затрат на транспортировку; PK_i – расчетный коэффициент, определяемый по формуле:

$$PK_i = \frac{Дб(маxi) - Дб(зам)}{Дб(маxi)},$$

где: Дб(зам) - среднесуточный дебит замыкающего месторождения в т/сутки; Дб(маxi) – верхняя граница интервала i, дебита скважин в т/сутки.

Классики политической экономии считали, что причиной образования дифференциальной ренты I являются различия в условиях добычи или в местоположении рудников.

Исходя из этого дифференциальная горная рента I должна определяться путем сравнения затрат на добычу нефти на замыкающем и данном месторождении.

Замыкающее же месторождение, это месторождение имеющее наивысшие затраты на добычу нефти, но обеспечивающее при том, рентабельную добычу. Дифференциальная горная рента I на замыкающем месторождении равна 0.

С. Кимельман и С. Андриюшин считают, что: «Замыкающим признается месторождение, среднесуточные дебиты которого позволяют с учетом действующей системы налогообложения, включая налог на добычу нефти

как абсолютную ренту, обеспечить недропользователю нормальную прибыль (до 17% на вложенный капитал, затраты) при условии, что его капитальные и эксплуатационные затраты на добычу и транспортировку нефти не превышают нормативные затраты, соответствующие принятой среднеотраслевой технологии и технике добычи нефти» [92, С. 36].

Таким образом, по С. Кимельману и С. Андрюшину замыкающее месторождение определяется не замыкающими затратами, а замыкающими среднесуточными дебитами. Затраты на добычу нефти на месторождении авторов не интересуют. Они лишь не должны превышать «...нормативные затраты, соответствующие принятой среднеотраслевой технологии и технике добычи нефти» [92, С. 36]. Следует отметить, что такое требование сделает значительную часть месторождений низкорентабельными или убыточными, так как нормативные затраты, соответствующие принятой среднеотраслевой технологии и технике добычи нефти, будут формировать замыкающие затраты, которые будут ниже реальных замыкающих затрат, в первую очередь, на старых месторождениях.

Исходя из вышесказанного, авторы находят (или моделируют) месторождение с минимальными среднесуточными дебитами, которое при нормативных затратах обеспечит предприятию рентабельную работу. Далее, с помощью расчетного коэффициента RK_i С. Кимельман и С. Андрюшин отделяют в общем объеме добычи минимальные объемы, соответствующие уровням замыкающих дебитов, в общем объеме добычи, принятым для расчета, а все прочее считают дифференциальной горной рентой - I.

При этом авторы оговариваются, что для расчетов должна использоваться «...цена продажи сырой нефти внутри России независимым нефтеперерабатывающим заводам (НПЗ)» [92, С. 36] и «при расчете дифференциальной ренты нельзя применять внутрикорпоративные (трансфертные) цены реализации нефти на "свои" НПЗ внутри вертикально интегрированных нефтедобывающих компаний» [240, С. 37]. Естественно,

ведь именно в таком случае величина дифференциальной горной ренты - I будет значительно меньше.

На самом деле авторы данной статьи определяют вовсе не дифференциальную горную ренту - I . Они определяют превышение над минимальными среднесуточными дебитами, которые обеспечивают рентабельную добычу на месторождении (так в обрабатывающей промышленности, можно определить минимальные объемы производства, ниже которых работа предприятия становится нерентабельной). В связи с этим, сумма, которую авторы определяют как дифференциальную горную ренту - I будет выступать как стоимость добытой нефти в i -м дебите в средних ценах реализации нефти исключая затраты на транспортировку и за вычетом той ее доли, которая соответствует минимальным среднесуточным дебитам, которые обеспечивают рентабельную добычу на месторождении.

Одна из первых советских методик в области определения размеров рентных доходов была разработана в конце 70-х – начале 80-х годов XX века в ЦЭМИ АН СССР (далее – ЦЭМИ), где были рассмотрены итоги экономико-математических разработок по использованию методов рентных оценок в экономике природопользования. На основе этого в 1985 году была разработана оригинальная методика оценки сравнительной экономической эффективности основных видов природных ресурсов. Указанная методика явилась главным методическим инструментом для оценки природных и сырьевых ресурсов в СССР и в странах народной демократии (члены СЭВ) [259, 58, 149].

Основой разработанной в ЦЭМИ методики явилась экономическая оценка природных ресурсов, учитывающая различные полезные эффекты, получаемые при их использовании. При этом оценка полезного эффекта проводилась как на текущий момент, так и на длительную перспективу. Суммарную величину ренты предлагалось определять на основе разности затрат на добычу полезных ископаемых в замыкающих и конкретных условиях добычи. Как отмечалось в данной методике: «Замыкающие затраты

представляют собой централизованно устанавливаемый норматив предельно допустимых приведенных затрат на прирост производства соответствующей продукции в рассматриваемом районе за данный отрезок времени. Одновременно замыкающие затраты характеризуют предельно допустимый уровень затрат на поддержание производства действующими мощностями, необходимыми для удовлетворения потребности в данной продукции»[149, С. 6]. Величину замыкающих затрат должны были устанавливать на какой-то заданный временной период с учетом установленных ресурсных ограничений. Следует отметить, что в рассматриваемой методике впервые в экономической практике в методике учитывались ограничения и экологического характера: «Основными показателями при экономической оценке природных ресурсов являются показатели эксплуатационной и средозащитной (средообразующей) оценок этих ресурсов»[149, С. 5].

При этом оценка условий добычи сырьевых ресурсов ориентировалась не на фактические, часто неудовлетворительные результаты добычи, а на потенциально возможные в данных условиях при рациональном ведении хозяйствования. Как отмечалось в цитируемой методике: «Замыкающие и индивидуальные затраты при оценке природных ресурсов должны определяться согласно установленным планово-проектным нормативам и применительно к наиболее рациональным режимам использования оцениваемого ресурса» [149, С. 7]. Таким образом, указанная оценка носила оптимальный характер. Исходя из этого, методика выступала как одно из основных направлений теории оптимального перспективного планирования, так как определение самого эффективного варианта добычи и использования природных сырьевых ресурсов (т.е. максимизация размеров ренты) проводилось с целью разработки долгосрочных планов размещения производительных сил. Таким образом, такой подход давал возможность определить максимальные размеры ренты, но не давал возможность определить реальные размеры ренты, сложившиеся на данном этапе в народном хозяйстве, где не всегда могут использоваться оптимальные

решения. С другой стороны данная методика ориентировалась на стабильные, неизменные цены, что не приемлемо для рыночного хозяйства.

Таким образом, методика, разработанная в ЦЭМИ, создавала возможность расчета и проведения сравнительных оценок ресурсных потенциалов различных территорий и областей, учета при проведении расчетов различий в природно-климатических условиях. То есть, на базе учета указанных объективных критериев методика позволяла строить конкретные межбюджетные отношения. То есть, разработанная в ЦЭМИ методика подразумевала возможность создания государственной системы учета природных и сырьевых ресурсов, как по внутренним, так и по мировым ценам на природное сырье. Следует отметить, что рассматриваемая методика вобрала в себя многое из западной теории ренты, например - предельную производительность земельных участков.

Сегодня разработанной в ЦЭМИ методике дают следующую оценку: «К середине 80-х годов ЦЭМИ РАН в основном были сформированы не только методология перехода от бесплатного к платному природопользованию, но и методы экономической оценки природных ресурсов на макроуровне, и принципы установления рентных платежей по видам природных ресурсов на микроуровне (предприятие)»[258].

Другой масштабной попыткой разработать методику определения величины рентных доходов по нефтегазовому комплексу и металлургии явились расчеты рентных доходов в указанных отраслях, проведенные группой научных работников экономических институтов РАН. В своих расчетах они исходили из того, что «...рента природного объекта (скажем, месторождения полезных ископаемых) определяется как разность фактического дохода предприятия (или компании), использующего этот объект (разрабатывающего месторождения) и нормального или среднего дохода, который получило бы данное предприятие, если бы направило имеющиеся у него ресурсы капитала и труда на иные цели, не использующего данного природного ресурса»[51]. Указанные расчеты по

количественной оценке рентных доходов за 2000 - 2002 г.г. были проведены по отраслям, получавшим наибольшие суммы ренты от добычи и использования сырьевых ресурсов. К указанным отраслям относились нефтедобыча и газодобыча, а так же черная и цветная металлургия.

При проведении указанных расчетов по определению объемов ренты ученые РАН исходили не из величины прибыли, без платежей за пользование сырьевыми ресурсами, акцизы, НДС, а оперировали суммой первичных доходов до уплаты указанных налогов. Тогда полученная разность фактической суммы доходов, получаемых конкретным предприятием указанных отраслей, и определенной суммой среднего или нормального дохода и определялась как сумма рентных доходов, т.е.

$$P_i = D_i - D_{ni},$$

где

P_i – рентный доход, получаемый отраслями природопользования;

D_i - первичный фактический доход предприятий i - й отрасли;

D_{ni} – «нормативный» доход от применения капитальных, трудовых и прочих ресурсов, за исключением природных;

$$D_{ni} = K_z Z_i \text{ или } D_{ni} = K_f \Phi_i,$$

где

Z - текущие затраты;

Φ_i - основные фонды;

Коэффициенты K_z и K_f - рентабельность к затратам или к производственным фондам обрабатывающей промышленности. Рентабельность рассчитывалась как отношение первичного дохода к фондам или затратам.

При проведении расчетов были взяты данные Госкомстата РФ о доходах и затратах и основных фондах по основной деятельности в указанных отраслях экономики, без учета объектов малого предпринимательства. Это связано с тем, что данные по объектам малого

предпринимательства резко отличаются от общих объемов соответствующих показателей (обычно примерно вдвое меньше).

В свою очередь, это могло повлиять на уровень коэффициентов K_z и K_f , которые могли использоваться для определения уровня нормативных доходов предприятий. Рассчитанные величины прибыли суммировались с налогами на продукты, и в результате определялась сумма первичных доходов предприятий. Но так как в расчетах не использовалась сумма таможенных пошлин, то и доходы предприятий не включали доходы от экспорта. Отношение данного показателя к основным производственным фондам или затратам позволяло получить уровни коэффициентов рентабельности K_z и K_f , для отраслей не имеющих природной ренты.

С целью расчета рентабельности к производственным фондам в качестве величины Φ использовалась сумма основных фондов за минусом фондов отраслей, производящих нерыночные услуги.

Производились и расчеты коэффициентов рентабельности K_z и K_f не по всему народному хозяйства, а по показателям всего народного хозяйства за минусом рассматриваемых рентообразующих отраслей или по нерентообразующим отраслям. Здесь размер ренты в ВВП в 2000 г. составил 17,4%, а в 2001 г. - 11%, а отношение ренты к расходной части бюджета в 2000 г. составило 65,7%, а в 2001г. - 44,3%. В связи с этим, как считали авторы, если бы в налоговое законодательство было введено понятие рентного дохода и установлен 80% налог на указанный рентный доход, как НДС в Норвегии, доходы госбюджета в эти годы могли бы увеличиться в 2000 г. приблизительно на 380 млрд. рублей, (18% доходной части бюджета), в 2001 г. за счет уменьшения ренты (в частности, по причине увеличения используемых налогов) размер ренты бы уменьшился, но и при этом ее величина могла сократиться только до 200 млрд. руб., что составило бы 7,6% доходов бюджета страны.

За указанные годы были проведены расчеты и по нефтегазовому комплексу страны, которые позволили сделать вывод, что тенденция

рентообразования в данном секторе экономики сохраняется. Но в то же время, при указанном методе расчета, основанном на сравнении экономических показателей (при котором учесть различия природных условиях добычи или качестве сырья невозможно), получить сумму дифференциальной природной ренты было нельзя. Однако, так как сравнение шло между фактическим доходом добывающего предприятия, и среднего или нормального дохода, который оно могло бы получить, если бы имеющиеся у него ресурсы труда и капитала были направлены на иные цели, то полученная величина скорее выступала как совокупность рентных доходов, а именно дифференциальной природной ренты, абсолютной ренты, квазиренты и т.д., и скорее всего – и части прибыли. Указанные рентные доходы неоднородны по природе, имеют различных собственников, а их сумма не может служить ориентиром для определения возможностей увеличения изъятия природной ренты.

Кстати, полемизируя с авторами данного расчета С. Киммельман и С. Андрюшин отмечают: «... дискуссии вокруг количественного расчета горной ренты лежат в макроэкономической плоскости. Однако на этом уровне, на наш взгляд, ренту рассчитать нельзя. Пример тому - анализ бюджета нефтяной отрасли за 2002 год.

Изучение данного бюджета показывает, что на макроуровне дополнительной горной ренты нет и быть не может. Более того, существующая налоговая нагрузка на нефтяную отрасль близка к предельной и в 2002 г. с учетом НДС, прямых и косвенных выплат РАО ЕЭС, ОАО "Транснефть" и МПС составила 57% выручки отрасли. Поэтому если из нее (60,5 млрд. долл.) вычесть себестоимость добычи и переработки нефти (15,2 млрд. долл.), затраты на транспортировку нефти и нефтепродуктов (9 млрд. долл.), инвестиции в бизнес (10,0 млрд. долл.), налоги (21,7 млрд. долл.), расходы на приобретение активов (2,8 млрд. долл.) и дивиденды акционерам (1,8 млрд. долл.), то дополнительный чистый доход нефтяных компаний России в 2002 г. будет равен нулю» [92, С. 40-41]. Не совсем понятна

позиция авторов, которые величину горной ренты и возможной дополнительной налоговой нагрузки на макроуровне пытаются определить сравнением существующей налоговой нагрузки и затратами на данном уровне. Что бы определить возможности дополнительного налогообложения отрасли необходимо сравнивать денежную выручку в масштабах отрасли и сумму ее затрат, налогов и платежей и потребностей в финансовых ресурсах.

Кроме этого, С. Киммельман и С. Андрюшин отмечают, что в макроэкономическом расчете горной ренты используются усредненные данные по нефтяной отрасли о текущих и капитальных затратах, транспортных расходах и т.д., при этом косвенные и прочие затраты принимались в размере 30 - 40% от величины прямых; в то же время в макроэкономических расчетах не учитывалась амортизация как часть потока денежной наличности недропользователя, и капитальные вложения не дифференцировались на портфельные и прямые[92, С. 40-41].

На этом основании С. Киммельман и С. Андрюшин делают следующий вывод: «Таким образом, макроэкономические показатели носят в основном декларативный, бездоказательный характер. Они настолько агрегированы, что при расчете горной ренты приводят к серьезным ошибкам. Собственно говоря, в указанных расчетах определяется не горная рента, а некий избыток прибыли. Поэтому их можно образно сравнить со "средней температурой по больнице", которая, как известно, ни о чем не говорит и ничего не доказывает»[92, С. 40-41]. Конечно, с мнением, что в данном расчете определяется не сумма горной ренты, «а некий избыток прибыли» следует частично согласиться. Это связано с тем, что в данном расчете «...рента определяется как разность фактического дохода предприятия (или компании), использующего этот объект (разрабатывающего месторождения) и нормального или среднего дохода, который получило бы данное предприятие, если бы направило имеющиеся у него ресурсы капитала и труда на иные цели, не использующего данного природного ресурса»[51], поэтому в результат расчетов попадет не только избыток прибыли но и сумма

рентных доходов. Этим данный расчет, отличается от расчетов, основанных на «сверхприбыльной концепции», хотя и здесь ведется сравнение фактических и нормальных доходов, но последние рассчитываются исходя из условий не добывающих отраслей. Однако соглашаться с утверждением Киммельмана С. и Андриюшина С., что на макроуровне ренту рассчитать нельзя, по нашему мнению, не следует. Если рента есть на микроуровне (уровень предприятия или отдельного месторождения), то на макроуровне рента существует хотя бы как сумма рент отдельных месторождений. В дальнейшем, в диссертационном исследовании будет предложена конкретная формула расчета дифференциальной горной ренты на макроуровне. (См. параграф 4.1).

По сути дела, тем же недостатком обладали расчеты природной ренты, проведенные в 2008 г. по нефтяному сектору России преподавателями Высшей школы экономики Е. Гурвичем, Е. Вакуленко и П. Кривенко [61].

Рассчитанная ими величина суммы природной ренты базировалась на оценке полной добавленной стоимости в данном секторе экономики, при этом разница между ним и рассчитанной величиной производственных затрат будет выступать как полная «истинная» прибыль, вместе с той ее величиной, которая подлежит передаче в посреднический сектор. В этих условиях природная рента будет рассчитываться как разница между полной прибылью данного сектора экономики и его нормальной, обоснованной суммой прибыли. Данный показатель определялся как отношение рентабельности к сумме промышленных основных фондов, не включая нефтегазовые рентные доходы. Расчет данного показателя включал в себя семь этапов:

- сначала определялись производственные нематериальные затраты, не включая амортизационные отчисления НГК, включая трубопроводы (*Знгк*). При определении затрат в них не включались платежи за природные ресурсы, которые выступали в качестве доли, изымаемой в бюджет природной ренты;

- рассчитывалась полная валовая промышленная прибыль (P_{np}) с учетом скрытой прибыли, т.е. на базе национальных счетов;

- рассчитывалась валовая прибыль (P_{ng}) по нефтяной и газовой промышленности с помощью системы таблиц «Затраты — выпуск»;

- рассчитывалась остаточная стоимость ОФ в целом по промышленности (FR_{np}) нефтяной и газовой промышленности (FR_{ng}) и НГК (FR_{ngk}) как по полной стоимости основных фондов и с учетом их износа;

- определялось r , как частное от деления суммы валовой прибыли и стоимости основных производственных фондов по промышленности в целом но без нефтяной и газовой отрасли:

$$r = (P_{np} - P_{ng}) : (FR_{np} - FR_{ng}),$$

- рассчитывалась валовая нормальная прибыль для НГК (P_{Nngk}), с учетом трубопроводов и пр.:

$$P_{Nngk} = r \times FR_{ngk},$$

- сумма природно-ресурсной ренты в НГК (R_{ngk}) рассчитывалась как разница между полной добавленной стоимостью (V_{ngk}), издержками (Z_{ngk}), определенной долей косвенных налогов - акцизов и НДС (T_{Inzk}) и суммы нормальной прибыли (P_{Nngk}):

$$R_{ngk} = V_{ngk} - (Z_{ngk} + T_{Inzk} + P_{Nngk}), [61]$$

В результате расчетов по рассматриваемой методике природная рента за 2007 г. в НГК оказалось равной 150,7 млрд. долл.

Однако следует отметить, что при проведении расчетов по рассматриваемой методике, дифференциальная природная рента выступает скорее как некое превышение доходов в секторе над «нормальной» прибылью. Такими недостатками страдают все расчеты, основанные на том, что сумма природной ренты определяется как разница между расчетной и «нормальной» прибылью («сверхприбыльная концепция»). Указанный расчет основывается на сравнении экономических показателей, а не различий в природных условиях добычи или качестве полезного ископаемого и

совершенно не отражает величину, складывающейся по указанным причинам дифференциальной горной ренты.

В то же время, некоторые экономисты предлагают рассчитывать величину горной ренты (**Р**) исходя из выручки от реализации сырья в рыночных ценах (**В**), нормативных затрат на добычу сырья (**НЗ**) и нормальной (или нормативной) прибыли, остающейся у предприятий после уплаты налогов и процентов за банковский кредит, которая устанавливается на основе среднеотраслевой нормы рентабельности, необходимой для расширенного воспроизводства (**НП**) [235, С. 43-45; 237, С. 143]. То есть:

$$P = B - HZ - NP,$$

Однако нормативные затраты на добычу сырья указанные авторы предлагают использовать для расчетов не фактические, а с учетом применения наиболее эффективной технологии добычи сырья, устанавливаемые на основе экономической оценки конкретного месторождения. То есть, как и в рассмотренной выше методике, разработанной в ЦЭМИ, в данном случае будет получены не реальные размеры ренты с учетом фактических затрат, соответствующих технологии добычи, используемой на данном месторождении, а максимально возможные размеры ренты, соответствующие передовой технологии, которые всегда будут выше фактических, а месторождение, если у него будет изыматься полученная по данной формуле рента будет убыточным. И как показывает мнение специалистов, изменить это положение, за счет внедрения передовой технологии, по сути дела, невозможно. Это связано с тем, что как отмечает С.А. Кимельман: «Запуск в хозяйственный оборот месторождения обозначает, что заработал маховик сырьевого сектора экономики, который должен безостановочно функционировать 15–25 и более лет. Это не завод, не станок на заводе, который может быть быстро заменен или переналажен для выпуска другой продукции. Технологию добычи полезных ископаемых практически трудно изменить, порою это просто невозможно осуществить. Технология добычи

— весьма инерционный, практически неизменяемый и всегда долговременный процесс»[95, С. 174].

Для вновь осваиваемых месторождений технология добычи и сегодня также утверждается на государственном уровне на Центральной комиссии по разработке месторождений горючих полезных ископаемых Министерства энергетики Российской Федерации (ЦКР Минэнерго России). То есть, как и в СССР, сегодня для каждого месторождения выбирается и утверждается наиболее эффективная, для текущего момента, и с учетом условий месторождения, технология добычи. Таким образом, возможен расчет природной ренты исходя из суммарных затрат на добычу нефти, определенных на основе нормативных затрат, соответствующих принятой технологии добычи для каждого месторождения (включая замыкающие).

Исходя из этого можно сделать вывод о том, что для расчета размеров ренты данного месторождения (в том числе и для определения суммы ренты, подлежащей внесению в Федеральный бюджет), необходимо использовать нормативные затраты, соответствующие технологии, применяемой на данном месторождении.

Выводы

1. Анализ причин (факторов) образования природно-ресурсной (земельной и горной) ренты показал, что они имеют специфические отличия и особенности. В земледелии это различия в местоположении и уровнях плодородия различных участков земли. В добывающей промышленности это так же различия в местоположении, условиях добычи полезных ископаемых и качестве добываемого сырья. Однако с точки зрения горно-геологических условий добычи на процесс образования природной ренты влияет весьма значительное количество факторов.

2. Рассмотрение предлагаемых классификаций факторов образования природно-ресурсной (горной) ренты позволяет сделать вывод о том, что

указанные классификации, в основном, можно отнести в две группы. Так, в первую группу можно отнести классификации, где собраны все факторы образования различных видов рентных доходов, а зачастую и прибыли, получаемых горнодобывающим предприятием в процессе добычи полезных ископаемых и частично, в процессе их транспортировки. Во вторую группу следует отнести классификации, учитывающие различия природных параметров нефтедобычи, качество полезного компонента и наличие вредных примесей действительно оказывающих влияние на образование горной ренты. Конечно, при этом, приведенные классификации отличаются полнотой охвата указанных факторов. Как далее показано в работе, именно классификации второй группы, основанные на учете природных условий добычи и качества извлекаемого сырья должны стать основой для расчета размеров дифференциальной горной ренты.

3. На образование квазиренты в промышленности оказывают влияние следующие группы факторов, за счет которых, соответственно, складываются технологический, организационно-хозяйственный, интеллектуальный, финансово-валютный, и информационный виды квазиренты. При этом квазирента в нефтедобывающей промышленности, складывающаяся под воздействием рассмотренных выше групп факторов, является собственностью недропользователей.

Предложено указанный рентный доход оставлять недропользователю полностью или изымать в бюджет по пониженному нормативу налогообложения прибыли с целью стимулирования его деятельности, результатом которой является максимизация прибыли, снижение себестоимости добычи и повышение ее эффективности.

4. Методики расчета горной ренты, основанные на сравнении фактической (чистой) и нормальной (средней) прибыли, предлагаемые сторонниками «сверхприбыльной концепции», основываются на сравнении экономических показателей, а не различий в природных условиях добычи или в качестве полезных ископаемых. В связи с этим, указанные методики

обладают серьезными недостатками и не могут быть использованы в расчетах для определения размеров любых видов дифференциальной природной ренты (в том числе и горной).

При этом: «Технологию добычи полезных ископаемых практически трудно изменить, порою это просто невозможно осуществить. Технология добычи — весьма инерционный, практически неизменяемый и всегда долговременный процесс»[95, С. 174]. Таким образом, технология, используемая на данном местоположении постоянна и практически не поддается изменению и совершенствованию. Такими же постоянными являются и нормативные затраты, присущие данной технологии, могут использоваться для определения величины горной ренты каждого отдельного местоположения.

Таким образом, при определении величины горной ренты ее расчеты должны основываться на учете конкретных природных условий добычи полезных ископаемых (классификации второй группы), или показателей, их отражающих (нормативные затраты применяемой технологии добычи).

3 Инструменты изъятия в бюджет, распределения и перераспределения рентных доходов

3.1 Инструменты изъятия рентных доходов (фиксированные (рентные) платежи, существующие системы налогообложения нефтедобычи в России и за рубежом)

Фиксированные (рентные) платежи (далее – ФРП) были введены в практику хозяйствования в соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 года, которое положило начало проведению косыгинской экономической реформы в СССР. Таким образом, ФРП явились элементом указанной реформы.

С помощью ФРП у предприятий добывающей промышленности должна была изыматься дифференциальная горная рента, а у предприятий обрабатывающей и перерабатывающей промышленности – квазиренту, которая в условиях государственной собственности на средства производства являлась собственностью государства.

В соответствии с «Инструкцией о порядке исчисления и уплаты в бюджет фиксированных платежей», предприятия добывающей промышленности выплачивали фиксированные (рентные) платежи, а предприятия обрабатывающей промышленности – фиксированные платежи [84, С. 1].

Исходя из этого, ФРП включали в себя два налоговых инструмента – фиксированные и рентные платежи.

Отдельные экономисты считали такое объединение неправомерным и настаивали на необходимости параллельного использования двух различных экономических инструментов.

В частности, В.М. Агапова отмечала, что в экономической литературе между указанными платежами ставится знак равенства, и они получают единое название - «фиксированные (рентные) платежи». То есть создается

видимость, что данные платежи имеет единую основу. Однако это совсем не так. Ведь рентные платежи призваны изымать доходы, обусловленные разницей в природных условиях производства. Поэтому они не имеет ничего общего с фиксированными платежами, обусловленными политикой ценообразования. [8, С. 72].

С одной стороны, фиксированные платежи формировались не только с помощью ценностных факторов образования рентных доходов. Как показано в первом параграфе предыдущей главы, на их размер оказывали влияние множество разнообразных факторов.

С другой стороны, оба налоговых инструмента действительно имеют единую основу – доходы рентного характера. Но причины их образования имеют значительные различия в отдельных отраслях народного хозяйства.

Рентные доходы в отраслях обрабатывающей и перерабатывающей промышленности возникают, в основном, на основе различных технологических (технико-экономических) условий производства (квазирента), а их влияние не столь устойчиво по сравнению с действием природных условий производства и хозяйствования в добывающей промышленности и в сельском хозяйстве. Как указывал К. Маркс: «Чем отличается земледелие от промышленности, так это фиксированность этих добавочных прибылей, которые здесь покоятся на базе данном природой..., тогда как в промышленности... они имеют всегда лишь мимолетный характер и всегда возникают только потому, что совершается переход к более производительным машинам и к более эффективным комбинациям труда»[142, Т. 26. ч. II. С. 97]. Но воздействие указанных причин прямо влияет на образование размеров прибыли и установление уровня рентабельности отдельных предприятий. Прибыль, полученная предприятиями и объединениями за счет действия указанных факторов в те годы, в условиях государственной собственности на средства производства не являлась заслугой их коллективов и поэтому изъятие ее в пользу государства было правомерно. Таким образом, рентным платежам на

предприятиях добывающей промышленности и фиксированным платежам в отраслях обрабатывающей промышленности вменялись сходные функции, с их помощью нивелировались различия в условиях производства и хозяйствования предприятий и других хозяйственных органов. Считаем, что создание, в тех условиях, двух разных налоговых инструментов, выполняющих сходные экономические функции, было нецелесообразно.

ФРП в процессе функционирования выполняли распределительную, регулирующую и стимулирующую функции. В современных условиях некоторые экономисты полагают, что рентные платежи должны выполнять и социальную функцию, особенно на замыкающих стадиях разработки месторождений.

Основной являлась распределительная функция ФРП. Значение указанной функции состояло в обеспечении с помощью ФРП изъятия в государственный бюджет части доходов предприятия, полученных по причинам, независимым от деятельности их трудовых коллективов. Этим ФРП способствовали установлению соответствующих пропорций изъятия прибыли предприятия в государственный бюджет страны.

Распределительная функция так и не смогла выполнить предназначавшуюся ей роль, не получила в те годы должного развития из-за низкой доли ФРП в общем объеме прибыли предприятий и объединений. Так, в 1970 - 1981-е годы в практике хозяйствования была даже отмечена тенденция к снижению величины ФРП, в объеме прибыли промышленных предприятий (2,5 млрд. руб. в 1970г. и 0,3 млрд. руб. в 1981г.). [164, С. 503, 522; 165, С. 509, 520].

Указанное уменьшение суммы ФРП происходило, в основном, из-за освобождения значительного числа предприятий от их уплаты в связи с низким уровнем рентабельности.

Так, только в 1981 году Министерство финансов СССР освободило от уплаты ФРП полностью или частично следующие предприятия нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности: Курский

завод резинотехнических изделий, Ярославский завод резинотехнических изделий, Казанский завод резинотехнических изделий, Краснодарский завод резинотехнический изделий, Свердловский завод эбонитовых изделий, а также другие предприятия[253, С. 67-68].

Регулирующая функция ФРП вообще осталась в зачаточном состоянии. При этом, в годы использования ФРП наблюдалось постоянное снижение их регулирующего воздействия на действовавший в то время хозяйственный механизм управления промышленным производством. Ведь первоначально, в ходе проведения экономической реформы 1965 - 1967 годов регулирующее воздействие ФРП выражалось в нивелировании колебаний в уровнях расчетной рентабельности (которая в те годы была важнейшим фондообразующим показателем), с целью создания условий для использования общих для отрасли нормативов образования из прибыли поощрительных фондов (ФЭС).

В последующем, уменьшение количества предприятий, вносящих в бюджет ФРП, а также уменьшение общей суммы указанных платежей, вносимой в государственный бюджет, сделало невозможным применение единых нормативов и заставило использовать дифференцированные нормативы отчислений (с целью создания относительно равных условий при образовании ФЭС). Указанные обстоятельства в значительной мере и обусловили снижение регулирующего воздействия ФРП.

Стимулирующая функция ФРП, по мнению большинства экономистов, должна была заключаться в том, что после их изъятия у коллективов предприятия не пропадало желание повышать эффективность производства, внедрять его передовые методы и достижения НТП[16, С. 76].

Существовало и такое мнение, что ФРП вообще не присуща стимулирующая функция, а указанные задачи решались с помощью регулирующей функции, что было явно неверно. Сама уплата ФРП, показывая истинный вклад коллектива предприятия в формирование конечных результатов хозяйственной деятельности, тем самым побуждало

данное предприятие внедрять новую технику и технологии, совершенствовать организацию производства – т.е. повышать эффективность производства.

Стимулирующая функция ФРП так же не получила достаточного развития, вследствие незначительной области применения их в промышленности.

Экономисты, признающие социальную функцию ФРП в добывающих отраслях промышленности, считают, что указанная функция становится особенно чувствительной в моменты значительного снижения цен на нефть, газ или другое природное сырье, ведь именно тогда на повестку дня встает проблема о сокращении уровня заработной платы, уменьшении числа рабочих мест и пр. [158, С. 41]. Следует добавить, что социальная функция данных платежей не может не проявляться и в периоды сокращения добычи из-за истощения запасов сырья. Так, Шамсутдинова М.Р. и Лосева М.А. отмечают: «В настоящее время валовой объем продукции предприятий и организаций региона, относящихся к нефтедобывающей отрасли, занимает около 53% от общего объема валовой продукции, работ, услуг. В условиях прогнозируемого истощения природных ресурсов региона данное обстоятельство может привести к негативным социально-экономическим последствиям» [254, С. 80]. Так как многие крупные добывающие предприятия являются градообразующими, то в регионах, где они расположены, по сути дела, единственным источником доходов является добыча полезных ископаемых. «В этих условиях учет социальной функции становится важнейшим при формировании системы изъятия горной ренты в секторе» [158, С. 41].

То обстоятельство, что ФРП не получили широкого распространения в промышленности, явилось следствием действия ряда причин, важнейшей из которых явилось отсутствие научно обоснованных методик расчета их размеров.

Тогда, в экономической литературе можно было найти достаточно предложений по совершенствованию используемых и разработке новых методик расчета указанных платежей.

Так, некоторые экономисты придерживались мнения, что с помощью ФРП должна изыматься прибыль, превышающая среднеотраслевой уровень. Другие экономисты придерживались похожей позиции, которая состояла в том, что высокорентабельные предприятия, не должны за счет внесения фиксированных платежей попадать в худшие экономические условия. В связи с этим фиксированные платежи необходимо устанавливать таким образом, чтобы у указанных предприятий оставалась рентабельность выше среднеотраслевой уровень[151, С. 133].

Использовавшаяся в те годы методика расчета ФРП была основана именно на указанном принципе. Расчет, в соответствии с цитируемой инструкцией, велся по формуле:

$$П = \frac{\Phi(P_1 - P)}{100},$$

где:

П – рентный платеж;

Φ – стоимость основных производственных фондов;

P1 – рентабельность конкретного предприятия;

P – рентабельность, после уплаты рентного платежа.

Такое решение данной проблемы – установление нижнего уровня рентабельности, после уплаты рентного платежа (P) на уровне средней рентабельности по отрасли, или несколько превышающем указанный уровень, не является правомерным. Ведь ФРП имели цель изымать у предприятий прибыль полученную, по независящим от их деятельности причинам. А при таком методе расчета величины ФРП у предприятия изымалась вся прибыль, превышающая среднеотраслевой уровень, независимо от причин ее получения.

Кроме этого, такой метод расчета величин ФРП мог поставить хорошо работающие предприятия в худшие условия по сравнению с плохо работающими.

Например, искусственное завышение производственных затрат могло привести к значительному снижению фактической рентабельности предприятий, в том числе, и ниже среднеотраслевого уровня. При использовании рассмотренного выше метода расчетов величин ФРП указанные предприятия, естественно, получали отрицательные значения сумм указанных платежей, в результате чего они получали возможность расходовать на свои цели часть рентных доходов, а именно – квазиренды.

Таким образом, рассмотренный метод расчета ФРП обладал серьезными недостатками. Рассчитанный по указанной формуле платеж не зависел от конкретных условий производства и хозяйствования отдельных предприятий и поэтому снижал материальную заинтересованность в дальнейшем повышении эффективности производства.

Отдельные экономисты считали, что ФРП должны выплачиваться предприятиями, с показателями рентабельности более чем в полтора раза превышающими среднеотраслевой уровень [108, С. 82]. С такими предложениями нельзя было соглашаться. С.А. Ситарян по этому поводу справедливо заметил, что такие предложения никак не обоснованы и не могут использоваться в практике хозяйствования. Для одних предприятий и объединений превышение среднеотраслевой рентабельности должно быть в 2 раза, а для других вообще равно 0 [219, С. 66].

Предлагались и другие методики расчета величины ФРП, которая определялась как разница между суммами прибыли, соответствующими среднеотраслевой и индивидуальной рентабельности. Так, Кусаинов Б.Ж. предлагал использовать методику, суть которой заключалась в следующем. Ставка ФРП, по предлагаемой методике, определялась на основе усредненных за пятилетие показателей прибыли и основных фондов, что

позволит сгладить несущественные изменения указанных показателей в отчетном периоде[124, С. 114-115].

Следует отметить, что расчет размеров ФРП на основе усредненных показателей не мог устранить недостатки, используемой в те годы методики расчета ФРП, главным недостатком которой являлось отсутствие учета конкретных условий производства и хозяйствования отдельных предприятий. Предлагаемая методика лишь усложнила бы расчеты ФРП, не давая никаких преимуществ по сравнению с использовавшейся методикой расчетов. Исходя из этого, по нашему мнению, ее использование было бы нецелесообразно.

Можно отметить и другие предложения по расчету размеров ФРП. В частности Ситарян С.А. считал, что величина фиксированного платежа должна определяться на основании того, что «... уровень рентабельности при введении фиксированных платежей должен быть достаточным для того, чтобы каждое нормально работающее предприятие могло вносить плату за производственные фонды, образовывать поощрительные фонды и использовать прибыль в качестве финансового ресурса покрытия плановых затрат»[219, С. 63], то есть внесение в бюджет ФРП не должно было препятствовать выполнению прочих обязательств перед бюджетом и обеспечивать собственные затраты, финансируемые из прибыли. С таким мнением нельзя согласиться. Величина ФРП должна была определяться суммой доходов, полученных предприятием по причинам независящим от результатов его производственной деятельности, а не его потребностями в финансовых средствах.

Среди рассмотренных нами методик определения размеров ФРП наибольшего интереса заслуживала методика, предлагавшаяся Разуваевым А.П. [198, С. 30-34]. Для этого предлагалось использовать для определения размеров ФРП модифицированную методику, использовавшуюся в отраслях добывающей промышленности.

При определении по данной методике размеров ФРП, для отдельных предприятий нормативы указанных платежей были бы отрицательными.

Таким образом, предлагаемая методика предполагала использование полярных платежей, которая, по мнению Разуваева А.П. «... Может быть использована для усиления действенности хозрасчета в низкорентабельных и убыточных подотраслях без изменения оптовых цен»[198, С. 32].

В качестве факторов, определяющих объективные условия хозяйствования предприятий и объединений, Разуваев А.П. предлагал использовать среднегодовую стоимость основных производственных фондов, среднегодовую стоимость нормируемых оборотных средств, фонд заработной платы, фонд материального поощрения, коэффициент сменности и коэффициент обновления основных фондов[198, С. 40-41].

Рассмотренная методика расчета размеров ФРП обладала тем преимуществом, что она, в отличие от всех прочих, основывалась на индивидуальных условиях производства и хозяйствования отдельных предприятий. Но в то же время у данной методики были и определенные недостатки.

С одной стороны, среди факторов, влияющих, по мнению А.П. Разуваева, на образование квазиаренды на предприятиях обрабатывающих отраслей отсутствуют такие факторы, как масштабы производства, определяющих уровень управленческих расходов, единичная мощность агрегатов и прочего технологического оборудования, влияющих на уровень себестоимости производства продукции. А эти факторы, определяя уровень себестоимости продукции, могли оказывать значительное влияние на образование доходов учитываемых в составе ФРП.

С другой стороны, с помощью рассматриваемой методики невозможно было определять и другую часть рентных доходов промышленных предприятий, направленной на повышение технологического уровня производства, улучшение качества продукции и т.д. С целью стимулирования указанной деятельности коллективов предприятий в те годы ее следовало бы зачислять в фонды экономического стимулирования, а в современных

условиях изымать в бюджет по пониженной ставке налогообложения прибыли или полностью оставлять в его распоряжении.

К числу недостатков данной методики следовало также отнести и необходимость сбора большого количества статистических данных для определения зависимостей между величинами выделенных факторов и суммой квазиаренды, что не всегда представлялось возможным.

Указанные недостатки применяемой в тот период методики расчета размеров ФРП, привели ряд экономистов к мнению о целесообразности дополнения или полной замены ФРП прочими налоговыми инструментами выравнивания уровней рентабельности отдельных предприятий на основе их конкретных условий производства.

Так, многие экономисты предлагали заменить ФРП более широким использованием налога с оборота.

В частности, Коровушкин А.К. придерживался мнения, что ФРП по их экономической сущности выступает как некая разновидность давно используемого налога с оборота, а их использование «...фактически означает применение двух механизмов регулирования одной и той же хозяйственной рентабельности предприятия» [35, С. 48]. Эту же точку зрения поддерживали и ряд других экономистов. Таким образом, зачастую, в экономической литературе ФРП рассматривались как специфическая разновидность налога с оборота.

Кстати, в современной экономической литературе существует точка зрения о том, что «...в СССР применялись два важнейших и равноправных механизма – ценообразования и налоговых платежей» [191, С. 78] для изъятия рентных доходов различного вида.

При этом, изъятие рентных доходов с помощью механизма ценообразования осуществлялось именно путем использования налога с оборота. Так Раков А.В. указывает, что наряду с прочими экономическими рычагами «...при плановой системе хозяйствования рентные доходы изымались с помощью: налога с оборота...» [199, С. 16]. При этом, как

отмечает Фадлалла А.Р.: «Еще в 50-х гг. академик В.С. Немчинов предлагал заменить большую часть налога с оборота рентными платежами»[237, С. 44]. То есть уже в те годы с помощью налога с оборота, в рамках функционирования механизма ценообразования, изымалась значительная часть рентных доходов. В связи с этим: «Во времена планового хозяйствования проблемы ренты просто не существовало, поскольку вся прибыль от добычи и реализации полезных ископаемых доставалась государству»[237, С. 86].

Таким образом, ФРП использовались в плановой экономике не как разновидность налога с оборота, а ФРП и налог с оборота применялись как два самостоятельных экономических инструмента, выполняющих сходную функцию - изъятия рентных доходов, но различными методами. Налог с оборота обеспечивал положение, заключавшееся в том: «...что традиционное содержание рентной политики было в значительной мере нацелено на преодоление дифференциации в отраслевом ценообразовании» [131, С. 95]. При этом не следует забывать, что ФРП формировались в рамках оптовой цены (как прямой налог из прибыли), в то время как образование налога с оборота происходило за ее пределами (косвенный налог). Отметим, что в современных условиях «...не используются в контексте формирования и реализации рентной политики в РФ механизмы ценообразования» [131, С. 78].

Исходя из этого, делавшиеся в то время выводы о нецелесообразности существования двух экономических рычагов со сходными функциями и необходимости их объединения явно не учитывали специфики этих экономических инструментов реализации советской рентной политики прошлого века, которая «...полностью соответствует современной зарубежной универсальной концепции оценки ренты»[131, С. 77].

Кроме этого, некоторые экономисты придерживались промежуточной позиции, предлагая соответствующим образом изменить функции ФРП. Так, Ротштейн Л.А. предлагал повысить эффективность применения ФРП с

помощью «... установления платежей по конкретным изделиям и взимания их с учетом фактической реализации этих изделий»[206, С. 73]. Такие предложения, по сути дела, также являлись попыткой подменить ФРП налогом с оборота.

Такой подход к данному вопросу, по нашему мнению, неправомерен. Как справедливо указывал Аллахвердян Д.А.: «... между этими двумя видами платежей в бюджет, есть существенные различия, более важные, чем их общность»[10, С. 222].

Мы уже говорили, что ФРП возникали и формировались в пределах оптовой цены предприятия, а налог с оборота – за ее пределами. С другой стороны, налог с оборота не имел прямой связи с хозрасчетными показателями работы предприятий, в то время как ФРП были непосредственно связаны с механизмом экономического стимулирования хозяйственной деятельности промышленных предприятий. То есть, участвуя в едином процессе изъятия и перераспределения рентных доходов, ФРП и налог с оборота участвовали в этом процессе на разных уровнях. ФРП – на уровне предприятия, а налог с оборота – на уровне конкретных изделий.

Некоторые специалисты считали необходимым с целью нивелирования условий производства отдельных хозяйственных органов внедрить в практику хозяйствования особый подоходный налог, ставки которого должны быть дифференцированы по отраслям, подотраслям, группам объединений и предприятий с учетом их рентабельности[41, С. 55]. По их мнению, этот «специальный подоходный налог» должен был способствовать изъятию основной части доходов, полученных в результате новых капиталовложений, увеличения численности производственного персонала или выгодных для предприятия сдвигов в ассортименте выпускаемой продукции.

Подобные предложения справедливо критиковались многими экономистами. Внедрение дополнительных платежей из прибыли, направленных на изъятие доходов, полученных по указанным выше

причинам, было нецелесообразно и могло лишь ослабить стимулирующее воздействие ФРП и всего механизма распределения прибыли на повышение эффективности промышленного производства. Предлагалось также заменить ФРП на промышленных предприятиях системами скидок и надбавок к оптовым ценам[146, С. 181-182].

В данном случае регулирование рентабельности предприятий путем отсечения прибыли, полученной по причинам, независимым от деятельности производственных коллективов предлагалось подменить регулированием рентабельности отдельных видов изделий. Предлагавшаяся система надбавок и скидок свелась бы, по сути дела, к системе расчетных цен - посредником при функционировании которой выступал бы государственный бюджет, или к системе полярных платежей. В связи с этим указанная система обладала бы всеми теми же недостатками, что и расчетные цены, и полярные платежи, к тому же, в обрабатывающей промышленности.

Таким образом, предложения о замене или о дополнении ФРП другими экономическими рычагами нельзя было признать достаточно обоснованными, и их применение на практике - рациональным.

Другой важной проблемой, по которой так и не было найдено единой точки зрения среди экономистов, являлся вопрос об области применения ФРП.

Некоторые экономисты предлагали применять ФРП для регулирования и установления необходимого целесообразного соотношения между существовавшими в то время платежами в бюджет. При этом, по мнению этих экономистов, ФРП были призваны «...уменьшать свободный остаток прибыли» и рассматривались «...как корректирующая плата за фонды экономическая мера»[8, С. 73].

Другие экономисты считали, что «...фиксированные платежи могут применяться также для стимулирования новой, более эффективной продукции, что повысит их роль в проведении единой технической политики»[206, С. 73]. Для этого предлагалось «...вводить фиксированные

платежи на отдельные виды устаревшей продукции, производство которой надо сокращать, или вообще прекращать ввиду ее несоответствия современным научно-техническим требованиям» [206, С. 73].

Предлагалось также использовать фиксированные платежи и для изъятия у предприятий прибыли, полученной вследствие производства дефицитных товаров при установлении на них высоких цен и т.д.

При этом, можно отметить в практике хозяйствования ряд случаев, когда ФРП выполняли несвойственные им функции.

В частности, фиксированные платежи использовались для регулирования рентабельности отдельных видов изделий. Так, например, в 1968 году, в нарушение указанной выше инструкции Государственный комитет цен установил фиксированные платежи по бытовой радиоаппаратуре с одной штуки реализованной продукции. В соответствии с этим приказом Минский радиозавод выплачивал фиксированные платежи в размере: с одной радиолы Беларусь – 101Л – 12,00 руб., Гайна – 7,50 руб., Беларусь-210 – 34,00 руб., а радиозавод им. Попова – с радиолы Ригонда-М – 24,20 руб., Ригонда-С – 16,00 руб. и т.д.[253, С. 84].

Использовались фиксированные платежи и для изъятия в бюджет прибыли, полученной вследствие промышленного производства, допускавшего невыполнение требований государственных и отраслевых стандартов и ГОСТов.

В частности, Государственный комитет цен при Совете Министров СССР и Министерство финансов СССР письмами от 16 января 1974 года № 10-86/105; от 27 февраля 1975 года № 10-86/401; от 19 мая 1978 года № 10-73/1880-59П; от 8 февраля 1979 года № 10-17/472-12В; от 18 февраля 1981 года № 10-17-742 сообщали, что согласно решениям Госплана СССР, Комитета стандартов, мер и измерительных приборов при Совете Министров СССР, Госснаба СССР и Миннефтехимпрома СССР ряду предприятий разрешено вырабатывать некоторые нефтепродукты с отступлениями от ГОСТов, в связи с чем Минфин СССР совместно с Государственным

комитетом по ценам, обязал указанные предприятия выплачивать фиксированные платежи (период выплаты – до года) [253, С. 84-85].

Для этого же, в частности, использовались фиксированные платежи и в парфюмерной промышленности. Так, здесь цены были утверждены с учетом определенных утвержденных рецептур, но в связи с отсутствием необходимого количества натуральных эфирных масел и ряда других дорогостоящих компонентов, предприятиям было разрешено временно отступить от установленных норм и рецептов. Полученная в результате этого прибыль также изымалась в бюджет с помощью фиксированных платежей [253, С. 85].

Такую практику нельзя было считать обоснованной. Фиксированные платежи, как показывают эти примеры, рассматривались как универсальное средство, а их функции и сфера применения бесконечно расширялись. Они, таким образом, выступали в роли инструмента, лишенного конкретного экономического содержания.

Но ФРП выступали в качестве налогового инструмента, несущего вполне определенную экономическую нагрузку. С их помощью должно было происходить регулирование отношений между промышленными предприятиями и Государственным бюджетом по поводу доходов, полученных из-за сложившихся объективно лучших условий хозяйствования, и расширять область их применения было необходимо в соответствии и с учетом именно этого их назначения. Нельзя не согласиться с А.М. Бирманом, который считал, что вопросы целесообразности применения и эффективности использования каждой экономической категории правомерно рассматривать лишь на основании учета их экономической природы и назначения [28, С. 109].

В заключение – о роли и значении использования ФРП в 1960 – 1980-е годы. Большинство экономистов признавали положительную роль и значение этих платежей на указанном этапе экономического развития. С учетом существовавшей в те годы плановой экономики и в условиях

государственной собственности на средства производства роль и значение ФРП их применение было оправданным и необходимым. Ведь именно использование ФРП должно было обеспечить в годы начавшейся экономической реформы возможность использования единых нормативов образования ФЭС.

Однако в условиях рыночной экономики ФРП теряют всякий экономический смысл и значение. Сейчас действуют совершенно другие экономические законы, и нет необходимости выравнивать условия хозяйствования отдельных промышленных предприятий путем изъятия у них части доходов - квазиренды, которая в современных условиях стала их собственностью. Наоборот, общество на современном этапе заинтересованно в том, чтобы промышленные компания и предприятия старались максимизировать свои доходы, так как это, в конечном итоге, приводит к общему росту эффективности промышленного производства.

Однако в то же время ФРП явились первым в Советской и Российской экономической практике налоговым инструментом, призванным изымать доходы рентного характера (дифференциальной горной ренты в добывающей промышленности и квазиренды – в обрабатывающей промышленности).

Кроме этого, опыт использования ФРП, в течении более чем двадцатилетнего периода, позволяет сделать вывод о том, что использование единого прямого налогового инструмента изъятия доходов рентного характера для отдельных шахт, месторождений и разрезов, а так же для добывающих предприятий и предприятий обрабатывающей промышленности так и не привел к желаемому результату ни путем совершенствования методики его расчета, ни путем изменения его функций и т.д.

Рассмотрим далее, как с этой задачей справилась современная система налогов и платежей (используемая ныне система налогообложения добывающих предприятий).

Ныне действующая система налогов и платежей сложилась в начале 2000-х годов и включает в себя налоги, предусмотренные Налоговым кодексом и Законом РФ «О недрах» (Глава 17).

Так, в августе 2001г. вступил в силу Федеральный закон №126-ФЗ, в соответствии с которым с 01.01.02г. изменил перечень налогов и платежей за пользование недрами. Так, в соответствии с указанными решениями с 1.01.2002 г. был введен в налоговую практику налог на добычу полезных ископаемых, который «объединил три действовавших ранее платежа: плату за добычу (для нефти и газа 6–16 %), отчисления на воспроизводство минерально-сырьевой базы (0–10 %) и акцизы (0–10 %)»[255, С. 95].

Так, в таблице 1[255, С. 95] представлены все налоги, предусмотренные для недропользователей в области нефти и газа в динамике, за период с 2006 по первую половину 2011года. При этом, в таблице №5 присутствуют, как налоги, которые выплачивают все российские предприятия (НДС, налог на прибыль организаций), так и специфические налоги для недропользователей. Как следует из таблицы №5, самыми крупными платежами, изымающими основную часть доходов недропользователей, являются вывозные таможенные пошлины на нефть и газ (1 место) и сборы, налоги, и регулярные платежи за пользование недрами, занимающие 2-е место, 99% от общей суммы которых занимает налог на добычу полезных ископаемых.

В то же время, наряду с изменением Налогового кодекса в Федеральный Закон «О недрах» так же были внесены изменения, в соответствии с которыми с 1 января 2002 года вводилась новая система платежей за пользование недрами. Указанная система включала в себя:

Таблица 1

Динамика налоговых поступлений и таможенных пошлин

от нефте- и газодобывающих компаний за 2006-2011 гг., млрд. руб.

Год	Налог на прибыль организаций	НДС	Акцизы по подакцизным товарам	Налоги, сборы и регулярные платежи за пользование природными ресурсами*	Вывозные таможенные пошлины на нефть	Вывозные таможенные пошлины на газ
2006	228,4	86,4	9,1	1085,3	1211,3	342,0
2007	477,5	51,0	1,2	1009,3	1163,7	308,6
2008	311,5	10,5	3,7	1602,0	1774,9	505,5
2009	159,8	7,9	4,3	976,5	1047,2	258,3
2010	224,7	9,8	5,6	1303,5	1707,7	414,9
I п/г 2011	159,8	3,0	3,4	905,2		

* НДСПИ в общей сумме налогов, сборов и платежей за пользование природными ресурсами составляет более 99 %.

от нефте- и газодобывающих компаний за 2006-2011 гг., млрд. руб. разовые платежи за пользование недрами при наступлении определенных событий, оговоренных в лицензии; регулярные платежи за пользование недрами; плату

за геологическую информацию о недрах; сбор за участие в конкурсе (аукционе); сбор за выдачу лицензий и т.д.

Следует отметить, что особое место в рассматриваемой системе налогов и платежей занимает налог на добычу полезных ископаемых – налог, предназначенный, для изъятия горной ренты, и второй по величине платежей, уплачиваемый недропользователями в Федеральный бюджет России.

1) Налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ)

Начисление и взимание данного налога регулируется главой 26 части 2 Налогового кодекса РФ, в связи с чем основные положения, определяющие условия начисления и взимания данного налога цитируются по указанному документу. Прочие налоги и сборы, уплачиваемые недропользователями, цитируются по соответствующим разделам Налогового кодекса РФ и Федерального Закона «О недрах».

Размер указанного налога определяется умножением стоимости или объема добытых полезных ископаемых на налоговую ставку (для нефти, скорректированную на уровень коэффициентов, характеризующих динамику мировых цен на нефть и степень выработанности запасов конкретного участка). Но: «...ставка налога не дифференцируется в зависимости от условий добычи полезных ископаемых»[187]. Следовательно, в таком виде НДПИ не может обеспечивать полноценное изъятие дифференциальной горной ренты, и он больше похож на инструмент налогообложения абсолютной ренты, хотя тогда его ставки и суммы следует признать чрезмерно большими.

В соответствии со статьей 337 НК РФ: «...полезным ископаемым признается продукция горнодобывающей промышленности и разработки карьеров, содержащаяся в фактически добытом (извлеченном) из недр (отходов, потерь) минеральном сырье (породе, жидкости и иной смеси), первая по своему качеству соответствующая национальному стандарту,

региональному стандарту, международному стандарту, а в случае отсутствия указанных стандартов для отдельного добытого полезного ископаемого - стандарту организации»[162].

Согласно той же статьи НК РФ, видами добываемого полезного ископаемого считаются горючие сланцы, торф, нефть обезвоженная, обессоленная и стабилизированная, газ горючий природный, газовый конденсат из всех видов месторождений углеводородного сырья, прошедший технологию промышленной подготовки в соответствии с техническим проектом разработки месторождения до направления его на переработку, метан угольных пластов, товарные руды, полезные компоненты многокомпонентной комплексной руды, извлекаемые из нее, при их направлении внутри организации на дальнейшую переработку (обогащение, технологический передел) и т.д.;

Определение стоимости полезных ископаемых проводится отдельно по каждому виду полезного ископаемого и может определяться налогоплательщиками самостоятельно одним из указанных способов:

1) исходя из сложившихся у налогоплательщика в налоговом периоде цен реализации на полезное ископаемое без бюджетных субсидий на возмещение разницы между расчетной стоимостью минерального сырья и оптовой ценой;

2) исходя из сложившихся у налогоплательщика в налоговом периоде цен реализации без НДС (при реализации на территории России и государств-членов СНГ) и акциза, а также уменьшенных на сумму расходов налогоплательщика по доставке в зависимости от ее условий;

3) исходя из рассчитываемой стоимости полезных ископаемых, причем расчетная стоимость полезного ископаемого определяется налогоплательщиком самостоятельно по данным налогового учета. В данном случае налогоплательщик использует тот же порядок признания расходов и доходов, применяемый им для расчета налоговой базы налога на прибыль[162].

Кроме этого, стоимость сырьевых ресурсов при условии, что извлекаемое сырье состоит из нескольких полезных ископаемых, то тогда стоимость каждого из них рассчитывается в соответствии с его долей в суммарном объеме извлекаемых полезных ископаемых[162].

По статье 342 НК РФ «...налогообложение производится по налоговой ставке 0% (то есть перечень ресурсов и местностей, для которых предусмотрена дифференциация ставок НДС хотя бы в таком виде):

- полезных ископаемых в пределах предусмотренных нормативных потерь;
- попутного газа;
- добыче полезных ископаемых из подземных (промышленных) вод, сопряженных с добычей прочих видов сырья или при эксплуатации и строительстве подземных сооружений;
- при добыче некондиционных, а так же списанных ранее запасов сырья (кроме снижения качества запасов сырьевых ресурсов вследствие выборочной их отработки из месторождений полезных ископаемых);
- полезных ископаемых, содержащихся во вскрышных и пр. породах, в отходах или в отвалах перерабатывающих производств при отсутствии в РФ технологических процессов извлечения указанных полезных ископаемых и при аналогичной добыче, если она производится в рамках нормативов и норм содержания сырьевых ресурсов в перечисленных выше породах, в отходах или в отвалах, если указанные нормы и нормативы утверждены в соответствующем порядке;
- минеральных вод, употребляемых только в курортных или лечебных целях без их дальнейшей реализации;
- подземных вод, употребляемых только в сельскохозяйственных целях (орошение сельскохозяйственных земель, водоснабжение ферм, комплексов, птицефабрик и т.д.);
- сверхвязкой нефти, в пластах с вязкостью более 200 мПа x с;
- газа горючего природного (кроме попутного газа), закачанного в пласт с целью поддержания внутреннего давления при добыче газового конденсата

на одном участке недр с учетом технического проекта разработки месторождения;

- нефти на участках недр, расположенных частично или полностью на территории Республики Саха (Якутия), Иркутской области, Красноярского края; севернее Северного полярного круга в границах внутренних морских вод и территориального моря, на континентальном шельфе РФ; Азовском и Каспийском морях; в Ненецком автономном округе, полуострове Ямал в Ямало-Ненецком автономном округе; в Черном море; в Охотском море; севернее 65 градуса северной широты на территории Ямало-Ненецкого автономного округа, за исключением участков недр, расположенных в пределах полуострова Ямал в границах Ямало-Ненецкого автономного округа до достижения определенного накопленного объема добычи нефти на участках недр указанных территорий и в случае, если срок разработки запасов участка недр не превышает или равен установленному для данной территории, а для лицензии на право пользования недрами для целей разведки и добычи полезных ископаемых и не превышает или равен установленному для данной территории сроку для лицензии на право пользования недрами одновременно для геологического изучения (поиска, разведки) и добычи полезных ископаемых с даты государственной регистрации соответствующей лицензии на пользование недрами.

Для участков недр, лицензия на право пользования которыми выдана до определенной даты, и степень выработанности запасов (Св) которых на эту дату меньше или равна определенному уровню, налоговая ставка 0 рублей в отношении количества добытого на конкретном участке недр полезного ископаемого применяется до достижения определенного накопленного объема добычи на участках недр, расположенных на определенных территориях суши или шельфа и при условии, что срок разработки запасов участка недр не превышает или равен установленному для данной территории суши или шельфа, начиная с установленной в кодексе даты;

- кондиционных руд олова, добываемых на территории Дальневосточного федерального округа, на период с 1 января 2013 года по 31 декабря 2017 года включительно;

- газа горючего природного на участках недр полуострова Ямал и в Ямало-Ненецком автономном округе, используемого только в целях производства сжиженного природного газа, до достижения накопленного объема добычи газа горючего природного 250 млрд. кубических метров на участке недр в том случае, если срок разработки запасов участка недр не превышает 12 лет, начиная с 1-го числа месяца, в котором начата добыча газа горючего природного, используемого только в целях производства сжиженного природного газа;

- газового конденсата совместно с газом горючим природным, используемым только в целях производства сжиженного природного газа, на участках недр полуострова Ямал и в Ямало-Ненецком автономном округе, до достижения накопленного объема добычи газового конденсата 20 млн. тонн на месторождении и при условии, что срок разработки запасов месторождений не превышает 12 лет, начиная с 1-го числа месяца, в котором начата добыча газового конденсата совместно с газом горючим природным, используемым только в целях производства сжиженного природного газа[162].

Таким образом, применение ставки 0% НДС коснулось лишь незначительной части месторождений, да и полноценной дифференциацией такую меру считать нельзя. Как отмечает Заика В.С.: «В России дифференциация коснулась лишь небольшой части месторождений в Восточной Сибири, Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах, на полуострове Ямал, на шельфе и месторождений на очень высокой стадии истощения»[73, С. 180]. Тоскунина В.Э. отмечает: «Принятие частичных (точечных) мер, направленных на совершенствование механизма исчисления и уплаты налога на добычу полезных ископаемых, таких как исчисление НДС по нулевой ставке (при разработке новых месторождений на

определенных территориях в восточной Сибири до достижения накопленного объема добычи 25 млн. тонн на участке недр, а также добыче сверхвязких нефтей) и налоговые льготы по НДС (на участках недр с выработанностью 80% и более) не может в целом решить проблему повышения эффективности реализации нефтегазового потенциала страны»[233, С. 18]. Таким образом, отмеченные моменты не имеют повсеместного характера: затрагивают незначительное количество месторождений и весьма низкую долю добычи.

В отношении нефти и газа установлены следующие ставки:

- 470 рублей (начиная с 1 января 2013 года) за 1 тонну добытой нефти обезвоженной, обессоленной и стабилизированной. Данная ставка является базовой. Для расчета фактической ставки, ее необходимо скорректировать на коэффициент, учитывающий изменение цен мирового рынка на нефть (Кц), а так же на коэффициент, учитывающий выработанность данного участка недр (Кв), и на коэффициент, учитывающий запасы данного участка недр (Кз).

- 590 рублей (на период с 1 января по 31 декабря 2013 года включительно), 647 рублей (на период с 1 января по 31 декабря 2014 года включительно), 679 рублей (начиная с 1 января 2015 года) за 1 тонну добытого газового конденсата из всех видов месторождений углеводородного сырья;

- 582 рубля (на период с 1 января по 30 июня 2013 года включительно), 622 рубля (с 1 июля по 31 декабря 2013 года) за 1 000 кубических метров газа при добыче газа горючего природного из всех видов месторождений углеводородного сырья[162].

Такое постоянное увеличение ставок НДС является нелогичным и никак не обоснованным. Число молодых и вновь вводимых в эксплуатацию месторождений ничтожно мало, прочие же эксплуатируются достаточно долгое время (многие со времен СССР), а потому находятся на завершающих стадиях эксплуатации, когда условия добычи ухудшаются, затраты растут и

необходимо снижение ставок НДС, иначе месторождения окажутся на грани рентабельной добычи и дальнейшей консервации.

Следует отметить, что по всем прочим видам сырья, налоговой базой выступает стоимость добытых полезных ископаемых. Для каждого вида сырья применяется своя налоговая ставка. Так, при добыче калийных солей, налоговая ставка установлена на уровне 3,8%; торфа и горючих сланцев – 4,0%; кондиционных руд черных металлов – 4,8% и т.д.

Коэффициент Кц, отражающий движение цен мирового рынка на нефть, каждый месяц рассчитывается самим налогоплательщиком умножением среднего за предшествующий период значения цен нефти "Юралс" в \$ США, за один баррель нефти (Ц), за вычетом 15, на среднее за текущий период значение курса \$ США к рублю РФ, устанавливаемого ЦБ РФ (Р), деленному на 261. Под периодом здесь и далее понимается текущий или предшествующий налоговый период:

$$Кц = (Ц - 15) * Р / 261,$$

Среднее за предшествующий период значение цен нефти "Юралс" исчисляется суммированием среднеарифметических цен, как покупки, так и продажи на средиземноморском и роттердамском рынках нефти за все дни проведения торгов, отнесенная к числу дней проведения торгов в периоде, предшествующему данному.

среднее за текущий период значение курса \$ США к рублю РФ, устанавливаемого ЦБ РФ, определяется самим налогоплательщиком как среднеарифметический уровень курса \$ США к рублю РФ, устанавливаемого ЦБ РФ, за все дни в текущем периоде.

Рассчитанный таким образом коэффициент Кц округляется до 4-го знака [162].

Следует отметить, что «...по мнению экспертов, было бы целесообразнее не ставить ставку НДС в зависимость от мировых цен на нефть и курса доллара США к рублю, так как любые изменения данных параметров в сторону увеличения приводят к неизбежному повышению цен

на товары и услуги на внутреннем рынке»[14, С. 5]. Как отмечает С.А. Кимельман: «Но пока нефтяникам никак не удастся «отвязать» НДС на нефть от мировых цен. Хотя, по нашему мнению, это надо сделать. Мировые цены на нефть должны учитываться только в механизме расчета вывозной пошлины на нефть, то есть при изъятии ценовой ренты»[91]. Расчеты показывают, что «...за последние 2–3 года внутренние цены на топливо необоснованно поднялись почти в 1.5–2 раза»[14, С. 5]. Другие экономисты считают «...«краеугольным камнем» современной системы рентного налогообложения является мировая цена на нефть. Она определяет размер вывозной экспортной пошлины, размер уплаты НДС, величину внутренней цены на сырье...»[140, С. 92].

«Коэффициент, отражающий выработанность запасов участка недр (Кв), рассчитывается самим налогоплательщиком и в случае, если уровень выработанности на данном участке недр $\geq 0,8$ и ≤ 1 , коэффициент Кв определяется по формуле:

$$K_v = 3,8 - 3,5 * N / V,$$

где:

N – накопленная величина добычи нефти на участке недр (учитывая потери) полученная из государственного баланса запасов утвержденного в предшествующем налоговому периоду году;

V – начальные извлекаемые запасы нефти, рассчитываемые суммированием запасов категорий А, В, С1 и С2 по участку недр в соответствии с государственным балансом запасов полезных ископаемых на 01.01.06 г.

Если уровень выработанности запасов участка недр >1 , уровень коэффициента Кв считается равным 0,3. Если уровень выработанности запасов участка недр $< 0,8$ его уровень принимается за 1.

Уровень выработанности запасов участка недр (Св) определяется самим налогоплательщиком по утвержденному государственному балансу запасов полезных ископаемых, путем деления суммы накопленной добычи

нефти на участке недр (учитывая потери) (N) на сумму начальных извлекаемых запасов (V). Начальные извлекаемые запасы, рассчитываются суммированием запасов категорий А, В, С1 и С2 по участку недр по государственному балансу запасов полезных ископаемых на 01.01.06 г.[162].

НДПИ поступает в установленных частях в Федеральный бюджет и региональный бюджет территориального образования, где и производилась добыча. При этом сумма НДПИ по всем полезным ископаемым, кроме углеводородного сырья, распределяются в следующих пропорциях:

- 40% - в доходы федерального бюджета;
- 60% - в доходы бюджетов субъектов Федерации.

НДПИ на углеводородное сырье распределяется иначе:

- 95% суммы налога – в доход федерального бюджета;
- 5% суммы налога – в доходы субъекта Федерации.

Многие экономисты считают, что налог на добычу полезных ископаемых – это налог типа роялти, который взимается в России по плоской шкале «...в зависимости от количества добытой нефти с учетом уровня мировой цены нефти «Юралс» и курса доллара США. При этом НДПИ не зависит от рентабельности разработки каждого отдельного месторождения. В отличие от России большинство стран используют роялти, размер которого определяется стоимостью добытых нефти и газа (например, Канада, США) или финансовым результатом деятельности предприятия по добыче углеводородов (Норвегия, Великобритания)»[155, С. 97]. Таким образом, учет объема добычи или финансового результата добывающего предприятия приводит если не к учету конкретных условий добычи на различных месторождениях, то обеспечивает «...в некотором смысле индивидуальный подход к месторождениям»[83, С. 45]. Однако используемая в настоящее время плоская шкала ставок НДПИ даже такого подхода к месторождениям не обеспечивает. При этом авторы далее совершенно справедливо указывают на то, что роялти вообще не приспособлен к изъятию природной (горной)

ренды, «...налог типа «роялти», - отмечают они, - и природная рента – это далеко не одно и то же»[83, С. 45].

В современной экономической литературе существует и такое мнение «...налог на добычу полезных ископаемых представляет собой фактически акциз, который автоматически добавляется к цене товара, оплачивается потребителем и никакого отношения к природной ренте не имеет. Он рассчитывается от объема добычи последних на основе средней цены реализации. Таким образом, отчисления НДС не зависят от фактических затрат на добычу»[56, С. 182].

Несмотря на это, существует мнение, что «некоторые налоги имеют прямую увязку с концепцией экономической ренты, как, например, НДС в России или налог на доходы от нефти (НДН) в Великобритании»[88, С. 26].

Нам представляется более обоснованным мнение о том, что плоская шкала НДС «...т. е. отсутствие рентного подхода в налогообложении добычи нефти и газа, приводит к тому, что разработка высокодоходных и некондиционных запасов облагается одинаковыми суммами платежей...в рамках действующей системы налогообложения предприятия предпочитают «снимать сливки» с высокопродуктивных участков, что приводит к преждевременному обводнению скважин, блокированию в недрах значительных запасов»[155, С. 98]. Это положение, к которому приводит использование плоской шкалы НДС представлено на рисунке 1 приложения 3. Как видно из рисунка № 1 лишь одно или небольшая группа месторождений, со сходными природными условиями добычи имеют удельные размеры горной ренты, соответствующие ставке НДС. Месторождения с размерами горной ренты, ниже ставки НДС низкорентабельны или убыточны и находятся под угрозой консервации. Все остальные месторождения имеют дополнительный доход за счет того, что их удельная горная рента превышает ставку НДС. А это приводит к положению, представленному в таблице 1 приложения 3.

Эта ситуация относится не только к нефтедобыче: «В современной логике Налогового кодекса РФ отсутствует дифференциация налога на добычу угля, что не позволяет стимулировать эффективную угледобычу, а приводит к хищнической выемке наиболее эффективных запасов»[216, С. 213].

Конечно, нельзя не признать, что «Российское Правительство также использует рентную концепцию: в июле 2008 г. увеличен необлагаемый минимум по НДС с 9 до 15 долларов за баррель и установлены дополнительные налоговые льготы при добыче труднодоступных запасов нефти. В частности, нулевая ставка по НДС распространена на добычу нефти из скважин, расположенных за Северным полярным кругом, в Каспийском и Азовском морях, а также на территории Ямало-Ненецкого автономного округа.»[88, С. 26]. Однако, этого недостаточно.

Использование плоской шкалы НДС с элементами ее дифференциации приводит к тому, что невозможно с точностью сказать, на изъятие какой ренты (абсолютной или дифференциальной) направлен данный налог: «При применении фиксированной ставки роялти этот налог направлен на налогообложение абсолютной ренты» [40, С. 63]. То же самое отмечает и Кимельман С.А.: «С определенной долей условности можно предположить, что действующий в России механизм установления и изъятия в бюджет налога на добычу полезных ископаемых (НДС) соответствует изъятию у недропользователей абсолютной горной ренты»[100]. В случае же использования «...дифференцирования ставки роялти этот платеж в определенной степени направлен на налогообложение дифференциальной ренты»[40, С. 63]. Такое мнение не представляется верным: авторы далее приводят график и показывают, что для определенной части месторождений и твердая ставка НДС (российский аналог роялти) может соответствовать для определенной части месторождений получаемой ими сумме дифференцированной горной ренты[40, С. 67]. Кроме этого, (в особенности, в нашей стране, где дифференциация коснулась небольшой части

месторождений) твердая ставка может совпадать с дифференцированной. В этом случае следует предположить, что когда твердая ставка НДС совпадает с величиной горной ренты части месторождений, НДС изымает дифференциальную горную ренту, а в других случаях - абсолютную?

Кроме этого, в нашей стране абсолютная рента редкости, в соответствии с классическими воззрениями на внутреннем рынке образовываться не может. Если нефти не хватает нефти для удовлетворения внутреннего спроса, достаточно расконсервировать часть месторождений, ставших нерентабельными в условиях применения плоской шкалы НДС, и спрос будет удовлетворен.

Хотя, конечно, это приведет к некоторому повышению внутренних цен. А в целом по стране недостатки НДС, продолжают приводить к преждевременному оставлению месторождений. Как отмечают Герд А.А., Волкова К.Н., Немова О.Г. и Супрунчик Н.А.: «Установление единых ставок налогов для всех месторождений при огромном разнообразии геологических, географических, технологических и экономических условий их освоения не является рациональным механизмом изъятия рентного дохода. Это приводит к потерям бюджета либо от неполного получения рентного дохода (при низких ставках для месторождений, находящихся в благоприятных условиях), либо от недополучения дохода за счет отказа от разработки маргинальных месторождений и сокращения сроков их эксплуатации (при относительно высоких ставках для месторождений, находящихся в неблагоприятных условиях)[48, С. 308]. По мнению многих экономистов, считающих, что НДС - это налог типа роялти: «негативный эффект роялти заключается в том, что они стимулируют преждевременное оставление месторождений, поскольку эксплуатация месторождения будет продолжаться только до тех пор, пока выручка превышает затраты, а при уплате роялти затраты увеличиваются на их величину. И это при том, что выплата роялти, как правило, начинается задолго до того, как инвестор фактически возместит первоначальные капиталовложения»[163].

Однако в этих условиях наибольший вред в этой области приносит плоская шкала НДС, которая сегодня становится анахронизмом. «Мировой опыт в области недропользования говорит о том, что необходимо дополнительное стимулирование разработки бедных и низкорентабельных участков малыми предприятиями, поскольку традиционно это является полем деятельности для небольших недропользователей. Так ЮАР пошло на полную отмену ресурсных платежей в области золотодобычи на недропользователей, с целью недопущения снижения золотодобычи ... В Испании действует широкая система льгот, которые направлены на стимулирование более полной разработки месторождения» [102, С. 74].

Так, анализ положения в нефтедобывающем секторе Калининградской области показывает что «...абсолютное большинство (чуть более 75%) объектов резервного фонда Калининградской области характеризуются мельчайшими извлекаемыми локализованными ресурсами, не превышающими 100 тыс. т; на долю этих объектов приходится треть суммарных ресурсов нефти подготовленных и выявленных к настоящему времени структур региона.

В пределах Калининградского региона, характеризующегося преобладанием в структуре перспективной ресурсной базы мельчайших объектов, рентабельность освоения существенной части нефтяного потенциала будет зависеть от эффективности ГРП (в первую очередь, от успешности поискового бурения).

С целью снижения порога рентабельности запасов и включения в промышленный оборот экономически непривлекательной для инвесторов части ресурсной базы необходим ввод налоговых льгот, объем которых должен определяться индивидуально по каждому объекту и зависеть в первую очередь от цен на нефть и себестоимости ее добычи.

Применительно к рассматриваемому региону, вся добываемая нефть которого экспортируется, единственным существенным направлением

формирования подобных льгот может быть лишь налог на добычу полезных ископаемых»[78].

При этом, применительно к некоторым месторождениям (например, объект Хрустальный) «...проект выходит на уровень минимально приемлемой рентабельности инвестиций в 10% лишь при полном упразднении НДС»[78]. Однако если рассмотреть экономические показатели по объекту, то можно увидеть: «...финансовая эффективность соответствующего проекта в целом (то есть в безналоговом режиме) составляет по внутренней норме рентабельности (ВНР) 45%, то есть его можно охарактеризовать как высокорентабельный. Низкая рентабельность проекта для инвестора сопряжена с огромной налоговой нагрузкой»[78].

Исходя из всего вышесказанного, следует вполне обоснованный вывод: «Применение не дифференцированной в зависимости от условий добычи ставки налога не соответствует мировым тенденциям в налогообложении нефтегазового сектора. В мировой практике ставки рентных налогов напрямую зависят от объема или рентабельности добычи, этапа освоения месторождения»[14, С. 5-6]. Как уже отмечалось, такой подход обеспечивает, если не учет природных условий добычи, то учитывает конкретную рентабельность добычи на месторождении.

В то же время, в экономической литературе встречаются предложения «...в качестве одного из критериев дифференциации НДС выделить применение предприятием нового высокотехнологичного оборудования и инновационных технологий в процессе добычи углеводородов»[191].

Кстати, данные и по другим видам полезных ископаемых показывают, что «ставки по НДС в РФ достаточно высокие и существенно превышают (в 2-3 раза) аналогичные ставки в зарубежных странах»[19, С. 66].

К единственному достоинству НДС «относят простоту расчета и возможность противодействия трансфертным ценам, используемым крупными вертикально-интегрированными нефтяными компаниями для сокращения налогооблагаемой базы»[42].

Другие экономисты считают: «Мы не станем здесь касаться деталей того, как конкретно реформировать налоговую систему, чтобы приспособить ее к изъятию нефтяной ренты. Выскажем лишь одно принципиальное соображение. Обычно считается, что для этого требуется обследовать чуть ли не каждый нефтепромысел, определить его производительность и т. д. При таком порядке решение вопроса затянулось бы на долгое время и обросло бы очередной бюрократической инфраструктурой»[148]. Такие предложения сводятся, по сути дела, к незначительному изменению плоской шкалы НДС, привязав ее не к условиям добычи, а к рентабельности всей компании.

По мнению многих экономистов: «Одно из возможных направлений изменения налогообложения нефте- и газодобывающих компаний — значительное снижение НДС и экспортных пошлин и их замена новым налогом на дополнительный доход (НДД). Смысл его введения — облагать не нефть в момент ее добычи, как сейчас, а накопленную за время разработки месторождения прибыль, понимаемую как разницу между доходами и расходами за весь срок освоения участка. Налоговая база НДД определяется как стоимость добытых и реализованных углеводородов, уменьшенная на величину затрат по производству и реализации продукции (за вычетом амортизации), производственных капитальных вложений и невозмещенных затрат предыдущего налогового периода»[155, С. 99].

Предлагаемый налог, в отличие от НДС «основан на показателях дополнительного дохода, отражающих реальную экономическую эффективность разработки конкретного месторождения. В случае высокоэффективных проектов применение НДД обеспечивает прогрессивное изъятие ресурсной ренты в пользу государства, одновременно улучшаются условия реализации низкоэффективных проектов. Применение НДД стимулирует инвестиции в освоение новых месторождений, поскольку налог не взимается вплоть до полной окупаемости капитальных затрат, а последующее налогообложение

соответствует показателям доходности. При таком подходе учитываются не только получаемый производителем валовой доход, но и затраты на добычу нефти на конкретном месторождении. Налоговая система, построенная таким образом, не создает экономических препятствий для разработки нефтяных месторождений, характеризующихся повышенными капитальными, эксплуатационными, транспортными затратами»[155, С. 99].

При этом сами экономисты, предлагающие внедрение НДС, отмечают, что в Российской нефтедобыче оно «...наталкивается на ряд трудностей. Во-первых, ввиду того что сумма налога будет увязана с затратами, ввести НДС возможно только для относительно новых месторождений, ведь документально обосновать затраты по участкам недр, разрабатываемым еще с советского периода, малореально. Во-вторых, новый налог будет более сложным с точки зрения налогового администрирования, т. к. существуют проблемы с организацией учета и контроля доходов и затрат при добыче нефти по каждому лицензионному участку»[155, С. 99].

Таким образом, с помощью введения НДС возможно и могут быть решены методологические проблемы учета индивидуальных особенностей месторождений новых добывающих регионов, о которых говорит Госкунина В.Е.

Но при этом, как уже отмечалось, основная часть разрабатываемых ныне месторождений эксплуатируется с советских времен, рассчитать затраты с начала эксплуатации по ним, по сути дела, невозможно и они находятся в фазе падающей добычи, так что рассчитывать на значительные суммы налога на таких месторождениях нельзя.

В дополнение к сказанному приведем мнение С.С. Ежова: «...основным недостатком налога на дополнительный доход является стимулирование излишних затрат» [69, С. 34]. Во многом это связано с тем, что часть доходов компании, которая направляется на инвестиции, освобождается от рентного налога. В тоже время, как справедливо отмечает Ложникова А.В. «...львиная доля инвестиций в РФ сегодня осуществляется

не в форме непосредственных капитальных вложений в основные средства, а прежде всего в финансировании сделок слияний и поглощений активов, зачастую непрофильных и непроизводственных, в России и за рубежом. Таким образом, рентная политика, способствующая закреплению и развитию этой тенденции, не вписывается в актуальную политику модернизации отечественной экономики»[131, С. 173].

Кроме этого, введение НДС возможно лишь после решения проблем с трансфертным ценообразованием и искусственным занижением крупными налогоплательщиками налоговой базы, которое широко практикуется сегодня.

Как отмечает Ложникова А.В. «...обязательным условием введения нового налога на сверхприбыль является внедрение в российской экономике действенного механизма государственного контроля за трансфертными ценами. Должны быть разработаны конкретные алгоритмы расчета цен с привязкой к конкретным источникам информации»[131, С. 183].

Кимельман С. и Андрюшин С. подробно рассматривает отрицательные моменты введения в России НДС (Р-фактор почти нигде не применяется, так как не отражает эффективности хозяйственной деятельности в налоговом периоде (квартале); отсутствие четко утвержденных правил расчета нормативных затрат, как и обоснования нормативной технологии; отсутствие в России законодательных актов, регулирующих, как в Норвегии, установление нормативной цены для целей налогообложения и т.д.) [92, С. 38-39]. В связи с этим «применение НДС в России не приведет к желаемому изъятию сверхдоходов у нефтяных компаний и не обеспечит заметного увеличения доходной части госбюджета»[92, С. 39]. С ним согласен и Фадлалла А.Д., считая, что внедрение НДС имеет «...существенные недостатки теоретического и практического характера, в силу которых они не смогут решить важную социально-экономическую проблему справедливого и эффективного распределения этих доходов»[236, С. 9].

2) Вывозная таможенная пошлина

Вывозные таможенные пошлины – это сегодня основной платеж, формирующий доходы государственного бюджета страны. (См. приложение 1 и 2). Следует отметить, что: «Экспортные пошлины, взимаемые с товаров при их вывозе за границу, используются в современной мировой торговой практике крайне редко. Эти пошлины могут применяться в фискальных целях, для выравнивания низких внутренних цен и более высоких цен на внешнем рынке, с целью сохранения национальных ресурсов»[49].

Уровень ставок экспортной (таможенной) пошлины на нефть определяются Правительством Российской Федерации с учетом средней цены на нефть Urals на средиземноморском и роттердамском рынках сырья. Мониторинг цен и действие ставок экспортной пошлины на нефть равно одному месяцу (до 01.01.09 г. – два месяца).

Картвенко И.В. отмечает, что поскольку экспортеры в соответствующем периоде исчисляли и уплачивали пошлину, определенную по данным о цене за предшествующий период, бывали случаи, когда при уменьшении уровня цены на нефть использовалась ставка, определенная в условиях более высокой цены предшествующего периода. Было возможно и обратное. Уменьшение с конца 2008 г. срока мониторинга до одного месяца несколько выровняло положение, а эффект стал не столь значимым[90, С. 19].

Как уже отмечалось, вывозная таможенная пошлина является самым крупным платежом, которым облагаются доходы недропользователей. Так, в 2010 году вывозная таможенная пошлина на нефть и газ составила, соответственно (млрд. руб.) 1707,7 и 414,9. При этом, поступление НДС от нефтяных и газодобывающих компаний в том же году составило 1303,5 млрд. руб. С 1 августа 2013 года ставка таможенной пошлины на нефть составила 379,8 долларов за тонну (с 1 октября 2012 года она составляла 418,9 долларов за тонну). «Таким образом, одни лишь доходы, которые

приносит федеральному бюджету нефтяная промышленность (в том числе доходы от вывозных таможенных пошлин на сырую нефть и нефтепродукты), делают ее одной из самых значимых для России в ряду стратегических отраслей промышленности»[174].

Следует отметить, что в большинстве стран с богатыми природными ресурсами вывозная таможенная пошлина не является налоговым инструментом, имеющим значимое фискальное значение для наполнения бюджета страны. Но как отмечают Герд А.А., Волкова К.Н., Немова О.Г. и Супрунчик Н.А.: «В настоящее время существуют два налога, направленных на изъятие рентного дохода у недропользователей: экспортная пошлина, устанавливаемая на нефть в зависимости от ее цены Правительством РФ, и НДС, база для расчета которого по нефти с 2002 г. устанавливается Федеральной налоговой службой РФ с учетом мировых цен на нефть и курса доллара США к рублю, а с 1 января 2007 г. дополнительно введен коэффициент, учитывающий выработанность месторождения»[48, С. 308]. При этом «...в России же экспортные пошлины стали одним из главных инструментов, перекачивающих значительную часть выручки нефтегазовых компаний в государственную казну»[155, С. 95].

В то же время существует мнение, что «вывозная таможенная пошлина косвенно является сдерживающим фактором роста цен на нефть на внутреннем рынке страны»[64, С. 149].

Платежи, установленные Законом РФ «О недрах»

Основная часть платежей, установленных в соответствии с Главой 17. «Платежи при пользовании недрами» Закона РФ «О недрах», носят разовый характер и приурочены к наступлению определенных событий. К таким платежам относятся: плата за геологическую информацию о недрах; разовые платежи за пользование недрами; сбор за выдачу лицензий; сбор за участие в конкурсе (аукционе). Единственный платеж, установленный Законом РФ «О

недрах», имеющий постоянно действующий, устойчивый характер – это регулярный платеж за пользование недрами.

1) Плата за пользование геологической и иной информацией о недрах, находящейся в собственности Российской Федерации и субъектов Российской Федерации

Как следует из статьи 106 главы 15 Закона РФ «О недрах»: «За пользование геологической и иной информацией о недрах, полученной за счет государственных средств взимается плата, за исключением необходимой геологической и иной информации о недрах безвозмездно предоставляемой органам государственной власти Российской Федерации, федеральным органам исполнительной власти Российской Федерации... Порядок взимания и расчета размера платы за пользование геологической и иной информацией о недрах, определяет федеральный орган управления государственным фондом недр»[4].

Е.В Моргунов отмечает, что недропользователь получает необходимую геологическую информацию после государственной экспертизы запасов сырьевых ресурсов, проведение которой поручено Минприроды РФ. Указанная экспертиза проводится за плату, которая устанавливается соглашением между заказчиком - недропользователем и организацией, осуществляющей проведение экспертизы запасов сырьевых ресурсов[158, С. 51].

Следует отметить, что указанный платеж никак не связан с изъятием или налогообложением дифференциальной горной ренты.

2) Разовые платежи за пользование недрами

Как указано в статье 105, главы 15 закона РФ «О недрах» «Пользователи недр, получившие право пользования участками недр,

независимо от оснований получения этого права, уплачивают разовые платежи за пользование недрами при получении этого права, а также при наступлении определенных событий, оговоренных в лицензии»[4].

Если участки недр предполагается использовать: «...для целей добычи полезных ископаемых минимальные (стартовые) размеры разовых платежей устанавливаются по результатам геолого-экономической и стоимостной оценок месторождений полезных ископаемых и участков недр в размере не менее 10 процентов от величины суммы налога на добычу полезных ископаемых в расчете на среднегодовую проектную мощность добывающей организации»[4].

«При проведении конкурсов или аукционов на право пользования участками недр окончательные размеры разовых платежей за пользование недрами устанавливаются по результатам конкурса или аукциона и фиксируются в лицензии на пользование недрами»[4].

«Разовые платежи за пользование недрами при наступлении определенных событий, оговоренных в лицензии, зачисляются в федеральный бюджет и бюджеты субъектов Российской Федерации в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации»[4].

Таким образом, указанные платежи, имеющие разовый характер и никак не связанные с условиями добычи на конкретном месторождении (его величина зависит только от ставки НДС, установленной по плоской шкале и мощности добывающего предприятия), не могут использоваться для изъятия горной ренты.

3) Регулярные платежи за пользование недрами

В соответствии со статьей 108 главы 15 цитируемого закона: «Регулярные платежи за пользование недрами взимаются за предоставление пользователям недр исключительных прав на пользование участками недр в целях поиска и оценки месторождений полезных ископаемых, разведки

полезных ископаемых, строительства и эксплуатации подземных сооружений, не связанных с добычей полезных ископаемых, за исключением инженерных сооружений неглубокого залегания (до 5 метров), используемых по целевому назначению и инженерных сооружений коммунального назначения и метро.

Регулярные платежи за пользование недрами взимаются с пользователей недр отдельно по каждому виду пользования недрами Российской Федерации, внутренних морских вод, территориального моря, континентальном шельфа Российской Федерации, исключительной экономической зоны Российской Федерации, а также за пределами Российской Федерации на территориях, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации (а также арендуемых у иностранных государств или используемых на основании международного договора, если иное не установлено международным договором).

Регулярные платежи за пользование недрами не взимаются за:

- 1) пользование недрами для регионального геологического изучения;
- 2) пользование недрами для образования особо охраняемых участков недр, имеющих научное, культурное, эстетическое, санитарно-оздоровительное и иное значение. Порядок отнесения объектов пользования недрами к особо охраняемым участкам недр, имеющим научное, культурное, эстетическое, санитарно-оздоровительное и иное значение устанавливается Правительством Российской Федерации;
- 3) разведку полезных ископаемых на месторождениях, введенных в промышленную эксплуатацию, в границах горного отвода, предоставленного пользователю недр для добычи этих полезных ископаемых;
- 4) разведки полезного ископаемого в границах горного отвода, предоставленного пользователю недр для добычи этого полезного ископаемого;
- 5) поиск и оценку месторождений полезных ископаемых за счет средств государственного бюджета;

Регулярные платежи за пользование недрами устанавливается за площадь лицензионного участка предоставленного недропользователю»[4], исходя из этого, размер указанных регулярных платежей равен произведению площади участка, указанного в лицензии на ставку платежа. Ставка указанного платежа устанавливается в рублях за квадратный километр площади лицензионного участка [158, С. 48].

Следует отметить, что ранее действовал порядок, в соответствии с которым сумма регулярного платежа рассчитывалась как доля от стоимости извлеченного сырья.

В связи с таким изменением порядка уплаты данных платежей, Е.В. Моргунов считает, что данное изменение коснулось сущности данного регулярного платежа, превратив его из чисто налогового инструмента в полноценный рентный платеж» [158, С. 48].

Этой же позиции придерживается и Е.В. Бергер, по мнению которого: «Основным платежом природной ренты для нефтедобывающих предприятий являются регулярные платежи за пользование недрами»[25, С. 15].

Конечно, нельзя не согласиться, что данный налог, размер которого связан с площадью используемого при добыче участка недр, является единственным, в данной системе налогообложения недропользователей платежом, хоть как то связанным с конкретными условиями хозяйствования данного месторождения. Однако, площадь участка недр, разрабатываемого недропользователем – это не основная причина, определяющая рентообразование на данном участке недр или месторождении. Таким образом, использование площади участка в качестве единственного рентообразующего фактора на данном месторождении еще не позволяет считать регулярные платежи за пользование недрами полноценным рентным платежом. Однако следует отметить, что такая практика соответствует мировому опыту. Так, в соответствии с американским законодательством годовая арендная плата за акр равняется 5\$ до начала эксплуатации месторождения. Затем, недропользователь выплачивает роялти от 12,5 до 30%,

если добыча ведется на суше, в соответствии с условиями договора, 18,75% устанавливается при добыче в море, но в территориальных водах США. Ставка в 12,5% устанавливается для выработанных нефтяных месторождений от дохода от добычи (таким образом, американский роялти с началом добычи нефти на добычи на месторождении аналогичен Российскому НДС).

Законом «О недрах» утверждены максимальный и минимальный уровни ставки указанного платежа за пользование недрами в зависимости от вида углеводородного или минерального сырья; формы использования недр (пользование участками недр в целях поиска, а так же оценки месторождений сырьевых ресурсов, пользование участками недр в целях разведки сырьевых ресурсов, пользование участками недр при строительстве а так же эксплуатации подземных сооружений) и т.д.

Уплата данного платежа производится ежеквартально.

4) Сбор за участие в конкурсе (аукционе) и сбор за выдачу лицензий

Как следует из статьи 107 главы 15 цитируемого закона: «...сбор за участие в конкурсе (аукционе) вносится всеми их участниками и является одним из основных условий регистрации заявки. Сумма сбора определяется исходя из стоимости затрат на подготовку, проведение и подведение итогов конкурса (аукциона), оплату труда привлекаемых экспертов.

Сумма сбора за участие в конкурсе (аукционе) зачисляется на счета федерального органа управления государственным фондом недр или его территориальных органов и используется для покрытия расходов этих органов, а также органов государственной власти субъектов Российской Федерации, регулирующих процесс пользования недрами, на проведение конкурсов (аукционов)»[4].

Далее, в той же статье отмечается, что сбор за выдачу лицензий вносится недропользователями при получении указанной лицензии.

Величина сбора зависит от суммы затрат на подготовку, регистрацию и оформление указанной лицензии[4].

Следует отметить, что указанный платеж так же никак не может быть связан с изъятием горной ренты.

Таким образом, анализ системы налогов и платежей, которые используются в нашей стране для изъятия доходов недропользователей (в той ее специальной части, которая должна быть направлена на изъятие горной ренты и прочих доходов, связанных с недропользованием) показал, что среди рассмотренных налогов и платежей отсутствуют налоговые инструменты, учитывающие конкретные условия добычи отдельных месторождений, а, следовательно, ориентированных на изъятие горной ренты. Единственным платежом, хоть как то связанным с конкретными условиями добычи и хозяйствования на отдельных месторождениях являются регулярные платежи за пользование недрами, размер которых связан с площадью участка недр, на котором расположено месторождение. Однако указанной зависимости размера платежа от площади участка недр или месторождения явно недостаточно, что бы признать указанный платеж полноценным налоговым инструментом, ориентированным на изъятие дифференциальной горной ренты. При этом хотелось бы уточнить, что вывозная таможенная пошлина и налог на добычу полезных ископаемых, напрямую связанные с экономическими результатами деятельности плательщиков в части, которая связана с экспортной выручкой (оба платежа связаны с уровнем мировых цен, а НДС и с курсом доллара), в связи с чем указанные платежи, составляющие более 90% от всей суммы платежей недропользователей, справляются с выполнением функции по изъятию ценовой ренты (а на деле абсолютной ренты редкости), обусловленной разницей между мировыми и внутренними ценами. Из этого можно сделать вывод, что современный механизм налогообложения добывающих предприятий ориентирован на изъятие определенной части прибыли, абсолютной ренты и прочих доходов нефтяных и газодобывающих

предприятий и совершенно не приспособлен к изъятию дифференциальной горной ренты в максимально полном объеме в доход государства. Как отмечает Самойлов П.Н. анализ «...российской экономики позволил сделать вывод о том, что здесь нет рентных платежей в классическом понимании, т.е. платежей, зависящих от объективных характеристик использованных ресурсов, а не от индивидуальных результатов их эксплуатации. В большинстве случаев роль рентных платежей сегодня выполняют налоги, объем поступлений которых зависит от экономических результатов деятельности плательщика»[214, С. 118].

Проанализировав систему налогообложения нефтяных и газодобывающих предприятий, используемую в настоящее время в России, сравним ее с аналогичными системами налогообложения недропользователей ряда развивающихся и развитых стран мира с точки зрения приспособленности указанных систем к изъятию горной ренты.

В области недропользования налоговые системы и законодательства зарубежных государств напрямую связаны с положениями горных законодательств, принятых в этих странах. Основными такими системами являются контрактная (договорная) и концессионная системы, регламентирующие доступ к добыче полезных ископаемых и устанавливающие принципы изъятия доходов от их добычи. Концессионная система обеспечивает предоставление права недропользования на основании решения соответствующего государственного органа в виде свидетельств, патентов, лицензий и пр.

В отличие от концессионной формы недропользования, при контрактной системе предоставление прав пользования участками недр и добычи сырьевых ресурсов оформляется путём заключения договоров между государством и заинтересованным юридическим лицом, отношения между которыми, в основном, лежат в области гражданского права.

В настоящее время, в чистом виде, концессионная и контрактная системы практически не встречаются, однако во многих странах существуют

системы, которые представляет собой их комбинацию. Так, например, предоставление недр в целях поиска и ведения геологической разведки сырьевых ресурсов может производиться на базе выданных разрешений, а добыча регламентируется соответствующими договорами.

Для большинства развитых стран положения о налогообложении недропользователей в основном являются нормами горного права, и не имеют отношения к общему налоговому законодательству данной страны. При этом обязательные платежи, выплачиваемые государству недропользователем, в основном являются косвенными или прямыми налогами или выступают как специфические целевые платежи (аналоги наших разовых платежей за пользование недрами при наступлении определенных событий, оговоренных в лицензии) [90, С. 10-11].

Налоговые и гражданско-правовые условия организации недропользования весьма значительно различаются от одной страны к другой и во многом эти различия определяются существующими системами налогообложения, формами государственного устройства и собственностью на землю и недра в данной стране. Анализ зарубежных инструментов и систем налогообложения недропользователей позволяет сделать вывод, что используются два основных вида налогов: платежи за сырьевые ресурсы, используемые для изъятия доходов от добычи сырьевых ресурсов, и платежи, ориентированные на поддержание существующих правил управления природопользованием [90, С. 12].

При этом, основными платежами, выплачиваемыми недропользователями, являются такие платежи, как:

- ренталис, величина которого, как правило, зависит от площади и местоположения арендуемого участка, а также от цели и срока аренды, (рентабельность и объемы добычи, как правило, во внимание не принимаются), что даёт возможность собственнику земли (обычно им выступает государство) получать доходы сразу после заключения соглашения о добыче сырьевых ресурсов. По мнению некоторых

экономистов: «Ренталз является способом изъятия абсолютной горной ренты, не зависящим от наличия добычи или прибыльности реализации добытых углеводородов, т.е. дающим государству возможность получать систематический (в отличие от бонусов) доход с момента заключения соглашения» [158, С. 56].

- бонусы, которые выплачиваются на определённых этапах деятельности недропользователя; выплата бонусов может быть закреплена в законодательном порядке или в лицензии, или в соглашении с собственником недр, однако чаще размер бонусов является предметом переговоров между государством (собственником недр) и компанией. Например «В США сумма бонусов за пользование природными ресурсами достаточно велика: в отдельные годы она составляет до 25 % нефтяных поступлений в федеральный бюджет, тогда как на арендные платежи, роялти и прочие налоги приходится остальные 75 %» [155, С. 89].

- роялти, или платеж за пользование недрами, который устанавливается в соответствии с объёмом добытого сырьевого ресурса или его стоимостью или валовых поступлений от реализации извлеченного сырья и отчисляется в пользу собственника недр. Роялти могут выплачиваться деньгами или продукцией. «По существу, роялти — фиксированный налог с каждого барреля добытой нефти в пользу землевладельца» [155, С. 88].

- лицензионные платежи;

- налог на нефтяной доход — указанный налог; название и величина (ставки) которого зависят от конкретной страны его применения; при этом, вместе с ним может использоваться и корпоративный налог с повышенной ставкой;

- платежи при СРП [90, С. 12].

Кроме вышеперечисленных налогов и платежей могут также применяться налоги на охрану и восстановление недр, экспортные пошлины, земельные налоги и т.д. Следует отметить, что основой выбора конкретной налоговой системы являются национальные особенности и приоритеты

каждой страны - геологические характеристики запасов полезных ископаемых, их разведанность, роль государства в регулировании недропользования и права собственности на природные ресурсы, величины участков недр и месторождений и т.д.

Так, в США право разработки месторождений любых видов сырья оплачивается такими платежами, как роялти, которые устанавливаются, в основном, в процентах к объему добычи полезных ископаемых или же валовых поступлений от реализации сырьевых ресурсов в пользу государства. То есть, роялти выступает в форме фиксированного налога с единицы добываемой нефти в пользу собственника недр (государство, в отдельных случаях – штат). Ставки данного налога варьируются от 12,5 до 30%, если добыча ведется на суше, в соответствии с условиями договора, 18,75% устанавливается при добыче в море, но в территориальных водах США. Ставка в 12,5% устанавливается для выработанных нефтяных месторождений.

Величина арендной платы (платежей) за пользование недрами для добычи нефти – ренталис, зависит от площади месторождения и места его расположения. Кроме этого, на величину ренталис влияет цель и срок аренды месторождения. Средний размер ренталис составляет около 5\$ в год за акр до начала эксплуатации месторождения.

Наряду с рассмотренными платежами, в нефтедобыче США выплачиваются бонусы – то есть разовые платежи при наступлении событий, закрепленных в лицензии. Бонусы выплачиваются, в основном, при разработке высокоэффективных месторождений и составляют в отдельные годы не менее четверти всех поступлений от нефтедобычи.

Кроме этого, добывающие компании выплачивают подоходный налог, ставку которого устанавливает губернатор штата. Ставка, при этом составляет, как правило от 0 до 12% от доходов нефтедобывающей компании при положительной разнице между выручкой от реализации нефти и утвержденными затратами и вычетами.

Основным федеральным налогом, который выплачивают нефтедобывающие компании, является налог на прибыль, ставка которого установлена на уровне 35%. Однако, при этом, налогооблагаемая база уменьшается на суммы амортизации, расходами, связанными с истощением ресурсов, геологической разведкой и т.д.

Все рассмотренные налоги представляют собой сложную систему с множеством льгот и скидок, стимулирующих максимально полное извлечение нефтяных запасов при строгом соблюдении положений антимонопольного законодательства, которое гарантирует минимальный уровень ставок и льготы практически по всем видам налогов для малых независимых компаний в области нефтедобычи.

Кроме этого в штате Аляска (США) накоплен уникальный опыт использования налогов и платежей от добычи нефти в целях финансового обеспечения регионального социально-экономического развития и рационального природопользования. Кроме этого, за счет этих средств жителям штата ежегодно выплачиваются дивиденды.

В Великобритании в настоящее время используется лицензионная система доступа к добыче полезных ископаемых. Особыми налогами для нефтедобычи в Великобритании являются основной налог на нефтяной доход, его ставка составляет 50%. Начиная с 1993 года, налог на нефтяной доход был ликвидирован для месторождений, вступивших в эксплуатацию в указанном году, однако, его продолжают выплачивать месторождения, для которых данный налог был уже введен. Кроме этого, в нефтедобыче взимается корпоративный налог (RFCT - ring fence corporation tax) и дополнительный платеж (supplementary charge), но в тоже время, налогооблагаемая база двух указанных платежей уменьшается на величину налога на нефтяной доход [90, С. 13].

Корпоративный налог выплачивается по прогрессивной шкале, при исходной ставке для доходов в 30%. Дополнительный сбор введен в практику хозяйствования с 2002 года со ставкой 10% для всех недропользователей. С

января 2006 года ставка указанного сбора была увеличена до 20%. До 2003 г. недропользователи выплачивали также и роялти по ставке в 12,5% [90, С. 13].

Оригинальная система недропользования и налогообложения добычи нефти существует в Канаде. Так, в этой стране до трети всей извлекаемой нефти добывается с помощью малых компаний (юниоров). Государственная политика поддержки указанных компаний основана на возможности переадресации их акций. В соответствии с правами, предоставленными государством, мелкие компании могут передать соответствующие вычеты, связанные с издержками на геологическую разведку и освоение нефтяных месторождений, инвесторам, которым были переадресованы их акции.

«Мелкие компании активно пользуются этим механизмом для привлечения акционерного капитала с целью финансирования производственной деятельности и увеличения собственных фондов. В свою очередь, инвесторы имеют право воспользоваться 100 % вычетов из собственного налога от стоимости этих акций и получают прибыль в случае эффективной деятельности малой горной компании» [155, С. 90].

Следует отметить, что в Канаде весьма значительная часть малых компаний по геологической разведке и добыче нефти финансируют свою деятельность за счет использования механизма переадресации акций.

В то же время, в области налогообложения недропользователей в области добычи нефти в Канаде используется весьма обычный набор вышеперечисленных налогов и платежей. Несмотря на это, «...результатом работы по совершенствованию системы налогообложения в нефтедобыче Канады (провинция Альберта) явилась сложная формула расчета роялти как функции цены и дебита скважины с учетом даты начала разработки месторождения. Дифференциация запасов по трем категориям в зависимости от момента начала разработки месторождения позволяет при расчете ставки роялти учесть качественное изменение ресурсной базы, т. е. вовлечение в

хозяйственный оборот мелких нефтяных месторождений с более высокими удельными затратами на их разработку[163].

В Казахстане используются следующие контракты на право пользования недрами: контракт, в котором присутствует налог на сверхприбыль. Данный режим именуется в казахском налоговом законодательстве как налоговый режим № 1. Соглашение же о разделе продукции, выступает в казахском законодательстве как налоговый режим №2. В каждом режиме определяется перечень налогов и сборов, подлежащих обязательной уплате, в число которых входят роялти, бонусы, доля государства в продукции, налог на сверхприбыль, дополнительный платёж по соглашению о разделе продукции, рентный экспортный налог и акциз на газовый конденсат и сырую нефть и т.д.

Налог роялти может вноситься как в денежной форме, так и сырой нефтью. При этом ставка налога ставится в прямую зависимость от величины накопленной добычи и составляет от 2 до 6%. Налог на сверхприбыль начинает использоваться после того, как соотношение суммарных доходов к суммарным расходам начинает быть больше, чем 1,2. Налог на сверхприбыль в зависимости от указанного превышения может составлять от 0 до 60%. При этом, налоговая база данного налога выступает как чистая прибыль без корпоративного налога. Указанный налог исчисляется и уплачивается по каждому контракту так, чтобы накопленная рентабельность не могла быть выше 20%.

При соглашении о разделе продукции доля ее компенсационной части не должна превышать 75% до достижения момента окупаемости и 50% в последующем. При соглашении о разделе продукции дополнительный платёж должен обеспечивать долю государства на уровне не менее установленного минимума. Следует отметить, что минимальная доля государства до момента окупаемости проекта может составлять 5-10% от добытых углеводородов, но в дальнейшем доля государства может вырасти до 40% от их объема[90, С. 14-15].

В Саудовской Аравии налогообложение недропользователей в области добычи нефти и газа основано на налоге на прибыль корпораций, а также системе договоров концессии. При этом ставка налога на прибыль нефтяных компаний установлена на уровне 85 %, а газовых компаний — 30 % (для компаний всех остальных отраслей ставка налога на прибыль установлена на уровне всего 20 %).

Ставка роялти в Саудовской Аравии устанавливается в каждом конкретном случае в договоре концессии. Следует отметить, что Саудовская Аравия входит в первую десятку стран, с наиболее простыми системами налогообложения.

Для стимулирования привлечения иностранных инвестиций в системе налогообложения предусмотрено снижение налоговых ставок. В апреле 2002 года новое налоговое законодательство сократило налогообложение иностранных инвесторов до 30% (до этого - 45%). Одновременно им была гарантирована юридическая защита от экспроприаций.

В Норвегии отношения недропользования регулируются, в первую очередь, с помощью системы лицензирования. Причем, указанная система основывается на нормативных документах, которые определяют права, а также и обязанности заинтересованных в реализации проекта сторон. Права собственности на подводные месторождения континентального шельфа принадлежит государству. Сами лицензии на добычу нефти разыгрываются правительством страны на конкурсной основе. При этом одновременно предусмотрен как коллективный, так и индивидуальный механизм подачи заявок.

Так, каждая лицензия на добычу нефти предусматривает первоначальный разведочный период (до 10 лет). В течение этого десятилетнего периода обладатель лицензии обязан выполнять некоторые обязательства по проведению сейсмических исследований, разведочного бурения и т.п. В случае их выполнении к моменту окончания первоначального разведочного периода недропользователь получает право

эксплуатации половины предоставленного участка на срок в 30 лет. При отказе от эксплуатации месторождения нужно предоставить письменное подтверждение всех недропользователей, на которых была оформлена данная лицензия. Возмещение понесенных затрат инвесторам, в такой ситуации, не предусматривается [44, С. 33].

Действующая норвежская система налогообложения недропользователей в области добычи нефти предусматривает: специальный налог на нефтяные операции, роялти (указанный налог отменен в 2006г. для большинства месторождений [90, С. 14].), налог на капитал, рентакс, налог на окись углерода, подоходный налог, плата за использование территорией [44, С. 32].

Основу системы налогообложения нефтедобычи представляют общий и специальный отраслевой налоги на прибыль. Для первого из указанных налогов установлена ставка, равная 28% , а для второго налога - 50%. При этом ставки данных налогов устанавливаются на базе справочных цен. При этом специальный налог используется применительно к месторождениям с окупившимися инвестициями. Указанные налоги на прибыль различаются только системой используемых скидок. В частности, для определения величины налогооблагаемой базы по общему налогу убытки по прочей деятельности недропользователя сокращают нефтяной доход, подлежащий налогообложению, наполовину. В отличие от обычного налога, специальный налог такого рода скидок не предусматривает. Однако специальный налог предусматривает скидку в виде доли стоимости основных фондов в нефтедобыче и ее транспортировке на 15 лет, с момента начисления амортизации на указанные фонды) [44, С. 32].

Кроме указанных налогов, в нефтедобыче Норвегии до 1 января 2006 года устанавливался налог роялти на добычу нефти. При этом величина роялти определялась не от чистого, а как доля от валового дохода нефтяных компаний. Рентакс остается стабильным в течение 6 лет, после чего увеличивается с каждым годом, пока не достигнет максимума. Налог на

выбросы углекислого газа (на окись углерода) исчисляется на 1 куб. м выброшенного в атмосферу или сожженного газа. Кроме того, недропользователи вносят плату за использование территорий по завершении этапа геологического изучения недр. Этот этап длится примерно 3 - 4 года. Указанная плата ежегодно растет от 7000 до 70000 крон за квадратный километр участка за период в десять лет[44, С. 32].

Государство, наряду с налогообложением доходов от разработки месторождений нефти получает также и доходы от собственности в нефтедобыче, к ним относятся нефтепроводы и прочее оборудование, используемое в нефтедобыче на норвежском континентальном шельфе. Правила о доходах от государственной собственности в нефтедобыче действуют с 1985 года (при разработке месторождений на шельфе Баренцева моря в отношении лицензирования применяются особые правила); а также дивиденды от участия государства в компании StatoilHydro[90, С. 14].

Из приведенного обзора можно сделать вывод, что в зарубежных странах при налогообложении нефтедобычи, наиболее часто используется либо роялти, либо отдельный налог (налог на нефтяной доход в Великобритании; специальный отраслевой налог на прибыль в Норвегии), или их совместное использование. При этом следует отметить, что в последнее время отмечается замена налога роялти пропорциональным или прогрессивным налогообложением (пример - Великобритания и Норвегия). В слаборазвитых странах наиболее часто применяется соглашения о разделе продукции, что, как правило, связано с недостатком собственных технических или финансовых ресурсов для реализации проектов по разработке и введению в эксплуатацию вновь открытых месторождений. Однако при этом анализ показал, что во всех рассмотренных систем налогообложения недропользователей отсутствуют налоги, размеры которых напрямую связаны с конкретными условиями добычи на соответствующих месторождениях, то есть главное назначение которых – изъятие горной ренты.

При этом, как показано выше, в целом, российский механизм налогообложения недропользователей, с точки зрения перечня используемых налогов, почти не отличается от механизмов налогообложения других стран, однако указанные механизмы налогообложения содержат многочисленные льготы, при этом ставки основных налогов дифференцированы. Кроме этого, различия, в первую очередь можно отметить в удельных весах отдельных налогов в их общем объеме. Присутствуют различия в общих удельных весах изъятий из доходов недропользователей в отдельных странах. Так, в России, как уже было отмечено, налоговая нагрузка на нефтедобычу несколько выше, по сравнению с другими странами. Исходя из этого, следует вывод о возможности снижения налоговой нагрузки в нефтедобывающей промышленности примерно на 10%. В тоже время, повышенная налоговая нагрузка в нефтедобыче еще не служит достаточным обоснованием ее снижения. Для этого недостаточно только зарубежного опыта, необходим анализ экономического положения, как в нефтедобывающей, так и в других отраслях промышленности России. При этом экономическое положение в нефтедобывающей промышленности РФ показывает, что ее рентабельность значительно превышает уровни рентабельности, как средние по Российской промышленности, так и по нефтедобыче других стран.

При этом, современный механизм налогообложения добывающих предприятий, как в России, так и за рубежом не способен обеспечить максимально полного поступления дифференциальной горной ренты в бюджет страны, а оставшейся частью горной ренты распоряжаются недропользователи по своему усмотрению. Во многом это связано с тем, что определение указанных налогов основывается не на учете объективных природных условий добычи и качества сырья, а даже в случае дифференциации ставок показателей, в их основе лежат экономические показатели, на уровень которых могут оказывать влияние недропользователи, с целью снижения налогооблагаемой базы. В связи с вышесказанным, концепция реформирования изъятия дифференциальной

горной ренты должна основываться на учете конкретных природных условий добычи и качества полезных ископаемых, или показателей, их отражающих.

Одни экономисты считают, что страна ежегодно теряет от 18 до 24 млрд. \$, и преобладающая доля указанных сумм (около 15 млрд. \$) относится к добывающей промышленности, причем основная часть указанной суммы является природно-ресурсной рентой, образуемой при добыче из сверхрентабельных углеводородных месторождений и месторождений прочих сырьевых ресурсов. При этом С. Кимельман пишет, что идет «интенсивное отчуждение ренты от государства (частное присвоение ренты) путём усиленного начисления дивидендов топ-менеджменту и активного вывоза капитала за рубеж...»[98]. В связи с этим «...недропользователям достается часть незаработанной ими горной и ценовой ренты...»[99]. С этим мнением согласны и многие другие экономисты. «Рента "размазывается" и перераспределяется через НДС и другие каналы среди многочисленных компаний-посредников. И тот эффект, который раньше государство получало при выходе на внешний рынок, многократно снижается, поскольку большая часть поставок сырья за пределы страны осуществляется частными фирмами»[43]. «На практике, как известно, сырьевики львиную долю своих доходов переводят во вторую разновидность ренты (следствие дополнительных вложений капитала – авт.) и присваивают ее, что называется, в «законном порядке»[20].

Такое положение недопустимо. Мы согласны с экономистами, которые считают, что «...в настоящее время права на основную часть природных ресурсов планеты закреплены в пределах национально-государственных систем собственности и регулируются институтами каждой страны, ее законодательством и хозяйственными традициями»[21]. В России, в соответствии с Конституцией, владельцем недр является государство. В соответствии с этим, совершенствование системы налогообложения недропользователей и построение механизма изъятия природной ренты (особенно при добыче углеводородов, где и образуется основная ее часть)

должно быть направлено на обеспечение максимально полного поступления дифференциальной горной ренты в бюджет страны.

Эта проблема имеет еще одну важную грань: «... сырьевой сектор экономики был и остается тем источником богатства, тем национальным активом, который может и должен обеспечить процветание российского народа в ближайшей перспективе, ... сырьевой сектор - это именно то звено в длинной цепочке экономики, ухватившись за которое, можно возродить неоиндустриальную экономику России»[101]. То есть нельзя забывать о роли сырьевого сектора в отечественной экономике и о том, что именно создаваемая в нем горная рента является тем ресурсом, способным обеспечить модернизацию российской экономики, поднять ее на уровень более высокого технологического уклада.

3.2 Инструменты перераспределения дифференциальной горной ренты (расчетные цены; полярные платежи; соглашения о разделе продукции)

Особенности образования дифференциальной горной ренты доходов в добывающих отраслях послужили основанием для применения в практике хозяйствования в директивной экономике специального экономического инструмента выравнивания различий в природных условиях добычи сырья – расчетных цен.

Как и фиксированные (рентные) платежи, которые вводились в хозяйственную практику с 1967 года, расчетные цены, по всей видимости, начали использоваться в Советской экономике примерно в тот же период[173]. С этого момента в экономической литературе дискутировался вопрос о целесообразности их применения.

По мнению одних экономистов, с помощью расчетных цен достигалось обеспечение заинтересованности производственных коллективов в росте эффективности хозяйствования и его рентабельности за счет получения ими больших прав в области использования прибыли на цели образования ФЭС и

обеспечивало лучшее использование основных фондов, рост производства высококачественной продукции[18, С. 45].

В то же время другие специалисты придерживались мнения, что, в первую очередь, использование расчетных цен повлияло на заметное снижение рентабельности в угледобывающей промышленности[126, С. 110-111].

Рассмотрим экономическую сущность расчетных цен и почему особенности их применения вызывали столь противоречивые оценки.

С помощью расчетных цен осуществлялось возмещение повышенных, по сравнению со средними по отрасли (району, бассейну) индивидуальных затрат на добычу полезных ископаемых. В связи с этим, их использование подразумевало использование двух типов цен: дифференцированных по индивидуальным затратам для производителей и единых оптовых для покупателей.

Предприятиям, имеющим повышенные, по сравнению со среднеотраслевыми, или средними по бассейну или району, затраты на добычу полезных ископаемых, расчетная цена устанавливалась на уровне превышающем оптовую, при этом для предприятий, у которых затраты были ниже указанного среднеотраслевого уровня, соответственно, на уровне, более низком, чем оптовая цена.

Рассмотрим, что же влияло на установление уровня расчетной цены?

Расчетные цены, использовавшиеся в угледобывающей промышленности до конца 70-х годов, рассчитывались на базе плановой себестоимости добычи угля, которая выступала «...основной составной частью расчетной цены предприятия» [47, С. 2].

В то же время плановая себестоимость добычи угля подлежала корректировке путем прибавления:

- внутренних причин, обусловленных ростом цен на различные виды углей;

- внешних причин, обусловленных ростом цен на различные лесные и металлические крепежные материалы, канаты, рельсы, прочие материалы топливо и электроэнергию;
- отчисления социальному страхованию для образования резерва на оплату отпусков от размеров фонда материального поощрения на эти цели, за исключением материальной помощи [47, С. 2].

Кроме этого, при установлении уровня расчетных цен из себестоимости добычи угля вычитались премии руководящим работникам ИТР, служащим и проценты за пользование банковским кредитом[47, С. 2-3].

Размеры прибыли, закладывавшиеся в уровень расчетной цены, рассчитывался исходя из того, что указанной прибыли должно было хватить на внесение платежей из прибыли в бюджет, уплату процентов за пользование банковским кредитом, перечисление в резерв временной финансовой помощи вышестоящей организации(1,9% от прибыли), и на покрытие убытков по ЖКХ, содержание пионерских лагерей, культурных и прочих учреждений, отпуск угля по льготным ценам работникам и подведомственным организациям, и отчисление в ФЭС[47, С. 2-4].

Следовательно, с помощью расчетных цен достигалось внутриотраслевое (внутрирайонное) регулирование рентабельности шахт и разрезов путем перераспределения доходов между шахтами и разрезами с себестоимостью добычи угля выше и ниже средних по отрасли или району. Таким образом, главная цель использования расчетных цен состояла в том, что они обеспечивали перераспределение доходов внутри отрасли, обеспечивая ее предприятиям приблизительно равные условия производства и хозяйствования [267, С. 58].

Исходя из этого, можно сформулировать основное отличие расчетных цен от прочих инструментов регулирования рентабельности. Если фиксированные (рентные) платежи выражали отношения между предприятиями и Государственным бюджетом, то расчетные цены, в основном, выражали отношения между предприятиями отрасли по поводу

внутриотраслевого перераспределения рентных доходов и прибыли с целью обеспечения им примерно равных условий добычи полезных ископаемых.

При использовании системы расчетных цен предполагалось наличие указанных цен для предприятий-производителей и единых цен для покупателей продукции, что требовало организации посредника для обеспечения проведения расчетов между производителями и потребителями сырья.

В те годы использовались две формы посредников для организации расчетов между потребителями и производителями сырьевых ресурсов:

— органы-посредники (расчетные центры), созданные на базе, министерства. Объединения или комбината рассчитывались с подчиненными шахтами или разрезами, а снабженческие организации - с потребителями; (угледобывающая промышленность);

— расчетные центры, выполнявшие расчеты, и с производителями и с потребителями сырья (железорудная промышленность).

В 80-х годах прошлого века расчетные цены применялись в некоторых добывающих отраслях, таких как цементная, железорудная и нефтедобывающая в основном тогда, когда расчет оптовых цен на основе замыкающих был невозможен.

Так, например, в угольной промышленности использование расчетных цен объяснялась необходимостью соблюдения установленного соотношения между ценами на нефть и уголь, которое определялось ценами на условное топливо, что делало невозможным построение оптовых или зональных цен на данный вид топлива на базе затрат добывающих предприятий, находящихся в худших условиях (замыкающих затрат). Построение оптовых или зональных цен на угли, на основе замыкающих затрат, значительно повысило бы цены на уголь, что повлекло бы за собой нарушение указанного соотношения цен на уголь и нефть. В дальнейшем совершенствование структуры управления (укрупнение отдельных месторождений и шахт в

объединения) позволило отказаться от применения расчетных цен в угольной промышленности.

В нефтедобыче расчетные цены применялись с целью выравнивания различий в затратах на добычу на месторождениях одного региона. Указанные различия в затратах на добычу, в случае утверждения единых цен, установленных на основе замыкающих затрат, повлекли бы за собой значительный рост цен на данный вид топлива. Что бы избежать указанного роста и оставить цены на прежнем уровне в некоторых регионах с целью регулирования рентабельности отдельных месторождений применялись расчетные цены.

На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что с помощью расчетных цен нивелировались различия между индивидуальной фактической и среднеотраслевой себестоимостью добычи полезных ископаемых. Таким образом, для всех предприятий отрасли достигался соответствующий нормальный размер прибыли и уровень рентабельности, чем обеспечивались необходимые предпосылки перевода их на хозяйственный расчет. Эти преимущества расчетных цен признавались многими экономистами[146, С. 64; 108, С. 170-171.

Но, в то же время, рассматриваемый экономический инструмент обладал и определенными недостатками, с одними из которых можно согласиться, а с другими – нет.

Так, многие экономисты к числу основных недостатков расчетных цен относили то, что расчетные цены разъединяли производителей и потребителей, тем самым устранялась возможность воздействия потребителей на производителей. Следует согласиться с Дьяченко В.П., который указывал, что такое положение наблюдалось не только при условии применения расчетных цен. «Всякое оптовое звено, - отмечал Дьяченко В.П., - может стать помехой для воздействия потребителей на производителей. Следовательно, надо так построить данное оптовое звено, чтобы оно в

максимальной степени отражало интересы и потребности потребителей»[68, С. 366].

Некоторые экономисты важным недостатком расчетных цен считали то, что по сути дела дотационный характер расчетных цен не сопровождался, как прямая дотация, соответствующим контролем со стороны финансовых органов[108, С. 171-172]. Устранить указанный недостаток предлагалось с помощью создания хозрасчетных органов-посредников (отраслевых хозрасчетных объединений). Для обеспечения принципов хозяйственного расчета указанным отраслевым объединениям предлагалось строить систему расчетных цен таким образом «...чтобы сумма расчетных цен была ниже суммы оптовых цен»[108, С. 180]. Разница между ними и должна была составить прибыль отраслевых хозрасчетных объединений.

Хозрасчетные объединения, по мнению авторов, будут заинтересованы в увеличении указанной разницы (прибыли) и, следовательно, будут «...проводить активную работу по снижению себестоимости (а параллельно и расчетных цен) на тех предприятиях, где в данный момент расчетная цена ниже средней, где, следовательно, затраты на производство превышают общественно необходимый (средний) уровень»[108, С. 180].

Конечно, дотации, в том числе и в форме расчетных цен должны сопровождаться соответствующим финансовым контролем. Данный принцип соблюдается и в условиях рыночной экономики. Но при этом, мы считаем, что гораздо более серьезным недостатком расчетных цен являлось не отсутствие контроля за использованием средств со стороны финансовых и прочих органов, а именно дотационный их характер. Дотации предприятиям, даже при наличии соответствующего контроля, справедливо критиковались многими экономистами, так как дотационный режим ослабляет заинтересованность предприятий в повышении эффективности производства. Кроме этого, реализация предложений по созданию отраслевых хозрасчетных объединений, едва ли могла привести к снижению себестоимости добычи, так как в угледобывающей промышленности, где в те

годы применялись расчетные цены, добыча угля по ряду месторождений сопровождалась постоянным и объективным ростом затрат на их добычу, что было связано с необходимостью разработки более глубоких пластов или пластов с меньшим содержанием полезного компонента из-за истощения ранее разрабатываемых месторождений, пластов и т.д., залегающих на меньшей глубине или имевших более высокое содержание полезного компонента, что в конечном итоге приводило к постоянному росту оптовых цен на уголь. С другой стороны, сама организация отраслевых хозрасчетных объединений не могла не привести к росту оптовых цен на уголь.

К числу недостатков расчетных цен, относили и то, что в них «...не полностью учитывалось влияние факторов рентного характера»[26, С. 7]. Мы с этим не согласны. В расчетных ценах полностью учитывается влияние не только «факторов рентного характера», но и всех прочих, поскольку основой для формирования расчетных цен использовались индивидуальные затраты на добычу полезных ископаемых. Как известно, себестоимость не всегда отражает влияние только объективных условий хозяйствования, ее уровень находится также и под воздействием необоснованно завышенных затрат, вызываемых недостатками в работе предприятия. Исходя из этого предприятия, в отношении которых применялись расчетные цены, получали возможность покрывать затраты, вызванные недостатками в их работе, так как будучи включенными в себестоимость продукции эти затраты находили свое выражение и в расчетной цене. По этому поводу В.В. Ситнин отмечал, что при использовании расчетных цен любые причины несовпадений индивидуальной и среднеотраслевой рентабельности считаются независимыми от деятельности предприятия, таким образом система расчетных цен учитывает и возмещает все индивидуальные затраты, этим обеспечивается практически полное возмещение любых затрат всех предприятий данной подотрасли или отрасли» [220, С. 156]. Именно, применение для формирования расчетных цен полных индивидуальных затрат на добычу полезных ископаемых являлось основным и главным их

недостатком. Это, видимо и обусловило неудачу в опыте с использованием расчетных цен в ПНР[124, С. 47-48].

Таким образом, при использовании расчетных цен вся прибыль, превышающая установленный средний уровень изымалась для перераспределения независимо от причин, по которым она получена, что снижало заинтересованность в ее максимизации и росте эффективности производства.

К недостаткам применения расчетных цен относили и необходимость организации специального органа-посредника для организации расчетов и также использование сложного механизма расчетов и перерасчетов. В частности, в отраслях добывающей промышленности, при использовании расчетных цен постоянно приходилось проводить сложные перерасчеты сумм, полученных за счет разниц между преysкурантными (оптовыми) и расчетными ценами вследствие отклонений фактических объемов реализации продукции от запланированных.

В то время существовали многочисленные предложения по улучшению методологии определения расчетных цен и организации их применения. Так, выдвигались предложения по установлению одинаковых расчетных цен для предприятий, имеющих близкие природные условия добычи сырьевых ресурсов; дифференцировать их уровень в соответствии с качеством полезных ископаемых и пр., что не могло устранить основной недостаток расчетных цен – их построение на базе полной индивидуальной себестоимости.

Однако, нельзя забывать, что применение расчетных цен возможно только тогда, когда ценообразование в отрасли строилось на основании среднеотраслевых издержек производства (или каким-нибудь другим методом, но не на базе замыкающих затрат), что ограничивает или делает невозможным их использование в рыночных условиях.

Но если будут приняты законодательные меры, обязывающие нефтедобывающие компании разрабатывать все скважины данного

месторождения (лицензионном участке) вне зависимости от рентабельности добычи на каждой из них, с целью обеспечения рационального режима добычи на всем месторождении и недопущения блокирования в недрах запасов сырья. В этих условиях внутри месторождения (лицензионного участка), при условии наличия значительных различий в уровнях рентабельности по отдельным скважинам, могут появиться условия для применения расчетных цен, хотя эта задача может быть решена и путем составления баланса по совокупности нефтегазовых операций.

Другим инструментом перераспределения рентных доходов, целесообразность применения которых широко обсуждалась в условиях плановой экономики, явились полярные платежи.

Полярные платежи по механизму действия были весьма близки к расчетным ценам с той точки зрения, что в основу их действия было положено изъятие доходов у высокорентабельных предприятий и предоставление дотаций низкорентабельным предприятиям через Государственный бюджет страны.

В том случае, если средства аккумулируются в бюджете страны, сложно говорить о внутриотраслевом (или каком либо еще внутрихозяйственном) перераспределении средств. Между тем, предполагалось, что это будет происходить именно так. В уже рассматриваемой нами выше статье А.П. Разуваева «О фиксированных платежах в обрабатывающих отраслях» определение размеров фиксированных платежей в обрабатывающих отраслях, производилось на базе методики, разработанных для добывающих предприятий, что становилось причиной получения для отдельных предприятий значения фиксированных платежей с отрицательным знаком. Тогда предприятие должно было получить дотацию из бюджета вместо выплаты фиксированного платежа. Таким образом предлагалось использовать систему дотаций и платежей - полярные платежи. Которая, по мнению Разуваева А.П. «...Может быть использована для усиления действенности хозрасчета в

низкорентабельных и убыточных отраслях без изменения оптовых цен» [198, С. 32].

Таким образом, в отличие от расчетных цен, применение которых предполагало перераспределение средств внутри группы добывающих предприятий, что могло быть достигнуто лишь при равенстве сумм платежей и дотаций, полярные платежи подразумевают наличие в одной добывающей отрасли и рентных платежей и дотаций.

Предполагалось, что полярные платежи должны были широко использоваться в хозяйственной практике СССР. Так, Субботин М.А. и Матвеев Ю.Ф. отмечают, что в 1989г. в СССР был подготовлен проект «Методических указаний по определению и применению нормативов рентных (полярных рентных) платежей за полезные ископаемые». Как отмечают авторы: «Его окончательное внедрение и принятие затормозило то простое обстоятельство, что в условиях социалистической экономики, которая нормировала затраты труда и обеспечивала производственные предприятия лимитами (нарядами) на получение оборудования, материалов и снаряжения вся получаемая масса дифференциальной горной ренты поступало в распоряжение государства. Последнее не только изымало сверхнормативные доходы, но и дотировало планово-убыточные предприятия»[147, С. 152].

При этом: «Рентные платежи предполагалось ввести для предприятий, у которых в условиях применения установленных (проектируемых) оптовых цен и других экономических нормативов возникает сверхнормативная прибыль (доход) вследствие благоприятных природно-геологических условий производства. Для малорентабельных и планово-убыточных предприятий, эксплуатирующих наименее продуктивные, месторождения, предполагалось введение целевых рентных дотаций. Целевые рентные дотации не применяются для компенсации повышенных затрат предприятий, обусловленных низким организационно-техническим уровнем производства или неосвоенностью проектных мощностей»[147, С. 152].

Рентные платежи предполагалось вносить, а целевые рентные дотации выплачивать из государственного (союзного, соответствующего республиканского или местного) бюджета.

«Нормативы рентных платежей или дотаций должны быть дифференцированными по предприятиям (типам руд, залежам и т.п.) в зависимости от качества полезных ископаемых и значений других природно-технологических факторов, определяющих объективные изменения дохода предприятий»[147, С. 153-154].

Как считали авторы цитируемой работы, использование рентных полярных платежей было необходимо: «...для создания экономических барьеров против выборочной отработки месторождений и других нарушений норм и правил охраны недр и рационального ведения горных работ, в том числе нарушения необходимых соотношений между объемами горноподготовительных и добычных работ, путем обеспечения равной хозрасчетной заинтересованности в разработке разнокачественных участков месторождений (пластов, типов руд, видов сырья)»[147, С. 156].

Как отмечали Субботин М.А. и Матвеев Ю.Ф. «...подготовленный специалистами проект «Методических указаний», во многом опередивший свое время, содержал ряд положений, приемлемых для реализации в современной экономике»[147, С. 153].

С этим мнением согласны Ахпателов Э.А. и Потеряев А.Г.: «...нужно признать, что идея была хорошая: посредством этих платежей и дотаций устанавливались бы экономические барьеры против выборочной отработки месторождений, нарушения норм и правил их эксплуатации»[17].

С этим мнением можно согласиться или нет. Я склонен считать, что в современных условиях дотации из бюджета низкорентабельным добывающим предприятиям с целью установления экономических барьеров против выборочной отработки месторождений, нарушения норм и правил их эксплуатации имеют смысл только в условиях применения плоской шкалы НДС. Достаточно отказаться от ее применения, и экономическая

необходимость в выборочной отработке месторождений и т.д. просто исчезнет.

Еще одним механизмом прямого распределения (а не перераспределения) горной ренты является режим соглашения о разделе продукции. В соответствии с ним государство предоставляет инвестору права на разведку, поиск и добычу нефти и газа на участке недр, записанном в соглашении, и на проведение необходимых для этого работ, в свою очередь инвестор принимает на себя обязательства осуществить указанные работы за счет своих средств, а так же, на свой риск. Указанные исключительные права предоставляются инвестору на определенный срок.

Однако положение, что инвестор принимает на себя обязательства осуществить указанные работы за счет своих средств, не касается геологической информации о недрах. «Так как она находится в собственности государства, оно должно компенсировать инвестору его затраты на получение данной информации. «Однако на практике это означает, что государство должно компенсировать все затраты на поисковые, оценочные и разведочные работы, то есть инвестор, передавая государству информацию о нерентабельном месторождении имеет право на возмещение всех своих затрат, независимо от фактического результата проекта»[255, С. 25].

Кроме этого, соглашение определяет условия, определяющие использование недр и порядок раздела добытой продукции между государством и инвестором в соответствии со статьями, определенными Федеральным законом «О соглашениях о разделе продукции».

При этом в законе отмечено, что условия недропользования, предусмотренные соглашением, должны отвечать требованиям законодательства Российской Федерации.

В соответствии с законом добытое сырье делится между сторонами соглашения, в соответствии с той его частью, где определена доля добытого полезного ископаемого продукции, которая подлежит передаче инвестору

для покрытия его издержек по реализации соглашения и выступает как компенсационная продукция.

В законе установлено, что максимальный уровень указанной продукции не может быть выше 75%, а в случае добычи на континентальном шельфе - 90 % от общего объема добытого полезного ископаемого.

Следует отметить, что перечень издержек, возмещаемых с помощью компенсационной продукции, определяется самим соглашением и законодательством Российской Федерации. В то же время многие экономисты считают, что: «Существенный отрицательный момент соглашения - практически полная возмещаемость затрат при их реализации, отсутствие четкой регламентации видов затрат и порога их ограничения, что ведет к существенному увеличению затрат по проектам и в итоге ухудшает их экономическую привлекательность для российской стороны, отдалает сроки получения прибыли. Необходим жесткий экспертный и аудиторский контроль российской стороны и максимальное ограничение затрат со стороны инвесторов»[57]. Шарифуллина А. Ф. отмечает, что: «...некоторые затраты, которые в ходе обычной предпринимательской деятельности относятся на финансовые результаты или покрываются за счет чистой прибыли инвестора, при реализации СРП относятся к возмещаемым затратам или вычитаются из части прибыльной продукции инвестора, подлежащей налогообложению»[255, С. 18-19]. В.А. Язев считает, что, одним из каналов потерь в ходе реализации СРП – «...недостаточная регламентация того, что может быть признано оправданными расходами инвестора»[265, С. 147]. А завышение расходов и издержек инвестором не может не вести к перераспределению полученных доходов (в том числе и горной ренты) в пользу инвестора. Кстати, у этой проблемы есть совсем простое решение. Как считают многие экономисты, необходимо утвердить перечень нормативов предельно допустимых затрат, которые будут определять ту долю произведенных в данном периоде затрат, которые подлежат компенсации недропользователю.

Рассматривая ситуацию, сложившуюся на Харьягинском месторождении в Ненецком автономном округе – одном из трех в России, разрабатываемых на условиях СРП Н.И. Зерщикова отмечает, «...что его оператор компания «Тотал» в 3–4 раза завышает расходы на освоение месторождения и делает СРП убыточным»[75, С. 78]. При этом «...в технико-экономическое обоснование образца 1992 года разработки Харьягинского месторождения были заложены экономические нормативы затрат на бурение скважин и добычу нефти, уже тогда в два раза превышавшие российские. На основании этого документа в 1999 году был представлен общий объем затрат по ХСРП (на весь период действия), равный 2 млрд. долларов, включая капитальные и эксплуатационные затраты. Однако к настоящему времени общая сумма затрат по ХСРП оценивается оператором уже в 5 млрд. долларов. Фактические затраты на бурение одной скважины превышают российские в 3–4 раза, а себестоимость 1 тонны нефти выше среднероссийской в 2–3 раза» [75, С. 78]. Этот факт подтверждает и Г.Е. Быстров[32, С. 51]. Кроме этого он отмечает: «В соглашении по «Харьяге» записано, что старое оборудование, привозимое из-за рубежа, можно включать в стоимость затрат по цене 50% от стоимости нового оборудования. И вот несколько лет из-за рубежа ввозится металлолом, за который платит Российское правительство» [32, С. 51]. Обе статьи были опубликованы в 2008 году. В цитируемой работе Зерщиковой Н.И. приводятся и другие отрицательные моменты для Российской стороны в отношении реализации СРП: «Иностранная компания - оператор счета открывает в зарубежных банках. Пример – «Сахалин - 2». Зарубежный оператор под предлогом защиты коммерческой информации устанавливает закрытый режим работы, государство в лице местных органов власти и федеральных структур не имеет доступа к рабочим материалам. Операторы проектов не заинтересованы и в увеличении добычи нефти. Закон о СРП предполагает: чем выше отдача пласта, чем больше произведено продукции – тем больше доход государственной стороны. Оператору проекта это

совершенно невыгодно, поэтому он с легкостью научился обходить это препятствие»[75, С. 78].

Кроме этого Зерщикова Н.И. отмечает еще ряд недостатков и направлений совершенствования соглашений о разделе продукции: «В существующем виде СРП стимулирует привлечение зарубежных инвесторов, как того обещали его лоббисты. Получая доходы от разработки месторождения, инвестор сначала полностью возмещает за счет государства-собственника месторождения свои затраты, которые может бесконечно менять в процессе эксплуатации в сторону увеличения. Но привлечение инвесторов не всегда приводит к привлечению инвестиций.

Россия должна учреждать операторов для реализации соответствующих проектов СРП. Положение в Законе о СРП, по которому все нити управления проектами оказываются в руках зарубежных компаний и выводятся из-под контроля России, собственника недр, требует корректировки. Вопрос о том, сколько качается нефти, по какой цене и куда идут деньги от ее реализации, лежит в плоскости наших национальных интересов. Государство должно получить возможность и право контролировать процесс и активно влиять на него, в противном случае разрабатывать углеводородные месторождения на условиях СРП будет ему невыгодно»[75, С. 84].

Зерщикова Н.И. отмечает и нарушения экологических норм в процессе реализации СРП: «В отношении экологических норм (Харьяга) претензии достаточно обоснованные: месторождение осваивается без соблюдения требований экологических норм или просто варварскими методами» [75, С. 84].

То же самое можно сказать и о реализации проекта «Сахалин-2». «Вопреки запретам российских законов токсичные отходы бурения и нефтедобычи на сахалинском шельфе сбрасываются в море, иногда даже без предварительной очистки. Таких отходов иностранными инвесторами на сегодняшний день сброшено уже более 100 тысяч тонн»[32, С. 53].

Однако, в целом, Зерщикова Н.И. считает, что: «Закон «О соглашениях о разделе продукции» требует совершенствования, что не исключает в целом весьма позитивного влияния этого законодательного акта на создание благоприятного инвестиционного климата в такой важной для России отрасли, как добыча и переработка минерального сырья»[75, С. 83].

Наряду с компенсацией инвесторам расходов соглашением предусматривается распределение между сторонами соглашения так называемой прибыльной продукции, которая выступает как добытое полезное ископаемое за минусом доли этого полезного ископаемого, стоимость которого равна сумме НДС, а так же компенсационной продукции за налоговый период.

Вместе с тем, как отмечает В.А. Язев: «При проведении переговоров и заключении СРП допускается значительная свобода действий государственных чиновников, что в условиях России с неизбежностью создает массу проблем, если принять во внимание их неопытность и коррупцию»[265, С. 147].

Так как соглашение о разделе продукции предусматривает возмещение затрат инвестора добытой нефтью, а в дальнейшем прибыльная продукция распределяется между государством и инвестором, причем в основе этого распределения лежит не расчет, а соглашение принятое в процессе проведения переговоров, можно предположить, что соглашение о разделе продукции это, в том числе, и механизм распределения горной ренты между государством и инвестором. Таким образом, СРП это «...экономико-правовой механизм, обеспечивающий оптимальное распределение горной ренты между государством-собственником недр и инвестором при освоении месторождений минерально-сырьевых ресурсов»[13]. С этим согласны Матвеев Ю.Ф. и Субботин М.А.: «Именно в рамках СРП изъятие природной ренты происходит наиболее аккуратным образом» и: «...именно СРП обеспечивает ...гибкость подхода к каждому месторождению» [147, С. 47]. То же самое и почти дословно подтверждает Крюков В.А. и Токарев А.Н.:

«СРП обеспечивает гибкость подхода к каждому месторождению – разрыв в уровне рентабельности по семи сахалинским проектам почти 7 раз»[117, С. 91]. С мнением, что соглашение о разделе продукции обеспечивает именно оптимальное распределение горной ренты можно не согласиться. Ведь срок действия СРП не один десяток лет, и если на момент заключения соглашения предусмотренные в нем пропорции распределения горной ренты и были оптимальными, то за время действия СРП они могут измениться хотя бы за счет снижения качества сырья на завершающих стадиях освоения месторождения. Кроме этого, как уже отмечалось, вся горная рента должна изыматься в пользу государства - собственника недр. Хотя конечно, соглашение о разделе продукции является, в первую очередь механизмом привлечения инвестиций, для разработки месторождений и государство, в данном случае само должно определять приоритеты в данном вопросе.

В настоящее время являются действующими три из четырех заключенных соглашений о разделе продукции. При этом большинство экономистов считает их выполнение неэффективным, а цели, которые должны решаться в ходе реализации СРП – недостижимыми. Так, «...привлечение инвестиций по заключенным СРП идет гораздо меньшими темпами, чем ожидалось. Это касается и сроков и объемов инвестиций. Доходы федерального бюджета от реализуемых СРП крайне низки. Механизм СРП стимулирует инвесторов к завышению издержек и фактически не предусматривает ответственности инвесторов за объемы привлекаемых в проекты ресурсов»[265, С. 147].

В экономической литературе встречаются, в основном, мнения по вопросу о значении режима СРП для Российской экономики, как средства привлечения масштабных инвестиций в нефтедобывающую отрасль. Так, Кимельман С. считает, что: «Российская модель соглашения о разделе продукции во многом устарела, она не приспособлена к текущей экономической ситуации в стране, особенностям законодательства о недрах,

инвестиционного и налогового законодательства, что делает ее неконкурентоспособной на мировом рынке инвестиций»[96].

Широко обсуждаются в специальной литературе и перспективы развития режима СРП в нефтедобывающей промышленности России. Одни считают, что «решение возникающих здесь проблем не обязательно искать в том, что бы отказаться от этого режима. Необходимо учесть допущенные здесь ошибки...»[265, С. 147]. В то же время Бобылев Ю.Н. считает, что «...стабильные экономики, такие как экономика США, Великобритании, Австралии, вообще не имеют контрактов с разделом продукции. Все охватывается законодательством, и ничего не подлежит переговорам»[29, С. 34]. Такой же позиции придерживается и Д.Р. Белоусов[23, С. 45]. В связи с этим, развитие СРП должно быть свернуто и завершено выполнением уже действующих соглашений. То есть, как указывает С. Киммельман: «...отменить применение Закона «О соглашениях о разделе продукции» на новых участках недр, сохранив его лишь для трех действующих проектов - «Сахалин-1», «Сахалин-2», Харьягинское нефтяное месторождение»[96].

Наиболее последовательно данной точки зрения придерживаются А.П. Рязанцев и А.Н. Явдолук: «...данный инструмент не применяется в сфере высокотехнологических производств или на территории стран, претендующих на постиндустриальный статус.... аргументация в дискуссиях относительно СРП основывается на опыте, и порой успешном, развивающихся стран. Очевидно, что подобного рода аргументация не применима к условиям России. Страна, обладающая практически полным набором современных технологий, не может быть отнесена к разряду развивающихся, поэтому примеры из практики последних имеют для нее лишь некоторую иллюстрационную ценность, не более»[211, С. 24].

Возможно, данную точку зрения о России, как о стране обладающей практически полным набором современных технологий, нельзя признать полностью корректной. Но при этом причислять экономику России к числу развивающихся, абсолютно неверно.

Но с другой стороны следует помнить, что первый «...проект Россия вынуждена была заключить в условиях безденежья, когда у российских компаний не было финансовых возможностей осваивать богатые месторождения Сахалина»[32, С. 50]. Кроме этого нельзя забывать, что «по мере исчерпания запасов в старых провинциях в связи с усложнением освоения и разработки новых месторождений в новых районах, ...вопросы привлечения реальных прямых инвестиций выходят на первый план. Более того, освоение новых районов – таких как шельф о-ва Сахалин, п-ов Ямал, низовье Енисея, шельф Баренцева моря, проекты освоения месторождений в Восточной Сибири – невозможно и нецелесообразно осуществлять за счет собственных средств российских компаний»[117, С. 87]. При этом: «Экономической основой развития российской Арктики должны стать долгосрочные инвестиционные проекты по освоению крупных минеральных и топливно-энергетических ресурсов»[247, С. 77]. То есть значительная часть используемых в 90-е годы и в настоящее время месторождений находились или были близки к завершающим стадиям добычи, и до полного их истощения срочно надо было разрабатывать новые крупные месторождения, что занимает достаточно длительный период и только за счет средств Российских компаний осуществить эти проекты невозможно.

Как отмечает Г. Сагитдинова: «Новые проекты по добыче углеводородов на месторождениях, находящихся на значительном расстоянии от рынков потребления, требуют, как правило, не менее 10 - 15 лет для освоения месторождения и вывода его на уровень промышленной добычи и. При этом, затраты по таким проектам составляют миллиарды долларов при рентабельности инвестиций 12 - 15%»[212, С. 188]. Среди властных структур по вопросу о реализации проектов на условиях режима СРП в настоящий момент существуют два мнения: Иллюстрацией может служить, например, различие позиций двух федеральных министерств – Минфина и Мипромэнерго. «Позиция Минфина состоит в том, что условия СРП должны

применяться лишь при отсутствии интереса к месторождениям на обычных условиях. В то же время Минпромэнерго в результате правительственной реорганизации вернуло себе полномочия по организации СРП и заявляет о необходимости возобновить широкое использование СРП»[117, С. 92].

Оценивая роль СРП, как средство привлечения масштабных инвестиций для реализации крупных нефтегазовых проектов, необходимо помнить, что «подготовка соглашений началась в 1992 г. и значительно активизировалась на основе Указа Президента РФ от 24 декабря 1993 года «Вопросы соглашений о разделе продукции при пользовании недрами». Его действие было рассчитано на период до вступления в действие законов Российской Федерации, регламентирующих порядок применения таких соглашений»[32, С. 49].

При чем «Соглашение («Сахалин-1» - авт.) было подписано за полтора года до принятия закона о соглашениях о разделе продукции, и естественно в нем не нашли отражения положения закона 1995 года. Соглашение «Сахалин-1» было подписано в период, когда закон о соглашениях о разделе продукции уже прошел первое чтение в Государственной Думе РФ и большинство законодательных положений в нем также не нашло отражения. ...Такая спешка с подписанием Соглашений Правительством Гайдара и сменившего его Правительством Черномырдина объясняется тем, что заключались они в трудное с экономической точки зрения для России время, когда экономика России находилась в кризисном состоянии, иностранные инвестиции практически не поступали в Россию. Однако в настоящее время с позиции сегодняшнего дня они не отвечают экономическим интересам России»[32, С. 50].

Следствием чего, является положение, при котором «...в п.1 ст. 2 ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» содержатся расплывчатые и неоднозначные формулировки, которые позволяют инвесторам злоупотреблять относительно норм и размеров возмещаемых затрат и

наносить ущерб экономическим интересам Российской Федерации»[32, С. 51].

Кроме этого: «Только за последние пять лет Правительство РФ поручало контроль реализации соглашений о разделе продукции поочередно трем министерствам: Министерству топлива и энергетики Российской Федерации, Министерству экономического развития и торговли Российской Федерации, Министерству промышленности и энергетики Российской Федерации. При этом контроль за реализацией Соглашения осуществляет также Министерство финансов РФ. В Положениях о Министерствах отсутствуют полномочия по координации контроля соглашений о разделе продукции. Во всех других странах, использующих соглашение о разделе продукции, существуют единые государственные органы, координирующие деятельность аналогичных проектов»[32, С. 53].

Таким образом, как видно из приведенных данных, реализуемые в настоящее время соглашения готовились и заключались в большой спешке, документы не охватывали всей полноты сложных вопросов и проблем по реализации соглашений. Не был должным образом налажен контроль за реализацией соглашений. Кроме всего прочего, в России просто не было опыта реализации подобных проектов.

Кроме этого, «...инвестиционный климат в нефтегазовом секторе России можно охарактеризовать как неблагоприятный с точки зрения реализации капиталоемких долгосрочных проектов, связанных с проведением геологоразведочных работ и освоением новых месторождений (особенно в новых районах, где требуются повышенные затраты на сооружение инфраструктурных объектов и велики геологические риски)... Вместе с тем исчерпание ресурсов в традиционных районах добычи нефти и газа вызывает необходимость освоения и разработки новых месторождений, расположенных в неосвоенных районах (например, шельф северных и дальневосточных морей, а также Восточная Сибирь). Это обстоятельство во все большей степени будет побуждать органы власти менять

инвестиционный климат в направлении учета особенностей реализации долгосрочных и капиталоемких инвестиционных проектов (например, проекты в нефтегазовом секторе)»[117, С. 97].

По нашему мнению Россия в дальнейшем не должна отказываться от использования СРП. Необходимо только продумать и подготовить все возможные вопросы (законодательные и регламентирующие документы; организация всех видов контроля; процедуры разрешения споров и конфликтов и т.д.). Все необходимые предпосылки для этого есть. В стране накоплен достаточный опыт реализации первых соглашений, который позволит устранить все недочеты первых документов и положений по СРП от перечня возмещаемых затрат до экологической безопасности реализации СРП. Кстати, как отмечено выше, ни Минфин, ни Мипромэнерго не отказываются от заключения новых СРП, разногласия относятся лишь к условиям, в которых они могут применяться.

В связи с чем, следует прислушаться и согласиться с мнением Федерального агентства по энергетике, которое считает: «Если государство хочет всерьез развивать новые месторождения, то оно объективно будет вынуждено вернуться к СРП»[117, С. 93].

Другим аргументом в пользу развития СРП является то, что «оцениваемая в треть от мировой минерально-сырьевая база России привлекла не более 0,3% от суммы мировых инвестиций»[185, С. 50].

В настоящее время в области развития СРП открылись совершенно новые масштабные возможности в связи с перспективой освоения природных богатств Арктики. Как отмечает Н.И. Зерщикова: «В последнее время заметно осложнился международный диалог, связанный с перспективой освоения природных богатств Арктики. Никакой отдельно взятой стране, даже самой мощной по своему экономическому потенциалу, не под силу реализовать программу освоения этого чрезвычайно

сложного и экологически чувствительного региона. Колоссальные возможности для международного сотрудничества стран предоставляет пространство российского шельфа северных морей»[76, С. 93].

При этом особое значение приобретают «Особенности освоения углеводородных ресурсов арктического шельфа:

1. суровые природно-климатические условия и сложная ледовая обстановка арктических морей требует создания специальных технических средств для поисков, разведки и разработки морских месторождений;

2. в арктических регионах практически полностью отсутствует необходимая береговая инфраструктура, создание которой требует привлечения многомиллиардных инвестиций;

3. для ввода разведанных месторождений в промышленный оборот требуется создание транспортной системы. Наиболее эффективным способом транспортировки нефти является ее танкерный вывоз. Учитывая сложные ледовые условия арктических акваторий, необходимо строительство дорогостоящих танкеров ледового класса. В случае трубопроводного транспорта, вследствие отдаленности арктических бассейнов от потребителей – транспортная система сможет обеспечивать рентабельную прокачку нефти и газа лишь при определенных, экономически оправданных объемах. Причем по мере возрастания длины трубопровода минимально оправданные объемы прокачки увеличиваются» [76, С. 94].

Среди рассматриваемых возможных проектов «особую ценность представляют высокорентабельные ресурсы нефти, объем которых оценивается в 410 млн. тонн. Эта группа ресурсов прогнозируется в Печорском море, что позволяет его рассматривать в качестве приоритетного для освоения»[76, С. 94].

Возможно, освоение арктических месторождений нефти и газа откроет новую страницу в развитии отечественных соглашений о разделе продукции.

Выводы

1. Анализ использовавшихся налоговых инструментов изъятия рентных доходов, как в советское время (фиксированные (рентные) платежи), так и современных, как отечественных, так и зарубежных систем налогообложения недропользователей позволил автору сделать вывод о том, что среди указанных инструментов и систем отсутствуют налоги, размеры которых напрямую связаны с конкретными условиями добычи на соответствующих месторождениях и качеством извлекаемого сырья, то есть главное назначение которых – изъятие горной ренты. При этом, российский механизм налогообложения недропользователей, с точки зрения перечня используемых налогов, почти не отличается от механизмов налогообложения недропользователей других стран, однако указанные механизмы налогообложения содержат многочисленные льготы, при этом ставки основных налогов дифференцированы. Несмотря на это, используемые сегодня системы налогообложения недропользователей не гарантируют изъятия всей массы горной ренты в бюджет государства, потому что определение указанных налогов основывается не на учете объективных природных условий добычи и качества сырья, а даже в случае дифференциации ставок показателей, в их основе лежат экономические показатели, на уровень которых могут оказывать влияние недропользователи, с целью снижения налогооблагаемой базы. В связи с вышесказанным, концепция реформирования изъятия дифференциальной горной ренты должна основываться на учете конкретных природных условий добычи и качества полезных ископаемых или показателей, их отражающих.

2. Использование инструментов перераспределения горной ренты для того чтобы с помощью их использования в современных условиях «...устанавливались бы экономические барьеры против выборочной отработки месторождений, нарушения норм и правил их эксплуатации»[17] путем предоставления дотаций из бюджета низкорентабельным добывающим предприятиям имеет смысл только в условиях применения плоской шкалы

НДПИ. Достаточно отказаться от ее применения, и экономическая целесообразность в выборочной отработке месторождений и т.д. просто исчезнет.

3.Соглашение о разделе продукции выступает механизмом распределения горной ренты между инвестором и государством. Первые соглашения готовились и заключались в большой спешке, документы не охватывали всей полноты сложных вопросов и проблем по реализации соглашений. Не был должным образом налажен контроль за реализацией соглашений. Кроме всего прочего, в России просто не было опыта реализации подобных проектов. Все это приводило к тому, что реализуемые соглашения оказывались малорентабельными или убыточными для Российской стороны.

По нашему мнению Россия в дальнейшем не должна отказываться от использования СРП. Необходимо только продумать и подготовить все возможные вопросы (законодательные и регламентирующие документы; организация всех видов контроля; процедуры разрешения споров и конфликтов и т.д.). Все необходимые предпосылки для этого есть. В стране накоплен достаточный опыт реализации первых Соглашений, который позволит устранить все недочеты первых документов и положений по СРП от перечня возмещаемых затрат до экологической безопасности реализации СРП.

4. Рента на макроуровне и построение механизма изъятия в бюджет горной ренты

4.1 Доказательство возможности расчета горной ренты на макроуровне и разработка условий использования полученных результатов для оптимизации налоговой нагрузки на соответствующем уровне

В недропользовании доходы рентного характера подразделяются на природную (горную) ренту (которая в свою очередь включает в себя абсолютную и дифференциальную ренту I и II) и квазиренту. При этом следует отметить, что в современных условиях весьма трудно, а может быть и невозможно отделить дифференциальную ренту II от квазиренты. Некоторые экономисты, как это было показано ранее, считают, что в современных условиях дифференциальная рента II приняла вид квазиренты. Следует отметить, что, так как данные рентные доходы имеют единых собственников и сходные причины образования, это мнение, по всей видимости, достаточно обоснованно.

Природная (природно-ресурсная) рента - это совокупная рента (земельная, горная, лесная, рыбная, транспортная, туристическая и т.д.) [37, С. 11], объединяющая не зависящие от деятельности производителей доходы, возникающие при реализации невозполнимых или трудновосполнимых естественных природных ресурсов. Так, земельная рента это не зависящий от сельскохозяйственной деятельности производителей доход от продажи сельскохозяйственной продукции с одинаковых по площади, но разных по плодородию участков земель, и определяемая как разность между доходами с худших (замыкающих), по плодородию участков земли и относительно лучших. При этом цена, определяющая размер земельной или горной ренты строится на базе замыкающих затрат.

Квазирента – это доход от использования более совершенных машин, оборудования и пр. В общем случае, это доход от деятельности

производителя, направленной на повышение технологического, организационного, управленческого, информационного и пр. уровней добычи или производства. Права собственности на квазиренду принадлежат, в основном, производителю (владельцу предприятия). В отличие от природной ренты, квазиренда не столь долговечна. Это связано с тем, что имея общую природу, квазиренда не имеет под собой такого прочного базиса, как земельная рента, которая «...имеет над собой такую солидную и относительно прочную основу, как различные степени естественного плодородия различных категорий земель»[142, Т. 30. Ч. I. С. 220].

Дифференциальная горная рента - это доход, не зависящий от хозяйственной деятельности добывающих предприятий, образующийся при продаже сырьевых ресурсов. Размеры горной ренты для данного месторождения зависят только от природных параметров добычи сырьевых ресурсов на месторождении и выступают как разность между себестоимостью добычи сырьевых ресурсов данного месторождения, рассчитанной исходя из замыкающих затрат и затрат конкретного месторождения. Такой позиции, в современных условиях, придерживается большинство экономистов. Так, Петраков Н.Я. и Козерская Н.С., раскрывая взгляды В.В. Новожилова в области ценообразования, писали, что «...ставки ренты устанавливаются исходя из уравнения издержек на относительно лучших природных ресурсах по производству продукции (включая ренту) с издержками в наименее благоприятных условиях производства»[180, С. 134].

Определение основных частей и видов рентных доходов необходимо для целей данного исследования, так как, и сейчас мы часто сталкиваемся с попытками подмены горной ренты другими рентными доходами или с другими трактовками ее содержания и сущности, что, конечно влияет на методологию расчета величины горной ренты и на ее общую величину.

Некоторые экономисты считают, что расчеты величины природно-ресурсной (горной) ренты на макроуровне невозможны. Так, Ложникова А.В. отмечает «...невозможность решения задачи точного измерения нормы и

массы ренты на макроуровне с целью расширения ее дальнейшего изъятия» [131, С. 9]. С. Киммельман и С. Андрюшин отмечают: «...дискуссии вокруг количественного расчета горной ренты лежат в макроэкономической плоскости. Однако на этом уровне, на наш взгляд, ренту рассчитать нельзя» [92, С. 40]. Далее С. Киммельман и С. Андрюшин указывают на то, что «... макроэкономические показатели носят в основном декларативный, бездоказательный характер. Они настолько агрегированы, что при расчете горной ренты приводят к серьезным ошибкам. Собственно говоря, в указанных расчетах определяется не горная рента, а некий избыток прибыли» [92, С. 41]. Кстати, там же С. Киммельман и С. Андрюшин утверждают, что «...существующая налоговая нагрузка на нефтяную отрасль близка к предельной» [92, С. 41] и возможности ее увеличения равны 0. Сотрудники топливно-энергетического независимого института (ТЭНИ) Н.А. Волынская и С.С. Ежов считают, что рента «...определяется только по объектам разработки, а не по отрасли в целом» [40, С. 60].

Но если рента существует на уровне месторождений, то на уровне отрасли рента существует как сумма указанных рент. Исходя из этого попробуем доказать, что расчеты ренты могут достаточно точно производиться и на макроуровне и попробуем выявить необходимые условия, при которых результаты этих расчетов могут быть использованы для определения максимально возможных сумм ее изъятия в Федеральный бюджет и бюджеты субъектов РФ. Тем более, что определение возможности увеличения налоговой нагрузки действительно необходимы. А.А. Карветская и Г.Б. Морозов утверждают, что государство и нефтяные компании России разделили горную ренту в нефтедобыче «...примерно поровну. А в мире, причем в разных странах — от Латинской Америки до Норвегии — государство в среднем изъяло две трети дохода, и треть оставило компаниям. Поэтому с позиций международных сравнений и у нас есть определенная возможность увеличения налоговой нагрузки сырьевых отраслей, хотя она весьма ограничена. При нынешних благоприятных

ценах предел дополнительного изъятия из нефтяной промышленности — максимум 3–5 млрд. долл. в год»[89, С. 41]. А если учесть, что не треть, а вся сумма горной ренты должна поступать в бюджет государства, то суммы возможного дополнительного изъятия из доходов нефтяной отрасли могут быть значительно выше.

Пусть величина горной ренты данного месторождения определяется по следующей формуле:

$$P_1 = (Z_1 - Z_3) \times V_1,$$

Где: P_1 - величина горной ренты данного месторождения;

Z_1 - фактические затраты на добычу одной тонны (барреля) нефти на данном месторождении;

Z_3 - замыкающие затраты добычи одной тонны (барреля) нефти;

V_1 - объем добычи нефти данного месторождения в тоннах (баррелях);

Тогда величина горной ренты на макроуровне (в нефтяной компании или по нефтедобывающей промышленности РФ) будет рассчитываться по следующей формуле:

$$P_p = (Z_1 - Z_3) \times V_1 + (Z_2 - Z_3) \times V_2 + \dots + (Z_i - Z_3) \times V_i,$$

Если мы раскроем скобки в данной формуле, то получим ее в следующем виде:

$$P_p = Z_1 V_1 - Z_3 V_1 + Z_2 V_2 - Z_3 V_2 + \dots + Z_i V_i - Z_3 V_i,$$

$$\text{Или: } P_p = Z_1 V_1 + Z_2 V_2 + \dots + Z_i V_i - Z_3 V_1 - Z_3 V_2 - \dots - Z_3 V_i,$$

Как видно из данной формулы, сумма $Z_1 V_1 + Z_2 V_2 + \dots + Z_i V_i$ – будет представлять суммарные затраты на добычу нефти по нефтедобыче в целом, а сумма $Z_3 V_1 + Z_3 V_2 + \dots + Z_3 V_i$ – будет представлять собой ту же самую величину суммарных затрат на макроуровне, но исчисленных исходя из условий и затрат замыкающего месторождения. Тогда данную формулу можно представить таким образом:

$$P_p = Z_3 V_p - Z_p,$$

Где: P_p – величина горной ренты на макроуровне;

V_p – объем добычи нефти на макроуровне;

Z_p – фактические затраты на добычу нефти на макроуровне.

В практике определения размеров дифференциальной горной ренты с целью определения максимальных размеров ее возможного изъятия целесообразно сначала проводить расчеты на макроуровне. Если расчеты покажут, что горная рента изымается в бюджет не полностью, то необходимо проводить ее расчеты на микроуровне и доводить размеры изъятия до рассчитанных величин.

Сегодня общие нормативные затраты на добычу нефти с учетом используемой на каждом месторождении технологии добычи по России или отдельной нефтяной компании определить практически невозможно. В статистических и прочих отчетах такие данные не приводятся, а просуммировать затраты на добычу по всем добывающим компаниям (включая средние и малые предприятия) по всем добывающим регионам нельзя, просто из-за отсутствия таких данных. Однако статистические службы РФ свести указанные данные по затратам, несомненно, могут. Пересчитать затраты на добычу всей добытой нефти исходя из условий замыкающего месторождения совсем не сложно. Тогда, определив величину горной ренты по нефтедобыче или отдельной компании в целом, и сравнив ее с суммами налогов, ориентированных на изъятие горной ренты, можно определить соответствует ли сумма рассчитанной ренты сумме сегодняшнего изъятия. А если не соответствует, то на какую величину возможно увеличить сумму изъятия ренты на отрасль или отдельную нефтяную компанию. Делать же вывод о том, что на макроуровне дополнительной горной ренты нет и быть не может, как это делают С. Киммельман и С. Андрюшин на основе бюджета отрасли представляется не совсем справедливым, так как любое производство, тем более которое так нуждается в инвестициях, способно свести к нулевой рентабельности любой уровень доходов.

Исходя из вышесказанного, для примера, проведем расчеты суммарных размеров горной ренты по крупной нефтяной компании «ЛУКОЙЛ», исходя

из замыкающих (фактических худших) и удельных затрат на добычу нефти. Одна тонна нефти Urals (“Уральская”) при плотности в градусах API – 31-33 и содержании серы в 1,3% составляет 7,240- 7,329 барреля, для нефти Siberian Light (“Сибирская легкая”) при плотности в градусах API – 35-36 и содержании серы в 0,6% составляет 7,418- 7,463 барреля[221]. Усреднённый коэффициент пересчета из тонн в баррели в группе «ЛУКОЙЛ» равен 7,33 бARR./т.[11]. Насколько это соответствует действительности, определить достаточно сложно. В Казахстане используется другой коэффициент пересчета: «Я всегда задавался вопросом, откуда правительство брало резервы и якобы шло нам на уступки. Оказывается, все дело в простой арифметике. У Минэкономики при расчетах тонна нефти равняется 6,3 барреля. Хотя фактически в одной тонне 7,3 барреля! Отсюда вы ежегодно не докладываете в рост ВВП свыше 1 миллиарда долларов. Когда мы на согласительной комиссии будем просить дополнительные деньги, вы их отсюда потихонечку вытаскиваете и скажете, что это доход. А это означает, что Минэкономики, на мой взгляд, элементарно пытается обмануть парламент!» - возмущается казахстанский депутат»[60]. При этом «...ряд солидных зарубежных изданий исходит из того, что в тонне российской нефти в среднем содержится 7,35 - 7,36 барреля. Однако этот показатель является среднеарифметическим, а не средневзвешенным между "уральской" и "сибирской легкой" и не учитывает реального соотношения объемов их экспорта. Наиболее часто для упрощения расчетов российскую нефть пересчитывают из системы в систему с коэффициентом 7,3 барреля на тонну, поскольку количество экспортируемой Siberian Light далеко отстает от популярной нефти Urals ("Тренд")»[60]. Кстати, для проведения обоснованных расчетов данный вопрос должен быть решен однозначно в законодательном порядке. Что же касается средних затрат добычи барреля нефти в России в 2011 году, то здесь разброс в оценках, так же, достаточно велик. Так, три источника утверждают, что затраты добычи барреля нефти в РФ в 2011 году составили 2,95 доллара на баррель нефти. Себестоимость

добычи включает в себя: расходы оплату труда, на электроэнергию и материалы, текущий ремонт и транспортировку нефти до нефтепроводов[153]. В комментариях к публикации «Эпоха дешевой нефти закончилась» отмечается, что себестоимость добычи нефти на большинстве месторождений — 1-3 доллара за баррель[261] (в 2011 году – авт.). В публикации «Черное золото как индикатор мировой экономики» отмечается: «Эра дешевой нефти прошла, и себестоимость добычи растет стремительными темпами каждый год. Средняя стоимость добычи в традиционных регионах (например, в России) может составлять от четырех до семи долларов за баррель»[250] (в 2011 году – авт.). Как я уже отмечал, в 2008 году средневзвешенные затраты добычи барреля нефти в России составили 4,05 доллара, а в 2002 году средние затраты на добычу – 7,05 доллара[234]. Однако в этой же публикации упоминается другая оценка: «Однако, как утверждает депутат Госдумы Евгений Ищенко, проанализировав годовые отчеты нефтяных компаний, он обнаружил, что себестоимость добычи нефти существенно ниже - \$ 1,3 за баррель»[234]. По мнению Джулиана Ли (Центр глобальных энергетических исследований, Лондон), себестоимость добычи барреля нефти в РФ в 2002 году – 2,7\$[234]. В этой же подборке приводится сообщение тогдашнего министра природных ресурсов Ю. Трутнева о том, себестоимость одной тонны извлекаемой нефти в России увеличилась до 300 рублей в 2006 году по сравнению с 50 рублями в 2004 году. «Забавно, откуда появились такие цифры в 2 доллара, причем за тонну!!!», удивляется автор[234]. А если вспомнить, что одна тонна составляет приблизительно 7,35 барреля при соответствующей температуре и плотности нефти, то себестоимость добычи барреля нефти в РФ в те времена составляла менее 30 центов. И тут же приводится мнение аналитического издания «Нефть и капитал» о том, что себестоимость барреля российской нефти в 2000 году приблизилась к 10 долларам. «В общем – кто в лес, кто по дрова. Истина (если она и есть) скрыта весьма глубоко», – подводит итог автор[234]. В другой публикации говорится: «Мировые цены на нефть узнать

нетрудно, они ни для кого не секрет. Труднее понять, во что обходится нефть тем, кто ее добывает, и как они "химичат" с налогами»[212].

Тогда проведем расчеты горной ренты в нефтяной компании «ЛУКОЙЛ» по формуле, преобразованной из формулы 4.6 по имеющимся данным:

$$P_r = V_r \times (Z_z - Z_p),$$

где:

P_r – годовая горная рента по компании «ЛУКОЙЛ»;

Z_z – замыкающие (фактические худшие) затраты на добычи барреля нефти;

Z_p - удельные затраты добычи барреля нефти по компании в целом;

V_r - добыча нефти по компании за год в баррелях.

Самые высокие затраты добычи барреля нефти по России за 2011 год составили 7,3\$ за баррель[215].

Расчеты проведем, исходя из того, что добыча нефти группой «ЛУКОЙЛ» на территории России в 2011 году составила 84 966 тыс. т, а добыча нефти по международным проектам группой «ЛУКОЙЛ» составила 5951 тыс. т.[172]. Итого общий объем добычи составил 90927 тыс. тонн и удельные затраты на добычу углеводородов - 4,70 доллара за баррель[11]. Как уже отмечалось, усреднённый коэффициент пересчета из тонн в баррели в группе «ЛУКОЙЛ» равен 7,33 барр./т.[11] Тогда объем горной ренты при добыче нефти по группе «ЛУКОЙЛ» за 2011 год составит:

$$P_r = 90927000 \times 7,33 \times (7,3 - 4,7) = 17298800$,$$

Как видно из расчетов, годовой объем горной ренты при добыче нефти по группе «ЛУКОЙЛ» в 2011 году составил 17млн. 298тыс. 800 долларов.

К сожалению, проведенный расчет не позволяет сделать вывод о том, как соотносятся горная рента по группе «ЛУКОЙЛ» с величиной налогов, призванных изымать ее (НДПИ) и возможно ли увеличение налоговой нагрузки по группе «ЛУКОЙЛ» за счет дополнительного изъятия горной ренты. Это связано с тем, что основой цены на нефть являются вовсе не

замыкающие затраты и строятся они по совсем другому принципу. Если мы сравним данные о затратах на добычу углеводородов и суммы выплаченного налога на добычу полезных ископаемых, то получим неожиданные результаты. В Таблице 2 представлены затраты на добычу углеводородов по группе «ЛУКОЙЛ», и суммы налога на добычу полезных ископаемых, выплаченные группой «ЛУКОЙЛ».

Таблица 2

Затраты на добычу углеводородов
и выплаченные суммы НДС по группе «ЛУКОЙЛ»

	Затраты на добычу млн.долл.	НДС млн.долл.	Разность (3)-(2) млн.долл.	Отношение, (2)/(3), %	Средние за квартал затраты на добычу млн.долл.	Средний за квартал НДС млн.долл.	Разность (7)-(6) млн.долл.
2008	3 208	12 267	9 059	26,15	802	3 067	2 265
2009	2 787	5 452	2 665	51,12	697	1 363	666
2010	3 241	7 864	4 623	41,21	810	1 966	1 156
2011	3 540	11 594	8 054	30,53	885	2 899	2 014
1 кв 2012	906	3 140	2 234	28,85	906	3 140	2 234

Как видно из данных таблицы 2[172; 11], суммы, налога на добычу полезных ископаемых, выплаченные группой «ЛУКОЙЛ» значительно превышают суммы затрат на добычу углеводородов (в несколько раз) и сумма затрат на добычу углеводородов составляет от 26,15% до 51,12% от соответствующей суммы НДС. Это наглядно показывает, что установленная ставка НДС не имеет никакого отношения к реальным размерам горной ренты, значительно повышает цены на сырую нефть и нефтепродукты. Все это делает величину горной ренты и сумму НДС на сырую нефть несопоставимыми.

Это мнение подтверждается расчетами, основанными на данных, приведенных в «Анализе руководством Компании («ЛУКОЙЛ» - авт.)

финансового состояния и результатов деятельности». В указанном документе приводятся данные о том, что средняя цена продаж нефти на внутреннем рынке составила в первом квартале 2011 года 49,93 долл./барр[11]. Усреднённый коэффициент пересчета из тонн в баррели в группе «ЛУКОЙЛ» равен 7,33 барр./т.[11] Если принять курс доллара в тот период, равным 30 руб. за долл., то цена тонны нефти составит: $49,93 \times 30 \times 7,33 = 10979,61$ руб/т.

Если же провести расчет цены нефти, исходя из того, что она состоит из суммы замыкающих затрат и нормальной прибыли, то итог будет иным. В 2011 году самые высокие (замыкающие) затраты на добычу барреля нефти составили 7,3\$ за баррель[212]. Пусть нормальная прибыль будет обеспечивать уровень рентабельности в 20%. Исходя из этого цена тонны нефти будет равна: $7,3 \times 30 \times 7,33 \times 120 / 100 = 1926,32$ руб/т. Таким образом, сегодняшняя цена завышена более чем в 5 раз по сравнению с ценой, которая должна обеспечивать все потребности нефтедобывающего предприятия, потому что в ее основе заложены самые высокие затраты на добычу нефти. Значительное влияние на такой уровень сегодняшних цен на нефть оказала высокая налоговая нагрузка. Так, выручка от реализации нефти и газа составила по группе «ЛУКОЙЛ» в 2011 году 25232 млн.долл. в России и 2656 млн. долл. за рубежом (итого 27888 млн.долл.). НДС за тот же период - 11594 млн.долл. (без налога на прибыль, но вместе с прочими налогами - 12918 млн.долл.). Из указанных налогов только НДС полностью корреспондируется с добычей углеводородов, остальными облагаются все прочие виды деятельности. Но один НДС составляет 41,57% в выручке от реализации нефти и газа (налог на прибыль - 11,81%). Данные по реализации нефти и газа и по налогообложению компании взяты из «Отчета о деятельности 2011»[172].

Следует отметить, что в разных компаниях наблюдается различные соотношения между затратами на добычу углеводородов и выплаченными суммами НДС. В рисунке 1 приложения 4 представлены

аналогичные данные по компании «Роснефть». Как видно из данны рисунка 1 приложения 4 затраты на добычу углеводородов в компании «Роснефть» превышают выплаченные суммы НДС и составляют от 168 до 204% от них. Это еще раз показывает, что установленная ставка НДС не имеет никакого отношения к реальным размерам горной ренты, а соотношение между ними определяется природными условиями добычи на преобладающих по объемам добычи месторождениях.

Для того, что бы расчеты горной ренты на макроуровне могли быть использованы для определения максимально возможных сумм ее изъятия в Федеральный бюджет РФ необходимо соответствующее изменение системы ценообразования в нефтедобывающей отрасли. Основой рыночных цен на нефть должны стать замыкающие затраты плюс нормальная для данной отрасли прибыль. Тогда цены на сырую нефть станут соответствовать нормальному, естественному для условий России уровню, а не стремиться, как сейчас, к мировому уровню указанных цен.

4.2 Построение механизма изъятия в федеральный бюджет горной ренты

Сегодня значение применяемой системы налогообложения нельзя недооценить. Она определяет доходную часть Федерального и местных бюджетов; инвестиционный климат в РФ; влияет на финансовые возможности хозяйственных органов в области технологического и технического перевооружения и пр.

Именно поэтому Курушина Е.В. считает налоговый режим (наряду с прочими) важнейшим фактором, характеризующим инвестиционную привлекательность нефтегазовых регионов. Указанные данные были получены путем тестирования специалистов с целью ранжирования факторов инвестиционной привлекательности нефтегазовых регионов[72]. Результаты указанного ранжирования представлены в таблице 3.

Таблица 3

Фактор	Рейтинг
Налоговый режим	1
Возможность и надежность транспортировки сырья	2
Геологическая изученность	3
Потенциал крупных месторождений	4
Экономическая стабильность	5
Наличие местной связи	6
Политическая обстановка	7

Данные таблицы 3 показывают первостепенное значение налогового режима с позиции инвестиционной привлекательности (привлечения инвестиций с целью развития нефтегазового комплекса экономики). При этом важнейшими параметрами, характеризующими налоговую систему, выступают: объекты налогообложения, количество и назначение используемых налогов, ставки налогов, величина общего налогового изъятия (суммарная налоговая нагрузка), наличие и ставки налоговых льгот,

Но в соответствии с целью данного исследования нами будут рассматриваться только налоговые рычаги изъятия дифференциальной горной ренты.

Анализ налоговых систем показывает, что налогообложение прибылей и прочих (в том числе и рентных) доходов недропользователей при добыче углеводородов может производиться на разных уровнях образования совокупного дохода[158, С. 42; 239, С. 122].

Так, это может быть уровень месторождения; по совокупности нефтегазовых операций компании; уровень газовой или нефтяной компании в целом и пр.

При этом только рассмотрение и использование для расчетов доходов и затрат, относящихся к конкретному месторождению, могут учитываться для расчета суммы горной ренты. В этом случае, каждое месторождение должно рассматриваться как отдельное юридическое лицо или самостоятельное хозяйственное подразделение, а сравнение затрат на каждом из них позволит выявить худшее месторождение и определить замыкающие затраты, без которых невозможно определение суммы горной ренты.

В случае налогообложения доходов по совокупности нефтегазовых операций допускается составление ограниченного баланса по указанным операциям. В этом случае доходы от нефтегазовых операций рассматриваются изолированно от прочих доходов, а операции не связанные с добычей углеводородов, рассматриваются отдельно. Налогообложение на данном уровне характерно для стран, где для добычи углеводородов установлены специальные налоги, а также в случае, если для традиционных налогов предусмотрены повышенные ставки. Несмотря на то, что в данном случае принимаются во внимание только доходы и расходы от нефтегазовых операций, этот уровень также не пригоден для изъятия горной ренты, так как на данном уровне невозможно определение худшего месторождения, замыкающих затрат и определение суммы горной ренты.

На уровне компании составляется консолидированный (общий) баланс для определения размеров дохода, подлежащего налогообложению. Такой подход используется в ряде промышленно развитых стран для организации взимания налога на прибыль. Но при этом убытки недропользователя, не связанные с добычей нефти, могут уменьшать сумму дохода, подлежащего налогообложению, что будет препятствовать правильному определению суммы горной ренты. Исходя из этого, данный порядок не подходит для расчета суммы горной ренты, а, следовательно, на этом уровне невозможно

построение налогового механизма, ориентированного на ее изъятие[158, С. 42-43].

Исходя из вышесказанного, считаем, что уровни конкретного месторождения или объекта разработки являются наиболее приемлемыми для расчетов суммы горной ренты и организации системы ее изъятия. Следует отметить, что данную точку зрения поддерживают многие экономисты. Так, Моргунов Е.В. отмечает, что изымать природную ренту можно практически на любых уровнях образования рентных доходов: «С точки зрения возможности максимального изъятия горной ренты наиболее предпочтителен первый вариант (месторождение или объект разработки – авт.)»[158, С. 98].

Система налогообложения доходов в нефтедобывающей промышленности должна соответствовать ряду общепринятых принципов. К ним, в частности, относятся: принцип прогрессивности, в соответствии с которым: «Под прогрессивностью понимается такая налоговая политика, при которой средний уровень налогообложения выше для более богатых и прибыльных месторождений, чем для более бедных и труднодоступных, что дает примерно равную рентабельность разработки различных месторождений и в то же время стимулирует рациональное использование ресурсов»[163].

Принцип «...преимущественного налогообложения прибыли, а не себестоимости или выручки»[239, С. 116].

Следующий принцип «...справедливого распределения чистого дохода; система налогообложения должна гарантировать разумное распределение чистого дохода между недропользователями и государством без причинения ущерба интересам каждой из сторон»[239, С. 116].

«Принцип предотвращения преждевременного прекращения эксплуатации месторождений, предполагающий, что система налогообложения обязана стимулировать добычу полезных ископаемых в условиях, когда удельные затраты высоки, но в недрах еще находится значительный объем извлекаемых запасов»[239, С. 116]. Данный принцип

не может не выполняться при построении научно обоснованного механизма изъятия горной ренты, в котором учитываются все обоснованные затраты на любой стадии освоения месторождения. Однако указанный принцип однозначно не совместим с налогом на добычу полезных ископаемых и с его плоской шкалой, делающей нерентабельными значительное количество месторождений, что становится причиной преждевременного прекращения их эксплуатации.

Принцип поддержки разумных затрат, который заключается в том, что: «...налоговая система не должна стимулировать недропользователя к нерациональным расходам»[239, С. 116].

«Принцип стабильности и предсказуемости: режим налогообложения должен сохранять свои оптимальные свойства при изменении объективных условий ведения работ по эксплуатации месторождений»[239, С. 116].

«Принцип прозрачности: налоговые правила и условия должны быть полностью понятны недропользователям и исключать возможность различной интерпретации одних и тех же положений законодательства»[239, С. 117].

«Конкурентоспособность: должны учитываться специфика налоговых систем, применяемых странами–конкурентами»[239, С. 116].

И конечно система налогообложения прибыли, рентных и прочих доходов в недропользовании должна быть гибкой, то есть должна учитывать условия добычи нефти на конкретных месторождениях.

Большинство из указанных принципов имеет смысл только при построении систем налогообложения прибыли и доходов недропользователей, которые подразумевают частичное их изъятие и предусматривают возможность варьирования ставок и предоставление различных льгот. При формировании механизма изъятия горной ренты сохраняют свое значение лишь такие принципы, как: справедливого распределения доходов (в данном случае его следует понимать, как: рента – государству, прибыль и квазирента – недропользователю); принцип

поддержки разумных затрат; принцип прозрачности и принцип гибкости. При этом главным принципом формирования механизма изъятия горной ренты является обеспечение максимально полного изъятия горной ренты в доход государства.

В предыдущей главе нами были рассмотрены системы налогообложения недропользователей в России и за рубежом. При этом в качестве важнейшего недостатка указанных системы налогообложения отмечалась их слабая зависимость от условий добычи полезных ископаемых на конкретных месторождениях (только сумма регулярного платежа за пользование недрами определяется площадью используемого участка) Но системы налогообложения недропользователей на Западе участвуют в изъятии как рентных доходов (природной ренты, квазиренты и ренты редкости), а также и всех прочих доходов через дифференцированную шкалу отчислений: чем выше рентабельность и доходность месторождений – тем выше ставка соответствующих налогов. То есть налицо своеобразный учет природных условий добычи на месторождении через его доходность и рентабельность. Но это за рубежом. В России «...вместо горной ренты в виде дифференцированных платежей за добычу была принята плоская шкала НДС, что противоречит мировой практике»[97]. И как следствие – в одних случаях отмечалось неточное определение суммы горной ренты и соответственно, неполное изъятие ее в бюджет. Следует отметить, что по оценке отдельных экономистов, эти суммы недоизъятая горной ренты были весьма велики[97]. С.А. Кимельман в своей работе «Рента, власть, олигархи и народ» отмечал: «Недропользователи обокрали государство, российский народ, гражданское общество, присвоили незаработанную ренту, создали из нее мощнейшие резервы на счетах в оффшорах»[100]. В этой же статье он отмечает, что началось «...интенсивное отчуждение ренты от государства (частное присвоение ренты) путём усиленного начисления дивидендов топ-менеджменту и активного вывоза капитала за рубеж»[100]. Или: «..рента

"размазывается"...среди многочисленных компаний-посредников»[79].
Таких свидетельств можно привести сотни.

Так как при использовании плоской шкалы отчислений НДС отклонения размеров горной ренты от ставок данного налога могли быть в обе стороны, то в других случаях у недропользователей могла изыматься и часть доходов, полученных в результате их деятельности, направленной на повышение технологического уровня добычи (квазиарента), и часть нормальной прибыли, что, естественно, приводило к преждевременному отказу от разработки месторождения. Следует отметить, что и первое и второе следствие использования плоской шкалы НДС – недопустимо.

Рассмотрение недостатков использования плоской шкалы НДС и прочих методов расчета горной ренты дал нам возможность определить требования к организации расчета величины части рентных доходов, которые должны участвовать в механизме изъятия дифференциальной горной ренты:

- с одной стороны, следует определить не только размеры дифференциальной горной ренты данного месторождения, но и сумму квазиаренты для полного или частичного сохранения указанных доходов в распоряжении недропользователей, чем будет стимулироваться экономное использование ресурсов, а, следовательно, и снижение себестоимости добычи;

- с другой стороны, основой при расчетах размеров горной ренты должны стать природные условия добычи отдельных нефтяных месторождений или объектов разработки. Расчет может проводиться и на базе показателей, отражающих эти условия.

В главе 2.2 были определены требования к данным для расчетов, которые отражают природные условия добычи отдельных нефтяных месторождений и разработаны формулы для расчета размеров горной ренты, как отдельного месторождения, так и их групп. На этой основе может быть разработан механизм изъятия горной ренты в бюджет страны. Так как сумма горной ренты может быть рассчитана как для отдельного месторождения, так

и их групп, может быть предложено несколько различных моделей механизма изъятия горной ренты в бюджет страны.

Первая модель – это простое изъятие рассчитанной суммы горной ренты в форме налогов или рентных платежей. Однако сразу следует отметить, что такому варианту изъятия присущи серьезные недостатки.

Так, многие экономисты считают необходимым, что бы изъятие горной ренты было обеспечено неналоговым методом. В первую очередь это связано с тем, что налог не приспособлен для полного изъятия ренты. С помощью налогов государство изымает в свою пользу часть доходов или имущества различных предпринимателей или собственников. А горная рента полностью является доходом собственника недр – государства. Именно поэтому, академик Д.С. Львов писал: «Природная рента должна изыматься и использоваться по тем или иным правилам для нужд общества в целом. Налогом может облагаться только прибыль»[135, С. 11]. В другой работе Д.С. Львов отмечает: «Экономически и юридически рента и налоги – разные категории. ...Они с налогами не корреспондируют»[134, 177]. С. Андрюшин и С. Кимельман имеют сходную позицию: «На наш взгляд, природная рента это не налог и налогом быть не может. Прежде всего потому, что ренту должен платить тот, у кого она возникает, а не граждане России, оплачивающие в конечном счете товары и услуги, в цену которых включена рента и другие налоги за недропользование. Иными словами, чтобы у недропользователя образовалась рента в денежном выражении, она включается в рыночную цену реализации товаров и услуг, к примеру, бензина. Поэтому она не может быть основанием для увеличения или уменьшения налогооблагаемой базы, так как не является результатом деятельности недропользователей»[12]. Почти то же самое пишет и Мясоедов С.А.: «Ренту должен платить тот, кто её не обоснованно присваивает, а не потребители - государственные и частные предприятия, для которых подобная ситуация ведёт к удорожанию их собственной продукции, и снижает её конкурентоспособность. В конечном итоге ренту платят

граждане Российской Федерации, потребители товаров и услуг, в цену которых входит рента. Следуя теории ренты, именно государство, общество, а в итоге граждане России являются получателями горной ренты, а на практике они являются плательщиками ренты»[161]. Этой же позиции придерживается и А.Д. Некипелов: «Дело в том, что рента не является налогом, рента – это факторный доход»[167]. Ряд экономистов считает: «Изъятие дифференциальной горной ренты не может происходить через налоговый механизм»[189].

Считаем мнение этих экономистов обоснованным и справедливым.

В то же время применение налогов, как правило, сопровождается применением различного рода льгот, что в отношении горной ренты – собственности государства – неприемлемо.

Если налоговое изъятие природной ренты неприемлемо, то концепция реформирования и механизм изъятия дифференциальной горной ренты должна основываться на том положении, что ее изъятие и налогообложение прибыли и прочих доходов должно производиться изолированно, таким образом, что бы дифференциальная рента в сумму доходов предприятий вообще не поступала.

И с этой точки зрения интересен советский опыт применения расчетных цен, который обеспечивал именно такое положение, в результате чего, в частности: «...в советской экономике ...почти вся сумма нефтяной и ценовой горной ренты, в том числе дифференциальной ренты I рода, изымалась в виде не заработанного нефтедобывающими предприятиями дохода. Предприятиям доставалась плановая прибыль и вся экономия текущих эксплуатационных затрат, которая достигалась за счет внедрения новых технических и инновационных решений, то есть дифференциальная горная рента II рода»[97].

В связи с этим для изъятия горной ренты предлагается использовать видоизмененный механизм функционирования расчетных цен, применявшийся в условиях плановой экономики для перераспределения

горной ренты высокорентабельных добывающих предприятий низкорентабельным и убыточным для обеспечения им нормальной работы. При использовании предлагаемого механизма государство будет получать всю сумму горной ренты, а недропользователи, в качестве доходов, будут получать нормальную прибыль и часть квазиrentы, или ее всю с целью стимулирования деятельности, направленной на повышение технического уровня добычи с целью роста ее эффективности. Следует отметить, что указанный механизм явится важнейшим элементом концепции реформирования изъятия дифференциальной горной ренты.

При этом, так как расчеты и изъятие горной ренты предлагается организовывать, взяв за основу для организации механизма изъятия в силу территориального единства месторождения одной нефтеносной провинции, то в зависимости от природных условий добычи на отдельных месторождениях, находящих свое выражение в нормативных затратах на добычу и от применяемых в провинции технологий и оборудования для добычи, также могут быть предложены два варианта организации механизма изъятия горной ренты или их совместное использование.

Если в нефтеносной провинции добыча на месторождениях начиналась в разное время и для ее осуществления применялись различные технологии и технологическое оборудование, то изъятие горной ренты целесообразно вести по каждому отдельному месторождению.

В этом случае определение горной ренты для данного месторождения будет равно разнице между стоимостью добычи данного месторождения в рыночной и расчетной ценах. Тогда с месторождением будут расплачиваться по расчетной цене, в основе которой будет лежать себестоимость данного месторождения, построенная на базе нормативных затрат плюс нормальная прибыль. Оптовые же покупатели будут выкупать нефть по рыночной цене, построенной на основе замыкающих затрат. Для установления уровней расчетных цен и осуществления расчетов с покупателями и

недропользователями необходима организация расчетного центра, который, кроме этого, будет выполнять перечисление горную ренту в бюджет страны.

Если же добыча на месторождениях какой-либо нефтеносной провинции начиналась в приблизительно одно и то же время с применением сходных технологий и технологического оборудования, то месторождения имеет смысл свести в группы со сходными природными условиями рентообразования, что будет находить выражение в близких по величине уровнях нормативных затрат на добычу нефти. Для каждой из этих групп будет рассчитана единая расчетная цена, построенная на базе средних по выделенной группе удельных нормативных затрат месторождений плюс нормальная прибыль, по которой будет оплачиваться добыча нефти у всех месторождений данной группы. В этом случае определение сумм горной ренты для данного месторождения будет равняться разнице между стоимостью его добычи в рыночной и среднегрупповой расчетной ценах. Периодичность расчетов и перечислений горной ренты следует установить таким образом, что бы указанный механизм по срокам корреспондировался с действующей системой налогообложения, в связи с чем, расчетный период следует установить - месяц.

Однако опыт освоения нефтеносных провинций показывает, что их освоение, как правило, происходит в течение длительного времени с применением по этой причине различных технологий добычи. Это делает использование модели механизма, основанного на применении группировки месторождений со сходными природными условиями добычи в чистом виде едва ли возможным, в то время как модель, ориентированная на изъятии горной ренты отдельных месторождений может применяться без ограничений. По нашему мнению, целесообразно совместное применение указанных моделей в том случае, если в провинции есть месторождения со сходными природными условиями добычи, что выражается в близких нормативных затратах на добычу, а следовательно возможно их группировка и установление для групп единых расчетных цен. Это может значительно

сократить время и затраты на установление цен на нефть для каждого месторождения за счет установления единых цен для их групп.

С другой стороны, как уже отмечалось, недропользователям необходимо оставить нормальную прибыль и принадлежащую им квази ренту (или ее часть). Указанная сумма будет определяться в первом случае как разница между нормативными (принятыми при установлении цены) минус фактические затраты на добычу барреля или тонны нефти (если фактические затраты ниже нормативных), умноженная на объем добычи данного месторождения, а во втором случае - как разница между средними нормативными удельными затратами по группе выделенных месторождений и фактическими индивидуальными затратами добычи тонны или барреля нефти конкретного месторождения (если вторые ниже первых) также умноженная на объем добычи данного месторождения. С целью стимулирования заинтересованности недропользователей в повышении эффективности производства указанную сумму квази ренты целесообразно изымать по пониженной ставке налогообложения прибыли или оставлять недропользователям полностью.

Как уже отмечалось, технология добычи инерционна и, по сути дела, не поддается изменению (совершенствованию). Но если, в отдельных случаях, смена технологии добычи все же произойдет, то ей будут соответствовать другие нормативные затраты, на основе которых могут быть пересчитаны новые размеры горной ренты и уровень расчетной цены. В случае изменения технологии добычи на месторождении на более совершенный ее вид (что само по себе достаточно сложно), с целью стимулирования такой деятельности, разницу в старых и новых нормативных затратах умноженных на объем добычи данного месторождения, как полученную квази ренту, так же предлагается полностью или частично оставлять в распоряжении недропользователя на срок 3-5 лет.

Таким образом, предлагаемый механизм обеспечит неналоговое изъятие горной ренты и заменит основные специальные платежи,

предусмотренные для добывающих предприятий (регулярные платежи за пользование недрами; НДС). Сохранятся лишь такие специфические платежи, как сбор за выдачу лицензий, возмещающий затраты на проведение аукциона, плата за геологическую информацию и пр., при этом расчетные цены отделят горную ренту от прочих доходов недропользователей. Вывозные таможенные пошлины на нефть имеют отношение только к нефти, вывозимой на внешний рынок, с дифференциальной горной рентой никак не связаны, поэтому их роль и перспективы использования в данной работе не рассматриваются.

Но хотелось бы отметить, что добытая нефть будет выкупаться у нефтяных компаний сразу после ее добычи, а расчетная цена, которую предлагается устанавливать данному месторождению, фактически представляет собой затраты на добычу тонны нефти на нем вместе с соответствующей прибылью. Учитывая это, в рамках действия предложенного механизма изъятия горной ренты становится неоправданным передача прав собственности на нефть нефтяным компаниям. Это отмечает и Ложникова А. В.: «...полезные ископаемые в недрах, согласно одноименному федеральному закону, принадлежат российскому государству, а извлеченными из недр полезными ископаемыми, начиная с четко не определенного в законодательстве момента, практически без контроля со стороны собственника распоряжаются недропользователи»[131, С. 197]. Однако она не ставит под сомнение правомерность такого положения с собственностью на полезные ископаемые.

В соответствии с этим предлагается оставлять право собственности на нефть в руках государства и не передавать ее нефтяным компаниям, что является важным элементом разработанной концепции реформирования изъятия горной ренты. В этих условиях отпадает необходимость учета качества добытой нефти, так как природная рента, полученная за счет этого фактора, будет входить в рыночную цену на данный вид нефти, а осуществлять ее продажу будет государственный расчетный центр. Ренту по

местоположению предлагается учитывать путем усредненной дифференциации региональных особенностей по этому фактору за счет установления зональных цен на нефть.

Еще одним элементом разработанной концепции является предложение ввести государственную монополию на внешнеторговые операции с нефтью. То есть осуществлять продажу нефти на внешнем рынке будет государство, что станет серьезным препятствием на пути вывоза из страны капиталов, полученных указанными компаниями в процессе проведения операций на внутреннем и внешних рынках. С другой стороны это облегчит проведение оптимальной (в том числе и межгосударственной) ценовой политики соответствующих государственных органов или компаний, согласование объемов продаж и т.д. Кроме этого, в условиях государственной собственности на углеводороды значительно возрастут и доходы государства от их экспорта. Так, в отчете за 2012 год с официального сайта компании «ЛУКОЙЛ» приводится структура выручки российского экспорта нефти, долл./бар. В указанной структуре доля экспортной пошлины составляет 55,1 долл./бар; доля НДС – 22,2 долл./бар (совместно – 69,9%)[172]. Остаток (чистая выручка, то есть сумма затрат и прибыли, без указанных налогов) составит 33,2 долл./бар.[172]. Если в этой сумме сохранить общее по компании соотношение затрат на добычу углеводородов и чистой прибыли (сумма НДС и экспортной пошлины составит более 90% от всей суммы налогов) 28,21% в 2010г. и 24,86% в 2011г. [172] то в распоряжение государства будет отходить дополнительно около 25% от прибыли экспортных операций. Исходя из того, что экспорт нефти по компании «ЛУКОЙЛ» составил в первом квартале 2012 года 65320 тыс. бар. (8899 т) нефти, при цене на нефть марки «Брент» - 118,60 долл./бар. и цене на нефть марки «Юралс» - 117,02 долл./бар.[11], то прибыль от экспортных операций за этот период при средней цене на указанные марки нефти в 117,81 долл./бар. составит 542 млн.156 тыс. 000\$ только по компании «ЛУКОЙЛ». Если же распространить показатели «ЛУКОЙЛа» на весь экспорт нефти в

России в 2012 г. и ее объем в 239,6 млн. т.[66], то результат составит: 14577 млн. 020 тыс. 000\$. Таким образом, введение монополии внешней торговли на нефть компенсирует часть потерь федерального бюджета от ликвидации НДС.

Использование в качестве основы для определения размеров расчетных цен нормативные затраты отдельных месторождений или среднегрупповые затраты месторождений со сходными природными условиями добычи, позволит в значительной мере, учесть конкретные природные условия месторождений или их групп. Естественно, так нельзя получить точные размеры горной ренты для месторождений, но как считает Картовенко И.В.: «Применительно к добывающим компаниям, в частности занимающимся разработкой нефти и газа, можно определить приблизительную величину ренты» [90, С. 10]. Конечно, можно воспользоваться для расчета абсолютно точных величин горной ренты статистических методов, например, факторного анализа и пр., но тогда нельзя будет ограничиться бухгалтерской информацией и отчетностью, потребуются специальные геологические данные о каждом месторождении, а также проведение перерасчетов сумм ренты, в случае их изменения.

Такие перерасчеты потребуются в любом случае, так как на объемы добычи и процесс рентообразования в нефтедобыче активно влияет стадия жизненного цикла освоения месторождения.

Так, стадии жизненного цикла разработки месторождения характеризуется уровнем геологических знаний, специфическими финансовыми, геологическими и прочими рисками, показателями прибыльности вложений[118, 230]. Например, Госкунина В.Э. считает, что «На каждом этапе освоения необходимо проведение соответствующей налоговой, структурной политики и формирование адекватных механизмов и процедур передачи недр в пользование, способствующих адаптации сектора к объективно меняющимся условиям. Поскольку степень зрелости ресурсной базы оказывает решающее влияние на экономические показатели освоения

(величину издержек, прибыли, ренты), то переход от одного этапа к другому, должен сопровождаться изменением целей и задач налогового регулирования. Проведение гибкой налоговой политики (адекватно реагирующей на изменение экономических и горно-геологических условий нефтегазодобычи) не только будет способствовать наиболее полному извлечению экономической ренты в процессе освоения нефтегазовых ресурсов нового региона, но и наиболее полному извлечению запасов из недр (налоговое стимулирование разработки низкоэффективных запасов), ослаблению социальных проблем (занятости и др.)»[233, С. 34-35]. По мнению С. Кимельмана и С. Андрюшина, к числу основных причин рентообразования следует отнести стадию «...жизненного цикла разработки месторождения. Известна закономерность (кривая Хаббарда) разработки нефтяных месторождений, согласно которой в первые 10 - 15 лет после начала эксплуатации рентабельность добычи возрастает, затем держится на пике в течение 5-10 лет, после чего начинает снижаться по мере истощения запасов месторождения»[92, С. 33].

Во многом это мнение обоснованно. Несомненно, что стадии жизненного цикла разработки месторождений может характеризоваться присущими им особенностями в процессе рентообразования. Так, поисково-разведочная стадия характеризуется нехваткой геологических и прочих данных, которая ликвидируется при проведении геологических работ. Для данной стадии, которая заканчивается лишь с началом добычи углеводородов, характерен высокий геологический риск, а в связи с отсутствием добычи нефти и размеры горной ренты и прочих доходов равны 0.

Следующая стадия ранней добычи характеризуется быстрым накоплением геологической информации и открытиями крупных запасов нефти. Высокие удельные расходы заметно уменьшаются. Быстро нарастает добыча нефти. Параллельно, на этой стадии начинается активный процесс рентообразования.

Следующая стадия развития месторождения - стадия зрелости (стабильной добычи). На этой стадии добыча нефти достигает максимума, но затем начинается ее постепенное сокращение. С началом сокращения объемов добычи изменяется и процесс рентообразования - суммы горной ренты начинают уменьшаться.

Следующая стадия - это завершающая стадия падающей добычи - стадия «постзрелости». Эта стадия, характеризуется постоянным снижением объемов добычи и ее рентабельности, однако, созданная ранее инфраструктура способствует дальнейшей рентабельной эксплуатации месторождений (при постоянном снижении рентабельности добычи), обеспечивая им нормальную прибыль, соответствующую потребностям. На этой стадии суммы горной ренты характеризуются постоянным снижением и постепенно приближаются к нулю. С окончанием данной стадии начинается последняя фаза - истощение нефтегазовых месторождений. На этой фазе добыча нефти находится на грани экономической эффективности, в то время как месторождения выводятся из эксплуатации ускоренными темпами.

Таким образом, кроме первого этапа - поисково-разведочного, на котором добыча еще не ведется, все остальные сопровождаются изменением дебетов скважин и объемов добычи нефти.

Однако процесс добычи является непрерывным, сумма затрат при эксплуатации месторождения весьма незначительно меняется с изменением дебета скважины и объемов добычи нефти (однако, так как добыча на месторождении ведется не одно десятилетие, учет инфляции при подсчетах затрат и расчетных и продажных цен необходим). При этом, не следует забывать, что эксплуатационные затраты - не единственные затраты, необходимые для эксплуатации месторождения. «...поскольку запас ресурса в недрах с каждым годом убывает вследствие ежегодной добычи. Имея в виду только этот основной фактор, можно считать: если не производится дополнительных вложений, то добыча будет сокращаться пропорционально запасу. Поэтому возникает категория капитальных затрат на поддержание

добычи. Их следует рассматривать как затраты на простое воспроизводство»[34, С. 290]. Таким образом и эти затраты можно принять за постоянные. Постоянное изменение объемов добычи позволит достаточно точно определять объемы добычи, а, следовательно, и размеры горной ренты лишь в том случае, если «...оборудовать комплексы, участвующие в процессе добычи и переработки, системой электронного фиксирования (датчиков контроля входа-выхода, приема-выпуска сырья)»[190, С. 24]. Тогда, при, почти неизменных затратах на добычу и при изменении ее объемов задача по определению размеров горной ренты становится чисто арифметической.

Следует также отметить, что за счет расчета себестоимости добычи отдельных месторождений на базе нормативных затрат и группировки месторождений с близкими природными параметрами, механизм, основанный на использовании системы расчетных цен будет отвечать всем требованиям, выдвигаемым к системе налогообложения недропользователей.

В тоже время, для недопущения необоснованного увеличения себестоимости добычи на отдельных месторождениях и месторождениях группы, необходимо в обязательном порядке установить предельно допустимые уровни затрат по всем калькуляционным статьям, не входящим в число нормативных затрат данной технологии. Как отмечает Виноградова А.В.: «Трудности спецификации ренты заключаются в том, что она находится не только в различных доходах, но и расходах нефтяных компаний. Рентный доход может «растворяться» в этих двух категориях. Это явление, на наш взгляд, можно назвать диффузией ренты, по аналогии с известным физическим явлением. Диффузия ренты — это проникновение ее и слияние с различными экономическими составляющими доходов нефтегазовых компаний, формируемыми в процессе производства, распределения, обмена и потребления. Как же удастся им «прятать» рентную составляющую в своих доходах и расходах? Поскольку рентный доход в нашей стране изымается только через налогообложение, основная цель диффузии ренты — это

занижение налогооблагаемой базы, что позволяет нефтегазодобывающим компаниям оставлять себе большую часть рентного дохода»[36, С. 99]. Примером проникновения ренты в расходы нефтяных компаний может послужить тот факт, что средняя заработная плата всех категорий рабочих и служащих нефтяных компаний почти в 3 раза превышает аналогичный показатель по промышленности России.

Структура цен на нефть, в рамках действия предлагаемого механизма, для отдельных месторождений представлена на рисунке 2, а структура цен для каждой группы месторождений, границы в них различных рентных доходов можно увидеть на рисунке 3. Из рисунка 3 следует, что среднегрупповая расчетная цена для данной группы месторождений состоит из средних по группе нормативных затрат на добычу, средней (нормальной) прибыли и квазиренты. При этом, на рис. № 3 сгруппированы дифференциальная горная рента, абсолютная рента редкости и квазирента, то есть все рентные доходы, образующиеся в нефтедобывающей промышленности. При этом, абсолютная рента возникает не всегда, а когда продукции со всех месторождений начинает не хватать и цена формируется путем выравнивания спроса и предложения (рыночная цена (2)).

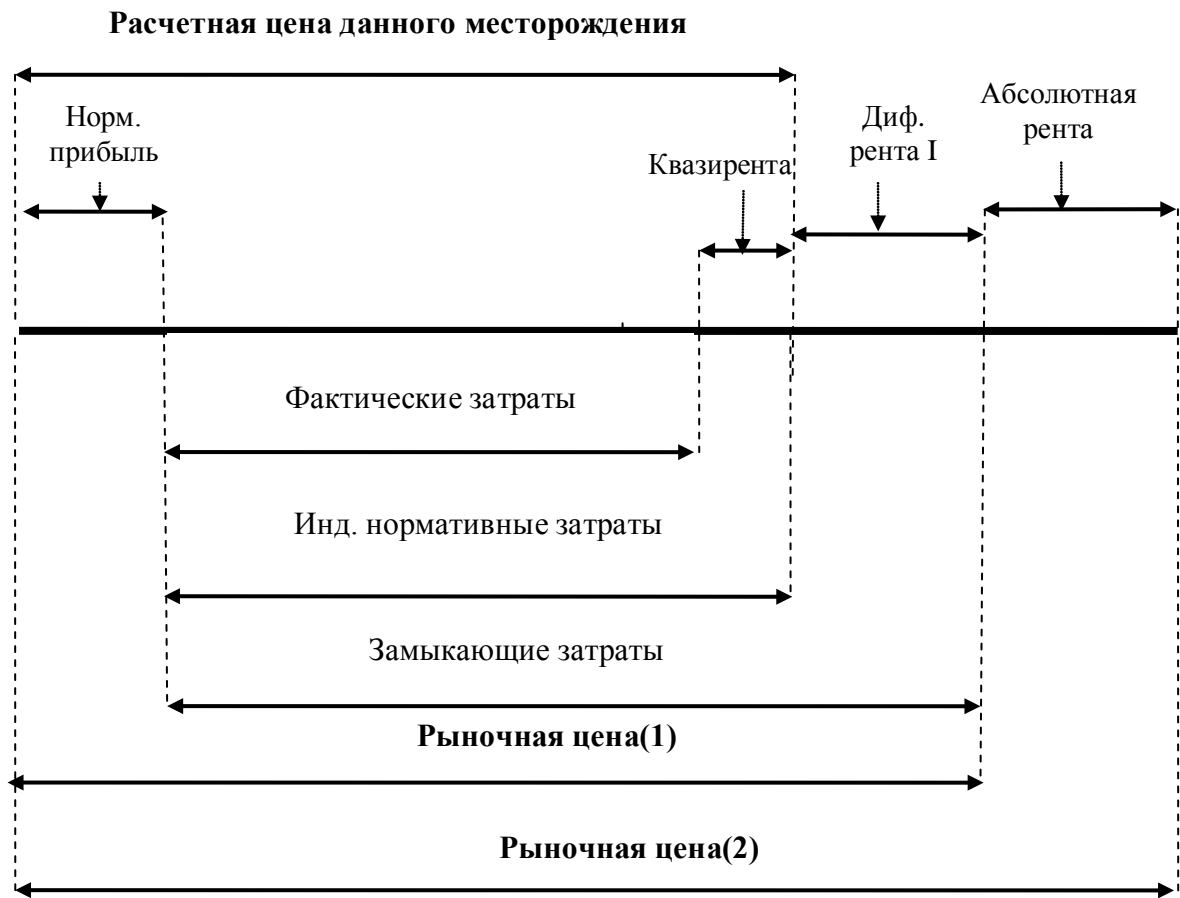
Все расчеты целесообразно проводить в тоннах, чтобы не учитывать плотность нефти при пересчете соответствующих марок нефти в баррели.

Кроме этого, использование механизма изъятия горной ренты, основанного на использовании расчетных цен, будет способствовать стабилизации цен на нефть и нефтепродукты, что станет препятствием развитию инфляционных процессов в стране. Так, если нефть на внутреннем рынке и за рубежом станет продаваться государственными компаниями или органами, а не нефтяными компаниями, которые стремятся к увеличению размеров прибыли за счет сближения внутренних и мировых цен, то исчезнет взаимозависимость между ними. Кроме того, исчезнет НДС с его зависимостью от курса доллара и мировых цен на нефть. А как отмечает Сучкова М.А.: «Ставки НДС привязаны к мировой цене на

нефть и курсу доллара, а отсюда – привязка внутренних цен на бензин и других цен в экономике к мировым ценам на нефть, что порождает еще большую зависимость экономики страны от конъюнктуры на мировых рынках»[227, С. 131]. Реализовывать нефть за рубежом будет государство, в лице уполномоченных госкомпаний, получающими нефть от расчетных центров, или другими государственными структурами. И опыт показывает, что самых высоких результатов в экспорте углеводородов добиваются те страны и их объединения, где экспорт углеводородов осуществляется специальными государственными компаниями или международными организациями, осуществляющими единую скоординированную политику в данной области. Примером может служить ОПЕК, который «...продолжает играть важнейшую роль в выборе и реализации энергетической политики. Благодаря тому, что ОПЕК контролирует примерно половину мирового объема торговли нефтью, она способна значительно влиять на уровень мировых цен»[31, С. 65]. Можно отметить и другие примеры: «В Венесуэле с 1999 г. нефтяная промышленность находится под полным государственным контролем. Национальная нефтяная компания Венесуэлы *Petroleos de Venezuela (PdVSA)* обеспечивает около половины доходов правительства и 80 % экспортной выручки страны»[155, С. 92]. «Основа экономики Республики Азербайджан — нефтяная и газовая отрасли, которые находятся под контролем Государственной нефтяной компании Азербайджанской Республики»[155, С. 93].

Таким образом, так как внутренние цены на нефть и нефтепродукты при внедрении предлагаемого механизма не будут ориентироваться на мировые, возможна стабилизация и снижение цен на нефтепродукты, что, в свою очередь, повлияет на уровень инфляции в стране.

Таким образом, использование предлагаемого механизма изъятия горной ренты повлияет не только на снижение уровня инфляции, а определение размеров квазиренты, то есть рентного дохода, который является следствием

Расчетная цена данного месторождения = Индивидуальные нормативные затраты + Нормальная прибыль

Доход добывающего предприятия = Нормальная прибыль + Квазирента + Абсолютная рента

Рентные доходы = Дифференциальная рента I + Абсолютная рента + Квазирента

Рисунок №2. Структура расчетной цены для отдельного месторождения.

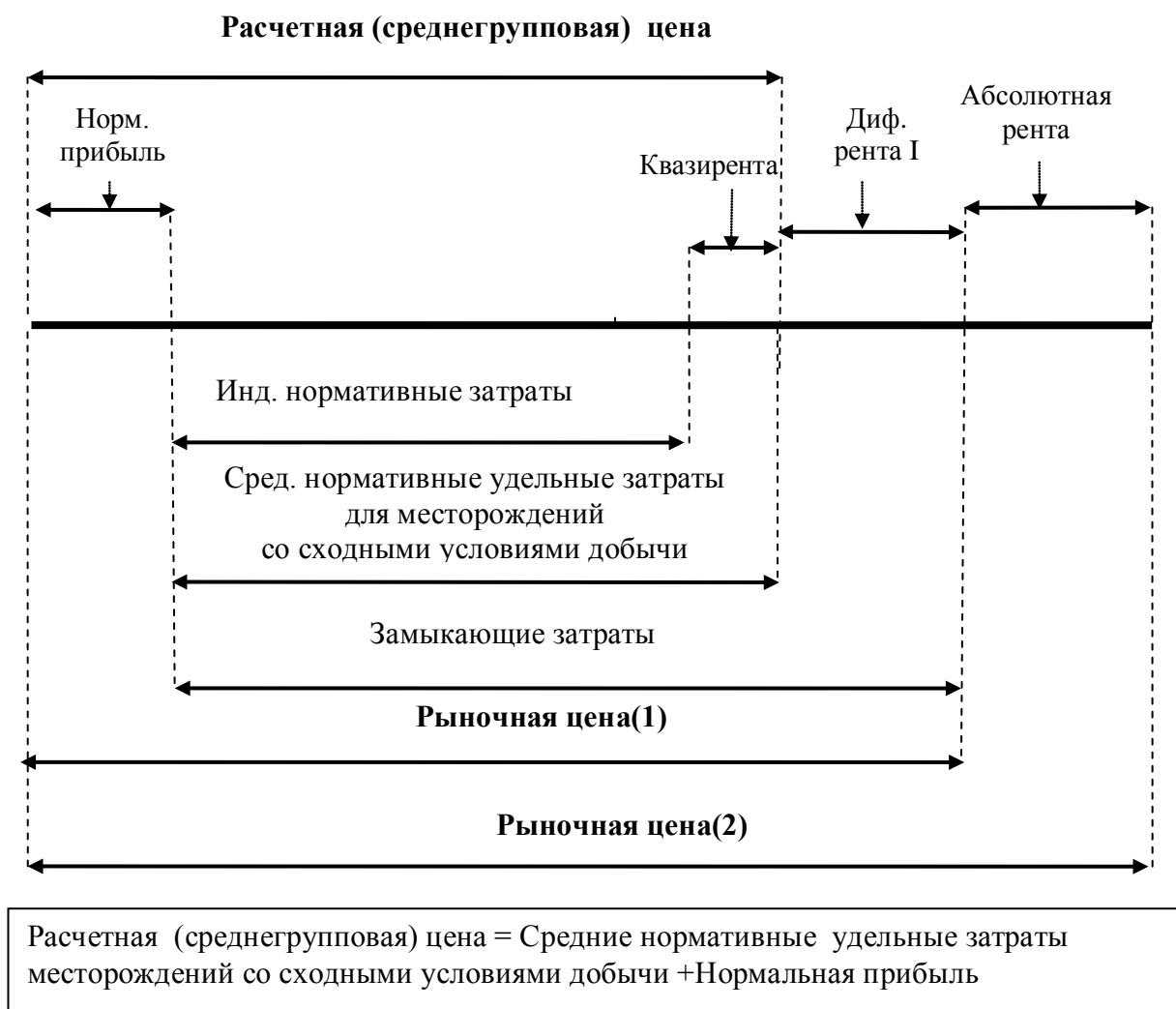

Рисунок № 3. Структура расчетной цены для группы месторождений.

деятельности недропользователя, способствующей росту технологического уровня производства, что повысит объективность оценки вклада данного коллектива в рост эффективности добычи, а частичное или полное оставление указанных доходов в распоряжении добывающего предприятия, которое поддерживается в экономической литературе [38, С. 52], повысит заинтересованность в их увеличении.

В результате своей деятельности, расчетные центры будут перечислять горную ренту в распоряжение государства, что будет обеспечивать постоянное пополнение бюджета, в то же время указанный механизм сможет

стать препятствием инфляционным процессам в стране за счет снижения цен на нефть и продукты нефтепереработки.

4.3 Сравнение изъятия горной ренты при использовании НДС и с помощью предлагаемого механизма ее изъятия

Рассмотрение используемой сегодня системы налогообложения недропользователей, как было показано выше, приводит к выборочной добыче из высокорентабельных месторождений и прекращению работы и консервации низкорентабельных. Многие экономисты обращают внимание на то, что «...текущий коэффициент извлечения нефти (КИН) в РФ снизился в сравнении с советской плановой экономикой более чем в 2 раза — с 50–55 до 20–25%. Хотя даже при используемой ныне не самой эффективной технологии его значение должно быть не менее 32–35%. В нашем случае сдерживающим фактором становятся сложившиеся условия хозяйствования (в частности, налоговый режим) и особенности предпринимательства в этой сфере»[210, С. 172]. Как отмечает С.Ю. Глазьев, «...если раньше на 1 добытую тонну нефти списывали 1 тонну запасов, то сейчас списывается 4...»[52, С. 30]. Н. Я. Петраков отмечает, что в современных условиях сырьевой сектор экономики значительно снизил эффективность деятельности[182]. А.В. Ложникова, говоря о минимальном дебите скважин, обеспечивающих рентабельную добычу, отмечает: «В России сегодня средний дебит скважины – 84 т нефти в сутки. Если она дает меньше, то становится менее рентабельной, и возникает угроза ее закрытия»[131, С. 223]. В то же время «В США скважина даже при дебите 300 л в сутки может быть рентабельной. Иными словами, там действует дифференцированный подход к недропользованию»[131, С. 223]. Это отмечают и другие экономисты: «В США существует законодательно закрепленное определение малодебитной скважины, которое периодически пересматривается в сторону уменьшения дебитов. Ряд компаний эксплуатирует скважины, добыча из

которых составляет около 1 барр./сут., поэтому во многих расчетах реальная среднесуточная добыча принимается равной примерно 2,2 барр»[155, С. 89].

Кстати, в плановой экономике потери при добыче сырья и выборочная выработка пресекались достаточно просто. «Начиная с 1976 г. была введена система санкций за сверхнормативные потери полезных ископаемых, а с 1985 г. установлены штрафные санкции за потери, вызванные выборочной обработкой месторождений. Санкции устанавливались в размере прибыли, теряемой при сверхнормативных потерях сырья»[160, С. 78].

Особую роль в сложившейся в настоящее время ситуации в нефтедобывающей промышленности сыграло использование плоской шкалы НДС, которое привело к тому, что: «...налоговое единообразие в подходах к пользователям недр, без учета качества сырья и добычных возможностей месторождений, среди которых не существует подобия, порождает экономическое неравенство и создает предпосылки для банкротства или поглощения мелких и средних добывающих организаций крупными компаниями. За пределами экономических интересов добычи остаются трудноизвлекаемые запасы, месторождения, расположенные в экстремальных природных условиях, месторождения с выработанными высокопродуктивными залежами и обводненные запасы»[103, С. 15]. С. Киммельман и С. Андрюшин считают, что введение НДС «...явилось причиной консервации низкодебитных скважин и приостановки работ на низкорентабельных месторождениях. Так, по данной причине в нефтяной промышленности России возросла доля неработающих скважин (в ОАО "ЛУКОЙЛ" - 15%, в ОАО "ЮКОС" - 35, в ОАО "Сибнефть" - 45% от действующего фонда скважин), что, в свою очередь, приводит к выборочной (порой хищнической) отработке более продуктивных залежей»[92, С. 31]. Следует указать, что указанные данные опубликованы в 2004 году.

При этом, «...введенная 1 января 2002 г. фиксированная ставка НДС для низкорентабельных объектов оказалась выше прежних платежей, что привело к необоснованным убыткам и прекращению разработки запасов

полезных ископаемых пониженного качества. Для высокорентабельных объектов ставка НДС получилась ниже прежних платежей, что привело к сверхдоходам отдельных компаний, с одной стороны, и одновременно снижению доходной части государственного бюджета, с другой стороны» [14, С. 6]. Или как справедливо отмечает С.А. Мясоедов: «После введения налога на добычу полезных ископаемых большую часть дифференциальной горной ренты государство позволяет присваивать организациям, разрабатывающим месторождения с лучшими характеристиками» [160, С. 79].

Кроме этого, нельзя забывать о том, что «Мировой опыт свидетельствует о том, что дифференцированное налогообложение позволяет продлить период разработки «зрелых» и / или трудноизвлекаемых запасов, что особенно важно для решения социальных проблем в «старых» сырьевых районах» [117, С. 96]. В связи с вышесказанным следует согласиться с мнением Ходырева, что «...с введением плоской шкалы налога на добычу полезных ископаемых горная рента исчезла, и налог стал выполнять только фискальную функцию» [242, С. 166].

Нельзя сказать, что с самого начала НДС задумывался таким, каким (с плоской шкалой) он используется сейчас. Как свидетельствуют Ю.Ф. Матвеев и М.А. Субботин: «Еще при обсуждении главы Налогового Кодекса «Налог на добычу полезных ископаемых» предлагалось учесть ряд коэффициентов:

1. Базовые коэффициенты:

- коэффициент выработанности запасов;
- коэффициент сложности геологического строения;
- коэффициент районирования территорий работ;

2. Дополнительные (специально для нефтедобычи) коэффициенты:

- коэффициент извлечения нефти (КИН);
- коэффициент качества нефти (для тяжёлой, средней и лёгкой нефти);
- коэффициент экономических условий (учитывающий миро-

вые цены на нефть)»[147, С. 116].

Но, как отмечают многие экономисты, на сложившееся в недропользовании положение повлияло «...активное лоббирование со стороны ОАО «НК «ЮКОС» введения налога на добычу полезных ископаемых и принятие по нему «плоской» шкалы» [113, С. 74].

Кроме этого, в экономической литературе появлялись самые различные предложения об устранении этого недостатка налога на добычу полезных ископаемых. В частности, предлагалась замена плоской шкалы НДС дифференцированными ставками НДС, которые позволят «...развить гибкую систему налогообложения, выбрать конкретные актуальные параметры оценки месторождений. Налоги будут выполнять не только фискальную роль — они станут стимулирующим фактором развития отрасли»[22, С. 86].

Так, Комиссарова Е.Н. предлагала в основу дифференциации ставок НДС заложить следующие основные принципы:

«- дифференцирование ставок НДС осуществляется в разрезе по участкам недр;

- применение понижающего коэффициента к ставке НДС для истощенных месторождений с выработанностью более 80%;

- нулевая ставка НДС для добычи нефти из участков недр с особыми условиями разработки»[105, С. 17].

Наряду с использованием дифференцированных ставок НДС предлагалось применение поправочных коэффициентов к ставке НДС, которое «...расширит применение рентных принципов в отношении налоговых платежей за пользование недрами»[184, С. 37].

В частности Садыков Р.К., Власова Р.Г., Байчурина Н.Р. считают, что «...дифференциацию действующей ставки налога на добычу полезных ископаемых можно осуществить путем введения корректирующих коэффициентов K_1 , K_2 , K_3 , учитывающих соответственно горно-геологические, географо-экономические и экономические условия,

характерные для района конкретного месторождения»[213, С. 43].

При этом для расчетов предлагается руководствоваться «...следующей формулой:

$$С_{диф} = С_{баз} \cdot K_1 \cdot K_2 \cdot K_3,$$

где $С_{диф}$ — дифференцированная ставка налога на добычу полезного ископаемого; $С_{баз}$ — базовая ставка налога на добычу полезного ископаемого; K_1 — коэффициент горно-геологических условий; K_2 — коэффициент географо-экономических условий; K_3 — коэффициент экономических условий. Значения $K_1, K_2, K_3 \leq 1$ »[213, С. 44].

Однако, как считают авторы данной публикации: «Учесть все многообразие горно-геологических, географо-экономических и экономических условий на практике крайне сложно»[213, С. 44]. А.А. Волков считает, что при дифференцировании ставок НДС: «Трудности заключаются не только в выборе показателей, таких как степень выработанности запасов (стадия освоения месторождения), территориальный фактор (географическое положение и природно-климатические условия), степень обводненности нефти, но и в отсутствии по большинству месторождений значений отдельных показателей, необходимых для проведения комплексного анализа их влияния на эффективность разработки каждого лицензионного участка»[38, С. 50].

Кроме этого, в статье Садыкова Р.К., Власовой Р.Г. и Байчуриной Н.Р. рассматриваются еще ряд предложений других экономистов по вопросам разработки методики дифференцирования налога на добычу полезных ископаемых.

Так, Ю.Н. Макаркин и Ю.П. Белов для придания НДС рентного характера предлагают выделять и учитывать рентообразующие причины, влияющие на результат любой экономической деятельности в недропользовании — чистую текущую стоимость. Проблема рентного подхода, по мнению этих авторов, лежит в экономически обоснованном распределении горной ренты между инвестором и государством (что вообще

неверно, т.к. горная рента должна полностью изыматься владельцем недр – государством); процедура раздела, по мнению авторов, должна носить универсальный характер для всех сырьевых ресурсов, находящихся на всех стадиях освоения месторождения[213, С. 43].

В свою очередь Ю.Е. Батурич предлагает принцип взимания с недропользователя налога не с единицы массы или объема добытых полезных ископаемых, а с представленного ему государством добычного потенциала, изменяющегося во времени[213, С. 43]. В предложении Ю.Е. Батурича так же много не понятно. За счет чего меняется добычный потенциал? За счет его уменьшения в результате добычи сырьевых ресурсов или за счет увеличения в процессе доразведки? И как оплачивать предоставленный потенциал? Единовременно на момент его предоставления, так как время окончания добычи на месторождении неизвестно?

Значительно больший интерес вызывает методика, разработанная Ахпателовым Э.А. и Потеряевым А.Г. Так, они указывают, что «...дифференциации налога на добычу можно достичь двумя основными способами. Первый – модифицировать ныне действующую формулу расчета величины НДС в зависимости от цены нефти на мировом рынке, добавив к ней корректирующие коэффициенты, которые отражают те или иные горно-геологические, инфраструктурные или иные условия эксплуатации месторождения»[17]. Ахпателов Э.А.и Потеряев А.Г. к числу таких основных корректирующих параметров относят: «продуктивность залежи (дебиты);

- стадию разработки месторождения или выработанность запасов;
- степень сложности геологического строения (глубина, нарушенность, неоднородность коллектора, коэффициент нефтеизвлечения и др.);
- степень развития производственной инфраструктуры;
- качество полезного ископаемого»[17].

Нельзя не согласиться с авторами цитируемой работы, что «...при разработке такой модели возникают большие трудности, в частности,

необходимо подобрать и проверить пределы изменения каждого коэффициента, найти удельный вес каждого из них, а также исследовать, как они будут работать все вместе, чтобы не получился неожиданный или абсурдный результат»[17]. И именно поэтому едва ли возможно практическое использование принципов дифференциации, рассмотренных ранее.

Учитывая это, Ахпателов Э.А. и Потеряев А.Г. идут по другому пути – предлагают «...создать чисто экономическую модель, положив в основу ее построения ограниченное число чисто экономических показателей»[17]. Таким образом, они предлагают «исчислять НДС не от цены производимого продукта, как это делается сейчас, а от дохода недропользователя, получаемого им при реализации нефти, добытой на данном объекте (залежь, лицензионный участок)»[17]. Как они указывают далее: «Последнее положение особенно важно, поскольку величина дохода отражает соотношение цены и затрат на производство и реализацию продукции, а затраты определяются горно-геологическими, природно-географическими, экономическими и другими условиями разработки полезного ископаемого, т.е. как раз теми условиями, которые и учитываются при определении дифференцированной горной ренты»[17]. Следует отметить, что данное предложение не базируется на «сверхприбыльной концепции», так как здесь не сравниваются фактические и нормальные (средние) размеры прибыли для определения размеров сверхприбыли.

В основу расчета положен «...текущий доход - это доход, получаемый недропользователем до уплаты налогов, сборов, платежей. Он определяется как разность между выручкой (ценой) и затратами (удельными затратами) на добычу и реализацию нефти, включая транспортировку продукции с данного лицензионного участка»[17].

Расчет авторы предлагают вести по следующей формуле:

$$Д = Ц - З_n - Т_r,$$

где Д - текущий доход, руб/т;

Ц - средневзвешенная цена, руб/т;

Зн- удельные затраты на добычу нефти, руб/т;

Тр - удельные затраты на реализацию (транспорт), руб/т.

В этой формуле заключается основной недостаток предлагаемой методики расчета, который может быть достаточно просто исправлен: использование в качестве одного из ее элементов фактические удельные затраты на добычу нефти, что позволяет уменьшать текущий доход, а впоследствии и сумму НДС, в связи с чем необходимо установить предел роста указанных затрат. В предлагаемом нами механизме изъятия горной ренты – это сумма нормативных затрат на добычу, соответствующих применяемой технологии добычи.

Далее, как указывают авторы: «НДС как рентный доход должен взиматься с тех лицензионных участков, где добыча нефти рентабельна. В данном случае под рентабельностью понимается такой финансовый результат, при котором доля чистой прибыли в текущем доходе не меньше некоторой установленной нормы. Та часть текущего дохода, которая остается после вычета всех налогов (кроме НДС) и нормированной чистой прибыли, и будет являться НДС»[17]. То есть НДС как рентный доход рассчитывается как разница между выручкой от реализации, затратами, суммой прочих налогов и нормированной чистой прибылью (то есть нормальной прибылью). Считаем, что необходимо из суммы прочих налогов исключить налоги, взимаемые из прибыли, что бы избежать двойного счета.

Для фиксации размеров налоговой нагрузки добывающего предприятия авторы предлагают использовать «...такое понятие, как порог налогового изъятия (N – авт.), который представляет собой некоторую фиксированную долю текущего дохода, идущую на уплату налогов. Сумма всех налогов, включая НДС, при рентабельном производстве не должна превышать данный порог»[17].

Тогда величина чистой прибыли (Пч) будет определяться следующим образом:

$$Пч = (1-N) Д,$$

Как указывают авторы: «правило порога налогового изъятия действует только при рентабельном производстве, когда выручка от реализации нефти превышает сумму издержек, налогов и нормированную чистую прибыль. При низкорентабельном или убыточном производстве сверхприбыли или рентного сверхдохода нет, поэтому такое производство не должно облагаться НДС»[17]. И это самое главное, что отличает данную методику от прочих. Если предприятие низкорентабельно, а сумма нормированной чистой прибыли на нем не достигает установленного уровня, такое предприятие не должно выплачивать НДС. Добавим от себя – не выплачивать вообще или не в полной мере (то есть удельный вес всех налогов не должен превышать уровень порога налогового изъятия).

В предлагаемой нами концепции реформирования и в построенной на ее основе механизме изъятия горной ренты, основанном на принципе действия расчетных цен, положения, изложенные в работе Ахпателова Э.А. и Потеряева А.Г., направленные на стимулирование разработки низкорентабельных скважин и месторождений (высокозатратных залежей) уже заложены в предлагаемую систему изъятия горной ренты, путем включения их обоснованных повышенных затрат в соответствующую расчетную цену.

Также хотелось бы отметить, что у Ахпателова Э.А. и Потеряева А.Г. общая сумма порога налогового изъятия, формировалась за счет включения в нее налога на прибыль, НДС и суммы условно постоянных налогов, куда входят «НДС, экспортная пошлина, налог на имущество, единый социальный налог, местные налоги, рента (регулярные платежи за поиск и разведку), экологический налог и ресурсные платежи (за землю, воду, лес и пр.)»[17]. Другие экономисты считают, что «...горнодобывающие предприятия и другие недропользователи не должны платить те же налоги, что и торговые, машиностроительные, перерабатывающие, коммерческие предприятия, а кроме них еще и платежи за пользование недрами. С горных и других

предприятий - недропользователей следует взимать только налог на прибыль, социальный налог и следующие виды платежей: плата за землю (абсолютная земельная рента); плата за использование подземного пространства (абсолютная горная рента - "объемная"); плата за извлечение из недр полезных ископаемых и других ресурсов (абсолютная горная рента "потонная"); акциз (изъятие) части дифференциальной горной ренты - сверхприбыли; компенсационные платежи (компенсация ущерба, наносимого окружающей среде и людям горными работами, оплата уничтожаемых, потребляемых природных ресурсов: вода, лес и др.)»[205]. В предлагаемом механизме изъятия горной ренты ни порога налогового изъятия, ни налогов и платежей, предусмотренных для изъятия дифференциальной горной ренты (НДПИ, акцизы) устанавливать не нужно, так как горная рента не включается в расчетную цену, установленную для месторождений или их групп. Абсолютная рента (рента редкости) будет входить в состав цены нефти, как превышение над ценой, построенных на базе замыкающих затрат и ее будет получать владелец нефти – государство. Остальные же налоги и платежи должны выплачиваться в соответствии с налоговым законодательством и «Законом о недрах».

С помощью предлагаемого механизма будут решены и проблемы обоснованных повышенных затрат добывающих предприятий крайнего Севера, связанных с разработкой месторождений и воспроизводством МСБ, которые просто будут учтены в среднегрупповых (индивидуальных) расчетных ценах.

В рамках предлагаемого нами механизма изъятия горной ренты может быть устранен еще один крупный недостаток сложившейся системы налогообложения недропользователей, а именно порядка расчета и механизма использования НДПИ. Как отмечает С.А.Мясоедов: «Такой механизм расчета налога на добычу полезных ископаемых слабо стимулирует недропользователей на разработку трудноизвлекаемых

полезных ископаемых, на внедрение новой техники и применение новых технологий.

Основная причина отсутствия стимулов видится в том, что при расчете налога не учитывается уровень затрат предприятия на приобретение новой техники, внедрение инновационных технологий, на разработку трудноизвлекаемых или близко находящихся к уровню рентабельности участков месторождений. Таким образом, разрабатывающее месторождение предприятие не заинтересовано в снижении своих затрат за счет разработки и внедрения иногда рискованных инновационных решений, поскольку при определении налогооблагаемой базы не учитывается уровень прибыли, не сравнивается выручка с затратами, то есть не прибыль является налогооблагаемой базой.

Зачем тогда коммерческой организации увеличивать свою себестоимость за счет роста затрат при разработке менее рентабельных месторождений, если база налога на добычу полезных ископаемых формируется с выручки, а не с прибыли? При действующей системе налогообложения недропользователям экономически целесообразно осваивать месторождения только с лучшими характеристиками при минимальном вложении средств в извлечение полезного ископаемого из участков со сложными горно-геологическими и географо-экономическими характеристиками»[160, С. 80].

Следует отметить, что в рамках предлагаемого нами механизма изъятия горной ренты указанный недостаток может быть устранен за счет учета соответствующих затрат в цене, устанавливаемой для групп или конкретных месторождений. Кроме этого, для месторождений с тяжелыми горно-геологическими характеристиками и как следствие, с более высокими затратами на добычу нефти или других полезных ископаемых и цена, установленная для групп, в которые войдут эти участки или месторождения или для конкретных месторождений, будет по определению выше, так как ее основой явятся среднегрупповые или индивидуальные, предусмотренные

применяемой технологией затраты на добычу. Кроме этого, приобретение новой техники и внедрение инновационных технологий будет сопровождаться ростом объема квазиаренды, которую предлагается оставлять в распоряжении недропользователя полностью или частично.

По нашему мнению, следует согласиться с А.В. Ложниковой, что введение «...налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) выполняет фискальную функцию, но не выполняет компенсационную и стимулирующую функции. Так, единый налог на добычу полезных ископаемых практически не распространяется на сверхприбыль, которая возникает при более благоприятных условиях хозяйствования, и не заинтересовывает недропользователей в более эффективном использовании природного ресурса. Также отсутствует интерес к достижению максимального извлечения природного ресурса из месторождения в силу специфики распределения затрат в сырьевом комплексе: они достигают своего минимума при полном освоении месторождения, а затем по мере его истощения снова увеличиваются» [131, С. 98-99]. Почти то же самое пишет и Комиссарова Е.Н.: «Оптимальные налоговые системы должны выполнять следующие две основные функции: стимулирующую и регулируемую. Первая заключается в том, чтобы стимулировать освоение низкорентабельных месторождений или не прекращать разработку залежей в периоды низких цен на нефть. Регулирующая функция состоит в изъятии сверхдоходов, образующихся при эксплуатации высокоэффективных нефтедобывающих объектов» [105, С. 4]. Корепанов Н.А. считает, что государственная налоговая политика в области недропользования в РФ, вообще не оказывает стимулирующего воздействия и в связи с этим необходимо пересмотреть государственную налоговую политику в Российской Федерации, придав ей стимулирующий характер» [109, С. 43-44].

Мы уже говорили о недостатках, присущих НДПИ, которые во многом связаны с использованием плоской шкалы ставок, а так же, связанных с

порядком расчета и механизмом использования данного налога. Но именно использование предлагаемого нами механизма изъятия горной ренты, основанного на применении системы расчетных цен, использование и порядок расчета которых и будет обладать компенсационным (регулирующим) и стимулирующим характером.

Кроме этого, использование предлагаемого нами механизма изъятия горной ренты позволит решить проблему с использованием трансфертного ценообразования с целью уменьшения налогооблагаемой базы и ухода от налогообложения, которые получили весьма широкое распространение и стали самым типичным налоговым преступлением в отрасли. Как отмечает Алабердеев Р.Р.: «Подобные способы уклонения от налогов применялись буквально всеми нефтегазовыми компаниями»[9, С. 34]. Финансовый эффект от ликвидации трансфертного ценообразования, как самого типичного налогового преступления в отрасли может быть весьма значительным и привести к серьезному росту налоговых поступлений от НГК, в условиях, когда «...в бюджет не попадают от 30 до 50% подлежащих уплате налогов»[9, С. 32-33]. При этом: «Налоговый контроль в целях выявления минимизации налогов посредством применения трансфертного ценообразования является одним из самых трудоемких для налоговых органов» [227, С. 132].

Потребность в трансфертном ценообразовании просто отпадет, так как нефть будет оставаться в собственности государства, а ее добыча - оплачиваться сразу после ее добычи по заранее установленным среднегрупповым или индивидуальным расчетным ценам.

4.4 Институциональные основы организации расчетного центра в механизме изъятия дифференциальной горной ренты

Предложенный нами механизм изъятия в бюджет государства горной ренты, основанный на применении системы расчетных цен, невозможен без

организации центрального органа (расчетных центров или их системы), который будет осуществлять расчеты с нефтяными компаниями, покупателями нефти и бюджетом, так же является важнейшим элементом концепции реформирования изъятия горной ренты.

Остановимся на институциональных основах организации указанного расчетного центра в механизме изъятия в бюджет страны горной ренты.

В этих условиях одним из основных вопросов организации деятельности расчетного центра станет следующий вопрос: это будет центральный (единый) расчетный центр или создание системы региональных или функциональных расчетных центров. Следует отметить, что данный вопрос весьма важен для обеспечения эффективного выполнения расчетными центрами возложенных на них функций. В частности, в СССР присутствовали оба способа их построения: централизованные расчетные центры и их системы.

При значительных количествах нефтеносных провинций с огромным числом разнородных, по условиям добычи месторождений и с учетом необходимости выполнения большого количества разнородных функций более предпочтительной является система указанных центров. В частности, в обязанности расчетных центров должны входить функции, связанные с определением уровней расчетных цен; формирование групп месторождений с приблизительно равными природными условиями добычи; учет фактических объемов добычи нефти по каждому месторождению; проведение расчетов по оплате добычи нефти и ее дальнейшей продаже; перечисление полученной горной ренты в бюджет и т.д.

Таким образом, указанные центры будут представлять собой чисто расчетные органы, выполняющие функции, непосредственно связанные с организацией соответствующих расчетов и платежей.

Однако следует отметить, что такой подход ориентируется, скорее, на опыт функционирования плановой экономики, с ее четко определенными отраслями, подотраслями, производственными объединениями с планово

установленными твердыми ценами. В этих условиях, когда расчетные цены использовались для обеспечения рентабельной работы всех хозяйственных звеньев соответствующей подотрасли, угольного бассейна и т.д. их создание внутри отраслей, на соответственном подведомственном уровне можно признать обоснованным. Однако, в современных условиях, когда рентные отношения, связанные с изъятием горной ренты затрагивают лишь независимые частные (акционерные) нефтяные компании и государство, основную часть функций расчетных центров можно передать соответствующим налоговым органам. Ведь проведение соответствующих расчетов для внедрения предлагаемого механизма, в принципе, соответствует дифференциации ставок НДС. Тогда, в нефтяной провинции или при группе нефтяных месторождений будет создаваться расчетные центры, которые будут документально оформлять передачу добытой нефти нефтяными компаниями ОАО «АК «Транснефть» и ОАО «РЖД» для их транспортировки к местам сбыта и осуществлять соответствующие платежи. Налоговые органы будут устанавливать расчетные цены на тонну добытой нефти для отдельных месторождений и их групп на базе нормативных затрат, соответствующих принятой на данном месторождении или их группе технологии добычи и цены реализации, рассчитанные на основе замыкающих затрат, при этом ставка изъятия горной ренты (рентного платежа) для данного месторождения или группы месторождений будет выступать как разница между ценой рассчитанной на основе замыкающих затрат и соответствующей расчетной ценой. Тогда сумма изымаемой горной ренты (рентного платежа) данного месторождения за соответствующий период будет равна ставке рентного платежа помноженной на объем добычи месторождения за указанный период. После реализации нефти расчетные центры будут расплачиваться с нефтяными компаниями по расчетным ценам, определенным и утвержденным соответствующими налоговыми органами. Реализовываться же нефть потребителям будет по ценам, построенным на базе замыкающих затрат с учетом транспортных расходов,

которые будут перечисляться ОАО «АК «Транснефть» и ОАО «РЖД». Изъятая горная рента (рентный платеж) данного месторождения, будет перечисляться в федеральный и соответствующие местные бюджеты в соответствии с установленными пропорциями распределения доходов между соответствующими бюджетами.

Для недопущения необоснованного увеличения затрат добывающими предприятиями с целью незаконного присвоения горной ренты, расчетным центрам придется заниматься определением предельных уровней затрат по тем статьям, которые не включаются в нормативные затраты для определенным технологиям. К таким затратам, например, должна относиться заработная плата всем категориям работников и она не должна в 3 раза превышать среднюю заработную плату по стране, а соответствовать ей [120, С. 27]. Так, С.А. Кимельман предлагает, что нормированные затраты должны устанавливаться «...исходя из распространенной на практике современной (на момент их расчета) технологии, зафиксированной государством в технологических регламентах и правилах» [91]. Но в таком случае, как уже отмечалось, определенная часть месторождений будет убыточной, так как принятая в свое время технология добычи по сути дела не подлежит совершенствованию, из-за ее инерционности и практической неизменяемости на все время освоения месторождения. В соответствии с этим, для расчета следует использовать фактические нормативные затраты, соответствующие используемой технологии добычи, а не нормативные затраты, соответствующие распространенной на практике современной технологии.

Базой цены на нефть для внутреннего рынка должна стать сумма замыкающих затрат на добычу, а так же нормальная прибыль добывающих предприятий, что отнюдь не бесспорно для отдельных экономистов. Так, Гурвич Е., рассматривая направления потери ренты для государства, одним из главных их направлений считают «...установление государством низких регулируемых внутренних цен на газ. Потери ренты выявляются при сопоставлении внутренней цены с равновесной (при свободном, рыночном

формировании цен). Последняя, согласно общепринятому методу, определяется как цена экспорта за вычетом дополнительных затрат на транспортировку газа до границы. По нашим расчетам, в среднем за рассматриваемый период фактические цены внутреннего рынка (с учетом как производственных потребителей, так и населения) составляли лишь 1/4 равновесных. Для населения разрыв еще сильнее: цены приобретения в среднем были в семь раз ниже равновесных цен»[62, С. 18]. Однако следует отметить, что «...регулирующие органы, устанавливая тарифы на газ и электроэнергию, действуют компромиссно, стараясь в той или иной мере учесть интересы, как производителей, так и потребителей» [154, Т. 3. С. 43].

Следующее направление потерь ренты связано с использованием экспортных пошлин и НДС: «Изъятие ренты при экспорте нефти и газа (проводимое с помощью НДС и экспортных пошлин), как было показано выше, нельзя считать избыточным. Следовательно, правительство могло бы претендовать на получение такой же ренты от углеводородов, реализуемых на внутреннем рынке. Это можно осуществить, например, отменив экспортные пошлины и одновременно повысив НДС (до нынешней суммарной величины НДС и экспортных пошлин). Отметим, что при поставках сырой нефти в дальнее зарубежье экспортные пошлины примерно в 2,5 раза выше, чем уплачиваемый НДС. Применение экспортных пошлин обеспечивает льготный налоговый режим для внутренних поставок (уменьшая здесь рентные платежи в 3,5 раза), то есть предоставляет производителям субсидии на них» [62, С. 18-19].

Следует отметить, что подобное уравнивание мировых и внутренних цен на газ поддерживают и другие экономисты: «В России дополнительным стимулом для освоения месторождений с трудноизвлекаемыми запасами должно быть повышение цен на газ до экономически обоснованного уровня согласно принципу равнодоходности внутренних и экспортных цен»[22, С. 81].

Такое установление цен для внутреннего рынка на нефть и газ на уровне мировых никак нельзя признать обоснованным. Да, недра, по Конституции РФ принадлежат государству. Реализуя углеводороды на мировых сырьевых рынках, государство получает дополнительный доход – ценовую ренту. Но почему же внутренние цены должны соответствовать мировым? Ведь государственная собственность – это общенародная собственность. А как же идея «системы национального имущества», выдвинутая Гребенниковым В.Г., Львовым Д.С., Разовским Ю.В.? Моргунов Е.В. следующим образом объясняет позицию вышеперечисленных ученых: «Природные ресурсы (земля, недра и т.п.) являются общественной собственностью. Право распоряжения (управления) ими принадлежит государству или специальной управляющей компании. Право использования природных ресурсов принадлежит любому хозяйствующему субъекту, предложившему по итогам аукциона (конкурса) наилучшие условия природопользования (величина платежей, объем добычи и переработки, развитие инфраструктуры и проч.). Доход распределяется между управляющей компанией (государством), природопользователем и собственником природных ресурсов – обществом»[158, С. 12]. Более того, многие положения этой системы уже используются в США, штате Аляска. Использование этих положений в России поддерживают многие экономисты: «Есть предложения часть собранной ренты направлять в общественные фонды, либо перечислять на личные счета граждан России (по примеру Аляски)»[236, С. 3]. Мы не согласны с предложениями использовать опыт Аляски для перечисления горной ренты на личные счета граждан России. «Наоборот, Россия должна использовать исторический шанс вернуть себе достойное место Великой державы в глобальной экономике за счет реализации имеющихся поистине огромных неиспользуемых резервов поддержания и повышения конкурентоспособности продукции сырьевого сектора экономики (прежде всего за счет комплексного использования природных ресурсов), поскольку отечественная продукция обрабатывающих

отраслей во многих случаях неконкурентоспособна»[127, С. 59]. Но предлагать в этих условиях устанавливать внутренние цены, предназначенные для совладельцев этого имущества на уровне мировых, представляется неправомерным.

Как отмечает Фадлалла А.Р.: Природная рента рассматривается ...как общегражданский вид дохода (гражданская рента), который по праву собственности должен принадлежать всем гражданам страны в равной мере. Доказано, что присвоение государством природной ренты - это изъятие в пользу общества той ценности, которую доставляют природные ресурсы благодаря развитию всего общества»[236, С. 9].

При установлении внутренних цен необходимо учитывать, что необходимо «...удерживать внутренние цены на сырье и энергоносители на уровне ниже мировых, что очень важно для поддержания конкурентоспособности обрабатывающей промышленности и предотвращения инфляции издержек»[237, С. 155].

Потому мы полностью согласны с точкой зрения, что основу, «...подходов к определению перспективных внутренних цен природных ресурсов и соответствующих им рентных платежей составляют следующие положения: рыночные цены ориентируются на предельные (замыкающие) затраты, а потенциальная рента, возникающая у каждого поставщика природного ресурса, равна разности между выручкой от продажи ресурса на рынке с присущими ему конкретными условиями потребления и предложения ресурсов и затратами на производство и доставку ресурса на рынок включая возможности развития производства в перспективном периоде и выплаты дивидендов»[218, С. 97]. Естественно, все, что сказано о ренте, возникающей у каждого поставщика природного ресурса, так же имеет отношение и к определению размеров расчетных цен в предлагаемом механизме, основанном на их использовании.

При реализации нефти на мировых рынках сырья используются принципиально иные принципы формирования цен. При этом проводится

согласованная с другими странами экспортерами нефти политика. В связи с этим роль рассматриваемого органа ограничивается передачей соответствующим государственным органам необходимых, для выполнения заключенных внешнеторговых договоров, объемов нефти и получение за нее оплаты в рублевом эквиваленте.

Нами представлен только весьма общий и вероятно, неполный перечень функций, который считаем необходимым вменить в обязанности расчетного центра (центров). Неизбежно, в процессе модернизации российской экономики и топливно-энергетического комплекса страны перед расчетными центрами встанут совершенно иные функции, которые добавятся к перечисленным выше функциям. Одной из таких причин, несомненно, станет геологическое изучение, разработка и начало добычи углеводородов на Крайнем Севере, на арктическом шельфе и т.д.

При этом, если предпочтение будет отдано системе расчетных центров, что является наиболее целесообразным, то для организации и координации работ расчетных центров необходимо создание главного (центрального) расчетного центра.

Однако часть горной ренты, аккумулируемой расчетными центрами необходимо передать в специально создаваемые финансовые фонды, предназначенные для решения особенно важных задач, стоящих перед самой отраслью.

Первая такая проблема – это организация эффективного воспроизводства минерально-сырьевой базы, которая в современных условиях стоит чрезвычайно остро.

Сегодня рост добычи полезных ископаемых нарастает. Как отмечает А.Н. Олейник: «Средняя величина истощения энергетических ресурсов для Российской Федерации, рассчитанная для десятилетия с 1995 по 2005 год (оно включает в себя периоды как высоких, так и низких цен на энергоносители), равна 27, что в 4,3 раза превышает среднюю величину

($M=6,3$, $\sigma=15$) для 173 стран мира»[175, С. 118], и это положение будет только усугубляться.

В настоящее же время в ТЭК страны наблюдается «...отсутствие новых объектов для освоения, падение добычи, истощение активных запасов, восполнение которых будет длительным процессом, требующим значительных капиталовложений»[95, С. 180]. Таким образом, сегодня: «Из-за резкого снижения объемов геологоразведочных работ уровни добычи полезных ископаемых не компенсируются приростом запасов. Так, в последние годы, по сравнению с 1980 - 1990 гг., объемы геологоразведочных работ, особенно на шельфе России, сократились в 10 раз...За последние 16 лет не было прироста ни по одному виду полезных ископаемых: прирост не превышает добычи; «проедается» все, что было разведано в «дореформенное» время»[111]. Цветков В.А. отмечает: «Одновременно, при росте добычи нефти происходит сокращение проведения работ по разведочному бурению: за 1986 – 1990 годы в России добыто 2760 млн. тонн топлива, приращено запасов – 6980; за 1995 – 2000 годы – 1538 и 1245 млн. тонн. После 2000 года добыча вдвое опережает прирост запасов. При этом за период с 1990 г. не открыто ни одного крупного месторождения»[243, С. 37]. В связи с вышесказанным, многие экономисты считают «разрушение стратегических исследований недр, наряду с потерей воспроизводства ресурсного потенциала, является тяжелейшей ошибкой постсоветского периода»[104, С. 105].

В связи с вышесказанным, по нашему мнению целесообразно при главном (центральном) расчетном центре создать целевой фонд, задачей которого станет организация геологических работ по воспроизводству МСБ в масштабах всей страны и проведения геологических работ стратегического характера. Следует отметить, что «...создание государственного фонда на проведение геологоразведочных работ»[161] поддерживается и другими экономистами.

А с учетом того, что «...действующая создана плодами интеллекта тридцати-пятидесятилетней давности, когда работали десятки и даже сотни НИИ в Академии наук, в геологической и горных отраслях. Сегодня интеллектуальный потенциал в геологии уменьшился до нескольких НИИ, которые не в состоянии надежно подпитывать ССЭ, что объективно приводит к стагнации и естественному истощению МСБ, а также отсутствию научно обоснованных перспектив восстановления активной, рентабельной части МСБ»[95, С. 181]. Как отмечает Козловский Е.А., существующая система управления процессом исследования недр привела к «потере серьезного научного задела, развалу территориальных геологических организаций и производственно-технического обеспечения, потере квалифицированных кадров»[104, С. 103]. В связи с этим, имеет смысл создать и соответствующие региональные отделения при центральном геологическом фонде. Следует отметить, что многие экономисты поддерживают «...необходимость государственной поддержки и регулирования комплексного освоения и использования ресурсов недр»[127, С. 68].

Кстати, многие регионы понимают важность проведения геолого-разведочных работ на их территории и предоставляют льготы организациям, проводящим такие работы. Так, «например, закон Томской области № 2-ОЗ от 08.01.2004 г. «О предоставлении налоговых льгот организациям, осуществляющим работы по геологическому изучению участков недр на территории Томской области» устанавливает порядок и условия предоставления льгот по налогу на прибыль. Согласно данному закону налоговые льготы предоставляются организациям, осуществляющим добычу полезных ископаемых, которые несут затраты по выполнению работ по геологическому изучению участков недр на территории Томской области»[14, С. 7]. (См. приложение 5).

Другое направление создания специального целевого фонда – инвестиционное. Причем, по мнению некоторых экономистов: «...в общем

случае рента как общественный продукт своего возникновения должен идти полностью в бюджет государства через ее налогообложение. Однако может быть исключение в случае снижения темпов роста и развития рентной отрасли по каким-либо причинам. Обычно такие причины усматриваются в недостатке инвестиционных ресурсов. В этом случае государством должны быть обеспечено снижение ставок налогообложения ренты, оставшаяся часть которой в этом случае должна пойти на инвестиции в отрасли»[171, С. 152]. Как отмечает А. Некипелов: «Потребности в инвестициях у российской экономики очень большие»[167]. И одно из главнейших направлений этих инвестиций – Российская добывающая промышленность. При этом, «...в современных условиях ТЭК мог бы стать своеобразным высокотехнологическим процессом, требующим значительных инноваций» [168, С. 70]. С этим согласен и В.Т. Рязанов, который, отмечая, что в ближайшие годы российские нефтегазовые компании направят на своё развитие 8,5 трлн. рублей, из них на современное оборудование — 3,2 трлн. рублей: «ТЭК сам должен превратиться в значимый наукоемкий и высокотехнологичный комплекс и одновременно стать генератором распространения инновационной волны по всему народному хозяйству»[210, С. 174].

А с учетом того, что уровень физического износа оборудования в нефтедобыче весьма высок. Как свидетельствует Крюков В.А., «в нефтегазовом же секторе ... основные активы, созданные в период до 1990 г., стали использоваться более интенсивно и до сих пор составляют основу его производственного аппарата»[113, С. 88]. Сагитдинова Г. характеризует их как «...старые, выработавшие срок службы, изношенные низкоэффективные основные фонды, которые уже были амортизированы»[212, С. 2], то потребности в инвестициях на развитие нефтедобывающей отрасли «на период с 2010 по 2015 гг. необходимы в размере 44,1 млрд. долларов США, с 2015 по 2020 гг. – 48,3 млрд. долларов США»[147, С. 188]. При этом, в нефтедобыче ежегодный необходимый

объем инвестиций «...превышает 10 млрд. долл. (в рамках уже реализуемых проектов)»[115, С. 152]. Многие экономисты при этом считают, что «средств, остающихся в нефтяной отрасли, недостаточно для полноценного инвестиционного процесса, направленного на развитие производства. Подтверждением этому является факт привлечения нефтяными компаниями значительных кредитных ресурсов. От 60 до 80% инвестиций — это инвестиции именно в ТЭК — в энергетику и транспортировку энергии и углеводородного сырья»[56, С. 184].

В связи с этим, утверждение о том, что «...без государственного финансирования модернизация (ТЭК – авт.) невозможна, так как собственных средств на запуск подобного рода проектов у отрасли попросту нет, а иностранные компании в условиях глобального финансового кризиса не спешат делать долгосрочные вложения в развивающиеся рынки»[212, С. 2] представляется вполне обоснованным. В то же время: «Формально в России сумма природной ренты изымается в Стабилизационный фонд, т.е. поступает в федеральный бюджет в виде доходов, но не направляется на расходы. Рента не расходуется, а направляется на поддержание экономик развитых стран, на реализацию собственных экономических интересов отдельных чиновников и аффилированных им лицам и предприятиям»[226, С. 79].

В этих условиях возможно создание фондов направленных на технологическое развитие нефтедобывающей отрасли на двух уровнях: высокотехнологического обновления всей отрасли – на общегосударственном уровне (например, при главном (центральном) расчетном центре под эгидой Минэнерго России, которое будет участвовать в разработке, утверждать инновационные программы технологического обновления отрасли и контролировать расходование средств фонда); модернизации и обновления технологического оборудования и основных фондов в региональных отделениях фонда (например, в нефтеносной

провинции). О необходимости участия регионов в инвестиционном развитии нефтедобывающей отрасли говорят многие экономисты. Так, В. А. Крюков и А. Н. Токарев в своей работе «Инвестиционный климат в нефтегазовом секторе России» указывают, что «...практическая реализация ...составляющих благоприятного инвестиционного климата в России невозможна и нецелесообразна без участия в данных процессах регионов» [117, С. 85]. И здесь возможно совместное финансирование проектов за счет средств создаваемого фонда и собственных средств нефтедобывающих компаний.

И здесь нельзя забывать о том, что «...один рубль государственных средств привлекает 5-6 рублей частных инвестиций» [185, С. 50].

Однако следует помнить, что в условиях сырьевой экономики, ориентированной на экспорт энергоресурсов в национальном хозяйстве преобладает одна особенность. «Такая его особенность проявляется, в частности, в том, что экспорт сырья становится основным каналом бегства капитала из страны» [168, С. 70]. При этом: «О масштабе вывоза средств за рубеж свидетельствуют суммы инвестиций, поступающих в Россию из стран с оффшорными зонами: например, в 2004 г. наибольший объем инвестиций поступил из Люксембурга — более 8 млрд. долл. США» [9, С. 35], Таким образом, предложение о сосредоточении прав собственности на нефть (и другие виды полезных ископаемых) в руках государства имеет под собой реальную практическую основу.

Следует отметить, что в РФ имеется опыт создания специальных региональных фондов, предназначенных для решения подобных задач.

Как свидетельствует Моргунов Е.В., специальные региональные фонды создавались в разных регионах России: Сахалинской области [158, С. 72-73], республике Коми [158, С. 73], Якутии [158, С. 73-74], Чукотки [158, С. 74], Таймырском (Долгано-Ненецком) АО [158, С. 74-75],

Создание и хозяйственная деятельность всех указанных региональных фондов сопровождалось нарушениями, а часто – хищениями.

Но это не единственные примеры. Следует упомянуть и о положительном опыте в области создания специальных региональных фондов, создаваемых за счет отчислений от природной (горной) ренты образуемой за счет добычи сырьевых ресурсов на территории Брянской области.

«В администрации Брянской области создан и функционирует Страховой инвестиционный фонд. В распоряжении фонда денег немного - всего лишь 13 млн. руб. Тем не менее, в результате успешного его размещения капитал прирастает. Деньги выдаются на возвратной основе под гарантии районных администраций. При этом ставка кредитования - всего около одной трети ставки рефинансирования Центробанка. Не было ни одного случая, чтобы кто-то не вернул долг» [158, С. 75].

«В 1994 году Окружная Дума утвердила проект закона «О региональном государственном фонде наследия Ханты-Мансийского автономного округа». Все эти годы в большей степени проводились эксперименты, как по формированию финансовой базы данного специального фонда, так и по определению направлений сбережения финансовых ресурсов в условиях крайне нестабильной российской финансово-экономической ситуации. Поэтому, например, отчисления в данный фонд осуществлялись не столько в денежной форме, сколько в форме передачи задолженности нефтяных компаний по налоговым платежам в бюджет ХМАО» [158, С. 75-76],

Все указанные фонды создавались в той или иной мере на основе опыта штата Аляска (США) по организации функционирования Постоянного фонда штата. Как отмечают В. А. Крюков, А. Е. Севастьянова и В. В. Шмат: «На Аляске основные усилия были направлены не столько на диверсификацию экономики, сколько на диверсификацию направлений расходования средств (не прямого инвестирования!), получаемых от добычи невозпроизводимых минерально-сырьевых ресурсов. Несомненный минус такой стратегии – формирование и закрепление психологии рантье и утрата духа

предприимчивости и созидательности» [119, С. 35].

В. А. Крюков, А. Е. Севастьянова и В. В. Шмат цитируют далее У. Хикла, бывшего губернатора Аляски, который отмечает, что к середине 80-х гг. «Аляскинцы стали ждать дивидендов так же, как наркоман стремится получить свою дозу наркотика. Народ смотрел на правительство как на источник ежегодной подачи, а не как на орган решения коллективных проблем. Новое поколение жителей Аляски не видело необходимости проявлять стремление к новым целям и новым достижениям» [119, С. 35].

Кроме этого, примеры создания указанных региональных фондов имеют одну особенность – они все создавались по разным сценариям, имели разные источники, организационные формы и направления использования. На наш взгляд, это не правильно. Все региональные фонды должны создаваться на основании единых нормативных документов. Конечно, учет территориальных особенностей необходим. Но указанный учет необходим на этапе использования источников фонда. Естественно, никто не будет требовать, что бы на Сахалине, в Якутии и Брянской области направления использования средств были одинаковы. Но финансовые источники образования средств, руководство фондом, его структура и принципы организации деятельности должны быть едиными и утверждены или одобрены сверху. Едиными должны быть организация финансовой дисциплины и средства контроля за деятельностью региональных фондов.

В заключении хотелось бы сказать, что в процессе осуществления деятельности расчетными центрами по проведению расчетов с месторождениями по ценам, установленным для отдельных месторождений и соответствующих их групп и потребителями по рыночным ценам как разница между указанными ценами, будет формироваться дифференциальная горная рента, подлежащая перечислению в бюджет страны. При этом возможно планирование и прогнозирование поступления объемов горной ренты на основе планов добычи нефти по месторождениям и определенных для них уровней расчетных цен.

Таким образом, деятельность расчетных центров будет способствовать необходимому постоянному уровню наполнения бюджета страны, и в то же время указанный механизм послужит серьезным препятствием инфляции.

Выводы

1. В недропользовании доходы рентного характера подразделяются на природную (горную) ренту, которая включает в себя абсолютную и дифференциальную ренту I и II и квазиренту. При этом следует отметить, что в современных условиях, по сути дела, невозможно отделить дифференциальную ренту II от квазиренды из-за сходных причин их образования. Кроме этого, дифференциальная рента II от квазиренды имеют единого собственника – недропользователя, осуществившего дополнительные вложения капитала и организовавшего мероприятия по внедрению новой техники и технологии. В связи с этим, в работе предлагается объединение дифференциальной ренты II и квазиренды в единый рентный доход. При этом, если дифференциальная рента II первоначально рассматривалась применительно к земельной ренте, а квазиренды с самого начала выступала как рента машин и прочего оборудования, считаем целесообразным сохранить за ней название – квазиренды.

2. В диссертационном исследовании доказано, что расчеты горной ренты могут достаточно точно производиться на макроуровне. При этом, для того, чтобы результаты расчетов могут быть использованы для определения максимально возможных сумм ее изъятия в бюджет страны необходимо соответствующее изменение системы ценообразования на сырую нефть. Цену на нефть предлагается определять как сумму замыкающих затрат и нормальной прибыли.

Для этого примем, что величина горной ренты по нефтедобывающей отрасли РФ будет рассчитываться как сумма рент по всем разрабатываемым

месторождениям. Пусть величина горной ренты данного месторождения определяется по следующей формуле:

$$P1 = (Z1 - Z3) \times B1,$$

Где: P1 - величина горной ренты данного месторождения;

Z1 - удельные затраты на добычу одной тонны (барреля) нефти;

Z3 - удельные замыкающие затраты на добычу одной тонны (барреля) нефти;

B1 - объем добычи нефти данного месторождения в тоннах (баррелях);

Тогда просуммировав горную ренту по всем месторождениям и преобразовав исходную формулу после суммирования, мы получим следующую формулу: $Pp = Z3Bp - Zp$,

Где: Pp - величина горной ренты по нефтедобыче в целом;

Bp – объем добычи нефти по отрасли в целом;

Zp – фактические затраты на добычу нефти по отрасли в целом.

В качестве примера в диссертационном исследовании предложена методика определения и проведены расчеты суммарных размеров горной ренты по крупной нефтяной компании «ЛУКОЙЛ» по предложенной формуле за 2011 год. В соответствии с расчетом годовой объем горной ренты при добыче нефти по группе «ЛУКОЙЛ» в 2011 году составил 17млн. 298тыс. 800 долларов. Однако, проведенный в работе расчет не позволяет сделать вывод о том, как соотносятся горная рента по группе «ЛУКОЙЛ» с величиной налогов, призванных изымать ее (НДПИ) и возможно ли увеличение налоговой нагрузки по группе «ЛУКОЙЛ» за счет дополнительного изъятия горной ренты. Это связано с тем, что основой цены на нефть являются вовсе не замыкающие затраты, а потому объем горной ренты по группе совершенно не сопоставим с суммой НДПИ, которая многократно превышает ее, а вместе с ней и общую сумму затрат на добычу углеводородов.

4. В работе также разработан механизм неналогового изъятия горной ренты, основанный на принципах функционирования расчетных цен, который является важнейшим элементом концепции реформирования ее изъятия. Основой предлагаемого механизма явится установление уровней расчетных цен для отдельных месторождений или их групп с подобными условиями добычи сырья. Основой определения расчетных цен будут выступать нормативные затраты, соответствующие технологии, используемой на месторождении. Технология добычи достаточно инерционна, почти не поддается изменениям в целях совершенствования и слабо подвержена изменениям в связи с изменениями объемов добычи. Тогда указанный механизм будет функционировать так: соответствующий расчетный центр будет продавать нефть оптовым покупателям по установленным рыночным ценам. Тогда определение горной ренты для данного месторождения будет сводиться к определению разницы между рыночными и индивидуальными или установленными для соответствующей группы расчетных цен, умноженной на (месячную, квартальную или годовую) добычу данного месторождения.

Таким образом, недропользователь будет полностью отделен от горной ренты, которая не будет входить в состав расчетных цен. Недропользователю же будет оставаться нормальная прибыль и вся квазирента, или ее часть, с целью стимулирования деятельности, направленной на повышение технического уровня добычи с целью роста ее эффективности.

При этом расчеты, проводимые в рамках действия предложенного механизма, позволяют также определить сумму квазиренты данного месторождения, которую целесообразно полностью или частично оставить в распоряжении недропользователя, с целью стимулирования его деятельности, направленной на повышение технологического уровня производства.

5. В рамках действия предложенного механизма изъятия горной ренты становится неоправданной передача прав собственности на нефть нефтяным

компаниям. Ведь, по сути дела, расчетная цена, которую предлагается устанавливать данному месторождению, фактически представляет собой цену добычи тонны нефти на нем. В соответствии с этим, предложено оставлять право собственности на нефть в руках государства и не передавать ее нефтяным компаниям. Указанное предложение так же является важным элементом концепции реформирования изъятия дифференциальной горной ренты. В этих условиях отпадает необходимость учета качества добытой нефти, так как природная рента, полученная за счет этого фактора, будет входить в рыночную цену на данный вид нефти, а осуществлять ее продажу будет государственный расчетный центр. Ренту по местоположению предлагается учитывать путем усредненной дифференциации региональных особенностей по этому фактору за счет установления зональных цен на нефть.

Еще одним элементом разработанной концепции является предложение о введении государственной монополии на внешнеторговые операции с нефтью. Осуществлять продажу нефти на внешнем рынке также будет государство, что станет серьезным препятствием на пути вывоза из страны капиталов, полученных указанными компаниями в процессе проведения операций на внутреннем и внешних рынках.

6. Использование предлагаемого механизма устранит недостатки использования плоской шкалы НДС, так как определение расчетных цен на базе нормативных затрат, соответствующих применяемой технологии добычи, по сути дела, обеспечит учет конкретных условий добычи отдельных месторождений. Кроме этого, предлагаемый механизм будет способствовать разработке низкорентабельных скважин и месторождений (высокозатратных залежей), так как их повышенные затраты на добычу будут заложены в расчетную цену соответствующих месторождений или их групп, то есть, использование предлагаемого нами механизма изъятия горной ренты, основанного на использовании системы расчетных цен, придаст рентной

политике государства компенсационный (регулирующий) и стимулирующий характер.

7. Рассмотрены институциональные основы организации указанного расчетного центра (расчетных центров) в механизме изъятия в бюджет страны горной ренты. Механизм действия указанных расчетных центров так же выступает одним из важных элементов разработанной концепции реформирования изъятия горной ренты.

В этих условиях одним из основных вопросов организации деятельности расчетного центра станет следующий вопрос: это будет центральный (единый) расчетный центр или создание системы региональных или функциональных расчетных центров. Следует отметить, что данный вопрос весьма важен для обеспечения эффективного выполнения расчетными центрами возложенных на них функций. В частности, в СССР присутствовали оба способа их построения: централизованные расчетные центры и их системы.

Большое количество нефтеносных провинций с огромным числом разнородных, по условиям добычи, месторождений и с учетом необходимости выполнения большого количества различных функций предполагает необходимость, создания системы расчетных центров. В частности, в обязанности расчетных центров должны входить функции, связанные с определением уровней расчетных цен; формирование групп месторождений с приблизительно равными природными условиями добычи; учет фактических объемов добычи нефти по каждому месторождению; проведение расчетов по оплате добычи нефти и ее дальнейшей продаже; перечисление полученной горной ренты в бюджет и т.д.

В этих условиях можно разделить функции, связанные с оплатой добычи нефти и ее продажей и установлением соответствующих расчетных цен между расчетным центром, который будет заниматься операциями с нефтью и их документальным оформлением и налоговыми органами, которые будут устанавливать уровень соответствующих расчетных цен. При

этом, разница между ценой, построенной на базе замыкающих затрат и соответствующей расчетной ценой будет представлять собой ставку рентного платежа данного месторождения (размер дифференциальной горной ренты для тонны нефти, добытой на нем). Общая же сумма горной ренты данного месторождения будет рассчитываться как разница между стоимостью добытой на нем нефти в ценах, построенных на базе замыкающих затрат и в индивидуальных (среднегрупповых) расчетных ценах и будет перечисляться бюджет страны.

Таким образом, указанные центры будут представлять собой чисто расчетные органы, выполняющие функции, непосредственно связанные с организацией соответствующих расчетов и платежей.

Естественно, если предпочтение будет отдано системе расчетных центров, что является наиболее целесообразным, то для организации и координации работ функциональных или региональных расчетных центров необходимо создание главного расчетного центра.

В связи с вышесказанным, по нашему мнению целесообразно при главном (центральном) расчетном центре создать целевой фонд, задачей которого станет организация геологических работ по воспроизводству минерально-сырьевой базы в масштабах всей страны. При этом целесообразно будет создать не только центральный финансовый фонд при главном (центральном) расчетном центре для восстановления МСБ и проведения геологических работ стратегического характера, но и создать соответствующие региональные отделения фонда (например, в нефтеносных провинциях).

Другое направление создания специального целевого фонда при расчетных центрах – инвестиционное. Это связано с тем, что основу производственно потенциала в нефтегазовом секторе составляют основные фонды, созданные в период до 1990 г., которые Сагитдинова Г. характеризует как «старые, выработавшие срок службы, изношенные низкоэффективные основные фонды, которые уже были амортизированы»

[212, С. 2]. Многие экономисты, при этом, считают, что «средств, остающихся в нефтяной отрасли, недостаточно для полноценного инвестиционного процесса, направленного на развитие производства» [56, С. 184]. Таким образом, помощь государства в инвестиционном развитии нефтедобывающей отрасли России, например, в форме создания предлагаемого фонда, просто необходима. В этих условиях возможно создание фонда и его отделений, направленных на технологическое развитие нефтедобывающей отрасли на двух уровнях: высокотехнологического обновления всей отрасли – на общегосударственном уровне (например, при Минэнерго России); модернизации и обновления технологического оборудования и основных фондов в регионе (например, в нефтеносной провинции).

При проведении операций расчетными центрами по проведению расчетов с добывающими предприятиями и потребителями нефти по индивидуальным (среднегрупповым) и единым (зональным) ценам как разность между ними будет формироваться горная рента, которая будет перечисляться в бюджет страны.

Таким образом, внедрение предлагаемого механизма сможет обеспечивать соответствующее пополнение бюджета страны и в то же время указанный механизм послужит серьезным препятствием развитию инфляционных процессов в стране.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное диссертационное исследование посвящено разработке концепции реформирования изъятия дифференциальной горной ренты в нефтедобывающей промышленности России.

Указанная концепция включает в себя ряд основных положений:

- обоснование сущности дифференциальной горной ренты;
- разработка методики определения расчетных цен, как основного элемента предлагаемого механизма изъятия дифференциальной горной ренты в Федеральный бюджет;
- разработка предлагаемого механизма изъятия дифференциальной горной ренты в Федеральный бюджет;
- разработка механизма деятельности расчетных центров, как институциональной основы функционирования предлагаемого механизма;
- обоснование неправомерности передачи права собственности на нефть недропользователям, и оставление ее в собственности государства;
- обоснование экономической целесообразности введения государственной монополии на внешнюю и внутреннюю торговлю нефтью.

Разработка концепции реформирования изъятия дифференциальной горной ренты (цель диссертационного исследования) определила его основные задачи:

- рассмотреть классические и современные воззрения на сущность горной ренты, с целью выявления тех из них, которые в наибольшей мере соответствуют ее экономическому содержанию;
- определить причины образования горной ренты в добывающей промышленности (нефтедобыче);
- выявить структуру цены в нефтедобыче и определить место рентных доходов в ней;
- рассмотреть существующие методики расчета горной ренты, выявить их достоинства и недостатки;

– рассмотреть основные инструменты изъятия, распределения и перераспределения горной ренты и охарактеризовать перспективы и возможности их дальнейшего применения;

– предложить методические основы определения сумм горной ренты, основанные на учете конкретных природных условий добычи полезных ископаемых (его качества), или показателей, их отражающих;

– разработать механизм, обеспечивающий максимально полное и своевременное поступление горной ренты в бюджет страны и его институциональную организацию;

– разработать методические основы определения размеров и принципы распределения квазиренты в нефтедобывающей промышленности;

– определить правомерность передачи права собственности на нефть недропользователям после ее добычи;

– предложить создать специальные фонды за счет горной ренты для обеспечения финансирования геологического изучения недр (восполнение МСБ) и инвестиционного развития в нефтедобывающей промышленности России.

Для выполнения указанных задач в работе определена сущность горной ренты и структура цен и границы их компонентов, а так же положение в цене всех рентных доходов в нефтедобыче РФ. Проведенный в работе анализ показал что при рассмотрении вопросов образования, определения размеров, построения механизма изъятия в бюджет дифференциальной горной ренты наиболее целесообразными и оправданными являются классические воззрения на данный вид рентных доходов, который обуславливается значительной дифференциацией в природных условиях добычи и разницей в качестве полезных ископаемых и выступает как разница между замыкающими удельными и фактическими удельными затратами на месторождении умноженными на его объем добычи сырья, и или разницей в ценах на сырье различного качества.

Получившая в последнее время широкое распространение «сверхприбыльная концепция» в рентообразовании несовместима с категорией дифференциальной горной ренты, так как указанная концепция основывается на сравнении экономических показателей, а не природных условий добычи на отдельных месторождениях и различий в качестве сырья.

В работе сформулированы принципы построения цен в нефтедобыче на основе суммы замыкающих затрат и нормальной прибыли и определены соотношения между компонентами рыночной цены, в том числе и доходами рентного характера.

Проведены расчеты падения рентабельности нефти от момента ее добычи до реализации нефти потребителю (по данным компании «ЛУКОЙЛ»). Проведенный расчет показал, что самое значительное падение рентабельности нефти происходит на этапе ее реализации потребителю, на котором не может быть никаких значимых затрат, а это может быть объяснено лишь тем, что с целью присвоения горной ренты, компании применяют специальные схемы налоговой оптимизации, трансфертные ценообразование и прочие методы, позволяющие компаниям уходить от налогообложения;

Рассмотрены также причины образования горной ренты и других видов рентных доходов в нефтедобыче. Проанализированы существующие методики расчетов размеров горной ренты, выявлены их достоинства и недостатки. Рассмотрены инструменты систем налогообложения добывающих отраслей в отношении изъятия горной ренты и определено, насколько эффективно они справляются с данной функцией. Показано, что самым большим недостатком указанных инструментов является почти полное отсутствие связи между их величиной и природными условиями добычи на конкретных месторождениях. Кроме этого анализ инструментов изъятия и перераспределения горной ренты показал, что использование плоской шкалы НДС приводит к ее неполному изъятию и к масштабному оставлению горной ренты в распоряжении добывающих предприятий. Это

доказывает необходимость скорейшего реформирования изъятия в федеральный бюджет дифференциальной горной ренты.

Далее, в работе доказана возможность расчета величины горной ренты на макроуровне и получены формулы для ее расчета. В качестве примера проведены расчеты по указанным формулам по компании «ЛУКОЙЛ» за 2011 год. Однако, проведенный в работе расчет не позволяет сделать вывод о том, как соотносятся горная рента по группе «ЛУКОЙЛ» с величиной налогов, призванных изымать ее (НДПИ) и возможно ли увеличение налоговой нагрузки по группе «ЛУКОЙЛ» за счет дополнительного изъятия горной ренты. Это связано с тем, что основой цены на нефть являются не замыкающие затраты, а потому объем горной ренты по группе совершенно не сопоставим с суммой НДПИ, которая многократно превышает ее, а вместе с ней и общую сумму затрат на добычу углеводородов. Таким образом, для того, что бы результаты расчетов могли быть использованы для определения оптимальных сумм изъятия горной ренты в федеральный бюджет, необходимы соответствующие изменения системы ценообразования на сырую нефть и основой цены на нефть должны стать замыкающие затраты.

С целью устранения указанного недостатка, в работе разработан механизм прямого неналогового изъятия горной ренты в федеральный бюджет, который является важнейшим элементом концепции реформирования ее изъятия. Действие данного механизма основано на принципах функционирования расчетных цен. Тогда указанный механизм будет функционировать так: соответствующий расчетный центр будет продавать нефть оптовым покупателям по установленным рыночным ценам, а расплачиваться с месторождениями по индивидуальным (среднегрупповым) расчетным ценам. Уровень расчетной цены для данного месторождения предлагается определять на основе нормативных затрат, соответствующих технологии добычи данного месторождения. Это связано с тем, что технология добычи инерционна, почти не поддается изменениям в целях совершенствования и слабо подвержена изменениям в связи с

изменениями объемов добычи. Кроме этого, предлагается сгруппировать месторождения в группы со сходными природными условиями добычи, что будет выражаться в сходных по уровню нормативных затратах месторождений. Тогда определение горной ренты для данного месторождения будет сводиться к сравнению рыночной (единой или зональной) и индивидуальной или среднегрупповой расчетной цены, умноженному на (месячную, квартальную или годовую) добычу данного месторождения. В предлагаемом неналоговом механизме изъятие горной ренты будет производиться с помощью системы расчетных цен, и использование указанного механизма устранил недостатки использования налога на добычу полезных ископаемых с плоской шкалой, то есть внедрение предлагаемого механизма будет способствовать разработке низкорентабельных скважин и месторождений (высокозатратных залежей), так как их повышенные затраты на добычу будут заложены в расчетную цену соответствующего месторождения или группы месторождений, что придаст рентной политике государства компенсационный (регулирующий) и стимулирующий характер.

При этом расчеты, проводимые в рамках действия предложенного механизма, позволяют также определить сумму квазиренты данного месторождения, которую целесообразно полностью или частично оставить в распоряжении недропользователя, с целью стимулирования его деятельности, направленной на повышение технологического уровня производства.

Предложенный нами механизм изъятия в бюджет страны горной ренты, основанный на применении расчетных цен, невозможен без организации органа (расчетного центра) или их системы, который будет осуществлять оплату добычи нефти, а затем продавать ее на внутреннем рынке.

Большое количество нефтеносных провинций с огромным числом разнородных, по условиям добычи, месторождений и с учетом необходимости выполнения большого количества различных функций

предполагает необходимость, создания системы расчетных центров. В частности, в обязанности расчетных центров должны входить функции, связанные с определением уровней расчетных цен; формирование групп месторождений с приблизительно равными природными условиями добычи; учет фактических объемов добычи нефти по каждому месторождению; проведение расчетов по оплате добычи нефти и ее дальнейшей продаже; перечисление полученной горной ренты в бюджет и т.д.

В этих условиях можно предложить разделить функции, связанные с оплатой добычи нефти и ее продажей и установлением соответствующих расчетных цен между расчетным центром, который будет заниматься операциями с нефтью и их документальным оформлением и налоговыми органами, которые будут устанавливать уровень соответствующих расчетных цен. При этом, разница между ценой, построенной на базе замыкающих затрат и соответствующей расчетной ценой будет представлять собой ставку рентного платежа данного месторождения (размер дифференциальной горной ренты для тонны нефти, добытой на нем). Общая же сумма горной ренты данного месторождения будет рассчитываться как разница между стоимостью добытой на нем нефти в ценах, построенных на базе замыкающих затрат и в индивидуальных (среднегрупповых) расчетных ценах и будет перечисляться бюджет страны.

Без организации системы расчетных центров функционирование разработанного механизма невозможно. Поэтому система расчетных центров и механизм их деятельности так же явится важным элементом предлагаемой концепции.

В этих условиях становится неоправданной передача прав собственности на нефть нефтяным компаниям. Ведь, по сути дела, расчетная цена, которую предлагается устанавливать данному месторождению, фактически представляет собой цену добычи тонны нефти на нем. В соответствии с этим, предложено оставлять право собственности на нефть в руках государства и не передавать ее нефтяным компаниям, без чего

действие предложенного механизма становится невозможным. Таким образом, сохранение собственности на нефть в руках государства так же является необходимым элементом предлагаемой концепции. В этих условиях отпадает необходимость учета качества добытой нефти, так как природная рента, полученная за счет этого фактора, будет входить в рыночную цену на данный вид нефти, а осуществлять ее продажу будет государственный расчетный центр. Ренту по местоположению предлагается учитывать путем усредненной дифференциации региональных особенностей по этому фактору за счет установления зональных цен на нефть.

Другим важным элементом предлагаемой концепции является введение государственной монополии на внешнеторговые операции с нефтью. То есть осуществлять продажу нефти на внешнем рынке будет государство, что станет серьезным препятствием на пути вывоза из страны капиталов, полученных указанными компаниями в процессе проведения операций на внутреннем и внешних рынках. С другой стороны это облегчит проведение оптимальной (в том числе и межгосударственной) ценовой политики соответствующих государственных органов или компаний, согласование объемов продаж и т.д. Кроме этого, введение монополии внешней торговли на нефть компенсирует часть потерь федерального бюджета от ликвидации НДС. Ведь государство будет получать не только экспортные пошлины, но и всю прибыль от экспортных операций по торговле сырой нефтью.

Кроме этого в диссертационном исследовании разработаны институциональные основы деятельности расчетного центра, как основного элемента организации функционирования предлагаемого механизма, определены его функции и задачи. Предложено так же создание при расчетном центре специализированного геологического фонда для обеспечения восполнения минерально-сырьевой базы и специализированного инвестиционного фонда для повышения технологического уровня отрасли путем замены техники и технологий, введенных в эксплуатацию до 1990 года

на современное технологическое оборудование, отвечающее последним требованиям в этой области.

Научная новизна выполненной работы состоит:

1. Обосновано, что поскольку в основе образования горной ренты лежит дифференциация природных условий добычи полезных ископаемых и (или) различия в качестве полезного ископаемого, величина горной ренты представляет собой функцию от этих различий. Исчисление горной ренты как разности между получаемой и нормальной прибылью не может решить задачи их учета.

2. Сформулированы принципы построения цены в нефтедобыче, основанной на суммировании замыкающих (худших) затрат и нормальной прибыли и рассмотрена ее структура (представлено место всех рентных доходов и прочих компонентов в структуре рыночных цен в нефтедобывающей промышленности РФ).

3. Приведены расчеты падения рентабельности нефти от момента ее добычи до реализации нефти потребителю (по данным компании «ЛУКОЙЛ»). Проведенный расчет показал, что самое значительное падение рентабельности нефти на этапе реализации ее потребителю, на котором не может быть никаких значимых затрат, это может быть объяснено лишь тем, что с целью присвоения горной ренты, компании применяют специальные схемы налоговой оптимизации, трансфертные ценообразование и прочие методы, позволяющие компаниям уходить от налогообложения;

4. Доказана принципиальная возможность расчета дифференциальной горной ренты на макроуровне с целью определения возможностей ее максимального изъятия. По полученной формуле проведены расчеты суммарных размеров горной ренты в крупной нефтяной компании «ЛУКОЙЛ», исходя из замыкающих (фактических) и средних удельных затрат на добычу нефти.

Однако, проведенный расчет не позволяет сделать вывод о том, как соотносятся горная рента по группе «ЛУКОЙЛ» с величиной налогов,

призванных изымать ее (НДПИ) и возможно ли увеличение налоговой нагрузки по рассматриваемой группе за счет дополнительного изъятия горной ренты. Это связано с тем, что цены на нефть строятся не на базе замыкающих затрат, а по какому то иному принципу. Если мы сравним данные о затратах на добычу углеводородов и суммы выплаченного налога на добычу полезных ископаемых, то увидим, что затраты на добычу углеводородов по группе «ЛУКОЙЛ» в несколько раз меньше сумм выплаченного налога на добычу полезных ископаемых. Это показывает, что установленная ставка НДПИ не имеет никакого отношения к реальным размерам горной ренты и значительно повышает цены на сырую нефть и нефтепродукты.

5. В диссертационном исследовании разработан механизм изъятия в бюджет дифференциальной горной ренты, в основе которого лежат принципы организации функционирования расчетных цен. При этом определение уровня расчетной цены, по которой будет выкупаться нефть, может вестись как по каждому отдельному месторождению или по их группам. Размер расчетной цены будет рассчитываться на базе эксплуатационных и прочих нормативных затрат, соответствующих технологии, применяемой на данном месторождении, или их группе. При этом предполагается, что близкие по значениям нормативные затраты на добычу соответствуют сходным природным условиям добычи месторождений одной группы. В связи с этим, для всех месторождений данной группы предлагается устанавливать единую цену на нефть на базе среднегрупповых нормативных затрат на добычу. Если месторождение, в силу особенностей природных условий добычи, нельзя включить в какую-нибудь группу, то для него будет устанавливаться индивидуальная расчетная цена, установленная на базе нормативных затрат, соответствующих используемой технологии добычи.

6. Для организации деятельности предлагаемого механизма, следует создать специальный расчетный центр (систему расчетных центров),

который будет расплачиваться с отдельными месторождениями и с месторождениями соответствующей группы по установленной расчетной цене, а продавать ее потребителям по рыночной (единой или зональной) цене. В этих условиях можно разделить функции, связанные с оплатой добычи нефти и ее продажей и установлением соответствующих расчетных цен между расчетным центром, который будет заниматься операциями с нефтью и их документальным оформлением и налоговыми органами, которые будут устанавливать уровень соответствующих расчетных цен. При этом, разница между ценой, построенной на базе замыкающих затрат и соответствующей расчетной ценой будет представлять собой ставку рентного платежа данного месторождения (размер дифференциальной горной ренты для тонны нефти, добытой на нем). Общая же сумма горной ренты данного месторождения будет рассчитываться как разница между стоимостью добытой на нем нефти в ценах, построенных на базе замыкающих затрат и в индивидуальных (среднегрупповых) расчетных ценах и будет перечисляться в федеральный бюджет. Таким образом, будет обеспечено неналоговое изъятие в бюджет горной ренты. При этом расчеты, проводимые в рамках действия предложенного механизма, позволяют также определить сумму квазиренды данного месторождения, которую целесообразно полностью или частично оставить в распоряжении недропользователя, с целью стимулирования его деятельности, направленной на повышение технологического уровня производства.

7. Предлагается оставлять право собственности на нефть в руках государства и не передавать ее нефтяным компаниям. Ведь, по сути дела, расчетная цена, которую предлагается устанавливать данному месторождению, фактически представляет собой цену добычи нефти на нем. Почему же, если оплачиваются, с соответствующей прибылью, только затраты на добычу, право собственности на нефть должно переходить к нефтяной компании? Тогда отпадает необходимость учета качества добытой нефти, так как природная рента, полученная за счет этого фактора, будет

входить в рыночную цену на данный вид нефти, а осуществлять ее продажу будет государственный расчетный центр. Ренту по местоположению предлагается учитывать путем усредненной дифференциации региональных особенностей по этому фактору за счет установления зональных цен на нефть.

8. Предложено, что бы продажу нефти на внешнем рынке, так же осуществляло государство, что станет серьезным препятствием на пути вывоза из страны капиталов.

9. Предложенный в диссертационном исследовании механизм, в основе которого лежат принципы организации функционирования расчетных цен, исправляет недостатки использования налога на добычу полезных ископаемых, связанные с применением его плоской шкалы. Расчет цен, по которым будет производиться оплата добычи нефти месторождений или их групп со сходными природными условиями добычи на базе нормативных, соответствующих применяемой технологии, затрат будет соответствовать дифференциации ставок НДС в соответствии с конкретными природными условиями добычи.

10. Так как в расчетном центре (расчетных центрах) будет аккумулироваться горная рента для передачи ее в бюджет страны, предлагается часть ее использовать для организации специальных фондов, предназначенных для решения задач, особенно остро стоящих перед нефтедобывающей промышленностью и которые она не может решить за счет средств, остающихся в ее распоряжении. Так, предложено создать при указанных центрах специализированные фонды с целью воспроизводства МСБ и инновационного развития отрасли.

Научная новизна диссертационного исследования относится к следующим пунктам паспорта специальности: 1.9. Финансовое обеспечение потребностей расширенного воспроизводства; 1.10. Финансовое стимулирование эффективного использования всех видов экономических ресурсов; 2.9. Концептуальные основы, приоритеты налоговой политики и

основные направления реформирования современной российской налоговой системы.

Список использованной литературы.

1. КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. [Электронный ресурс].
Url: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 16.04.13).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть I. [Электронный ресурс]
Url: <http://www.consultant.ru/popular/nalog1/> (дата обращения: 16.04.13).
3. Налоговый кодекс Российской Федерации. Часть II. [Электронный ресурс]
Url: <http://www.consultant.ru/popular/nalog2/> (дата обращения: 16.04.13).
4. Закон РФ «О недрах» от 21.02.1992 N 2395-1.(действующая редакция).
[Электронный ресурс]_____ **Url:**
<http://www.gazeta.ru/parliament/info/laws/2330.shtml/> (дата обращения: 16.04.13).
5. Кодекс Российской Федерации о недрах. Проект N 218732-3.
[Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.gazeta.ru/parliament/info/laws/2330.shtml/> (дата обращения: 16.04.13).
6. Федеральный закон от 30.12.1999 № 225 – ФЗ (ред. от 19.07.2011) «О соглашениях о разделе продукции». [Электронный ресурс]. **Url:** http://www.base.consultant.ru/Региональное_законодательство/cgi/online.cgi?req=doc.../ (дата обращения: 18.01.14).
7. Агаева А.А. Квазирента как источник инновационного развития. // Вестник Чувашского университета. – 2006. - №6. - С. 328-330.
8. Агапова В.М. Прибыль в экономических отношениях социализма. – М.: Наука, – 1974. - 143 с.
9. Алабердеев Р.Р. Налоговая преступность в нефтегазовом комплексе России. // Вопросы регулирования экономики. - 2011. - Т. 2. - № 1. - С. 29-46.
10. Аллахвердян Д.А. Финансы и социалистическое воспроизводство. – М.: Финансы, – 1971. - 288 с.
11. Анализ руководством Компании финансового состояния и результатов деятельности. MDA Russian 0312 - Лукойл. [Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.lukoil.ru/df.asp?id=92/> (дата обращения: 12.10.12).

12. Андрюшин С., Кимельман С. Рента сверху не видна. // Российская Бизнес-газета. - 2003. - №438. [Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.rg.ru/2003/12/09/renta.html/> (дата обращения: 25.10.12).
13. Арбатов А., Конопляник А. Спор об СРП: вместо заключения. [Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.konoplyanik.ru/ru/publications/b57/b57-1.htm/> (дата обращения: 20.09.12).
14. Архипова Д.В. Налогообложение предприятий при недропользовании. // Вестник Томского государственного педагогического университета = Tomsk State Pedagogical University Bulletin. - 2007. - № 9. (72). - С. 5-8.
15. Афанасьев В.Я., Линник Ю.Н. Экономика отраслей нефтегазового комплекса. - М.: ГУУ, 2007.-351 с.
16. Афремов В.М. Фиксированные платежи в промышленности. – М.: Финансы, - 1973. - 128 с.
17. Ахпателов Э.А., Потеряев А.Г. Экономическая модель расчета дифференцированного налога на добычу полезных ископаемых для нефтедобывающих предприятий. // Вестник недропользователя Ханты-Мансийского автономного округа. - 2005. - № 16. [Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.oilnews.ru/...differencirovannogo-naloga-na-dobychu.../> (дата обращения: 25.10.12).
18. Аюшиев А.Д. Климов Д.А. Финансирование и кредитование в горной промышленности. – М.: Недра, - 1970. - 192 с.
19. Батугина Н.С. Анализ и совершенствование налогообложения при добыче твердых полезных ископаемых в республике Саха (Якутия). // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). Mining informational and analytical bulletin (scientific and technical journal). - 2010. - № 6. - С. 64-71.
20. Бедность от богатства. // Новости политических партий России и стран СНГ. 02.08.2006 [Электронный ресурс]. **Url:** http://www.qwas.ru/russia/rospp/id_31529/ (дата обращения: 11.09.2012).

21. Безгодов А.В. Смирнов В.Т. Планетарная рента: источники, оценка, механизмы присвоения. // Проблемы современной экономики. - 2006. - № 3/4 (19/20). [Электронный ресурс]. **Url:** **<http://www.m-economy.ru>art.php?nArtId=1103/>** (дата обращения: 24.11.2012).
22. Белов К. О., Игнатенко Е. С. Дифференциация НДПИ и инвестиционная привлекательность проектов в газовой отрасли. // Государственный университет Минфина России. Финансовый журнал. - 2010. - № 3. - С. 79-86.
23. Белоусов Д.Р. О возможностях налогообложения дополнительных доходов в нефтяной и газовой отраслях. // Проблемы прогнозирования. - 2005. - № 2. - С. 37-45.
24. Белякова О.О., Филатов С.А. Развитие системы рентного регулирования налогообложения в сфере нефтедобычи. // Нефтегазовая геология. Теория и практика. – 2012. -Т.7. - №2. [Электронный ресурс]. **Url:** **http://www.ngtp.ru/rub/3/26_2012.pdf/** (дата обращения: 18.10.13).
25. Бергер Е.В. Система платежей при уплате природной ренты.// Вестник ТГПУ. - 2006. - Выпуск 11 (62). Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ (ЮРИСПРУДЕНЦИЯ). – С. 15-20.
26. Бессарабенко Ю.И. Совершенствование методов планирования, перераспределения и распределения прибыли в производственном объединении по добыче угля: автореф. дисс. ...канд. экон. наук. – М.: ЦНИЭМУголь, – 1982. - 14 с.
27. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. – М.: Дело ЛТД, - 1994. [Электронный ресурс]. **Url:** **http://www.gumer.info>bibliotek_Buks/Econom/blaug/index.php/** (дата обращения: 18.01.2014).
28. Бирман А.М. Очерки теории советских финансов. – М.: Финансы, – 1972. - 256 с.
29. Бобылев Ю.Н. Реформирование налогообложения минерально-сырьевого сектора. - М.: ИЭПП, - 2001. - с.34.

30. Бозо Н.В., Малышева Е.В., Шмат В.В. Институциональные барьеры в развитии нефтегазового сектора. К вопросу о реформировании институциональной среды в нефтегазовом секторе России. // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. - 2007. – Т. 7. - № 2 – С. 144 - 152.
31. Бородина М.И. Проблемы энергетического развития и экономической безопасности в условиях глобализации: альтернативная или традиционная энергетика. // Социально-экономические явления и процессы. - 2010. - № 3 (019). - С. 63-70.
32. Быстров Г.Е. Государственный контроль за соблюдением законодательства о соглашениях о разделе продукции: формирование и перспективы развития. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: философия. социология. право. - 2008. - Т. 8. - № 4. - С. 49-56.
33. Вавилов А. Научные публикации. // Официальный сайт Андрея Вавилова. Особенности образования ренты и нормативов приростных затрат в добывающих отраслях (на примере нефте- газодобычи). [Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.avavilov.ru/sciences/scientific-publications/>. (дата обращения:18.01.14).
34. Вавилов А. Научные публикации. // Официальный сайт Андрея Вавилова. Формула энергобезопасности. [Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.avavilov.ru/sciences/scientific-publications/>. (дата обращения:16.11.13).
35. Взаимоотношения промышленности с бюджетом и кредитной системой в новых условиях хозяйствования. // Материалы научной конференции. – М.: Финансы, - 1970. – 192 с.
36. Виноградова А.В. Институциональный механизм диффузии природной ренты и его особенности в нефтегазовом комплексе России. // Журнал институциональных исследований. - 2011. – Т. 3. - № 2. - С. 98-103.
37. Виноградова А.В. Теоретические аспекты формирования и распределения природной ренты (на примере нефтегазового комплекса России): автореф. дисс. ...канд. экон. наук. – Н. Новгород: ГОУ ВПО «Нижегородский государственный ун-т им. Н.И. Лобачевского», - 2008. – 24 с.

38. Волков А.А. О дифференциации налога на добычу полезных ископаемых. // Известия высших учебных заведений. Геология и разведка. – 2007. - № 1. - С. 49-52.
39. Волконский В.А., Кузовкин А.И., Мудрецов А.Ф. Природная рента и методы ее оценки. // Проблемы прогнозирования. - 2005. - № 1. - С.50-61.
40. Волынская Н.А., Ежов С.С. Рента в сырьевых отраслях топливно-энергетического комплекса России. // Российский внешнеэкономический вестник. – 2006. - № 4. – С. 58-71.
41. Волынский Г. Распределение прибыли и стимулирование коллектива. // Экономические науки. – 1972. - № 5. - С. 51-57.
42. Вопросы налогообложения добычи и реализации углеводородов. // GasForum. - 14.09.2007. [Электронный ресурс]. **Url: <http://www.gasforum.ru/obzory-i-issledovaniya/391/>** (дата обращения:11.09.12).
43. Вопросы рентных платежей в природопользовании. // Предпринимательское право. - 14.01.2003. [Электронный ресурс]. **Url: http://www.businesspravo.ru/Analyst/AnlShow_AnIID_28.html** (дата обращения: 24.11.12).
44. Воронина Н.В., Башкиров С.П. Опыт распределения природной ренты между государством и компаниями нефтяной промышленности. // Журнал «Дайджест-Финансы» - 2006. - №4(136).№3. - С. 30-39.
45. Воронова Ю.П. Межотраслевое распределение доходов и роль ренты в российской экономике. // Вестник ВЭГУ. – 2007. - №2(34). - С. 22-35.
46. Ворчестер Д.А. Пересмотр теории ренты. [Электронный ресурс]. **Url: http://www.mbs-renta.narod.ru/olderfiles/1/Glava_8.2.htm/** (дата обращения: 30.10.13).
47. Временная методика по составлению расчетных цен на уголь, продукты обогащения углей и брикеты для предприятий Министерства угольной промышленности СССР. – М.: Минуглепром СССР, – 1967. - 5 с.

48. Герт А.А. Методика и практический опыт стоимостной оценки запасов и ресурсов нефти и газа / А.А.Герт., Волкова К.Н., Немова О.Г., Супрунчик Н.А. - Новосибирск: Наука, – 2007. - 384 с.
49. Глава 9. Ввозная и вывозная таможенные пошлины. [Электронный ресурс]. **Url:**[http://www. for-expert.ru](http://www.for-expert.ru)К содержанию документа>9.shtml/ (дата обращения:08. 03. 2013).
50. Gladunov O. Prices for fuel in Russia: «manual management». // Kривое зеркало. 05/10/2011. [Электронный ресурс]. **Url:** [http://www.krivoezerkalo.ru](http://www.krivoezerkalo.ru/node/5835)>node/5835Волгоград/ (дата обращения:11.09.2012).
51. Glazev S. Rents - unused reserve of growth. // Сайт С.П. Курдюмова. [Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.spkurdyumov.narod.ru/Glazev110.htm/> (дата обращения:25.11.2012).
52. Glazev S.Yu. Well-being and justice: how to defeat poverty in a rich country. - M.: B.S.G.- PRESSED, - 2003. - 192 s.
53. Goloskokov A.N. Differentiation of tax burden as a mechanism of management of investment attractiveness of gas industry.// Электронный научный журнал Нефтегазовое дело. - 2009. – № 2. [Электронный ресурс]. **Url:** http://www.ogbus.ru/authors/Goloskokov/Goloskokov_1.pdf/ (дата обращения: 09.11.13).
54. Goloskokov A.N. Approaches to differentiation of tax burden in gas industry. // Электронный научный журнал Нефтегазовое дело. - 2009. – № 2. [Электронный ресурс]. **Url:** http://www.ogbus.ru/authors/Goloskokov/Goloskokov_2.pdf/ (дата обращения:12.09.12).
55. Golub A., Markandya A., Strukova E. Problems of rent extraction. // On-line library. [Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.xserver.ru/user/prird/> (дата обращения: 24.11.12).

56. Гончаров Ю.А. Единый рентный налог как инструмент управления ресурсами и стимулирования экономического роста: аргументы за и против. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Экономика и финансы. - 2004. - № 2. - С. 181-184.
57. Горлов В.В. Сущность налогообложения при выполнении соглашения о разделе продукции. // Библиотека бухгалтерских и налоговых документов. 30.06.2008. [Электронный ресурс].
Url: <http://www.naloglib.net...soglashenie...problemy...perspektivy/> (дата обращения: 24.11.12).
58. Гринкевич Л.С., Шарф И.В. Система налогообложения нефтедобывающих предприятий России: новая модель. // Вестник Томского государственного университета. Экономика - 2010. - № 3. - С. 77-83.
59. Гринкевич Л.С., Шарф И.В. Эффективная система налогообложения в недропользовании: критерии формирования и показатели оценки. // Вестник Томского государственного университета. - 2009. - № 327. - С. 135-139.
60. Гулиева Н., Алиев Н. Скандал в Баку. Чем считать нефть - из баррелей в тонны. // ЦентрАзия. 05.12.2004. [Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=11022.../> (дата обращения: 30.09.12).
61. Гурвич Е., Вакуленко Е., Кривенко П. Циклические свойства бюджетной политики в нефтедобывающих странах. // Финансовая аналитика. 18.02.2009. [Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.finanal.ru...tsiklicheskie...v-neftedobyvayushchikh.../> (дата обращения: 25.11.12).
62. Гурвич Е. Нефтегазовая рента в российской экономике. // Вопросы экономики. - 2010. - №11. - С. 4-24.
63. Гурвич Е.Т. Макроэкономическая оценка роли российского нефте-газового комплекса. // Российский внешнеэкономический вестник. - 2005. - № 3. - С. 47-49.
64. Давыдов И.П. Целесообразность использования зарубежного опыта рентного налогообложения в Российской практике. // Вестник УГТУ–УПИ, УрФУ. - 2009. - № 4. - С. 144-155.

65. Данилов-Данильян В.И. Природная рента и управление использованием природных ресурсов. // Открытая экономика. 25.03.2004. [Электронный ресурс]. **Url:** http://www.opec.ru/analyze_doc.asp?d_no=47000/ (дата обращения: 11.09.12).
66. Добыча нефти в России. // TADVIZER. Государство. Бизнес. ИТ. 2014/01/09. [Электронный ресурс]. **Url:** [http://www.tadviser.ru/Добыча нефти в России/](http://www.tadviser.ru/Добыча_нефти_в_России/) (дата обращения: 03.12.13).
67. Дынкин А.А. Природная рента: великий шанс или великая иллюзия?// Фонд «Единство во имя России.» Доклад на заседании круглого стола 29 октября 2003 г. [Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.fondedin.ru/dok/Dyn2910.htm/> (дата обращения: 24.10.12).
68. Дьяченко В.П. Проблемы планового ценообразования. – М.: Наука, - 1974. - 488 с.
69. Ежов С.С. Регулирование экономических отношений между государством и пользователем недр в добыче нефти: автореф. дисс. ...д-ра экон. наук. – Тюмень, Тюменский государственный нефтегазовый университет. - 2007. - 40 с.
70. Жибинова К.В. Земельные отношения: экономико-правовые аспекты. Электронный учебно-методический комплекс. - Красноярск: КГАУ, 2005. [Электронный ресурс]. **Url:** http://www.httpkgau.ru/distance/ur_4/zem_otnoshenia/cont/3-1.html/ (дата обращения: 14.10.2012).
71. Жукова И.В. Рентное налогообложение как механизм повышения доходности бюджета за счет платежей в недропользовании. // Власть и управление на Востоке России. – 2007. - №2(39). - С. 20-24.
72. Журнал "Инвестиции. Налоги. Капитал". № 2. - 2004.[Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.nic.pirit.info> Тюмень/ (дата обращения: 17.03.13).
73. Заика В.С. Проблемы и направления совершенствования налогообложения нефтедобычи. // Экономические науки. – 2010. – 8(69). – С.180 -183.

74. Зарнадзе А.А. Целостность управления современной экономикой. - М.: Центр «Транспорт», 2011. – 232 с.
75. Зерщикова Н.И. Особенности применения соглашений о разделе продукции в России. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. - 2008. - №3 (3). - С. 75-84.
76. Зерщикова Н.И. Перспективы освоения месторождений арктических зон в свете соглашений о разделе продукции. // Север и рынок: формирование экономического порядка. - 2010. - Т. 2. - № 26. - С. 92-97.
77. Зобова Л. Л. Объективная основа категории пространственной ренты. // Вестник КемГУ. – 2012. - № 2 (50). - С. 202 -205.
78. Зытнер Ю.И. Григорьев Г.А. Отмас А.А. Геологические и экономические аспекты освоения ресурсной базы углеводородного сырья Калининградской области. // Нефтегазовая геология. Теория и практика. 2008 (3) [Электронный ресурс]. **Url:**http://www.ngtp.ru/rub/6/5_2008.pdf/ (дата обращения: 18.10.2013).
79. Ивановский С. Рента и государство. // Предпринимательское право. 14.01.2003. [Электронный ресурс]. **Url:** http://www.businesspravo.ru/Analyst/AnlShow_AnIID_28.html/ (дата обращения: 14.10.2012).
80. Измерения количества и качества нефти и нефтепродуктов при сборе, транспортировке, переработке. // Портал научно-технической информации эб нефть и газ 2007. [Электронный ресурс]. **Url:** [http:// www.nglib.ru/](http://www.nglib.ru/) (дата обращения: 09.11.2013).
81. Иванченко В.М., Панова М.И. Хозяйственная реформа и планирование. – М.: Экономика, 1970. - 214 с.
82. Икаев А.Р. Типизация уровней формирования нефтегазовой ренты. // Вестник университета (Государственный Университет Управления). - 2011. - № 23. - С.118 - 120.
83. Институциональные особенности модернизации топливно-энергетического комплекса России: отчёт о НИР / Уч-е РАН Институт

- проблем рынка РАН; рук. Елисеев Д.О.; исполн.: Живица В.И. [и др.]. - М.: 2011. – 59 с.
84. Инструкция о порядке исчисления и уплаты в бюджет фиксированных платежей.– М.: Минфин СССР, - 1979. - 16 с.
85. Казанников А. Институциональная основа совершенствования системы земельных отношений в транзитивной экономике России. // Вестник института экономики. - 2007. - №1 - С.163-180.
86. Канторович Л.В. Экономический расчет наилучшего использования ресурсов. [Электронный ресурс]. **URL:** <http://www.padabum.com>d.php?id=35326/> (дата обращения: 09.11.13).
87. Капица Л.М. Использование природной ренты на цели развития: зарубежный опыт. // Мировое и национальное хозяйство. – 2007. - № 3. [Электронный ресурс]. **URL:** http://www.mirec.ru>old/index.php?option=com_content...id...html/ (дата обращения: 12.09.2012).
88. Каратаев А.С. Налоговая политика государства в отношении крупнейших налогоплательщиков. // Инновационное развитие экономики. - 2011. - № 2. - С. 23-32.
89. Карветская А.А., Морозов Г.Б. О распределении природной ренты в современной России. // Вестник Челябинского государственного университета. - 2009. - № 9 (147). – С. 31-37.
90. Картовенко И.В. Налоговые регуляторы нефтяного сектора в современной экономике: автореф. дисс. ...канд. экон. наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, - 2009. – с. 26.
91. Кимельман С.А. Горная и ценовая рента в современной российской экономике. [Электронный ресурс]. - **Url:** <http.www.allrus.info>data...12/ennojrossijskojekonomike.doc/> (дата обращения: 12.09.12).
92. Кимельман С. Андрюшин С. Проблема горной ренты в современной России. // Вопросы экономики. - 2004. - №2. - С.30-42.

93. Кимельман С.А. Пителин А.К. Рентный потенциал и рентное налогообложение. // Экономическая наука современной России. - 2008. - №2 (38). - С. 95-111.
94. Кимельман С.А. Необходимость социально направленного государственного регулирования недропользования. // Экономика и управление собственностью. - 2010. - № 3. - С. 61-66.
95. Кимельман С.А. Сырьевой сектор экономики России: состояние и возможности развития. // Экономика региона. - 2010. - № 4. - С. 173-182.
96. Кимельман С. К проблеме государственной собственности на недра. // Финансовая аналитика. 31.08.2010. [Электронный ресурс]. - **Url: <http://www.finanal.ru/008/к-проблеме...собственности-на-недра/>** (дата обращения: 20.09.12).
97. Кимельман С. Куда в России девается нефтяная рента. // Промышленные ведомости. № 4, апрель 2004г. [Электронный ресурс]. - **Url: <http://www.promved.ru/articles/article.phtml?id=768&nomer=28/>** (дата обращения: 24.11.12).
98. Кимельман С. О важности социально направленного реформирования экономики геологии и недропользования. // Свободный софт для образования. [Электронный ресурс]. **Url: <http://www.medvedev.viperson.ru/wind.php?ID=570999/>** (дата обращения: 03.01.2013).
99. Киммельман С. Россия – государство рантье: упущенные возможности. // Советская Россия. 3 февраля 2012 г. [Электронный ресурс]. - **Url: <http://www.strategy2020.rian.ru/load/366063786/>** (дата обращения: 24.11.12).
100. Кимельман С.А. Рента, власть, олигархи и народ. // Советская Россия. 02 июля 2009 г. [Электронный ресурс]. **Url: <http://www.sovross.ru/modules.php?name=News&file=article&sid...>** / (дата обращения: 14.11.13).

101. Кимельман С. Так вот она какая простая-непростая `сырьевая ориентация` экономики России. // Современная Россия. 25.11.11. [Электронный ресурс]. - **Url: <http://www.allrus.info/main.php.../>** (дата обращения: 24.11.12).
102. Киршин Е.М. Рентные доходы в системе платного недропользования. // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). Mining informational and analytical bulletin (scientific and technical journal). - 2002. - № 11. - С.73-75.
103. Ковалев Н.Р., Юшкевич Е.Е. Изъятие ренты: содержательно-кластерный аспект от постулатов А. Смита до реалий Российской трансформационной экономики. // Известия Уральского государственного экономического университета. - 2004. -Т. 9. - С. 14 - 19.
104. Козловский Е.А. России нужна новая государственная минерально-сырьевая политика. // Пространство и время. - 2011. - № 2(4). - С. 103 - 106.
105. Комиссарова Е.Н. Финансово-правовые аспекты реализации налоговой политики в нефтяной отрасли России: автореф. дисс. ...канд. экон. наук. – Тюмень: ТГУ, - 2009. - 26 с.
106. Кому на Руси жить хорошо. [Электронный ресурс]. - **Url: <http://www.saint-juste.narod.ru/Vlasihin.html/>** (дата обращения: 12.10.12).
107. Кондратенко Н.М. Шавлак В.С. Опыт исследования методологических проблем нефтяной ренты. // Вестник Самарского государственного университета. - 2006. - №8 (48). - С. 118-125.
108. Кондрашов Д.Д., Кондрашов Г.Д. Прибыль, цена, хозрасчет. – М.: Мысль, 1969. - 338 с.
109. Корепанов Н.А. Государственная контрольная политика недропользования. // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера. Вестник научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. - 2009. - № 2. - С. 38-46.

110. Красная цена черного золота. // Коммерсант. Ru. 13.03.2002. [Электронный ресурс]. - **Url: <http://www.kommersant.ru/Doc/313567/>** (дата обращения: 29.09.12).
111. Крюков В.А. Актуальные проблемы привлечения инвестиций в нефтегазодобывающую отрасль. // Нефтегазовая геология. Теория и практика. 2007 (2) [Электронный ресурс]. - **Url: <http://www.ngtp.ru/rub/3/033.pdf>** / (дата обращения: 18.10.13).
112. Крюков В.А. Государственное регулирование нефтегазового сектора: необходимость и целесообразность применения эволюционного подхода на практике. // Минеральные ресурсы России. экономика и управление. – 2003. - № 3. – С. 20 – 26.
113. Крюков В.А. Институциональные условия недропользования в России: результаты и следствия. // Регион: Экономика и Социология. - 2006. - № 1. - С.72-93.
114. Крюков В.А. Методы определения затрат на разработку месторождений нераспределенного фонда недр. // Нефтегазовая геология. Теория и практика. 2008 (№3) [Электронный ресурс]. - **Url:http://www.ngtp.ru/rub/2008/42_2008.html** / (дата обращения: 18.10.13).
115. Крюков В.А. Организационно-экономические проблемы формирования и функционирования нефтегазового кластера в Западной Сибири. // Регион: Экономика и Социология. - 2007. - № 1. - С. 133-153.
116. Крюков В.А. Российские вертикально-интегрированные компании и межрегиональное перераспределение финансовых ресурсов // Проблемы прогнозирования. - 2000. - № 2. - С.101-110.
117. Крюков В.А. Токарев А.Н. Инвестиционный климат в нефтегазовом секторе России. // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. - 2006. - Т. 6. - № 1. – С. 84 - 97.
118. Крюков В. Вопросы развития нефтегазового сектора в энергетической стратегии Сибири /В. Крюков, А. Севастьянова, А. Токарев, В. Шмат. - Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1997. - 56 с.

119. Крюков В.А. Севастьянова А.Е. Шмат В.В. Проблемы выбора направлений диверсификации экономики нефтегазовой территории. // Пространственная экономика. - 2006. - № 2. - С. 33 - 44.
120. Кузык Б.Н. [Электронный ресурс]. - **Url:**<http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=books/volk02/renta/> (дата обращения: 09.11.13).
121. Куликов А.П. Исследование влияния ресурсной базы и коэффициента дисконтирования на прогнозируемые цены и природную ренту в перспективе до 2025 года. // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. - 2006. - Т.4. - С. 405 - 414.
122. Куликов А.П. Подход к оценке природной ренты с точки зрения характеристик месторождения. // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. - 2004. - Т.2. - С. 398-419.
123. Куликов А.П. Прогнозы цен на внутреннем рынке и величины природной ренты в топливно-энергетическом комплексе в перспективе до 2025 г. и далее. // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. - 2005. - Т.3. - С. 255-256.
124. Купринов Э. Фиксированные платежи и расчетные цены. – М.: Финансы, 1970. - 110 с.
125. Курс экономической теории / под ред. Чепурина М.Н., Киселевой Е.А. - Киров: АСА, (МГИМО (университет) МИД РФ), 2005. - 832 с.
126. Кусаинов Б.Ж. Прибыль и платежи в бюджет. – Алма-Ата: Казахстан, 1976. - 135 с.
127. Ларичкин Ф.Д. Комплексное экологосбалансированное использование природных ресурсов – основа развития регионов Севера.// Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. - 2008. - № 1(1). - С. 58 - 69.
128. Латков А.В. Функционирование системы рентных отношений: противоречия, особенности, динамика: автореф. дисс. ...док. экон. наук. – Саратов: СГСЭУ, 2008. – 35 с.

129. Левин А.П. Эффективность промышленного производства. Региональные проблемы. – М.: Экономика, 1982. - 144 с.
130. Ложникова А.В. Рента и базовые условия ее производства. // Вестник Томского государственного университета. - 2011. - № 350. - С. 159 - 162.
131. Ложникова А.В. Рента в условиях модернизации и технологического развития: макро- и микроэкономическая природа. - Томск: ТГУ, 2011. – 300 с.
132. Ложникова А.В. Рента и рентная политика: трансформация в условиях модернизации экономики России: автореф. дисс. ...док. экон. наук. – Томск: ТГУ, 2011. - 23 с.
133. Ложникова А.В. Рента и рентная политика: трансформация в условиях модернизации экономики России: дисс. ...док. экон. наук.: Томск, ТГУ, 2011. - 404 с.
134. Львов Д. Вернуть народу ренту. Резерв для бедных. - М.: Эксмо-алгоритм, 2004. - 256 с.
135. Львов Д.С. О формировании системы национально дивиденда. // Вестник университета. - 2001. - № 1(2). - С. 5 - 19.
136. Львов Д.С., Кимельман С.А., Пителин А.К. О проблеме рентного налогообложения. // Экономическая наука современной России. – 2004. - № 3. – С. 5 – 16.
137. Львов Д.С. Перспективы долгосрочного социально-экономического развития России. // Вестник российской академии наук. 2003, том 73, № 8, с. 675-697. [Электронный ресурс]. - **Url: <http://www.vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/VRAN/ECONOM/ECONOM.HTM/>** (дата обращения: 27.10.12).
138. Львов Д.С. Экономика и развитие. - М.: Экзамен, 2002. – 502 с.
139. Магомедов А.К., Никеров Р.Н. Нефть России и рентоориентированное поведение: к пониманию природы политических стимулов Российской власти. // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. - 2010. - Т. 10. - №. 1. – С. 105-108.

140. Майбуров И., А. Давыдов И. П. Модель рентного налогообложения нефтяного сектора экономики. // Известия Уральского государственного экономического университета. - 2009. - Т. 26. - № 4. - С. 91-97.
141. Малышев Б.М. Общая теория ренты. [Электронный ресурс]. - **Url:** <http://www.mbs-renta.narod2.ru/> (дата обращения: 14.10.12).
142. Маркс К. Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., М.: Госполитиздат, 1968.
143. Маршалл А. Принципы экономической науки: пер. с англ. В 3 т. - М.: Универс, 1993.
144. Мартусевич Р.А. Критерии выбора победителя в конкурсах за концессии в отраслях естественных монополий: автореф. дисс. ...канд. экон. наук. – М.: ГУ-ВШЭ, 2008. – 26с.
145. Маслова Н.П., Щипанов Э.Ю. Генезис теории ренты. // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). - 2012. - № 37. - С.15-22.
146. Масленников В.Н., Афремов В.М. Экономические методы определения рентабельности в промышленности. – М.: Финансы, 1975. - 190 с.
147. Матвеев Ю.Ф., Субботин М.А. Рентный подход в недропользовании. - М.: НИА-Природа, 2003. – 245 с.
148. Меньшиков С. Рентабельность и рента. // Экономические стратегии. - 2004, №1, - С. 28-31. [Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.fastcenter.ru/smenshikov/renta.htm/> (дата обращения: 27.10.12).
149. Методика экономической оценки важнейших видов природных ресурсов в странах-членах СЭВ. – М.: Секретариат СЭВ, 1985. – 52 с.
150. Мещеров В.А. Современные рентные отношения: теория, методология и практика хозяйствования. - М.: Экономические науки, 2006. – 312 с.
151. Миллионщиков А.Д. Расчеты с бюджетом по платежам из прибыли. – М.: Финансы, 1976. - 207 с.
152. Милль Дж. Ст. Основы политической экономии: в 3 т. - М.: Прогресс, 1980.- Т.2.- 495с.

153. Миф о дорогом бензине в Европе. А еще хотят, чтобы у нас было 43 за литр! Жульё! [Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.lidiya-nic.livejournal.com/1351651.html/> (дата обращения: 23.09.12).
154. Модернизация и экономическая безопасность России. В 3-х томах. / ред. Петраков Н.Я. – М.,СПб.: Нестор-История, 2012.
155. Моисеева М.А., Войшвилло И.Е., Милоголов Н.С. Налогообложение добычи нефти и газа: тенденции развития. // Государственный университет Минфина России. Финансовый журнал. - 2012. - №1. - С.87-100.
156. Моргунов Е.В. Анализ нефтяного рынка и рекомендации по совершенствованию российской модели биржевой торговли нефтью. // Вестник университета (Государственный Университет Управления). - 2010. - № 2. - С.197 – 202.
157. Моргунов Е.В. Институционализация горной ренты (на примере нефтегазового сектора народного хозяйства России): автореф. дисс. ...канд. экон. наук. - М.: ГУУ, 2002. - 22 с.
158. Моргунов Е.В. Институционализация горной ренты (на примере нефтегазового сектора народного хозяйства России): дисс. ...канд. экон. наук. - М.: ГУУ, 2002. - 122 с.
159. Моткин Г.А. Экономическая теория природопользования и охраны окружающей среды. – М.: Учреждение Российской академии наук Институт проблем рынка РАН, 2009. – 350 с.
160. Мясоедов С.А. Эволюция налогового механизма изъятия горных рентных доходов у недропользователей. // Сибирская финансовая школа. - 2009. - № 5. - С. 77-80.
161. Мясоедов С.А. Формирование механизма и инструментов обеспечения устойчивого развития золотодобывающей отрасли промышленности: автореф. дисс. ...док. экон. наук. - М.: Институт экономики и социальных отношений, 2010. - 59 с.
162. Налог на добычу полезных ископаемых - НДСПИ. [Электронный ресурс]. - **Url:**<http://www.consultant.ru>»Востребованные законы»Налоговый кодекс»

Текущий документ/ (дата обращения: 07.03.13).

163. Налогообложение при недропользовании как фактор формирования инвестиционного климата. // Деловая пресса. 14.12.2003. -№ 49 (239) [Электронный ресурс]. **Url:** http://www.businesspress.ru>newspaper/article_mId_36_aId_.../ (дата обращения: 24.10.12).
164. Народное хозяйство СССР в 1980 г. – М.: Финансы и статистика, 1981, с. 583.
165. Народное хозяйство СССР в 1982 г. – М.: Финансы и статистика, 1983, с. 574.
166. Некипелов А.Д. Очерки по экономике посткоммунизма. - М.: ИМЭиПИ РАН, 1996. - 340 с.
167. Некипелов А.Д. Политика правительства блокирует модернизацию экономики. // Независимая. - 2005-04-12. [Электронный ресурс]. **Url:** http://www.ng.ru>Идеи>.../10_nekipelov.html/ (дата обращения: 25.10.12).
168. Николайчук О.А. Возможна ли инновационная экономика в России?// Государственный университет Минфина России. Финансовый журнал. - 2011. - № 1. - С. 63-72.
169. Николайчук О.А. Земельная рента — реальная или ложная социальная стоимость.// Государственный университет Минфина России. Финансовый журнал. - 2011. - № 2. С. 31-42.
170. Никольский А.Ф. Теория полной стоимости природной субстанции. // Известия Иркутской государственной экономической академии. Электронный научный журнал. – 2011. - № 6. – С. 1 - 12.
171. Нусратуллин В.К. Неравновесная экономика. Изд. 2-е, допол. (электронный вариант) – М.: Компания Спутник+, 2006. –355 с. [Электронный ресурс]. - **Url:** <http://www.nvk-ufa.narod.ru>File/Book.pdf/> (дата обращения: 19.01.14).
172. ОАО «ЛУКОЙЛ» - Добыча нефти. [Электронный ресурс]. - **Url:** <http://www.lukoil.ru>static.asp?id=54/> (дата обращения: 12.10.12).

173. Общественно необходимых. / Koefficienta.ru – экономическая библиотека. [Электронный ресурс]. - **Url: <http://www.koefficienta.ru/enduratexter-material17modered-81-index.html/>** (дата обращения: 30.09.12).
174. Обложение вывозными таможенными пошлинами нефти и нефтепродуктов. // Таможенный брокер. 03. 2013. [Электронный ресурс]. **Url: <http://www.brokert.ru>material/oblozhenie...neft-nefteprodukty/>** (дата обращения: 04.09.13).
175. Олейник А.Н. О природе и причинах административной ренты: особенности ведения бизнеса в Российском регионе. // Политическая концептология. - 2011. - № 2, - С. 117-140.
176. Ордуханов А.Р. Новейшие исследования воспроизводства и ренты. Учебное пособие. – М.: ГАУ им.С.Орджоникидзе, 1994. – 80 с.
177. Особенности правового регулирования рентных отношений в недропользовании. [Электронный ресурс]. **Url: http://www.jcvip.ru>osobennosti_pravovogo_regulirovaniy1/** (дата обращения: 26.02.13).
178. Павлюшкевич Т.В. Плата за разработку техногенных месторождений на основе изъятия минеральной ренты. // Вестник Томского государственного педагогического университета = Tomsk State Pedagogical University Bulletin. - 2007. - № 9. - С. 63-65.
179. Петраков Н.Я. Избранное. В 2-х томах. – М.: Нестор-История, 2012.
180. Петраков Н.Я., Козерская Н.С. Неизвестный Новожилов. - М.: Наука, 2009. – 240 с.
181. Петраков Н.Я. Отношения собственности в переходной экономике. [Электронный ресурс]. **Url: <http://www.cemi.rssi.ru/mei/articles/petr04-4.pdf/>** (дата обращения: 18.10.13).
182. Петраков Н.Я. Нефть: благо или проклятие России? // Вестник Российской академии наук. - 2006. - Т. 76. - № 4. - С. 291-295.
183. Петраков Н.Я. Создание эффективного собственника. // Экономическая наука современной России. - 1998. - № 1. - С. 67-73.

184. Петрова Т.В. Тихонова И.В. Концептуальные основы совершенствования элементов налога на добычу полезных ископаемых.// Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал) Mining informational and analytical bulletin (scientific and technical journal). - 2007. - № 10. - С. 37-40
185. Петров О.В. Теоретические положения и методологические особенности включения минерально-сырьевой базы России в инновационную модель развития отечественной экономики. // Вестник Челябинского государственного университета. - 2010. - № 14 (195). - С. 49 -52.
186. Петти У. Трактат о налогах и сборах. Антология экономической классики в 2-х томах. - М: ЭКОНОВ-КЛЮЧ, 1993. - Т.1. - с. 5-78.
187. Платежи при пользовании недрами. //Закон сегодня. Юридический портал. [Электронный ресурс]. **Url: <http://www.lawtoday.ru/razdel/fz/10004313-005.php/>** (дата обращения: 19.01.2014).
188. Предложения в тексте с термином "База". Нефть-Газ. Электронная библиотека. [Электронный ресурс]. **Url: <http://www.ekon.oglib.ru/bgl/892/8.html/>**(дата обращения: 30.09.2012).
189. Природные ресурсы и окружающая среда. [Электронный ресурс]. **Url: [http://www.grandars.ru/География/Природные ресурсы/](http://www.grandars.ru/География/Природные_ресурсы/)** (дата обращения: 23.10.13)
190. Прокопенко А.В. Пути оптимизации реформирования модели налогообложения нефтегазового сектора в современной России. // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. - 2012. - № 2 (21). - С. 18-27.
191. Разманова С.В., Шульц Е.В. Налоговая политика государства как инструмент стимулирования инновационных технологий в нефтегазовой отрасли. // Нефтегазовая геология. Теория и практика. – 2011. -Т.6. - №1. [Электронный ресурс]. **Url: http://www.ngtp.ru/rub/3/1_2011.pdf/** (дата обращения: 18.10.2013).

192. Разовский Ю. В., Булат С. А., Макаркин Ю. Н., Савельева Е. Ю. Новые виды ренты. [Электронный ресурс]. // Мирознание. 1/16/2009. **Url:** <http://www.razovskiy.com/node/250/> (дата обращения: 23.09.2012).
193. Разовский Ю.В. Булат С.А. Управление. - М.: Из-во СГУ, 2011. - 307с.
194. Разовский Ю.В. Горная и другие виды ренты (классификация). // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). Mining informational and analytical bulletin (scientific and technical journal). - 1995. - № 2. - С.115-119.
195. Разовский Ю. Макаркин Ю. Икаев А. Классификация источников формирования природной ренты. // Бурение и нефть. 2011. №10, [Электронный ресурс]. - **Url:** [http://www. burneft.ru](http://www.burneft.ru)Архив журнала>Архив номеров>Октябрь>16Москва/ (дата обращения: 18.11.2012).
196. Разовский Ю.В. Методика и алгоритм определения величины дифференциальной горной ренты. // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). Mining informational and analytical bulletin (scientific and technical journal). – 1997. - №2. - С.153-157.
197. Разовский Ю. В. Савельева Е. Ю. Развитие классификации ренты. // viperson.ru [Электронный ресурс]. - **Url:** <http://www.viperson.ru>>wind.php?ID=644833&soch=1/ (дата обращения: 27.09.2012.).
198. Разуваев А.П. О фиксированных платежах в обрабатывающих отраслях. // Финансы СССР. - 1981 - №1. - С. 30-34.
199. Раков А.В. Природная рента в экономической системе России: автореф. дисс. ...канд. экон. наук. – Ярославль: ЯГУ и. П.Г. Демидова, 2006. - 23 с.
200. Религиозная литература. Предпринимательская прибыль.[Электронный ресурс]. - **Url:** [http.www. searchebookonline.com](http://www.searchebookonline.com)>book_599_glava_83_12.4.3_.../ (дата обращения: 23.10.12).
201. Рентоспособность и налогообложение земель (обзор материалов «круглого стола») // Экономист. - 1997. - № 5. - С.57-61.

202. Рента сверху не видна. // Российская Бизнес-газета. - 2003. - №438. [Электронный ресурс]. - **Url:** <http://www.fs.rts.ru>content/annualreports/886...rosneft...2011.../> (дата обращения: 25.10.12).
203. Романчишин Г.А., Гусейнов Ч.С. Освоение ресурсов шельфа - прерогатива государства. // Бурение и нефть. – 2007. - № 7-8. – С. 64-67.
204. Романчишин Г.А. Нормативно-техническая база по освоению морских нефтегазовых месторождений практически исчезла. // Промышленные ведомости. [Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.promved.ru>book/?id=34/> (дата обращения: 09.11.13).
205. Российская гражданская идея использования природной ренты. // Мирознание. 11/19/2007. [Электронный ресурс]. - **Url:** <http://www.razovski.com/node/48/> (дата обращения: 25.10.12.)
206. Ротштейн Л.А. Финансовое планирование на предприятии и в объединении. – М.: Финансы, 1973. - 240 с.
207. Рыбаченко С.В. О предпосылках использования К. Марксом концепта «превращенная форма» при описании экономических феноменов. // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. - 2009. - № 12. - С. 37-47.
208. Рынок земли. // Вопрос адвокату. [Электронный ресурс]. **Url:**<http://www.milogiya2007.ru/micro24.htm/> (дата обращения: 04.01.13).
209. Рюмина Е.В. Экологическая версия предназначения природной ренты. // Экономическая наука современной России. – 2001. - № 2. – С. 11 - 22.
210. Рязанов В.Т. Экономика рентных отношений в современной России. // Христианское чтение. - 2011. - №4 (39). - С. 149 - 176.
211. Рязанцев А.П., Явдолук А.Н. Соглашение о разделе продукции: Российский опыт. Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). Mining informational and analytical bulletin (scientific and technical journal). - 2005. - № 8. - С. 24.

212. Сагитдинова Г. Государственное регулирование инвестиционной деятельности в ТЭК России. // Вестник Института экономики РАН. - 2010. - № 1. - С. 188-194.
213. Садыков Р.К., Власова Р.Г., Байчурина Н.Р. Механизм расчета дифференцированной ставки налога на добычу общераспространенных полезных ископаемых. // Разведка и охрана недр. - 2005. - №9. - С. 43-46.
214. Самойлов П.Н. Владей, радей и не слабей. Трансформация рентных отношений в современной российской экономике. // Российское предпринимательство. - 2006. - № 11 (83) - С. 115-118.
215. Себестоимость добычи нефти всего 3 доллара! // Все банки Беларуси. [Электронный ресурс]. - **Url: <http://www.select.by/content/view/2375/764/>** (дата обращения: 29.09.11).
216. Секистова Н.А. Элементы стимулирования рационального недропользования в угольной промышленности через налог на добычу полезных ископаемых и оценку стоимости месторождения. // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). Mining informational and analytical bulletin (scientific and technical journal). - 2009. - № 8. - С. 212-218.
217. Селин В.С., Цукерман В.А. Теория ренты и проблемы недропользования в национальной экономике.// Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). Mining informational and analytical bulletin (scientific and technical journal). - 2010. - № 9. - С. 109-115.
218. Синяк Ю.В., Куликов А.П. Два подхода к оценке перспективных цен на нефть и газы потенциальной природной ренты в России. // Проблемы прогнозирования. - 2005. - № 5. - С. 96-119.
219. Ситарян С.А. Хозяйственная реформа и бюджет. – М.: Финансы, 1968, - 119 с.
220. Ситнин В.В. Проблемы прибыли и хозяйственного расчета в промышленности. – М.: Финансы, 1969, - 174 с.

221. Сколько баррелей в тонне. // Инструкции и советы. 21.04.2012. [Электронный ресурс]. - **Url:** [http://www.nugnie-soveti.ru>viewtopic.php?f=7&t=1275/](http://www.nugnie-soveti.ru/viewtopic.php?f=7&t=1275/) (дата обращения: 29.09.12).
222. Смагина В.И. ТНК: основные источники сверхприбыли. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки, - 2009. - № 12 (80). - С. 44-47.
223. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. – М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. - с. 657.
224. Сорокин А.В. Теория общественного богатства. Категории модели. Учебное пособие. - М.: МАКС Пресс, МГУ им. М.В. Ломоносова. Экономический факультет, 2011. – 128 с.
225. Сочинения ДАВИДА РИКАРДО (в 3-х томах). Начала политической экономии и налогового обложения. Московский либертариум. [Электронный ресурс]. - **Url:** [http://www.libertarium.ru>lib_ricardo_reader/](http://www.libertarium.ru/lib_ricardo_reader/) (дата обращения: 30.12.12).
226. Сытник А.А. Использование ренты в качестве источника инновационного развития. В сб. Макроэкономические аспекты рентоориентированного поведения. Под. ред. проф. Федоровой Ю.В. - Саратов: Изд-во СГСЭУ, 2009. С. 76-84.
227. Сучкова М.А. Актуальные вопросы развития налоговой системы России. // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2009. - № 2. – С. 130 – 132.
228. Теория дифференциальной ренты и ее развитие. // Зеленая энергия - популярно об экологии, химии, технологиях. 15.06.2011. [Электронный ресурс]. **Url:** [http://www.b-energy.ru>...lekcii...teoriya-differencialnoi-renty.../](http://www.b-energy.ru/...lekcii...teoriya-differencialnoi-renty.../) (дата обращения: 27.09.2012).
229. Титова Г. Миссия России. // Экономическая демократия. [Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.economicdemocracy.ru>rent/mission03.php/> (дата обращения: 24.09.12.)

230. Токарев А.Н. Возможности перехода нефтяной промышленности России на траекторию инновационного развития. // Сибирская финансовая школа. - 2011. - № 2. - С. 167-174.
231. Толстых Т.Н. Чернышова О.Н. Специфика рентных отношений на рынке земли. // Социально-экономические явления и процессы. – 2008. - № 2 (010). - С. 79-87.
232. Торбин В.И. Территориальная дифференциация цен в тяжелой промышленности. – М.: Экономика, 1974. - 215 с.
233. Тоскунина В.Э. Программно-функциональный подход к освоению нефтегазовых ресурсов новых регионов: автореф дисс. ...док. эк. наук. - СПб.: СПГГИ им. Г.В. Плеханова, - 2007. – 45с.
234. Транспорт и нефть: Добыча. [Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.kir.kotin.net/category/DOBYCHA-NEFTI/> (дата обращения: 29.09.12).
235. Тропко Л.А. О природно-ресурсных платежах в недропользовании. // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. - 2001. - №3. - С.43-45.
236. Фадлалла А.Р. Инновационный подход к исчислению и распределению природной ренты (на примере нефтяного комплекса РФ): автореф. дисс. ...канд. экон. наук. - М.: МГИУ, 2012. - 37 с.
237. Фадлалла А.Р. Инновационный подход к исчислению и распределению природной ренты (на примере нефтяного комплекса РФ): дисс. ...канд. экон. наук. - М.: МГИУ, 2012. - 209 с.
238. Фрезен И.И. Рейник Н.А. Рента в механизме создания и распределения доходов. // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал) Mining informational and analytical bulletin (scientific and technical journal). - 2003. - № 8. - С.240-243.
239. Хазанов Л.Г. Принципы и механизмы налогового регулирования недропользования. // Горный информационно-аналитический бюллетень

- (научно-технический журнал) Mining informational and analytical bulletin (scientific and technical journal). - 2004. - № 11. - С. 115-123.
240. Хазанов Л.Г. Эволюция теории горной ренты. // Горный информационно-аналитический бюллетень. (научно-технический журнал) Mining informational and analytical bulletin (scientific and technical journal). - 2005. - № 11, - С.333-343.
241. Хлопцов Д.М. Земельный вопрос в экономической теории: рента и её понимание в современных условиях. // Вестник Томского государственного университета. - 2009. - № 323. - С. 307-311.
242. Ходырев П.М. Правовая природа платы за пользование недрами в целях добычи полезных ископаемых. // Вестник удмуртского университета. – 2008. - №1. - С. 164-168.
243. Цветков В.А. Иллюзия благополучия сырьевой экономики. Экономика региона. - 2007. - №3 (11). - С. 32-51.
244. Цветков В.Я. Современная трактовка понятия рента. // Современные наукоемкие технологии. 2008, №1. **URL:** http://www.rae.ru/snt/?section=content&op=show_article&article_id=2891/ (дата обращения: 11.09.2012).
245. Цена земли. [Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.niceeconomic.ru/mecos-339-1.html/> (дата обращения: 06.10.12).
246. Цены и экономическое стимулирование рационального использования природных ресурсов. Сб. научн. тр. НИИ по ценообразованию. Под ред. Шкатова В.К. - М.: НИИ по ценообразованию, 1979. - 212с.
247. Цукерман В.А. Состояние и перспективы рационального природопользования и инновационно-технологического развития экономики Арктики. // Экология промышленного производства. - 2007. - № 4. - С. 74-80.
248. Челышков С.Е. Налогообложение организаций газодобывающей промышленности: дисс. ...канд. эк. наук. - М.: Финансовая академия при Правительстве Российской Федерации, 2005. - 153 с.

249. Черковец В.Н. Шумпетер и трудовая парадигма. // Экономический портал. Стратегии. [Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.institutiones.com>strategies/207-2008-06-17-10-51.../> (дата обращения: 09.12.2012).
250. Черное золото как индикатор мировой экономики. // InstaForex [Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.instaforex.com/ru/oil1.php/> (дата обращения: 29.09.12).
251. Чернявский С., Моргунов Е. Собственность как экономическая категория. // Экономика и управление: проблемы, решения. - 2013. - № 3(15). - С. 34 - 40.
252. Чернявский С.В. Совершенствование механизма распределения чистого дохода, независимого от деятельности хозяйственных органов: автореф. дисс. ...канд. эк. наук. – М.: МИУ им. С. Орджоникидзе, 1984. – 18 с.
253. Чернявский С.В. Совершенствование механизма распределения чистого дохода, независимого от деятельности хозяйственных органов: дисс. ...канд. эк. наук. – М.: МИУ им. С. Орджоникидзе, 1984. – 195 с.
254. Шамсутдинова М.Р., Лосева М.А. Развитие экономики регионов в условиях истощения природных ресурсов. // Экономика и управление: проблемы и решения. – 2012. - №12. – С. 78 - 82.
255. Шарифуллина А. Ф. Соглашение о разделе продукции. (Понятие, заключение, реализация): автореф. дисс. ...канд. юр. наук. - М.: МГЮА, 2000. – 27с.
256. Щемелинин С.А. Инфраструктурная рента и экономические условия ее образования в электроэнергетике.// Вестник ОрелГИЭТ.- 2011. - №2(16). - С. 96-100.
257. Щипанов Э.Ю. Рентные доходы: сущность и проблемы интерпретации. // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. – 2011. - № 1. - С.254-259.
258. Экологическая Безопасность. No 01(07) 1997 г. [Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.pressa.spb.ru>newspapers/ekolog/arts/ekolog...art..../> (дата обращения: 30.12.2012).

259. Экономические проблемы оптимизации природопользования. Под. ред. Федоренко Н.П. - М.: Наука, 1973. – 157с.
260. Экономическая теория: экспресс-курс. Под ред. А.Г. Грязновой, Н.Н. Думной и А.Ю. Юданова. - М.: Кнорус, 2005. - 608 с.
261. Эпоха дешевой нефти закончилась. [Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.stockinfocus.ru/2012/05/03/epoxa-deshevoj-nefti-zakonchilas/> (дата обращения: 29.09.12).
262. Эпштейн А.С. Изъятие ренты как фактор создания равных условий конкуренции. В сб. Рентная экономическая политика государства в стратегии экономического развития. с. 48 – 50. [Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.council.gov.ru/media/files/41d44f24356864f1fff7.pdf/> (дата обращения: 26.11.13).
263. Юмаев М.М. Горная рента: распределение налоговой нагрузки между добычей и переработкой. // Государственный университет Минфина России. Финансовый журнал. - 2011. - № 2. - С. 65-76.
264. Юткина Т. Налоги и налогообложение. - М.: ИНФРА-М, 1998, - 429 с.
265. Язев В.А. Государство и бизнес: Основы социально-рыночного партнерства в ТЭК. - М.: Наука, 2004. - 238 с.
266. Яковец Ю.В. Взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: осевая проблема XXI века. - М.: МФК, 2001. - 68 с.
267. Яковец Ю.В. Теоретические основы и методика построения расчетных цен. – М.: Наука, 1969. - 168 с.

Приложение 1

Таблица 1

Фактическое исполнение доходов федерального бюджета за 9 месяцев 2011 - 2013 годов

млн. рублей

Наименование	9 месяцев 2011 года	9 месяцев 2012 года	9 месяцев 2013 года
1	2	3	4
ВВП, млрд. рублей	39 919,2	45 164,7	48 766,2
Цена на нефть марки «Юралс», долл. США/барр.	109,5	110,9	107,7
Цена на газ природный, долл. США/тыс.куб.м.	321,3	350,6	345,1
Курс доллара США к рублю	28,8	31,1	31,6
Объем экспорта (по кругу товаров, учитываемых ФТС России), млрд. долл.США	374,7	386,8	384,7
Объем импорта (по кругу товаров, учитываемых ФТС России), млрд. долл.США	220,8	225,8	231,5
ДОХОДЫ	8 213 020,0	9 385 360,7	9 604 470,0
<i>в % к ВВП</i>	<i>20,6</i>	<i>20,8</i>	<i>19,7</i>
НЕФТЕГАЗОВЫЕ ДОХОДЫ	3 989 915,6	4 739 651,4	4 774 166,6
<i>в % к ВВП</i>	<i>10,0</i>	<i>10,5</i>	<i>9,8</i>
НДПИ на нефть	1 333 650,3	1 598 756,8	1 621 932,4
НДПИ на газ горючий природный	101 749,9	189 711,4	223 481,0
НДПИ на газовый конденсат	5 589,3	7 395,7	9 650,9
Вывозные таможенные пошлины на нефть сырую	1 642 841,4	1 836 328,4	1 715 530,7
Вывозные таможенные пошлины на газ природный	270 322,9	326 039,1	341 994,7
Вывозные таможенные пошлины на товары, выработанные из нефти	635 761,8	781 420,0	861 576,9
НЕНЕФТЕГАЗОВЫЕ ДОХОДЫ	4 223 104,4	4 645 709,3	4 830 303,4
<i>в % к ВВП</i>	<i>10,6</i>	<i>10,3</i>	<i>9,9</i>
Налог на прибыль организаций	260 836,6	286 419,4	259 427,5
Налог на добавленную стоимость	2 397 568,2	2 644 242,0	2 616 403,0
<i>НДС на товары, реализуемые на территории РФ</i>	<i>1 340 840,3</i>	<i>1 438 165,9</i>	<i>1 406 368,3</i>
<i>НДС на товары, ввозимые на территорию РФ</i>	<i>1 056 727,9</i>	<i>1 206 076,1</i>	<i>1 210 034,7</i>
Акцизы	201 881,1	283 818,9	376 496,7
Ввозные таможенные пошлины	480 492,2	547 109,9	507 333,9
Прочие нефтегазовые доходы	882 326,3	884 119,1	1 070 642,3
<i>Разовые платежи за пользование недрами</i>	<i>38 602,0</i>	<i>24 152,5</i>	<i>155 984,1</i>

Наименование	9 месяцев 2011 года	9 месяцев 2012 года	9 месяцев 2013 года
1	2	3	4
<i>Доходы от перечисления части прибыли Банка России</i>	<i>153 069,6</i>	<i>16 301,5</i>	<i>73 130,3</i>
<i>Прочие доходы</i>	<i>690 654,7</i>	<i>843 665,1</i>	<i>841 527,9</i>

Источник таблицы 1: Пояснительная записка к отчету об исполнении федерального бюджета за 9 месяцев 201 года. Министерство финансов РФ. Официальный сайт. [Электронный ресурс]. **Url:** http://www1.minfin.ru/ru/budget/federal_budget/ (дата обращения: 06.02.14).

Таблица 2

Доходы бюджета расширенного правительства Российской Федерации в 2006 – 2012 гг. (% ВВП)

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Доходы всего	39,48	40,21	39,17	35,04	34,62	37,38	37,44
Налоговые доходы и платежи	35,99	36,49	36,04	30,88	31,12	34,50	34,60
в том числе							
Налог на прибыль организаций	6,21	6,53	6,09	3,26	3,83	4,07	3,76
Налог на доходы физических лиц	3,46	3,81	4,04	4,29	3,87	3,58	3,61
Налог на добавленную стоимость	5,61	6,80	5,17	5,28	5,40	5,83	5,66
Акцизы	1,01	0,95	0,85	0,89	1,02	1,17	1,34
Таможенные пошлины	8,38	7,06	8,51	6,52	6,74	8,16	8,02
Налог на добычу полезных ископаемых	4,32	3,60	4,14	2,72	3,04	3,66	3,92
Единый социальный налог и страховые взносы	5,35	5,96	5,52	5,93	5,35	6,32	6,56
Прочие налоги и сборы*	1,65	1,78	1,72	1,99	1,87	1,86	1,73

* - налоги на совокупный доход, налоги на имущество, платежи за пользование природными ресурсами (за исключением НДС).

Таблица 3

Доходы бюджета расширенного правительства от налогообложения добычи нефти и экспорта нефти и нефтепродуктов в 2006 – 2012 гг. (% ВВП)

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Налоговые доходы и платежи	35,99	36,49	36,04	30,88	31,12	34,50	34,60
Доходы от налогов и пошлин, связанных с обложением нефти, газа и нефтепродуктов	11,61	9,27	11,17	8,19	8,64	10,78	11,08
из них:							
НДС на нефть	3,86	3,22	3,81	2,41	2,74	3,31	3,41
НДС на газ	0,36	0,29	0,24	0,21	0,20	0,26	0,43
Акцизы на нефтепродукты	0,48	0,40	0,34	0,38	0,37	0,51	0,58
Вывозные таможенные пошлины на нефть	4,47	3,46	4,32	3,10	3,61	4,18	3,98
Вывозные таможенные пошлины на газ	1,28	0,91	1,19	1,12	0,42	0,69	0,69
Вывозные таможенные пошлины на нефтепродукты	1,17	0,99	1,27	0,98	1,30	1,68	1,81
Таможенная пошлина (при вывозе из РБ за пределы ТС союза нефти сырой и отдельных категорий товаров, выработанных из нефти)	0	0	0	0	0	0,16	0,19
Доходы от налогов и прочих платежей, не связанных с обложением нефти, газа и нефтепродуктов	24,38	27,21	24,87	22,69	22,48	23,72	23,52

Источник таблиц 2 и 3: Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов. [Электронный ресурс].
Url: http://www.minfin.ru/common/img...2013/06/ONNP_2013-06-05.pdf/ (дата обращения: 28.01.14).

Таблица 4

Динамика доходов федерального бюджета

млрд. рублей

Показатель	2013*	Проект		
		2014	2015	2016
Доходы, всего	12 898,1	13 570,5	14 564,9	15 905,7
%% к ВВП	19,1	18,5	18,3	18,3
в том числе:				
Нефтегазовые доходы	6 452,2	6 528,1	6 818,6	6 843,1
%% к ВВП	9,5	8,9	8,6	7,9
Ненефтегазовые доходы	6 445,9	7 042,4	7 746,3	9 062,6
%% к ВВП	9,6	9,6	9,7	10,4
Темпы прироста доходов к предыдущему году, %	0,3	5,2	7,3	9,2
в том числе:				
Нефтегазовые доходы	0,0	1,2	4,4	0,4
Ненефтегазовые доходы	0,7	9,3	10,0	17,0
Доля в общем объеме доходов, %	100,0	100,0	100,0	100,0
в том числе:				
Нефтегазовые доходы	50,0	48,1	46,8	43,0
Ненефтегазовые доходы	50,0	51,9	53,2	57,0

*2013 год – оценка.

Источник таблицы 4. Основные направления бюджетной политики на 2014 год и плановый период 2015 и 2016 годов. [Электронный ресурс]. **Url:** [http://www.asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(ViewDoc\)?OpenAgent&work/dz.nsf/](http://www.asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(ViewDoc)?OpenAgent&work/dz.nsf/) (дата обращения: 06.02.14).

Объем нефтегазовых доходов федерального бюджета и зависимость динамики их поступлений от цен на нефть и курса рубля

Показатели	Утверждено Законом о федеральном бюджете на 2011—2013 гг. и Основными направлениями бюджетной политики на 2011—2013 гг.			Обновленный (декабрь 2010 г.) прогноз социально-экономического развития России на 2011—2013 гг.		
	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.
<i>Основные параметры (сценарные условия) используемые для расчета нефтегазовых доходов бюджета:</i>						
— цена на нефть Urals (среднегодов., долл. за баррель)	75	78	79	81	83	84
— цена на газ (дальнее заруб., долл. за тыс. м. куб.)	323	317,9	319,5	310	316	321
— среднегодовой курс (руб. за долл.)	29,3	28,4	27,9	31,3	31,3	31,6
	<i>млрд. руб.</i>					
<i>Нефтегазовые доходы федерального бюджета, млрд. руб.</i>	4003,0	4088,1	4295,0	4641,5	4891,2	5152,8
в том числе, дополнительные доходы к предусмотренному Законом о бюджете уровню, млрд. руб.	—	—	—	638,5	803,1	957,8
<i>Увеличение/снижение поступления нефтегазовых доходов при:</i>						
— увеличении/снижении цены барреля нефти Urals на 1 доллар	60,6	60,1	60,4	64,8	66,1	68,3
— увеличении/снижении курса доллара на 1 рубль	131,7	140,8	147,1	143,6	151,3	157,8

¹ Нефтегазовые доходы бюджета.//Блог института комплексных стратегических исследований (ИКСИ). 22.03.11. [Электронный ресурс]. **Url:** <http://icss.ac.ru/blog/oil-and-gas-revenues-of-the-budget/> (дата обращения: 28.01.14).

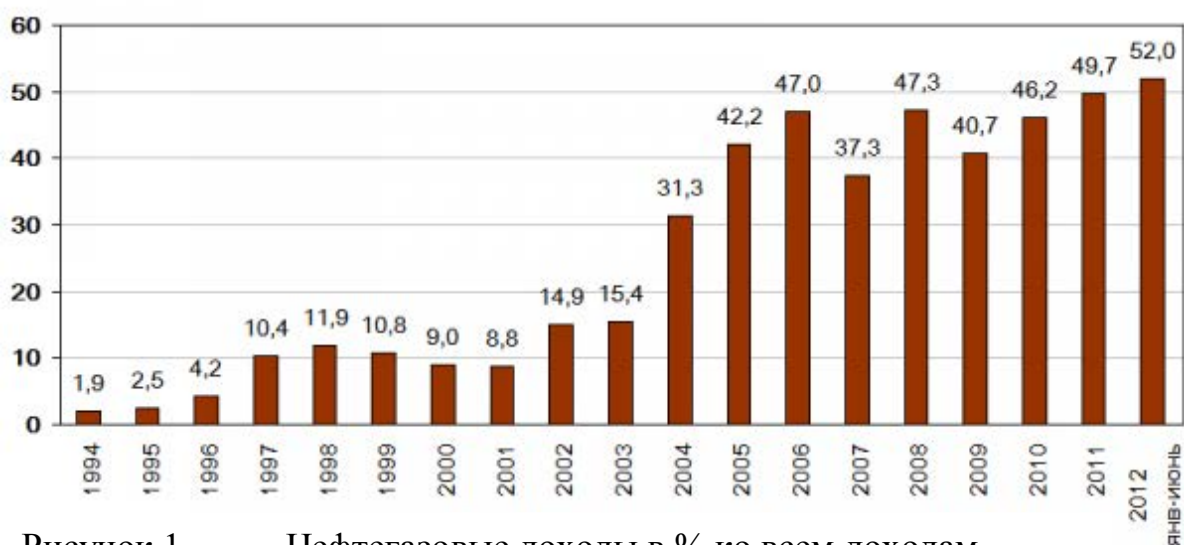

Рисунок 1. Нефтегазовые доходы в % ко всем доходам федерального бюджета.

Источник: Илларионов А. Нефтегазовые доходы превысили половину всех доходов Федерального бюджета. [Электронный ресурс]. Url: <http://www.aillarionov.livejournal.com/452863.html/> (дата обращения: 28.01.14).

Таблица 6

Доходы федерального бюджета, млрд. руб.

	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Доходы, всего	8 305,4	11 068,6	11 779,9	12 705,9	14 091,8
в том числе:					
Нефтегазовые доходы	3 830,7	5 462,0	5 574,9	5 645,8	6 127,2
НДПИ	1 361,3	1 946,1	2 066,7	2 177,5	2 388,9
Таможенные пошлины	2 469,4	3 515,0	3 508,2	3 468,3	3 738,3
Ненефтегазовые доходы	4 474,7	5 606,6	6 205,0	7 060,1	7 964,6
в том числе:					
НДС	2 498,2	3 245,8	3 688,8	4 183,9	4 745,2
Налог на прибыль организаций	255,0	338,8	371,9	392,4	416,5
Акцизы	143,9	270,4	403,8	591,5	772,5
НДПИ	15,4	17,4	20,7	28,0	35,9
Таможенные пошлины	626,2	835,1	865,0	976,9	1 106,7
Прочие доходы	936,0	899,1	854,8	887,4	887,8

Примечание: 2010 год – факт, 2011 год – оценка, 2012—2014 годы – прогноз.

Нефтегазовые доходы федерального бюджета, млрд. руб.

	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
НДПИ при добыче нефти	1 799,63	1 779,65	1 826,23	2 003,27
НДПИ при добыче природного газа	138,20	275,84	339,46	372,87
НДПИ при добыче газового конденсата	8,21	11,18	11,80	12,80
Вывозные таможенные пошлины на нефть	2 211,36	2 088,65	2 034,57	2 191,12
Вывозные таможенные пошлины на газ	394,10	485,84	534,46	593,11
Вывозные таможенные пошлины на нефтепродукты	910,47	933,70	899,30	954,06
Итого	5 461,96	5 574,87	5 645,82	6 127,22

Примечание: 2010 год – факт, 2011 год – оценка, 2012—2014 годы – прогноз.

Источник табл. 3 и табл. 4: Бюджет - 2012: насос для нефтедолларов./ Нефтегазовая вертикаль. №2. – 2012 [Электронный ресурс]. **Url:** <http://www.NGV.ru/upload/iblock/721/721f9cff93070757d10a770ac5541c59.pdf/> (дата обращения: 28.01.14).

Приложение 2

Таблица 1²

НДПИ и таможенные пошлины по ОАО «Газпром»

Год	НДПИ млрд. руб.	Эксп. пошлина млрд. руб.	Разность гр. 3–гр.2 млрд руб	Отношение, гр.2/гр.3, %
1	2	3	4	5
2008	188 494	461 740	273 246	40,82
2009	144 908	344 213	199 305	42,10
2010	175 789	302 296	126 507	58,15
2011	265 742	382 406	116 664	69,49
2012	413 181	434 796	21 615	95,03

² Отчет руководства ОАО «ГАЗПРОМ» за 2009г. [Электронный ресурс]. - **Url:** http://www.gazprom.ru/f/posts/28/135151/2010_04_29_gp_mgt_report_rus_final.pdf/(дата обращения: 02.02.14); Отчет руководства ОАО «ГАЗПРОМ» за 2011г. [Электронный ресурс]. - **Url:** <http://www.gazprom.ru/f/posts/30/035480/gazprom-ifrs-management-report-ru.pdf/> (дата обращения: 02.02.14); Отчет руководства ОАО «ГАЗПРОМ» за 2012г. [Электронный ресурс]. - **Url:** <http://www.gazprom.ru/f/posts/23/990527/2012-mgt-report-ru.pdf/> (дата обращения: 02.02.14).

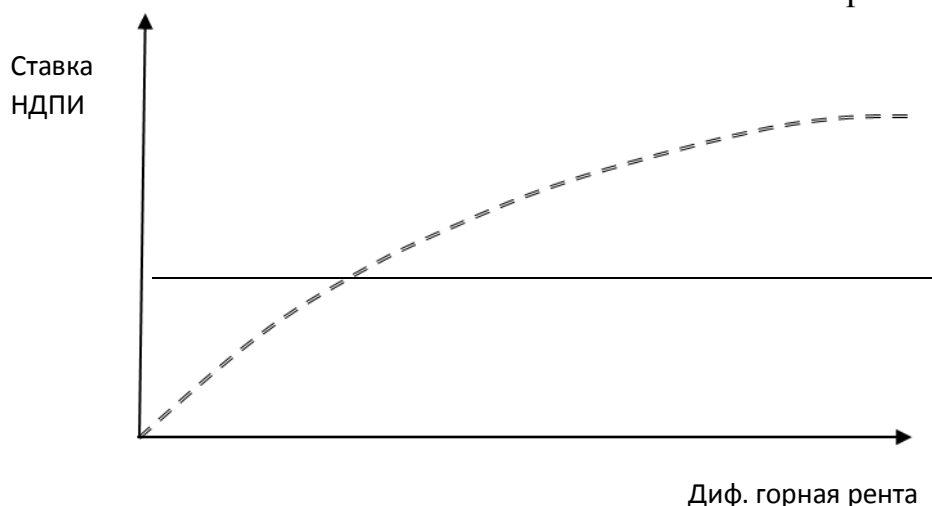

Рисунок 1. Ставка НДС и величина горной ренты

Таблица 1³

Расчетные размеры нефтегазового сектора и природной ренты в цене нефти и газа (% ВВП)

	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009
Добавленная стоимость											
нефтяная отрасль	11,8	16,8	13,2	13,1	14,1	15,0	17,6	16,5	14,1	15,2	11,7
газовая отрасль	8,0	8,0	7,3	6,4	6,8	5,7	6,0	6,0	4,9	5,9	5,3
НГК, всего	19,8	24,7	20,5	19,5	20,9	20,7	23,6	22,6	19,0	21,1	17,1
Природная рента в стоимости продукции											
нефтяная отрасль	6,7	11,7	8,5	8,2	8,8	9,7	12,2	12,1	10,0	11,6	7,5
газовая отрасль	6,1	6,2	4,9	4,1	4,6	3,8	3,7	4,1	3,1	4,3	3,4
НГК, всего	12,8	17,8	13,3	12,3	13,4	13,5	15,8	16,2	13,1	15,8	10,8
Природная рента, изымаемая в бюджет											
нефтяная отрасль	0,8	1,9	2,6	3,5	3,9	5,1	8,6	9,5	7,7	9,4	6,5
газовая отрасль	1,5	1,5	1,9	1,6	1,5	1,6	1,5	1,6	1,2	1,4	1,3
НГК, всего	2,3	3,5	4,4	5,2	5,5	6,7	10,2	11,1	8,9	10,8	7,8
Доля природной ренты, изымаемой в бюджет											
нефтяная отрасль	12,2	16,6	30,2	43,5	45,0	52,3	71,1	79,0	77,2	81,0	86,6
газовая отрасль	24,3	24,9	38,8	40,1	32,9	43,1	41,1	39,2	37,7	32,9	38,4
НГК, всего	18,0	19,5	33,4	42,4	40,9	49,7	64,1	68,9	67,7	68,0	71,6

³ Гурвич Е. Нефтегазовая рента в российской экономике. Вопросы экономики. 2010. - № 11. [Электронный ресурс]. - Url: <http://www.eeg.ru/files/renta2010.pdf/> (дата обращения: 03.02.14).

Затраты на добычу углеводородов
и выплаченные суммы НДС по компании «Роснефть»

Год	Затраты на добычу млрд. руб.	НДС млрд. руб.	Разность гр. 3–гр.2 млрд. руб.	Отношение, гр.2/гр.3, %	Средние за квартал затраты на добычу млрд. руб.	Средний за квартал НДС млрд. руб.	Разность гр.7–гр.6 млрд. руб.
1	2	3	4	5	6	7	8
2010	559	274	-285	204	140	69	-71
2011	718	414	-304	173	180	104	-76
2012	854	527	-327	162	214	132	-82
2013 (9 мес)	1002	596	-406	168	334	199	-135

⁴ ОАО «Нефтяная компания «Роснефть». Консолидированная финансовая отчетность. 31 декабря 2011г. [Электронный ресурс]. - **Url:** http://www.rosneft.ru/attach/0/03/08/Rosneft_IFRS_2011_RUS.PDF/ (дата обращения: 02.02.14); ОАО «НК«Роснефть». Консолидированная финансовая отчетность за 2012г. [Электронный ресурс]. - **Url:** http://www.rosneft.ru/attach/0/02/90/Rosneft_FS_2012_RUS.pdf/ (дата обращения: 02.02.14); Промежуточная сокращенная консолидированная финансовая отчетность за 9 месяцев 2013г. [Электронный ресурс]. - **Url:** http://www.rosneft.ru/attach/0/02/90/Rosneft_IFRS_3Q_2013_RUS.pdf/ (дата обращения: 02.02.14),

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Закон № 2-ОЗ от 08.01.2004 г.

О предоставлении дополнительных налоговых льгот организациям, осуществляющим работы по геологическому изучению участков недр на территории Томской области

(наименование Закона в редакции Закона Томской области от 10.08.2004 г. № 127-ОЗ)

Утратил силу в соответствии со статьей 1 Закона Томской области от 29.11.2007 г. № 257-ОЗ.

Действие Закона продлено на 2006 год в соответствии со ст. 12 Закона Томской области от 30.12.2005 г. № 252-ОЗ.

(ИЗМЕНЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ:

Закон Томской области от 10.08.2004 г. № 127-ОЗ;

Закон Томской области от 14.10.2004 г. № 218-ОЗ - в редакции Закона Томской области от 29.11.2007 г. № 257-ОЗ)

Настоящий Закон разработан в соответствии с **Налоговым кодексом** Российской Федерации, **Бюджетным Кодексом** Российской Федерации, **Уставом (Основным Законом)** Томской области, Законом Томской области «Об утверждении Программы социально-экономического развития Томской области до 2005 г.».

Статья 1. Сфера действия Закона

Действие настоящего Закона распространяется на отношения, связанные с предоставлением дополнительных льгот по налогу на прибыль организациям, осуществляющим деятельность по добыче полезных ископаемых.

Настоящий Закон определяет порядок и условия предоставления дополнительных льгот по налогу на прибыль, в части зачисляемой в областной бюджет, права и обязанности участников правоотношений в указанной сфере.

Статья 2. Порядок и условия предоставления льгот по налогу на прибыль

⁵ Закон № 2-ОЗ от 08.01.2004 г. Нормативные правовые акты Российской Федерации. Мипиистерство юстиции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. - **Url: [http:// www.zakon.scli.ru/ru/legal_texts/legislation_RF/printable.php?do4...](http://www.zakon.scli.ru/ru/legal_texts/legislation_RF/printable.php?do4.../)** (дата обращения: 04.02.14).

1. Установленные настоящим Законом налоговые льготы предоставляются организациям, осуществляющим добычу полезных ископаемых, которые несут затраты по выполнению самостоятельно и (или) с привлечением иных организаций работ по геологическому изучению участков недр на территории Томской области.

(абзац в редакции Закона Томской области от 10.08.2004 г. № 127-ОЗ)

Под организациями в настоящем Законе понимаются российские организации, а также иностранные организации, осуществляющие деятельность на территории Российской Федерации через постоянное представительство.

2. В отношении организаций, указанных в части 1 настоящей статьи, устанавливается ставка налога на прибыль организаций, подлежащего уплате в областной бюджет, в размере 13,5 процентов. Указанная ставка налога применяется этими организациями для определения суммы налога на прибыль, подлежащего уплате по итогам соответствующего налогового (отчетного) периода.

Организации, отвечающие определенным в части 1 настоящей статьи требованиям и имеющие обособленные подразделения на территории Томской области, имеют право применять ставку налога на прибыль организаций в части, подлежащей уплате в областной бюджет, в размере 13,5 процентов в отношении доли прибыли, приходящейся на эти обособленные подразделения.

(ч. 2 в редакции Закона Томской области от 14.10.2004 г. № 218-ОЗ)

3. По итогам налогового (отчетного) периода общий (совокупный) размер налоговой льготы, получаемой организацией в рамках настоящего Закона, не может превышать общего объема затрат организации на проведение работ по геологическому изучению участков недр. В случае превышения льгота предоставляется в пределах суммы общего объема указанных затрат организации.

(абзац в редакции Закона Томской области от 10.08.2004 г. № 127-ОЗ)

Расчет данных показателей осуществляется налогоплательщиками по итогам отчетного (налогового) периода нарастающим итогом с начала года.

(абзац в редакции Закона Томской области от 10.08.2004 г. № 127-ОЗ)

Под затратами организации на проведение работ по геологическому изучению участков недр понимаются обоснованные и документально подтвержденные затраты, осуществленные налогоплательщиком. Под обоснованными понимаются затраты налогоплательщика, отраженные в соответствующем Проекте (Программе) работ по геологическому изучению участков недр на соответствующий финансовый год, утвержденном руководителем организации.

(абзац в редакции Закона Томской области от 10.08.2004 г. № 127-ОЗ)

Для целей настоящего Закона сумма затрат организации на проведение работ по геологическому изучению участков недр определяется с учетом налога на добавленную стоимость.

(абзац в редакции Закона Томской области от 10.08.2004 г. № 127-ОЗ)

4. Организация для подтверждения использования налоговой льготы, установленной настоящим Законом, по итогам налогового (отчетного) периода представляет в налоговый орган по месту постановки на налоговый учет одновременно с налоговой декларацией и расчетом заявленной льготы по налогу на прибыль следующие документы:

1) копию Проекта (Программы) работ по геологическому изучению участков недр на соответствующий финансовый год (предоставляется только по итогам налогового и отчетного периода, а также в случае внесения изменений или дополнений в Проект (Программу));

(абзац в редакции Закона Томской области от 10.08.2004 г. № 127-ОЗ)

2) копии разрешений (лицензий), необходимых в соответствии с федеральным законодательством и законодательством Томской области организации и (или) привлеченным организациям, на право осуществления деятельности в рамках работ по геологическому изучению участков недр (предоставляются только по итогам налогового и отчетного периода);

(абзац в редакции Закона Томской области от 10.08.2004 г. № 127-ОЗ)

3) при проведении работ по геологическому изучению участков недр силами сторонних организаций предоставляются:

(абзац в редакции Закона Томской области от 10.08.2004 г. № 127-ОЗ)

копии договоров на проведение работ (оказание услуг) по геологическому изучению участков недр с подрядными организациями по выполнению вышеуказанного Проекта (Программы);

(абзац в редакции Закона Томской области от 10.08.2004 г. № 127-ОЗ)

копии актов приемки - передачи выполненных работ (услуг), подтверждающих выполнение работ (оказание услуг) в соответствующем налоговом (отчетном) периоде.

При проведении работ по геологическому изучению участков недр самостоятельно предоставляются копии смет расходов и документов, подтверждающих объемы фактически выполненных работ за налоговый (отчетный) период.

(абзац в редакции Закона Томской области от 10.08.2004 г. № 127-ОЗ)

Объемы выполненных работ, перечисленных в настоящей части, исчисляются нарастающим итогом с начала года.

Статья 3. Вступление в силу настоящего Закона

Настоящий Закон вступает в силу со дня его официального опубликования и применяется к правоотношениям, возникшим с 1 января 2004 года.

Глава Администрации

(Губернатор)

Томской области

В.М.Кресс